Митрополит
Санкт-Петербургский и Ладожский
ИОАНН

МИТРОПОЛИТ МАНУИЛ (ЛЕМЕШЕВСКИЙ)

Биографический очерк

Санкт-Петербург

1993 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Биографический очерк о приснопамятном Митрополите МАНУИЛЕ написан спустя год после его кончины.

Написан он на основании достоверных источников как устных, так и письменных. В качестве биографического материала автором были использованы оставшиеся от усопшего святителя его записи дневника, письма к родным и разным лицам, послания, литературные труды и разные заметки на очень маленьких листочках. Кроме письменных источников, автор, как много лет живший с Митрополитом, использовал и свои личные воспоминания о приснопамятном и воспоминания близко знавших его лиц.

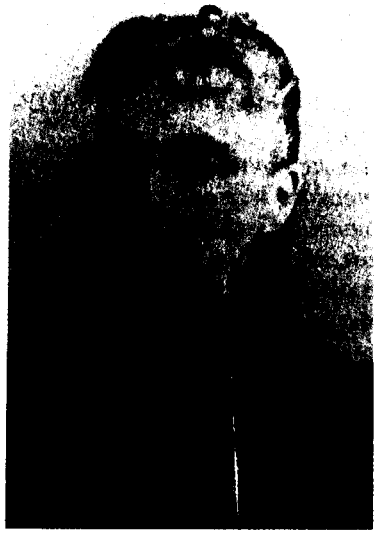
Необходимо предупредить читателя, что автор не имел в виду осветить жизнь Митрополита МАНУИЛА до мельчайших ее подробностей. Он ограничился основными и наиболее характерными вехами его жизни и деятельности на ниве Божией. Вследствие этого многие детали жизни святителя опущены совершенно.

Автор надеется, что его труд и в том объему, в каком он написан, вполне удовлетворит читателя и доставит ему интерес познания о жизни и деятельности приснопамятного Митрополита МАНУИЛА.

Автор

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО И ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

(1884—1903 гг.)



Вера Ивановна (мать)

Митрополит МАНУИЛ (в миру Виктор Викторович Лемешевский) родился 18 апреля (1 мая н. ст.) 1884 года в г. Луге, тогдашней С.-Петербургской губернии.

Его предки, из которых известны, как родоначальники, Николай, Василий и Григорий, проживали в с. Лемешевичи, Минской губернии, Лемешевской волости, Пинского уезда в 20 км от города Пинска.

Сама фамилия Лемешевский получила свое название от села Лемешева, существующего и в настоящее время.

Предки принадлежали к потомственному дворянскому роду и отличались религиозностью. В 1564 году они построили в своем селе каменный храм во имя Св. ТРОИЦЫ. А когда он сгорел, то по обещанию построили новую церковь во имя РОЖДЕСТВА БОЖИЕЙ МАТЕРИ*.

Отец святителя Виктор Густавович (род. 26 мая 1849 года) был выходцем из этой местности. Он занимал скромное положение в мире. По чину он был коллежским советником, а по должности — податным инспектором (финансовым работником).

Виктор Густавович остался вдовым от первого брака и искал себе подругу жизни.

Мать Владыки Вера Ивановна (род. 27 апреля 1855 года) — дочь известного литератора И. Д. Гарусова. Она получила среднее образование и еще до замужества и после занимала должность начальницы женской прогимназии в г. Луге.

В Луге же она познакомилась с вдовым Виктором Густавовичем и в своих решениях о браке с ним почему-то имела колебание. Но однажды Вера Ивановна встретила цыганку, которая и сказала ей, что она выйдет замуж за вдового. Это положило конец всяким ее

* Письмо к духовному сыну от 26 окт. 1956 года.

Семья Лемешевских; слева направо: Виктор, Николай, Вера, Владимир, мать, Георгий, отец, Андрей, Мария, Павел (1902 г.)

колебаниям, и в 1881 году 19 июля ст. ст. она вступила в брак с Виктором Густавовичем*.

Оба они отличались глубокою верою и благочестием. До рождения Виктора они имели двоих детей: сына Георгия и дочь Веру. Виктор был третьим. Всего же детей у них было 9: семь сыновей и две дочери. Старшим был Георгий, затем Вера, Виктор, Мария, Николай, Владимир, Павел, Андрей и Сергей**.

Восприемниками Виктора при крещении были Петр Т... и София Бильдерминг.

В 1886 году Виктор Густавович и Вера Ивановна со всем своим семейством переехали из Луги в Тукум, что недалеко от Риги в Курляндской губернии, а в 1890 году — в Либаву (ныне Лепайя Латвийской ССР).

Детство свое Виктор провел в доме своих родителей.

Нравом он отличался спокойным и тихим, но временами на него, как он сам отмечал в своих записках, нападали приступы жестокости

* Памятослов Еп. Мануила. Соловки, 1926 г., стр. 65.

** Примечание: Георгий был мичманом, погиб 15 мая 1905 года в Цусиме на броненосце «Паворин». Николай погиб на австрийском фронте 7 марта 1915 года. Павел умер 5 сентября 1948 года в звании капитана 2-го ранга Балтийского флота. Андрей скончался в ссылке в 1942 году. Сергей жил всего только один месяц. Умер 5 июля 1896 г. в день преподобного Сергия. Вера тоже умерла. В живых остались Владимир и Мария.

Виктор гимназист (1902 г.)

и бешенства, и тогда он безжалостно мучил кошек и мышей. Птиц Виктор никогда не трогал. Любил кур и особенно цыплят. И они любили его.

В воспитании отрока Виктора, кроме родителей, принимала большое и непосредственное участие его бабушка София Гарусова. Между бабушкой и внуком царила неподдельная любовь и привязанность. Если возникало какое-либо горе у Виктора, он тут же бежал к бабушке и, уткнувшись ей своим личиком в колени, пересказывал бесхитростно о случившемся. Горе быстро исчезало, и отрок радостно возвращался к своим детским забавам.

Однажды в семье случилась большая беда, о которой святитель не один раз вспоминал и рассказывал своей пастве. Отец в январе 1888 года был обвинен в большой растрате государственных денег, и ему грозила тюрьма. Мелкому чиновнику трудно было доказать свою невинность тем более, что настоящий растратчик принадлежал к высшему дворянскому обществу. Надежды на человеческую помощь почти не было. Оставалась единственная защита — БОЖИЯ МАТЕРЬ. К Ней-то с молитвенным воплем и прибегли родители Виктора. Слезно молили они ПРЕЧИСТУЮ не дать восторжествовать злу и защитить их от напрасной клеветы. Был отслужен молебен перед Казанской БОЖИЕЙ МАТЕРЬЮ, что на Сенной*. Молитва не осталась напрасной. Суд состоялся 2 февраля. На суде выступил знаменитый адвокат Плевако. Виновный найден, а оклеветанный оправдан. Отец, взволнованный, возвратился домой. Слезы радости душили его. Отец и мать заплакали. Но это был плач не горести или отчаяния, а плач радования. Так ПРЕЧИСТАЯ отвратила от них опасную беду и еще больше укрепила их в уповании на небесную помощь.

Но едва миновало одно горе, как надвинулось другое — в июле 1893 года внезапно заболела воспалением легких бабушка София. Ее положили в безнадежном состоянии в новую больницу. Внук не удержался от слез. Он горько плакал. Как не хотелось ему расставаться с любимой бабушкой. Виктор часто прибегал в больницу навещать ее. Она тяжело страдала. Больница теперь внушала отроку ужас. И всякий раз, когда он подходил к ней, представлялось ему, что бабушки уже нет в живых или, во всяком случае, не выживет она и скончается. В минуты внутренних переживаний за судьбу бабушки Виктор однажды уединился и, опустившись на колени пред ликом Божиим, как только мог, стал молиться Богу и просить Его исцелить болящую. Слезы, крупные слезы молитвы обильно лились из очей невинного отрока. И детская молитва дошла до Бога. Болезнь бабушки неожиданно и на удивление самих врачей прекратилась и она возвратилась домой*. Виктор и все родные ликовали. Бабушка теперь с ними. Горе осталось позади...

Наступил 1894 год. Виктору исполнилось 10 лет. Родители определили его в Николаевскую классическую гимназию здесь же, в Либаве. Отрок с большим желанием перешагнул порог школы и сел за парту. Пред ним раскрылась новая, еще совершенно неизведанная им область жизни.

Мальчик был впечатлительный. Он на все реагировал быстро и все запоминал. Большое впечатление и переживание оставил в нем приезд в гимназию Рижского епископа Арсения (Брянцева). Это случилось в первый же месяц пребывания Виктора в школе.

Был погожий осенний день. Епископ служил литургию в Свято-Троицкой церкви и обещался после окончания обедни приехать в Николаевскую гимназию. Начальство встревожилось. Несколько старшекурсников побывало за архиерейской службой и доложили, что архиерей очень строгий, суровый и молчаливый. После часа дня всех учеников попросили пройти из классов в актовый зал, где надзиратели расставили всех школьников по классам. С левой стороны от входа выстроился первый класс. В первом ряду среди первоклассников находился и Виктор.

Наконец приготовления к встрече владыки окончены. Наступили минуты томительного ожидания. Но вот раздался звонкий голос швейцара: «Приехали!» Преосвященный вышел из кареты и стал медленно подниматься по главной лестнице в актовый зал. Это был величавый, плотный старец в клобуке и во всех своих регалиях. Он ласково всем кланялся. Его внимание остановилось на учениках первого класса. Владыка подошел к ним вплотную и стал внимательно всматриваться в лица школьников. Его взор неожиданно остановился на Викторе. Он подошел к нему, взял его за подлокотники и стал поднимать. Мальчик оказался выше головы Преосвященного. Подержав его некоторое время в руках, он молча стал тихо опускать его на пол. А затем, улыбнувшись, спросил его:

* Там же, стр. 9.

* Там же, стр. 64.

— А что ты хочешь, малыш, учиться или гулять?

— Хочу погулять,— не обинуясь ответил ученик.

— Отпустите, господин директор, учеников на три дня, обратясь к директору гимназии А. К. Вольсекуту, сказал Владыка. Ученики были отпущены*.

Несколько лет Виктор находился под впечатлением совершившегося. Много думал он над тем, почему архиерей поднял его кверху, но так и не разгадал он тогда эту тайну. И только спустя 29 лет после описанного события, когда Господь возвел его в сан епископа, тайна эта открылась и он ясно вспомнил преосвященного Арсения, который так таинственно и со значением поднял его своими руками вверх**.

Учился Виктор в гимназии прилежно и хорошо. Только вот с обществом он был не в ладах. Оно буквально тяготило его. Это замечало и школьное начальство и родные. В летние дни он часто удалялся на Либавское озеро и там с утра до вечера либо в одиночку, либо с кем-нибудь из родных, отплыв на лодке, предавался разным размышлениям. Но больше всего Виктора пленяло море. Оно влекло его к себе своими чарующими бурями и ветрами. Почти ежедневно он прогуливался по морскому пляжу до маяка и особенно в лунные вечера во время морских ураганов. Морская стихия приподымала его настроение, вносила в его сердце необыкновенный подъем к подвигам и борьбе, пробуждала порывы творчества, закаляла волю и разрыхляла благодатную почву в его душе для будущих свершений***.

Не ускользали от его взора и морские корабли, часто стоявшие у причалов Либавского порта и уходившие в море. Среди них хорошо запомнились ему «Князь Пожарский», «Верный», крейсер «Вестник», «Ринада» и другие...

Да, общество его тяготило. Бывало соберутся все родные за вечерний чай, а Виктора нет. Не любил он пить чай вечером вместе со всеми, и особенно с приходившими гостями****. В гости Виктор тоже избегал ходить. Он предпочитал оставаться дома и наедине писать разные рассказы и т. п. Церковь Виктор любил. Не было случая, чтобы он без особой причины опустил праздничное богослужение.

---

* Мануил митр. «Русские Православные Иерархи периода с 1893 по 1965 гг.». Куйбышев, 1966 г., ч. 1, стр. 309—310.

** Там же, ч. 1, стр. 310.

*** А. М. «Преображение души», стр. 4, 55.

**** Примечание: Постоянными гостями были: Эймонт, Перекрестов Ин. М., Тягин Шура, Ром. Н. Баженов, К. Еф. Сидоров, Вл. Иосиф. Косович, Шарон Бор. Деливрович, Арчибальд Гр., Кейзерлин, Газениэт, Изенбог Серг. Арт. и др.

С большим благоговением смотрел Виктор на архиереев и их благолепное служение. Как-то раз (это было на 3-й или 6-й неделе Великого Поста 1898 года) в школе узнали, что к ним в Либаву приезжает епархиальный архиерей — епископ Рижский Агафангел (Преображенский). Радости не было конца. Намечалось освящение придела перед всенощной. Ученики рядами разместились при входе в церковь. К назначенному времени приехал святитель и торжественно вошел в храм. Началось богослужение. Виктор ощущал в себе необыкновенный подъем духа. Все ему так нравилось: и умилительное пение архиерейского хора и величественная служба. Хотелось вечно наслаждаться всем этим благолепием. Но увы! Всенощная кончилась. Архиерей покинул храм и удалился в почтовый дом на отдых. Расходился народ. А он все стоял в храме, весь очарованный воздействием близости к нему святителя-Ангела. И мысли одна за другой рисовали ему образ архиерея.

— Ведь он Ангелом должен быть по жизни своей,— размышлял сам в себе Виктор. И, выйдя из храма, стал прохаживаться мимо окон протоиерейской квартиры. где разместился Владыка, желая хоть одним глазом увидеть в окне святителя.

— Он, должно быть, особый человек,— думал отрок.— Святитель, наверное не ест и не пьет, как обычно все окружающие его люди, а по особому.

Долго ходил Виктор около дома, где остановился епископ, очарованный архиереем, и только поздно вечером вернулся к себе домой*.

За его любовь к храму и служителям церкви Господь охранял его Своею десницею.

Запомнил святитель, как однажды на Пасху, когда ему было 13 лет, он после крестного хода вокруг храма при входе в церковь упал, а многотысячная толпа прошла по его телу. Какой-то старичок обратил внимание на лежащего на паперти мальчика и его подняли почти полумертвым. Виктор остался живым**.

Любознательный отрок не ограничивал свое посещение одним православным храмом, он часто (но не для молитвы) заходил не только в православные храмы, но даже и в еврейскую синагогу, где в дни их праздников вкушал ради любознательности медовое пиво и мацу. В латышских же кирках и католических костелах он любил слушать музыку и проповеди.

Для постоянного поддержания религиозной жизни семья Лемешевских имела специальных духовников, у которых как сами родители, так и их дети в дни говений исповедывались и получали

---

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 132—133.

** Там же, стр. 133.

душеполезные наставления. Таковыми были: прот. Петр Карелин, священник Владимир Попов и прот. Сергий Верещагин.

Особым благоволением пользовался в семье Лемешевских протоиерей Петр — законоучитель. Он часто навещал их дом, а перед всяким началом какого-либо дела: переезд на новую квартиру, поездка отца и братьев в Петербург и т. п.— служил обязательно на дому молебен. Причем перед дорогой всегда садились, и это соблюдалось строго и торжественно.

Духовников своих Виктор любил и воздавал им должное почтение. А они, в свою очередь, имели на него большое влияние, вложив в его сердце духовное сокровище, которое впоследствие помогло Виктору выйти на спасительную дорогу.

Учение в гимназии заметно сказалось на его укладе жизни. Виктор страстно полюбил книги. Книги для него стали важнее всякой пищи. Он мог целыми днями сидеть за книгой и жадно ее поглощать. К его счастью, в доме отца осталась большая библиотека дедушки, известного литературоведа Ивана Дементьевича Гарусова. Ею-то и воспользовался Виктор для удовлетворения своей любви к книгам. Он не только их читал, но и изучал. Так постепенно накапливались его знания. Из духовных книг Виктор любил житие преподобного СЕРГИЯ, а из светских — журнал «Нива».

Впрочем, интерес к светской литературе у него был больший, чем к духовной.

Большое влияние оказывали на него сочинения Фаррары. В 1900 году в дни Страстной седмицы Великого Поста он буквально зачитывался книгой сего церковного писателя «Первые дни христианства». Они возбуждали в нем невыразимое желание пострадать за Христа и тем самым искупить свои юношеские грехопадения*.

Не избежал Виктор склонности к тщеславию. Оно у него развивалось под действием самомнительной мысли о своих литературных дарованиях. Ему очень нравилось, когда его хвалили за хорошие литературные работы. В годовщину 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина на экзаменах русского языка он написал рассказ «Саша». Учитель нашел рассказ Виктора прекрасным и похвалил его**. Виктор ликовал от радости. Он чувствовал себя на седьмом небе. А мысли заговорили ему о литературном таланте.

А тут еще, словно масла подлил в огонь, преподаватель по всеобщей истории К. Ф. Келдыш своей похвалой за сочинение «Савонаролы» и своим ему советом продолжать писать***. Появилось тщеславное чувство, которое потом долгие годы мучило его.

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 32.
** А. М. «Преображение души», стр. 12.
*** Памятослов Еп. Мануила, стр. 101.

Виктор имел глубокую веру к протоиерею Иоанну Кронштадтскому и обращался к нему за помощью. Однажды приближался экзамен по греческому языку, а он чувствовал себя неподготовленным. Тогда Виктор быстро пишет письмо к батюшке Иоанну с приложением 5х7 копеечной марки и просит его помочь ему своими молитвами благополучно окончить экзамены. Наступил экзамен по греческому языку. Он подходит к столу ив вынимает билет № 11. Его Виктор хорошо знал. Экзамен прошел успешно*.

В период учения в гимназии Виктор допустил ряд падений, но в чем эти падения выразились, осталось тайной. Известно только, что Господь чрез таинственные сновидения многократно напоминал ему тогда о падениях и пробуждал к покаянию.

В последнем классе гимназии в ноябре 1902 года он писал сочинение на тему «Отношение русских писателей XVIII и XIX столетий к крепостному праву». В один из воскресных дней он заснул, но был разбужен гласом: «Семевский». Виктор тотчас вскочил с постели и кинулся к энциклопедическому словарю Брокгауза и под словом Семевский нашел биографию двух братьев писателей, один из которых напечатал в двух томах книгу «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX столетия». Он срочно выписал эту книгу из Петербурга от А. С. Суворина и по ней проверив весь материал, ускорил подачу своего сочинения на 120 страницах**.

Еще в 1894 году на него большое влияние оказал император Александр III, но в чем оно проявилось, нам тоже неизвестно. Оно повторилось (в сонном видении) и в 1926 году.

Когда среди учеников гимназии в период с 1900 по 1903 годы начались революционные брожения, Виктор не замедлил примкнуть к ним и одобрить лучшие идеи преобразования России.

В 1903 году гимназия была закончена. Виктор, не задумываясь, избрал себе светский путь. Его потянуло в университет. Петербург — тогдашняя столица России — открыл ему свои двери.

Осенью 1903 года Виктор был зачислен студентом первого курса Императорского С.-Петербургского университета на юридический факультет.

* Там же, стр. 47.
** Там же, стр. 121.

ЖИЗНЬ В УНИВЕРСИТЕТЕ И БОГОИСКАТЕЛЬСТВО

(1903—1910 гг.)

Виктор Викторович студент СПб университета 1909 г.

Жизнь Виктора в Петербурге сразу же началась с трудностей. Не хватало материальный средств, а столица неумолимо требовала постоянных расходов. Родители не могли ему помочь; они сами остались при очень скудных средствах и едва сводили концы с концами. Откуда взять деньги, чтобы обеспечить себя и помочь родителям? Виктор долго размышлял над этим вопросом и наконец решил его положительно. Выход был найден. Он, не оставляя учения в университете, предлагает свои услуги богатым петербургским помещикам и **нанимается** к ним воспитателем и учителем их детей. За труды свои он получал 500 рублей в год и большую часть из них отсылал родителям. Денежная проблема была решена, теперь можно было спокойно продолжать учение.

С первых же дней пребывания в университете Виктор всецело погрузился в жизнь школы и показал свои незаурядные способности. Его в основном и больше всего интересовала и увлекала литература и библиография.

Осенью 1903 года он написал первую самостоятельную работу о дедушке «И. Д. Гарусов (1824—1893 гг.) — Библиографический очерк» и под псевдонимом Торский В. Л. напечатал ее в приложении к изд. «Пьесы художественного репертуара и постановки их по сцене». Изд. Д. М. Мусиной под редакцией Ю. Озаровского, выпуск II, «горе от ума». СПб., 1903 г. Это была не только проба своих сил, но и начало раскрытия творческих способностей. Жажда к книгам его не покидает. К ним устремлялось его сердце и тянулись его руки. Ему повезло. В 1905 году Виктора пригласили на квартиру члена Государственного Совета генерала О. Б. Рихтера и попросили его

составить систематический каталог его (Рихтера) библиотеки. Радости юноши не было конца. Сокровище в его руках. Вот они, чудные книги! Одна, другая... около 5000 названий. В течение нескольких дней каталог был готов. Виктор совершенствуется в литературных познаниях, и в технических способностях. Он изучает книжные фонды (книжные каталоги издателей Тузова, М. О. Вольфа, Суворина и другие), ходит по букинистам и приобретает у них редкие и ценные книги. Чтобы окончательно сроднить себя с книгами и как можно больше получить от них пользы, осенью 1907 года Виктор основал при Петербургском университете «Библиографический кружок» под руководством известного лингвиста и славяноведа приват-доцента Э. А. Вольтера. В кружке в качестве секретаря и библиотекаря он трудился до 1909 года.

Лично сам Виктор читал доклады и рефераты, переводил обозрения, иностранные статьи по библиографии и библиотековедению, пользуясь в течение 1906—1908 гг. консультацией по вопросам библиографии, систематизации и библиотековедению известных библиографов А. М. Ловягина, Д. Торопова и Н. М. Лисовского. Под руководством последнего он изучил библиографию периодических изданий, и в частности богословских.

Параллельно Виктор работал с 1907 по 1909 год в Славянском Отделении Академии Наук по описанию периодических изданий, выходивших в России в 1907—1909 гг., по составлению каталога и выполнял ряд других библиотечных работ. Отметим, что В. ЛЕМЕШЕВСКИЙ с 1906 года в течение 10 лет состоял членом Русского Библиографического Общества.

Знакомство с книгами дало ему возможность основательно изучить библиографический материал по многим светским и богословским наукам и легко в них ориентироваться. Теперь Виктор мог поделиться своими знаниями и с другими. В печати появляются одна за другой две его работы:

Л-ий В. В.	«Опыт описания библиографической карточки». СПб., 1907 г., Лит. Соболева.
Торский В. Л. (псевдоним)	«Международная библиография и ея будущее», перевод с немецкого с примечаниями В. Л. Торского в «Библ. Лист», 1908 г., № 1—2.

Кроме того, он разработал план учреждения Русского Библиографического Института.

Такова его жизнь в мире книг в стенах университета. Но откроем и другую страницу его жизни и посмотрим, чем обогощал Виктор свое внутреннее я, чего он искал в этот период своего бытия и как Божественная рука вела его к удалению от мира.

Виктор не готовил себя к монашеству. Не готовил он себя и к священству, хотя идеал священника очень занимал его ум в последние годы учения в гимназии и в первые годы в университете. Он готовил себя к жизни в светском обществе либо в качестве адвоката, либо известного писателя. Отсюда и обогащение своего внутреннего я шло к нему из мира. Виктор, как и многие молодые люди, посещал оперы, драмы и переживал трагедии их героев. Любил знаменитую актрису Веру Комиссаржевскую и лично принимал участие в ее похоронах. На балет не ходил. Не нравился он ему. Не мог терпеть бесконечного прыгания, кружения и «ломания». Свадебного ритуала не чуждался. Он даже удостоился в октябре 1905 года нести **ВЕНО** князя С. Н. Трубецкого. В близких отношениях был с Н. Н. Шульговским.

Но все эти утехи мира не могли удовлетворить его душевных потребностей. Его потянуло к тайнам потустороннего мира. В 1905 году Виктор увлекся оккультизмом и спиритизмом. Все казалось очень интересным и забавным. Соберутся, бывало, друзья-спириты вечером в потаенном доме и начнут вызывать разных духов: то дух Наполеона, то Александра I-го, то кого-либо из великих людей. От подобных сеансов веяло какою-то таинственностью. Но однажды произошло что-то страшное. Едва только друзья уселись за круглый стол, не имевший в себе ни единого металлического гвоздя, и вызвали духа, как стол на виду у всех собравшихся отделился от пола и, поддерживаемый какою-то невиданною силою, понесся по воздуху. Друзья от страха бросились бежать. Бежал и Виктор. Но стол нагонял его, а голос вызванного духа яростно кричал: «Убью тебя, убью монаха, епископа!» Смерть казалось неминуемо настигала по пятам. Еще одна какая-нибудь минута и стол придавит его к стене своей могучей силой. Мгновение!— и Виктор вспомнил, что стол круглый. Он бросился в угол комнаты и в страхе застыл на месте. Стол ударился, но не задел его. Страх, однако, не приостановил Виктора от увлечения спиритизмом. Посещение сеансов продолжалось.

Ко всему этому он еще добавил общение с людьми, занимавшимися оккультизмом и теософией.

Куда бы увели юношу оккультизм, спиритизм и теософия, если бы рука Божия не приостановила его особым промыслом.

Наступил 1907 год. 27 октября состоялась встреча четырех друзей-спиритов*. Виктор переживал внутренний разлад души. Оккультизм его уже не удовлетворял. Он искал чего-то большего, чего-то лучшего, что могло бы вносить в душу его мир и покой.

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 107.

В минуты такого внутреннего переживания кто-то из друзей посоветовал Виктору сходить к Марии Васильевне Барсовой.

Это была женщина лет 50—55, среднего роста, с восковым лицом и черными овальными глазами. Она имела дар ясновидения. Людей лечила наложением рук. Отец ее был врач Кавалергардского полка, по национальности голландец. Духовным отцом ее был о. Аарон, иеромонах из Троице-Сергиевого подворья. Ежедневно она бывала за литургией. Молитва Иисусова не сходила с ее уст. Начитанная в духовных книгах, Мария Васильевна знала прекрасно Добротолюбие и наизусть весь Новый Завет. Она жила в Петербурге на 5-й роте Измайловского полка, вся отдавшись молитве.

Виктор согласился. Он узнал адрес ясновидицы и 7 ноября ст. ст. к двум часам дня на конке добрался до ее квартиры. Позвонил. Вышла служанка.

— Молодой человек,— обратилась она к Виктору,— барыня больная и никого не принимает.

Виктор на минуту задумался. Он не знал, что ему делать. В это время из глубины комнаты послышался голос барыни:

— Его я приму!

Виктор прошел в комнату, разделся и сел недалеко от ее постели. Началась беседа.

— Вы бываете на Бассейном? — спросила она его.

— Мимо прохожу,— ответил Виктор.

— В гостинице Континенталь бываете?

— Нет.

— Я вас знаю,— вдруг сказала она.— Я вас видела три недели тому назад в квартире княгини Мигнецкой, такой же как и я. Сидели. Говорили. Входите вы в сюртуке, как сейчас сидите.

— Я не был никогда у вас в гостинице,— возразил Виктор.

— Ну не вы — ваш дух вошел. Я говорю княгине: «вот вошел дух человека, который будет полезен церкви и будет бороться за Христа». Я сейчас собираюсь ехать к княгине. Теперь я скажу ей, что уже познакомилась с вами.

Затем ясновидица стала увещевать Виктора оставить спиритизм и взяться за Божие дело. А когда их беседа подходила к концу и он уже собирался уходить, она вдруг, всматриваясь в него своими блестящими глазами, вскричала: «Не двигайтесь! Не шевелитесь! Сидите спокойно!... Что я вижу? Я вижу перед собой человека, изможденного старика, в монашеской мантии, достаточно **потрудившегося** за Христа и Церковь Его. Вы будете скоро монахом.

— Нет! — протестовал Виктор,— не собираюсь даже в монастырь. Может быть лет через десять, когда закончу свою работу.

Прощаясь, Мария Васильевна добавила:

— «Я никого не принимаю. Вас приняла для того, чтобы возвестить вам волю Божию, указать вам новый путь вашей жизни и заставить бросить занятия оккультизмом. Теперь за всеми вопросами вы будете обращаться к моей приятельнице и единомысленнице Марии Адольфовне Карель».

Она дала адрес и с миром отпустила юношу.

Виктор был поражен ее прозорливостью и в тот же день сразу из дома ясновидицы поспешил на квартиру Карель, известной целительницы магнетизерки, жившей на Измайловской улице. Был канун праздника Михаила Архангела. Марию Адольфовну он встретил у входа квартиры, она собиралась ко всенощной. Принять его она не смогла. Но, приветив, сказала:

— «Здравствуйте, молодой человек. Знаю, знаю от кого вы пришли... Ваше имя Михаил.

— Мое имя Виктор! — возразил юноша.

— Зачем вы спорите, молодой человек? — прервав препирательство, сказала Карель.— Я прочла это имя, огненными буквами нарисованное на вашем челе. Вы будете монахом и в схиме.

После этого Мария Адольфовна направила Виктора к своему духовнику о. Аарону с тем, чтобы он (Виктор) получал от последнего духовное руководство*.

Встреча с двумя ясновидицами навела Виктора на многие размышления. Ему стало ясно, что оккультизм таит в себе большую опасность для души и что он, как не имеющий в себе подлинной истины, не может удовлетворить насущной потребности человеческого духа. Истина в Православной Церкви и только там мятущийся дух человека найдет себе покой. Виктор разрывает путы оккультизма и идет к СВЕТУ ХРИСТОВУ. Теперь уже постоянным местом его пребывания становятся св. места, где душа его согревалась молитвою и подготовлялась к высшему служению Церкви.

Его тянет к Афонским подворьям, тянет к подворью Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, что на Фонтанке, Леушинскому, что на Бассейной улице, к храму в память погибших в Цусиме и к светлой личности дорогого и незабвенного батюшки о. Иоанна Кронштадтского, а после его кончины — к его могилке. Особенно полюбил Виктор ранние обедни у преп. СЕРГИЯ на подворье. Всякий раз, когда он молился за ранней литургией, тихостью наполнялась его душа. Теперь уже все чаще и чаще книги духовного содержания не выходят из его рук. Появились выписки и изречения из святых писателей. А с какой жадностью и любовью он прочитывает жизнеописание Преосвященного АНТОНИЯ Воронежского и светского историка Стурдзы!

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 112.

Появились дела милосердия. Виктор помогает некоему бедному Саше и другим. Все как будто бы стало на свое место. Вот только вопрос о полном отречении от мира оставался еще нерешенным.

Мир держал Виктора своими прелестями и, для полного разрыва с миром, потребовалось вмешательство Божественной благодати. Господь звал его к иночеству особым действием.

В Крестопоклонную неделю 1908 года Виктор видит сон: как будто бы он находится в каком-то храме (это был храм, что на Леушинском подворье в Москве). Шла литургия. И по окончании ее неизвестный ему Святейший Патриарх вдруг вручает ему крест*.

А в мае того же года видит Виктор, как на него напал лев. Он схватил топор и одним взмахом отрубил ему лапы. Лев упал на землю и завопил человеческим голосом: «А все-таки ты меня не победил»**.

Действительно, Виктор еще не победил исконного врага-диавола. Он только что вступил с ним в борьбу. Но победа была уже предрешена, ибо в этой неравной битве помогал ему Господь.

18 октября 1908 года Виктор к ночи закончил первую часть трилогии «На пути к иному миру» и глубоко задумался о дальнейшем. Его посетило сомнение о значении всего написанного, и он стал сильно скорбеть. Помолившись, он заснул. И видит Виктор во всю высоту и ширину грозного пламенного неба в буре, в грозе, в ночи темный КРЕСТ и на нем распятый ХРИСТОС. В благоговейном трепете он трижды воспел: «КРЕСТУ ТВОЕМУ ПОКЛОНЯЕМСЯ ВЛАДЫКО»... и трижды сотворил земные поклоны.

Проснулся Виктор и тотчас уразумел предстоящий ему путь скорбей, но духом не пал, а пришел в умиление от виденного***.

Вот он Божественный зов! Возьми КРЕСТ ХРИСТОВ. Возьми Его благое иго и следуй за Ним. Это твой путь, Виктор. Троекратное поклонение КРЕСТУ означало полное согласие юноши в будущем идти за ХРИСТОМ. Но Виктор был еще не готов. Сердце его еще не смирилось, и божественный глас не нашел отклика в его душе. Но ровно через месяц Господь снова позвал его к Себе, и уже явственно и определенно.

Виктор писал роман о жизни Петербурга и допустил горделивые мысли о себе. Он подумал, что он уже святой, что он молитвенник и постник великий и что он будет знаменитым проповедником. «Се во мне русский Златоуст будет тещи»,— говорил он сам себе.

* Там же, стр. 21, 123.
** Там же, стр. 48.
*** Там же, стр. 104.

НАДМЕНИЕ!... Как оно опасно для воина Христова. Это дух лукавого. Виктор не разумевал тогда духа «лестча» и был упоен горделивым помыслом. А ГОСПОДЬ?... ГОСПОДЬ сказал ему: «Виктор, это не твой путь». В ночь на 18 ноября 1908 года Виктор видит сон: Как будто бы он находится где-то на небе, около зеленой прекрасной кущи. Взглянул Виктор на горнее место небес, а оттуда 4 архангела в малиновых бархатных золотом отороченных мантиях, с золотыми крыльями, на носилках, покрытых богатой того же цвета плащаницей с кистями, САМОГО ГОСПОДА РАСПЯТОГО несут. Носилки пронесли в кущу к горнему месту. Великий страх охватил Виктора. От стыда за свои мысли, за свою худость не смел он обернуться, И вдруг слышит глас САМОГО ХРИСТА:

— Безумец! Возомнил о себе что — постник, молитвенник! Проповедник златоструйный! Ничего этого у тебя нет. И только постом и молитвою, потом и слезами сможешь достигнуть сего, но работай не для себя, а имени МОЕГО ради...

Виктор стоял весь в трепете, слушая слова обвинения. А затем как мытарь, бия себя в грудь, с воплем и плачем поверг себя ниц.

Чудный, неизреченный свет исходил от ХРИСТА. Виктор не смел взглянуть туда, стыдясь самого себя. Он продолжал стенать, плакать и бить себя в перси. В таком состоянии он и проснулся. Все его ложе: подушка и постель,— были омочены обильными слезами раскаяния. До боли в сердце стыдно было ему в сознании переживать только что виденное во сне и слышанное из уст САМОГО СПАСИТЕЛЯ*.

Слезы ручьями текли из его глаз. Он понял свою ошибку, свой грех.

— Господи, прости, помилуй! — слезно молил он Господа.— Пощади Твое создание, исправь заблудшего!

С этого момента Виктор совершенно прекращает увлечение романами. И с этого же момента он стал размышлять о другом мире, о мире, удаленном от мирской суеты.

Под впечатлением виденного им сна Виктор поспешил к одному великому старцу**. Старец принял его радушно. А когда Виктор изложил ему все случившееся, сказал: «на тебе лежит великая миссия, но она снимется с тебя и передастся другому, если жизнь твоя будет недостойна святых и той великой миссии»***.

Трудно было постичь сердцем и умом значение этой миссии светскому еще юноше, и Виктор, запомнив сказанное ему старцем,

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 108—109.
** Кто это был старец, остается тайной.
*** Под этой миссией Владыка разумевал всегда патриаршество. Так я слышал от него в разговорах.

возвратился в университет. Начало искания иноческого пути было положено, но Виктор решил осуществить его только по окончании юридического факультета.

Господь не оставлял своего избранника и временами напоминал ему о духовном мире и том пути, на который Он призывал его.

Однажды видит Виктор во сне, как на его голову опустился голубь. И хотя он (Виктор) сделал три земных поклона, голубь не улетел, а остался пребывать на его голове.

Это было свидетельство свыше о его будущем епископском служении.

18 декабря в том же 1908 году смертельно заболел незабвенный батюшка Иоанн Кронштадтский, У Виктора пробудилось глубокое раскаяние и желание застать его в живых. Но в живых батюшку он уже не застал, не успел с ним проститься и горько стало на душе*. Теперь он приходил только на могилочку батюшки и просил его молитвенной помощи себе на спасительном пути.

Однажды Виктор в конце января 1909 года, прогуливаясь по городу, остановился у греческой Димитриевской церкви, что на Лиговке, и пристально стал рассматривать здание храма. Никого уже не было, и церковь была закрыта. Неожиданно до его слуха донеслось чудное, неземное пение. Это пели ангелы. Сердце наполнилось сладостию и так хотелось слушать и слушать. Но вмиг все исчезло. Виктор пошел дальше, а в его ушах все еще звучали нежные мелодии небесного хора...

В марте 1909 года Виктор неожиданно заболел воспалением легких. Неизвестно, сколько он проболел бы, если бы не произошло чудо. Ему явился о. Иоанн Кронштадтский с крестом в руках и сказал: «Будь верен, но не неверен. Это я тебя исцелил». И он дал поцеловать крест. Виктор поправился.

Решимость посвятить себя на служение Богу с каждым днем созревала. И это чувствовал диавол и не оставлял юношу в покое. Как-то раз заснул Виктор и видит во сне, как целая стая черных собак и зверей напала на него**. Он едва от них спасся.

Божественный глас не умолкал. Он звал Виктора на подвиг решительно и бесповоротно. Звал и откровениями, и скорбями.

В апреле 1909 года Виктор вновь посетил М. Карель. И едва только он вошел в комнату, где находилась старица, как острый, насквозь пронизывающий все существо человека взгляд провидицы остановил его на месте.

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 127, 129.
** Там же, стр. 26.

Павел Викторович (брат, 1910 г.)

— «Остановись! Не двигайся, юноша! — воскликнула Мария Адольфовна.— О, кого я вижу? — не сводя глаз с Виктора, возгласила она.— Я вижу над вами огненный круг, сияющий над вашей головой. Я вижу страдальца за ХРИСТА. Ты будешь мучеником... Ты будешь отцом отцов...»

Последние слова так поразили Виктора, что он буквально не знал, что ответить старице. Поблагодарив Марию Адольфовну за добрый прием, он вышел.

В речах ясновидицы Виктор услышал тот же Божественный глас, который звал его на подвиг во имя ХРИСТОВО. Он уже не противился этому гласу. Но медлил в своей решимости. И медлил потому, что проверял свои силы, проверял свою готовность к несению иноческого подвига. Ему нужно было пройти еще ряд жизненных испытаний, чтобы окончательно разорвать узы, связывающие его с миром.

15 августа 1909 года внезапно заболел его брат Павел, живший тогда в Кронштадте и проходивший учебу в морском училище. Болезнь (гнойное воспаление слепой кишки) настолько была тяжелой, что мало было надежды на его выздоровление.

В семье Лемешевских наступили скорбные минуты. Особенно остро переживал болезнь брата Виктор. Он любил его более всех других братьев и сестер.

— Неужели придется с ним расстаться? — размышлял Виктор. Тяжело, невыносимо от подобной мысли. Вечером на следующий день пили чай, но перед очами Виктора рисовался образ страждущего брата. «Как вырвать Павла из уз смерти?»— мучили беспрестанно его мысли. Надо идти на самопожертвование. Наступил момент решения. Виктор, когда окончили чай, позвал брата Андрюшу в свою комнату и в его присутствии, став перед образом Божиим, во всю мощь своей сердечной боли воззвал: «Господи, приму монашество, если воздвигнешь от одра смертного моего брата Павла!»*.

И слезы ручьями потекли из его глаз...

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 76.

17 августа Виктор поспешил в Кронштадт к умирающему брату. Он лежал в Морском Николаевском госпитале и тяжко страдал. Виктор в качестве больного поместился в палате № 6 по соседству с братом и, узнав некоторые подробности, телеграммой сообщил родителям* о состоянии болящего.

Павел был доволен прибытием брата и очень радовался, что он останется при нем жить. Виктор привез ему икону. Больной взял ее и долго смотрел на образ, а затем попросил брата повесить его на виду. Вечером в 7 часов у больного появились сильные приступы болей. Они повторялись через каждые 4—5 минут.

— Павлик, молись о. Иоанну Кронштадтскому,— просил и умолял его Виктор.

И Павел молился. Через 20 минут ему стало легче, а в 8 часов он задремал. Перед сном Виктор трижды благословил брата и сделал на его челе и на груди ватой крест из лампадного отца Иоанна Кронштадтского масла... Так было 19 августа.

Наступил кризис. Виктор дни и ночи просиживал у постели больного и лишь только на короткое время уходил к себе в палату, чтобы немного подкрепить себя сном.

Врачи с операцией опоздали, и теперь вот... трудно сказать, что будет. А жалко потерять брата в его цветущие годы. Но удастся ли вырвать его из уз смерти? Виктор слезно молился о брате. Об этом просил он и своих родителей и родных.

«Молитесь, молитесь вы и Андрюша в особенности,— писал он родительнице.— *Употребите все усилия, чтобы молитвами вырвать Павлю из рук злых духов, чтобы врачи работали хорошо (а не запоздали бы вторично), чтобы служители бы были исправны, и Бог всемилостив — услышит нас»*** .

А состояние болезни Павла было крайне опасным. У больного начался перитонит. Температура поднялась до 41,2 °. Врачи в ночь на 21 августа уже назначили кончину. Виктор усилил молитву. Всю ночь, уединившись у себя в палате, провел он в пламенной и слезной молитве к БОГУ об исцелении и в мольбе к отцу Иоанну Кронштадтскому. Прошла ночь. Утром Виктор со страхом, боясь узнать о печальной участи брата (ночью он нарочно не подходил, не желая искушать Господа), подходит к палате № 2, где лежал Павел. Его встречает сестра милосердия. Радостная, она восклицает:

* Родители его в 1905 году переехали в Петербург и поселились в доме № 4/5, что на Солдатском переулке, в кв. № 6.

** Письмо к родным от 19—20 августа 1909 года.

— Температура 36,8 °! Больной уже выпил 3 стакана молока, лежит веселый и хочет на воздух.

Виктор не верит своим глазам. Удивлены и врачи: краснота у больного и опухоль исчезли... Брат спасен!*.

Это было чудо. Чудо, засвидетельствованное 9-ю врачами, из которых известны: Плотников Виктор Александрович, Лубо Владимир Казимирович, Воробьев, Поленов, Фимолченко, Кремшенский Дим. Андр., Сидоренко, опоздавший с Павлиной операцией, и Исаев. Радость о чуде была велика.

Павел быстро стал поправляться, а Виктору, как бы в напоминание об обете, накануне 1-го октября, когда он, одетый в халат брата милосердия, шел в храм ко всенощной, был голос: «Виктор! Ты скоро будешь монахом»**.

Кругом было тихо. Людей не было, ни души. И стало жутко. Не хотел Виктор верить сему, ибо не думал так скоро уйти в монастырь.

Дни удаления его из мира приближались. Внутренний голос постоянно напоминал Виктору о данном им обете и не давал ему покоя ни днем, ни ночью.

Решимость оставить мир созревала. К началу 1910 года она настолько созрела, что Виктор Викторович решил осмотреть некоторые монастыри, где он мог бы совершать иноческий подвиг.

28 февраля он посетил Сергиеву пустынь, расположенную недалеко от Петербурга. Обстановка тамошняя не удовлетворила его. Многолюдство и богатство в обители смутили Виктора, и он окончательно отвергнул это место для своего подвига***.

9 марта Виктор посетил своего неведомого старца. Старец, водимый духом Божиим, сказал ему: «Виктор! Готовься к уходу в монастырь. Помни, "кто любит отца или матерь более, нежели МЕНЯ, не достоин МЕНЯ... И кто не берет креста своего и следует за МНОЮ, тот не достоин МЕНЯ. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради МЕНЯ сбережет ее" (Мф. 10, 37—39).

С этого дня кончай все мирское, все мирские слова и дела и собирайся в монастырь. На два года в затвор»****.

С трепетом в душе вышел Виктор от старца. Он почувствовал, что наступила пора выполнить волю Божию. Тревожные думы не оставляли его почти всю ночь. Утром он пошел к ранней литургии в церковь Свято-Троицкого подворья, куда любил ходить молиться.

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 76—77.
** Памятослов Еп. Мануила, стр. 96.
*** Там же, стр. 15.
**** Там же, стр. 19.

Слушает Евангелие и не верит своему слуху. Те же самые слова, которые сказаны были ему вчера старцем, доносятся до его уха: «Кто любит отца или матерь более, нежели МЕНЯ, не достоин МЕНЯ»...

«Что это, простое ли совпадение или откровение ему воли Божией»— подумал Виктор. Он склонился к последнему. Да, это действительно была воля Божия о нем. Время отшествия из мира наступило. Божественный глас ясно призывал его к этому. «Иду, Господи!»— повиновался Виктор Божественному зову и вечером поспешил к своему духовнику о. Аарону, лаврскому регенту*. Последнему он рассказал о своей решимости и просил его указать ему монастырь, куда он мог бы удалиться.

— Иди в Зосимовскую Пустынь, что недалеко от Москвы, к старцу Амвросию**,— посоветовал Виктору о. Аарон.

— Прости, отче,— возразил Виктор,— туда идти я не могу, не расположено мое сердце. Пугает меня многолюдство, чем отличается Зосимова Пустынь.

— Иди, подумай,— был окончательный ответ старца-духовника.

Виктор ушел.

Возвратившись к себе на квартиру в родительский дом, он стал просматривать энциклопедию и искать подходящий для него монастырь. Перелистал несколько книг, но искомого не находил. Его охватило беспокойство. Вдруг, словно вихрь, могучий голос пронесся по комнате и Виктор услышал позади себя: «Иди в Николо-Столпенскую пустынь!»

Весь в трепете и страхе, он обернулся назад, откуда исходил голос, но никого не было. Вбежал брат Андрюша, сидевший за письменным столом в другой комнате.

— Витя, что здесь произошло? — спросил он испуганно.— Я слышал как бы какой ветер пронесся по комнате.

— Нет, ничего не произошло,— скрывая свое волнение, ответил Виктор.— Я ищу одну вещь для себя.

И когда брат удалился, Виктор взял книгу о монастырях, открыл Тверскую епархию и увидел среди списка монастырей указанную голосом пустынь. Совершилось внутреннее отречение от мира, и Виктор стал готовиться к отъезду в Николо-Столпенскую обитель. Это произошло 11 марта 1910 года***.

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 19.
** Амвросий — это тот старец, которому суждено было в 1917 году вынуть жребий на патриарха Тихона.
*** Памятослов Еп. Мануила, стр. 19.

Николо-Столпенская обитель находилась на берегу реки Тверцы в десяти верстах от города Вышнего-Волочка. Вот сюда 13 марта и направил свои стопы Виктор. Был воскресный день 14 марта, когда он прибыл в обитель*. Игумен Амвросий встретил его приветливо и, когда услышал из уст пришельца о желании поступить в монастырь, перекрестился, поблагодарил Господа и сказал: «Я молил Бога, чтобы Он послал нам грамотного человека для монастыря, и вот теперь Господь исполнил мою молитву. Дел у меня много, я изнемогаю, мне нужен помощник. Иди, устраивай поскорее свои дела и возвращайся в монастырь».

Договорившись с игуменом об условиях приема в обитель и о сроке приезда, Виктор отбыл домой. Начались приготовления. Они проходили в строжайшей тайне от родных. Впрочем, мать таинственно была предупреждена об уходе Виктора в монастырь.

За несколько дней до его поездки в пустынь, рано утром 4-го марта Вера Ивановна проснулась от голоса, ясно говорившего: «В этой семье будет Божие благословение». А немного спустя после этого 8 марта в 7 часов утра она видит, совершенно явно, не во сне, как в ее комнату открылась дверь и вошел о. Иоанн Кронштадтский, в облачении, в митре и с крестом в руке. Подойдя к ней, батюшка молча благословил ее и удалился. Почувствовала мать, что что-то должно произойти в их семье, но что именно, она не могла уразуметь до того дня, когда все это свершилось.

Виктор подал прошение об отчислении его из университета, не указывая подлинных причин своего ухода. Последовало увольнение без прав, присвояемых окончившим полный курс**. Необходимые вещи были уложены в корзину. К концу апреля все было готово. Оставалось только выждать такого момента, когда можно будет незаметно покинуть дом. А теперь за письма; надо всех успокоить и предупредить. И прежде всего любимого брата Павла.

«Уезжай спокойно в плавание на лето,— пишет Виктор в Кронштадт брату.— *За тебя буду возносить горячие молитвы братом твоим к Престолу Славы Господа Бога нашего. Помни в сердце своем великую милость о. Иоанна, будь кроток и ласков с родителями и помяни мое слово, удачи обретешь ты на службе. Тебе много дано, с тебя и много взыщется. Храни в сердце своем Господа и с Ним не страшись ничего. Горячо любящий тебя твой брат Витя. 23 апреля 1910 года».*

* Там же, стр. 20.

** Виктор окончил полный курс юридического факультета только в 1910 году. Это произошло потому, что в 1905/1906 учебном году в Университете были забастовки и Университет периодически закрывался.

Затем письмо домашним, в котором извещает их, что он покидает дом и ровно через два года приедет повидаться с родными.

Это письмо было оставлено на столе. Матери же написал особо и в самый день отъезда опустил письмо в почтовый ящик на Варшавском вокзале.

Собираясь к поездке, в одну из апрельских ночей Виктор видит сон. Напали на него снова черные собаки и старались помешать ему дойти до черного города (монастыря). Они злобно бросались на него с визгом и лаем. Виктор победил их. И хотя собаки кусали, но безболезненно и бескровно. Он свободно достиг желаемого города*.

Победа, действительно, совершилась. Теперь уже ничто земное не могло удержать его. 28 апреля ночным поездом Виктор покинул родной дом, а на следующий день под колокольный звон вошел в Николо-Столпенскую пустынь и был принят в число послушников.

ЖИЗНЬ В НИКОЛО-СТОЛПЕНСКОЙ ПУСТЫНЕ

(1910—1912 гг.)

Жизнь в монастыре началась с прохождения ионического «искуса». Новому послушнику было поручено все монастырское письмоводство, монастырские архивы и библиотека, а по храму — должность продавца свечей. Послушания свои Виктор проходил с усердием. Делалось все легко. Но не обошлось и без искушений. Как новоначальный инок, причем стремившийся к выполнению иноческого идеала, Виктор боялся всякого рода диавольских ухищрений и потому все случающееся с ним от открывал игумену. Открывал он и бываемые ему видения и откровения. Простец-игумен не всегда вмещал его видения и часто поругивал его за это, приговаривая: «Ну, ну, совсем святой стал! Как бы тебе с этими видениями в бездну не попасть..Оставь их. Это диавольская прелесть. Грешники мы с тобой. Плакать надо и душу свою очищать».

Виктор не возражал и смиренно принимал наставления старца. Но таинственные явления не прекращались.

15 мая 1910 года в Николо-Столпенскую пустынь приехал архиепископ Тверской Антоний. Он обратил внимание на ученого послушника и позвал его к себе на беседу. Виктор затрепетал. Это была первая в его жизни беседа с архиереем. О чем беседовал архиепископ с послушником, неизвестно, но только Виктор очень

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 39.

пришелся ему по душе, и он взял его под свое духовное руководство. В знак своего благоволения к Виктору преосвященный пригласил его на воскресенье в Тверь. На следующий день утром молодой послушник был уже в губернском городе и побывал в храме за архиерейской службой. Было так все торжественно, трогательно. Особенно радовал его колокольный звон в соборе. Душа ликовала!* . С приподнятым настроением возвратился Виктор из Твери к себе в тихую обитель.

Но заглянем в родительский дом, где остались отец, мать и братья.

Неожиданное исчезновение Виктора буквально всполошило весь дом. «Что случилось с Виктором? — спрашивали друг друга в семье Лемешевских.— Куда он мог уехать?» Вскрыли оставленное им на столе письмо, но и оно ничего утешительного не принесло. Начались поиски. Безрезультатно. Виктор не находился. Оставалось только ожидать весточки от сына не ранее, чем через два года, как об этом он сам известил в письме.

Больше всех переживала и скорбела мать. Она так горько и неутешно плакала, что ни супруг, ни дети не могли ее успокоить. И если бы не вмешательство Божественной десницы, то скорби и слезы низвели бы ее преждевременно в могилу. Однажды, когда она плакала, услышала свыше нисходящий голос:

— Не плачь, Вера, о нем. Ему в обители будет хорошо. Ведь он... будет...** (Святитель скрыл то, что было сказано его матери о нем).

Виктор чувствовал все переживания родителей и родных, но оставался твердым в своем обещании. В день праздника первоверховных апостолов Петра и Павла он был пострижен в рясофор*** с оставлением того же имени. Это была первая ступень, приблизившая его к ангельскому чину. Виктор усилил свой подвиг. Господь же укреплял его особыми явлениями. Однажды, придя в церковь к воскресной всенощной****, он открыл свечной ящик, приготовил свечи и, как еще никого не было в церкви, стал молиться Богу. Вдруг слышит голос: «Виктор! При пострижении имя твое будет Мануил!»+

—Не алтарник ли Никодим шутит этим? — подумал Виктор и прошел в алтарь. Но там никого не было.

После всенощной он поспешил к настоятелю в келью и рассказал ему слышанное.

— «Опять голос?! Опять видение?! — гневался на него игумен.— Вот и не дам тебе такого имени. Посмотрим, чья правда».

---

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 43.
** Там же, стр. 48.
*** Памятослов Еп. Мануила, стр. 57.
**** Это было 20 ноября 1910 года.
\+ Памятослов Еп. Мануила, стр. 116.

— Прости, отче,— ответил Виктор,— виноват. Пусть будет во всем воля Божия. И, получив благословение, вышел...

Но самым трудным испытанием для новоначального послушника было его одиночество. Отец Амвросий не всегда правильно понимал Виктора и не мог дать ему исчерпывающего ответа. Среди иноков тоже были простецы, и они не могли удовлетворить ученого послушника. Преосвященный Антоний был далеко и его не всегда можно было видеть. Так продолжалось до тех пор, пока в обитель не поступил друг Новоселова известный впоследствии иеромонах Сергий, с которым Виктор нашел общий язык и общие духовные интересы.

18 февраля 1911 года в Николо-Столпенской пустыни вспыхнул пожар на скотном при гостинице. Пламя настолько было сильным, что оно угрожало всему монастырю. Иноки всполошились. В паническом страхе они бегали по монастырскому двору, не зная что делать.

— Икону сюда! —распорядился игумен,— скорее сюда икону! Иноки бросились в храм, где находилась Казанская чудотворная икона Божией Матери. Икону подняли на руки и направились к месту пожара. Несшие святыню остановились с той стороны, где находились поля и огороды. Совершилось чудо. Огненное пламя остановилось и перебросилось в чистое поле в сторону иконы. Монастырь был спасен*.

Глубоко запечатлелось в сердце Виктора явленное знамение Богоматерию бедной обители. Оно всегда служило для него как бы твердою стеною в дни испытаний и скорбей.

Виктора готовили к постригу. 12 марта он специально был послан в г. Торжок к о. Феофану на испытание. Послушник Лемешевский был найден вполне готовым к иноческой жизни. Тогда же было доложено архиепископу Антонию о благонравии Виктора и получено его (пре- освященного) согласие на постриг. Но чтобы не было никакой помехи в Божием деле, архиепископ Антоний написал письмо родителям Виктора и просил их благословить своего сына на принятие ангельского чина.

И надо же тому быть, пока шло письмо, тетя Соня, родственница Виктора, видит сон. Как будто к ее дому подъехала карета и из нее выходит Витя. Его торжественно встречают, растилают ковры, поют песни и т. д. Тетя вне себя от радости виденного сна бежит к Вере Ивановне, а в это время ее брат Николай приносит письмо от архиепископа Тверского Антония,** в котором преосвященный сообщает о местопребывании их сына и т. п.

---

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 13.
** Там же, стр. 116.

Наконец-то нашелся исчезнувший! Сколько слез, сколько радости! Полетели первые письма, наполненные скорбью и тоской о сыне-беглеце, с просьбою и мольбою о возвращении. Или хотя бы только повидаться с ним и посмотреть на него, каков он есть. Но как ни плачевны были письма из родительского дома, однако они не сломили железной воли Виктора. Искушение было побеждено.

И вспомнила тогда мать виденный ею сон в одну из апрельских ночей 1910 года. Стоят будто все в церкви, вся семья. Церковь низкая, старинная, полутемная. Открыты царские врата, и священник выносит чашу для причащения. В священнике этом Вера Ивановна узнает преподобного СЕРГИЯ Радонежского. Вдруг от них отделяется Витя и подходит к чаше. Испуганная, она кричит вслед сыну: «он не готовился!» Преподобный же ответил ей: «Оставь его. Он нашего рода. Он всегда готов». И причастил*.

Вспомнила она об этом и не стала тревожить сына. Пусть спокойно спасается и молится о ней и о всех родных пред Богом. И послала ему свое родительское благословение.

Год и один месяц проходил Виктор «искус» послушания. На 2-е июня 1911 года был назначен его постриг в монашество. На пострижение прибыл архимандрит Феофан, настоятель Борисовского Новоторжского монастыря и благочинный Новоторжских монастырей, старец лет восьмидесяти трех.

Возник спор о имени постригаемого. Архимандрит желал назвать его Николаем, игумен — Варсонофием. Вспомнил о. настоятель и о третьем имени Мануил, сказанном Виктору в Церкви. Порешили кинуть жребий. Накануне пострига в келье о. игумена около икон близ Евангелия положили три записки с именами: Николай, Варсонофий и Мануил. Призвали Виктора. Помолились и повелели ему тянуть жребий — «бери среднюю!» — Ясно услышал Виктор говоривший ему голос.

Взял среднюю. На записке имя — МАНУИЛ, что означало на русском языке «БОЖИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ».

2 июня за ранней обедней Виктор был пострижен с именем МАНУИЛА (в честь мученика Мануила, память которого Церковь совершает 17 июня ст. ст.).

Новому иноку ко всем тем обязанностям, которые он нес, добавили еще благочиние. Круг деятельности увеличился. Враг позавидовал и вооружил одного брата, пьяницу Никодима, проходившего послушание на кухне, против него. Неизвестно по какой причине, но последний так возненавидел монаха МАНУИЛА, что не мог никак переносить его. Не зная чем досадить новому благочинному, Никодим решил его убить и ожидал удобного случая.

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 38.

4 июля ст. ст. 1911 года в канун памяти преподобного СЕРГИЯ совершалось бдение. После всенощной брат МАНУИЛ по каким-то монастырским делам проходил мимо кухни. Была ночь. Никодим, услышав шаги и увидев удаляющегося благочинного, схватил большой кухонный нож и выбежал вслед за ним. Вмиг он догнал его и, схватив руками, подмял под себя. Началась борьба.

— Преподобне отче СЕРГИЕ, спаси меня! — только и успел крикнуть монах МАНУИЛ. Никодим в ярости занес уже нож... Еще какие-то доли минуты — и нож вошел бы своим острием в самое сердце. Но в это время проходил некий монах Сергий Герасимов, обладавший могучей силой. Услыхав крик, он бросился в ту сторону, где происходила схватка.

Мгновение — и его могучая рука крепко сжала кисть Никодима. Он вырвал у него нож, а самого злодея далеко швырнул в сторону. Брат был спасен. Преподобный СЕРГИЙ не попустил совершиться злу*. Никодим был выслан в один захолустный монастырь, расположенный в 8 километрах от Соловков на небольшом острове. Там он трагически закончил свою жизнь. В ноябре месяце он отправился на сушу по тонкому льду за вином. Лед треснул, и Никодим пошел ко дну. Весной его труп нашли около берегов. Такова печальная судьба злодея.

Брат МАНУИЛ продолжал свой подвиг. Монашество он понимал в самом лучшем значении этого слова. И потому в достижение высоких иноческих идеалов он ставил себе, как пример, жизнь древних подвижников. Их спасительные подвиги инок МАНУИЛ старался воплотить и в своей жизни. Так, например, он с первых же дней своего поступления в монастырь отсекал свою волю и делал только то, что одобрял настоятель обители. Поспешал ранее других приходить в храм на молитву. Полюбил умеренное воздержание в пище. Отсек в себе всякое стремление к стяжательству. Положил твердое желание никогда не смеяться до открытия своих зубов. Неленостно трудиться на благословляемом послушании. Избегал всякой праздности. Совершал и другие подвиги благочестия.

Оценку он людям делал и даже замечал, каковы были приходившие в обитель странники. И видел брат МАНУИЛ, что одни из них истинные рабы Божии, а другие просто-напросто «прихлебатели» или, как он сам выразился, «от бани до бани», не ради Иисуса, а ради хлеба куска. Но оценка делалась им не ради осуждения, а ради ограждения себя от пустосвятства.

Монах МАНУИЛ горел внутренним желанием возвысить идеал монашества. С этой целью он часто заходил к о. игумену Амвросию и о. Сергию и им широко и обстоятельно излагал свои пожелания о

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 60.

духовном возрождении Николо-Столпенской пустыни, о насаждении в ней старчества*. Игумен и о. Сергий полностью были согласны с ним, но осуществить все это на деле так и не смогли,хотя начало доброму желанию было положено.

7 октября 1911 года в обитель пожаловал преосвященный Тверской Антоний. Его приезд имел определенную цель, относящуюся к монашеству. Днем он призвал инока МАНУИЛА и завел с ним речь об устроении в Троицких Дачах Троицкого скита и о назначении его строителем**.

Инок принял новое послушание***. Настроение его от беседы со святителем было таким же, каковым оно было во время встречи с епископом Агафангелом в Либаве.

Усердие инока МАНУИЛА к делам благочестия было замечено монастырским начальством и оценено по достоинству. Он был представлен к посвящению в священный сан.

11 декабря 1911 года в воскресенье, в Тверской домовой церкви 12-ти апостольской, 27-летний инок МАНУИЛ был рукоположен архиепископом Антонием во иеродиакона.

Служение в сане диакона продолжалось недолго, всего шесть месяцев. Но и за этот короткий срок братия монастыря почувствовала в нем благоговейного и смиренного служителя Господней трапезы.

Иноческие подвиги в монастыре уже не могли полностью удовлетворить духовной потребности иеродиакона МАНУИЛА. В его сердце появилась неотразимая жажда проповедывать слово Божие среди некрещенных инородцев, о чем он открыл старцу. Старец указал ему на трудность задуманного им подвига и пожелал было остановить его от этого. «Ты будешь как птица в золотой клетке»,— говорил старец. Но, когда убедился, что он непреклонен в своих желаниях, сказал ему:

— Новый путь открывается тебе. Гляди на тяжелый крест, но не ищи ни славы, ни наград, а только правды Божией****.

С этого момента иеродиакон МАНУИЛ стал готовиться к отъезду к иноверцам, чтобы возвестить им слово Божие и привесть их к познанию Христовой истины. Было послано прошение в Святейший Синод о разрешении ему вступить в одну из православных Миссий. И тем временем, пока его прошение рассматривалось в Синоде, он 28 апреля 1912 года посетил своих родителей и получил их

* Там же, стр. 99.
** Памятослов Еп. Мануила, стр. 100.
*** Там же, стр. 148.
**** Там же, стр. 39.

благословение и икону*. Тогда же он побывал и у Марии Адольфовны Карель.

Простившись с родными, о. МАНУИЛ возвратился к себе в обитель, но не с тем, чтобы жить уже в ней, а чтобы навсегда покинуть ее. Он нужен был, как ученый и усердный монах, для служения Церкви в отдаленных краях России в качестве миссионера. Более месяца томительно ожидал иеродиакон ответа из Синода на свое прошение. Указ последовал только 8-го июня 1912 года, а 10-го июня получена телеграмма из Омска о назначении его в Киргизскую Миссию**.

23 июня о. МАНУИЛ простился окончательно с Николо-Столпенскою обителью и выехал в Петербург, где подготовил себя к поездке в Семипалатинск***.

Монастырское начальство охарактеризовало его так: «Качеств весьма хороших, к послушанию способен и усерден»****

Когда все было готово, иеродиакон МАНУИЛ для подкрепления своих духовных сил 6-го июля вместе с своим келейником Егорушкой совершил путешествие в Троице-Сергиеву Лавру к преподобному. Это было первое в его жизни путешествие на богомолье+. Какую-то часть пути они шли пешком и в ночное время чудесно нашли на дороге посох. Горячо помолясь, два странника у мощей преподобного СЕРГИЯ и, получив его благословение, направили свои стопы в Сибирь в город Семипалатинск, где ожидали их великие трудности, скорби и утешения.

КИРГИЗСКАЯ МИССИЯ

(1912—1916 гг.)

Центральный стан Киргизской Духовной Миссии находился в Заречной Слободке, расположенной на левом берегу реки Иртыша вниз по течению в 3-х километрах от города Семипалатинска. Начальником Миссии был тогда преосвященный Киприан (Комаровский), епископ Семипалатинский, вик. Омской епархии. Это был человек с весьма сложным характером, причем неискренний и мстительный++. Дела Миссии он запустил совершенно. В течение 11

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 37.
** Там же, стр. 51.
*** Там же, стр. 55.
**** Послужной список иеромонаха Мануила за 1920 год, № 3090.
\+ Памятослов Еп. Мануила, стр. 61.
++ Письмо иеромонаха Мануила к родным от 23 апреля 1913 г.

Храм Киргизской миссии. Справа комната иером. Мануила

лет Преосвященный прожил в Семипалатинске почти в полной бездеятельности в вопросах отрезвления народа, миссионерства, проповеди слова Божия мусульманам. Запущено было им и канцелярское письмоводство Миссии*.

В целом вся Миссия нуждалась в обновлении и в человеке, который мог бы наладить нужное для церкви дело.

В такую-то обстановку и прибыл 18 июля 1912 года иеродиакон МАНУИЛ.

Его встретил епископ Киприан словами: «Божия Матерь услышала мою молитву и прислала мне помощника». И в то время, как они на следующий день входили в Знаменский собор, на колокольне звонили во все колокола**.

Встреча была теплой, но жизнь нелегкая ожидала его. 31-го августа он был определен исполняющим обязанность Помощника Начальника Киргизской Миссии***, а 1-го сентября параллельно назначен Законоучителем и заведующим церковно-приходской школой Центрального стана Киргизской Миссии и Законоучителем Сельскохозяйственной школы.

* Там же
** Памятослов Еп. Мануила, стр. 65.
*** Окончательно в этой должности он был утвержден только 14 июля 1914 года.

Иеромонах Мануил с келейником Георргием. В Киргизской миссии, 1913 г.

Для жительства отвели ему небольшую квартиру, не имевшую в себе никакой мебели, кроме двух непокрытых столов, нескольких стульев и кровати. Вместе с ним поместили и его келейника Егорушку Шмелева. Из обеденного сервиза иеродиакон имел 3 блюдца, 4 ложки, 4 стакана*. и больше ничего. Все необходимое для домашнего обихода (шкаф, посуду, занавески для окон, недорогие половики,

* Письмо иерод. Мануила к родным от 29 авг. 1912 г.

одежду и т. п.) он должен был приобретать на свои трудовые копейки.

С первых же дней пребывания в Миссии жизнь обернулась к нему стоими трудностями. Снова, как и в Петербурге, потребовались деньги. А их у бессребреника не было. На поездку в Миссию он занял у Стратоновича 50 рублей. Но их едва хватило на самые необходимые нужды. А впереди предстояли большие расходы. За лечение зубов необходимо было уплатить в первые же дни лечения 39 рублей, за пошив рясы 16 рублей, 2 рубля на покупку фуфайки, да на расходы предстоящего рукоположения во иеромонахи требовалось не менее 15 рублей. В общей сложности сумма расходов слагалась довольно внушительная — 72 рубля. Месячный же оклад помощника Начальника Миссии составлял всего 65—70 рублей. Все хозяйственные расходы по Миссии иеродиакон МАНУИЛ рассчитывал покрыть прогонными, но их Синод почему-то задержал и ему пришлось сразу же войти в долги к своим родителям (30 руб.), родным (50 руб.) и Епископу Киприану (30 руб.) в счет будущих месяцев оклада*.

Такова печальная финансовая картина помощника Начальника Киргизской Миссии. Таковой она началась, таковой она осталась до последних дней пребывания его в Миссии. Он едва сводил концы с концами. Брал взаймы, расплачивался, и снова входил в долги, и снова расплачивался. Но при всех трудностях по финансовой части молодой миссионер не унывал. Он горел духом и, довольствуясь малым, всецело полагался во всех делах на волю Божию.

16-го сентября ст. ст. 1912 года иеродиакон МАНУИЛ был рукоположен епископом Киприаном во иеромонахи. Тогда же ему были поручены благочинические обязанности с правом непосредственно сноситься с Духовной Консисторией по делам благочиния за его ответственностью**. И вспомнил он о золотой клетке, сказанной старцем, и горько стало ему.

Миссионерское дело началось. Помощник Начальника Миссии действовал осторожно, но довольно внушительно. Он делал то, чего не делал Начальник Миссии. Ни одной воскресной и праздничной службы иеромонах МАНУИЛ не оставлял народ без проповеди. Завел дачу обетов трезвости, стал давать из своей личной библиотеки духовные книги народу. И народ, вопреки всякому ожиданию помощника, во множестве потянулся к духовной сокровищнице. Он открыл двери своей келии для всех с 5 часов утра до 9 часов вечера

* Там же.
** Послужной список иеромон. Мануила за 1920 год.

и со всеми старался обращаться одинаково кротко, ласково, по-отечески. Все это не могло не сказаться положительно на жизни прихожан. В Великом Посту в Заречной Слободке в Миссии говело около 700 человек из 1100 православных прихожан, т. е. почти 2/3, не считая детей. Тогда как до этого в прошлые годы у Начальника Миссии говело не более 400 человек. Очень сильное влияние на народ (православных и сектантов) имели публичные миссионерские беседы иеромонаха МАНУИЛА. Говорил он кратко, ясно, отчетливо и, что самое главное, с большим духовным подъемом. Его слова действовали на слушателей как живительный огонь, как бальзам, успокаивающий религиозное душевное настроение православных. Это особенно было заметно на первом его выступлении 23 апреля 1913 года в Семипалатинске в обширном школьном зале пред 2-х—3-х тысячной толпой православных и сектантов**.

Единственно, в чем он еще не достиг успеха и в чем отчасти укоряла его совесть — это в проповеди слова Божия мусульманам. Впрочем, здесь не его вина, а вина преосвященного Киприана, который тормозил этому делу тем, что не давал миссионерам ни книг, ни специальных руководств для беседы с мусульманами. Он не позаботился даже о том, чтобы в достаточном количестве обеспечить работников Миссии Кораном. На 8 станов Миссии имелось всего навсего 4—5 экземпляров Корана. Самого же помощника Начальника буквально завалил бумагами, так что бедному помощнику некогда было передохнуть от канцелярской писанины***. Выступать же неподготовленному было опасно. Это равнялось бы полному провалу.

В своей деятельности иеромонах МАНУИЛ с первых же дней своего пребывания в Миссии не только не ощутил моральной поддержки со стороны Епископа Киприана, но и заметил завистливое его нерасположение к себе.

Правда, Преосвященный показал вначале себя очень простым в обращении и вообще в образе жизни, так что иеромонах МАНУИЛ был даже в восторге от этого. Но а потом все как будто бы перевернулось и приняло совершенно иной вид, заставивший молодого миссионера усумниться в существовании идеальных людей. Начальник Миссии стал держать себя недоступно и гордо. Всю канцелярскую писанину и бумаги по Миссии он взвалил на своего помощника, а себя оградил покоем. Установил в своих покоях определенные часы приема, в которые однако не всегда можно было

* Письмо иеромон. Мануила к родным от 23 апр. 1913 г.
** Там же.
*** Там же.

попасть на прием. Днем он стал отдыхать по 2—4 часа и тогда все закрывалось у него на ключ и никто в это время не мог попасть к нему даже по самому неотложному делу — будь то городской человек, потерявший на пароме 2—3 часа, или члены Миссии.

К подчиненным своим Преосвященный стал относиться пренебрежительно, сухо, неискренно и гневно. Даже к слову Божию он относился непочтительно. Однажды, зайдя в его уборную, помощник заметил «Иноческий календарь», предназначенный им для низкого употребления.

Все это вместе взятое создавало весьма сложную обстановку для благотворной деятельности Миссии и, в частности, для помощника. Работать было трудно. А атмосфера все накалялась. Кипучая деятельность по приходу иеромонаха возбуждала к себе нерасположение Преосвященного. Она ему не нравилась.

Не удержался труженик-миссионер от молчания о том, что происходило с ним в Миссии и каковы сложились у него взаимоотношения с Начальником, хотя и пытался было умолчать.

«Дорогие родители, братья, тетя Соня и дядя Коля!

Не посетуйте на содержание сего письма,— с грустью в сердце сообщал он родным от 23 апреля 1913 года.— *Рано или поздно я должен был бы коснуться сего животрепещущего для меня вопроса. Дело касается моего здесь пребывания и жительства. Я вам как-то писал про характер нашего Владыки. В сущности, ни сам не погрешая и его не осуждая, могу сказать только одно: характер его сложный, неискренний и мстительный. Сначала я был в восторге от простоты его обращения, образа жизни и пр., в таком духе и вам писал. Но меня добрые люди предупреждали о подводных камнях его характера. И вот в течение трех последних месяцев мой корабль несколько раз слегка касался сих подводных скал и, конечно, чуть не терпел аварии...*

Главное, что он стал себя держать более недоступно и гордо, даже за эти последние месяцы и народ льнет ко мне. Но не это главное.

В Пасхальную вечерню 14 апреля он служил. Конечно, мы все по незнанию и по неопытности, делали ошибки в архиерейской службе, и он сердился, но как он сердился: ругался, стоя на кафедре, бранными словами, глазами всех нас уничтожал,— в результате духовно мы пережили небывалый страх за себя и стыд за него, ибо такой великий первый Светлый день он не смог воздержаться от своей привычки — наружно показывать свой гнев. Дня три-четыре я прожил как в тумане и его не звал к себе в гости, и он понял и слыхал, как я сказал:

— Где страх, там нет любви.

Если я его боюсь как человека, имеющего власть и могущего этою властью воспользоваться даже беззаконно, то там не найти любви.

И так лучше. С тех пор он стал любезен очень, приветлив, но все это — наружное. Сложность его характера — заключается в его двойственности.

И такие люди гнетут своих подчиненных даже своим смехом, ибо он неискренен, что обнаруживалось у него очень часто после архиерейских служб с ошибками, за которые он в душе негодовал.

Я скорбел все праздники часто и сильно задумывался. Хоть Божиим Промыслом сюда попал, но быть может для испытания?...

Жить с ним так, как я сейчас живу — (я бываю у него только по делам, раза 3—4 в месяц, с бумагами для подписи) — это уподобиться писцу канцелярскому.

И между тем все монашеское теряешь, и с его поощрения. В Великом Посту строгий сравнительно пост мой не нравился ему. Я крещусь тихо, как полагается и как учили меня в монастыре, он крестится чрезвычайно торопливо и небрежно. Я хожу, как монах, на службу в клобуке (что и Тверский архиерей соблюдал), а он без него. У меня лампадки горят за всеми службами во всех комнатах, а у него только одна лампада — в кельи, и та зажигалась до моего приезда в Миссию, раза два в год, а по моем приезде чаще. В столовой у него даже иконы в углу нет, в гостиной вместо иконы фотокопия на стекле Божией Матери.

Все в мелочах, но он их замечает, и во многом он начал по моем приезде менять порядки. Раньше по праздникам ставили гостям пиво, много вин и он пил по рюмочке. С моего приезда на все праздники, когда гости приходили, на столе — скромная закуска и только фруктовая вода.

— О. МАНУИЛ совсем не пьет, и я решил следовать ему.— Вот его слова, которые все слыхали на Рождество.

Все вместе взятое по мелочам создало такую атмосферу, что один его приближенный как-то сказал мне:

— Через год или вы Владыку нашего совсем перевоспитаете, или он, не желая следовать вашей строгой жизни, вас заставит уйти.

И здешнее общество также это примечает. Я же пребывал в скорбях, и больше из-за того, что он очень мстительный бывает и несправедливый, в чем убедился, видя на чужих людях горькие и слезные плоды его равнодушия и преднамеренного отказа в помощи и поддержке...

И вот, мои прозорливые старцы, видя все мои мучения, успокоили меня, но предупредили, что проявленная мною кипучая деятельность

по приходу не нравится ему и что я ему кажусь беспокойным человеком. Я ничуть не расстроился, ибо предвидел это. И городское духовенство также косится, да и есть за что...

23 апреля в городе была миссионерская беседа в обширном школьном зале. Тема была об иконах. Выступал и я перед 2—3-тысячной толпой православных и сектантов.

Я говорил не более 10 минут... Признали во мне талант. Это мое первое публичное выступление очень обрадовало и успокоило. И Владыка стал как-то лучше ко мне после него...

Между тем, он меня до сих пор не утверждает в должности. И я знаю, он своим характером и властью забыл бы меня, обезличил бы меня, превратил бы в рядового работника-писца. Неужели для этого я бросил любимую монастырскую жизнь?..

Поручитесь на волю Божию. Может быть, дело обойдется и я еще год проживу, а может быть, тронусь отсюда через 5—6 недель уже"*...

При такой обстановке в Миссии трудно было о. МАНУИЛУ. Нравственно он очень переживал и даже высказывал своим родным мысль о возвращении в Россию в какую-либо глухую, малолюдную обитель.

«Но лучше будет жить в России,— говорил он родным,— в каком-либо монастыре, чем занимать такую почетную должность и страдать душевно»**.

Но как ни прискорбно было трудиться о. МАНУИЛУ в сложившейся обстановке, однако он не покинул своего креста, а продолжил миссионерское дело еще в течение трех лет, охраняемый благодатным покровом Богоматери.

Отношения с Начальником Миссии так и не наладились. Холодная официальность по-прежнему продолжалась.

Но о. МАНУИЛ уже не обращал на это большого внимания и трудился за совесть, а не за страх. Господь видимо утешал его.

В Знаменском св. Ключевском женском монастыре неизвестно когда были потеряны святыни и ценности. Долго искали их, но все было тщетно. Объявили об этом иеромонаху МАНУИЛУ, часто навещавшему женскую обитель. Тот посоветовал совершить молебное пение Божией Матери пред Ея иконою «ЗНАМЕНИЕ». Помолились. В августе 1913 года потерянные святыни и ценности монастырские были чудесно найдены***.

---

* Там же.
** Там же.
*** "Преображение души", стр. 7.

Работы в Миссии было так много, что не хватало дневного времени для их выполнения. Приходилось сокращать ночные часы и ограничивать свой отдых.

За неустанное проповедничество и полезную службу Церкви Божией иеромонах МАНУИЛ 13 ноября 1913 года был награжден набедренником.

Кроме миссионерского дела, о. МАНУИЛ занимался и здесь своими любимыми работами с книгами. В период с 1913—1914 гг. он привел в полный порядок библиотеку Миссии, составив инвентарные и предметные каталоги. Параллельно с этим о. МАНУИЛ работал в области Сибирской богословской библиографии и состоял сотрудником предпринятого архиепископом Омским и Павлодарским Сильвестром (Ольшевским) издания «Сибирского Патерика».

2 июня 1914 года ко всем обязанностям добавилась еще одна обязанность — он был определен преподавателем на учительских курсах учащих церковно-приходских школ Омской епархии по истории сектоведения. А 9-го июля Преосвященным епископом Омским и Павлодарским Андроником назначен председателем Следственной Комиссии по освидетельствованию чудесного обновления в Семипалатинском Св. Ключевском Знаменском женском монастыре святой иконы АБАЛАКСКОЙ «ЗНАМЕНИЯ БОЖИЕЙ МАТЕРИ» и происходящих от Нея чудесных исцелений*.

Последнее назначение, как ничто другое, радовало его.. Оно было как бы наградой за все те переживания, которые перенес о. МАНУИЛ. А переживаний действительно было много. И о них надлежит нам рассказать подробно.

В часовне Св. Ключевского Знаменского женского монастыря находилась очень древняя АБАЛАКСКАЯ икона Божией Матери, именуемая «ЗНАМЕНИЕ». Она была кем-то простреляна и считалась местной святыней. 23 июля 1913 года икона обновилась**, и жители Семипалатинска и окрестностей потекли за исцелением к монастырской святыне.

Очевидцем чудесного знамения от иконы Божией Матери был и отец МАНУИЛ.

На Преображение во время молебного пения взглянул батюшка на образ Богоматери и сердце затрепетало неземною радостию: Лик ПРЕЧИСТОЙ вдруг просветлел, засиял небесною улыбкою, выражая радость о вере людей, приходивших к Ее помощи. Исцелилась болящая Вера, о чем она поведала всем людям. Отец МАНУИЛ весь

---

* Послужной список иеромон. Мануила за 1920 г.
** Памятослов Еп. Мануила, стр. 67.

охвачен был страхом пред Славою Божиею и милостию БОГОМАТЕРИ и, доселе безразличный в молитвах к ПРЕЧИСТОЙ, возгорелся к Ней необычайною любовию*. С этого момента он положил в своем сердце намерение прославить АБАЛАКСКУЮ икону БОЖИЕЙ МАТЕРИ. На следующий день было доложено Еп. Киприану о происшедшем обновлении.

Преосвященный скептически отнесся к совершившемуся факту, и сказал своему помощнику:

— Посмотрим, что там за явления появились. А Вам советую не очень-то разглашать о виденном. Мне кажется, у Вас просто в глазах почудилось. И не думай о каком-то прославлении.

С великою скорбью вышел о. МАНУИЛ от своего начальника. «Неужели святыня не будет прославлена и не исполнится его желание?»— едва удерживаясь от слез. говорил сам себе иеромонах-миссионер.— Нет, сего не должно быть! ПРЕЧИСТАЯ помоги! Несколь- ко дней он был в подавленном настроении. Работа никакая не клеилась. Сон исчез. В ушах неумолимо звучали слова епископа: «И не думай о каком-то прославлении».

Как долго точила бы скорбь ревнителя славы БОГОМАТЕРИ, если бы не пришло утешение ему свыше. В минуты внутреннего переживания за судьбу монастырской святыни 9 августа вдруг слышит он голос ПРЕЧИСТОЙ:

— Дерзай, МАНУИЛ, дерзай МАНУИЛ, все твои дела увенчаются успехом**.

Ободрился о. МАНУИЛ и снова обратился к преосвященному Киприану с просьбой посодействовать ему прославить икону БОГОМАТЕРИ. Но сколько ни упрашивал он своего начальника, так и не убедил и не склонил его к признанию, что АБАЛАКСКАЯ икона действительно обновилась. Епископ продолжал упорствовать и коснеть в своем мнении. И не только упорствовать, но и вооружаться против святыни. 14 сентября вечером он прислал указ на имя Семипалатинского губернатора, которым наложил запрет на икону***, чтобы перед Ней не совершать никаких молебнов.

Сердце о. МАНУИЛА дрогнуло. Весь в горячих слезах он повергся ниц перед АБАЛАКСКИМ ликом БОГОМАТЕРИ и умолял Заступницу защитить от нападок жестоковыйного епископа. И когда он вышел из храма, преисполненный внутренними переживаниями, и был уже в поле недалеко от своего стана, неожиданно услышал голос:

* Там же, стр. 82.
** Там же, стр. 73.
*** Там же, стр. 89.

«Дерзай, МАНУИЛ, Я Твоя порука!»

Встрепенулся подвижник, понял, что Божия Матерь призывает его к мужеству, опустился на колени и слезно благодарил ПРЕЧИСТУЮ за Ее утешение. И с этого момента он не иначе называл Божию Матерь как только «РОДИМАЯ МАТУШКА». Таковы скорби. Они завершились утешением. 7 июля 1914 года икона АБАЛАКСКАЯ была прославлена. Часовня, где находилась святыня, была открыта и перед образом торжественно совершен молебен преосвященным Омским Андроником в сослужении епископа Киприана и множества духовенства*.

За все понесенные скорби, и за любовь к святыне ПРЕЧИСТАЯ, как бы в награду, Сама призвала иеромонаха МАНУИЛА к труду во славу СВОЕГО имени. Тысячи чудесных явлений засвидетельствовала тогда Комиссия в своих бумагах. Святыня Знаменского Св. Ключевского женского монастыря была обнародована.

Непосредственное участие в освидетельствовании чудесного обновления иконы БОГОМАТЕРИ побудило иеромонаха МАНУИЛА предпринять нелегкий труд — собрать весь исторический материал об АБАЛАКСКОЙ иконе Божией Матери и вообще по иконописанию в Сибири в XVIII—XIX вв.

Труден был этот подвиг. Он требовал и моральных, и физических сил. А у отца МАНУИЛА от долгой и утомительной работы в миссионерской канцелярии при керосиновой лампе в вечернее и ночное время болели глаза**. Но о немощах телесных приходилось забывать. Главное — успеть все сделать во славу БОГОМАТЕРИ. Целыми днями в течение ряда лет (с 1914 по 1916 гг.) просиживал труженик-миссионер в разных церковных, общественных и государственных архивах и библиотеках Семипалатинска и Омска, роясь в бумагах, книгах, часто без обеда и отдыха. Материал был собран. Он составлял ни более, ни менее как 700 страниц большого формата. Весь материал предназначался для написания научного труда по «иконографии ЗНАМЕНИЯ БОГОМАТЕРИ». Но это в будущем.

В трудные минуты жизни БОЖИЯ МАТЕРЬ не оставляла Своего труженика Своим Покровом, но утешала и ободряла его.

В ночь под 15 августа 1915 года он видит необыкновенный сон. На носилках он несет ВЛАДИМИРСКУЮ икону БОЖИЕЙ МАТЕРИ. Она тяжелая. Нести трудно. Взглянул он на Лик БОГОМАТЕРИ и тут же заметил, как ОНА матерински улыбнулась ему. Сердце

* Там же, стр. 61.
** Письмо иеромон. Мануила к родным от 23 марта 1913 г.

затрепетало от радости*. Вместе с ним был и знакомый ему священник — настоятель казачьей церкви о. Андрей Баланев.

Хотя и сон это был, но в нем отец МАНУИЛ видел над собой Покров БОГОМАТЕРИ.

Много труда приложил помощник начальника Киргизской Миссии и в устроении обители в честь святителя АЛЕКСИЯ на Каштаке. Но к этому труду о. МАНУИЛ был призван чудесным явлением знамения Божиего.

1-го октября 1913 года в день праздника Покрова Божией Матери он впервые совершил поездку в местечко, называемое Каштак, расположенное недалеко от Семипалатинска. И когда осматривал местность будущей обители, был ему внутренний голос: «Со многими скорбями взойдешь в место сие, но трудами оно и молитвами впоследствие прославится**».

Место было уединенное, оно как раз соответствовало целям иноческой жизни.

Осенью 1914 года отец МАНУИЛ вместе со своим келейником Георгием вторично прибыл в Каштак на избранное им место для запечатления на нем молитвами святителя АЛЕКСИЯ будущих границ монастырской ограды. Они протянули веревку и любовались заходом солнца. Вдруг келейник вскрикнул:

— Отец МАНУИЛ, отец МАНУИЛ! Батюшка! Видите ли Вы собак? Смотрите, они повисли на веревке! — А потом, словно придя в себя от видения, вновь воскликнул:

— То не собаки, а нечистая сила облепила веревку.

— Быть на сем месте св. обители,— решили старец и ученик,— раз уж нынче злая сила так мешает устроению монастыря***.

И когда они на следующий год измеряли вновь место, подошел к ним местный житель — инородец и сказал:

— Здесь русска церковь буде. Бим-бом, бим-бом сильно звонил, народ многа, белы дома. А я слышал, видел сам... давно было.

Радость посетила сердце о. МАНУИЛА. Господь устами иноверца указал на будущую обитель, и вера крепкая утвердилась в его сердце****.

В мае 1916 года он написал доклад Преосвященному Киприану и приложил 19 вопросов. Епископ как в деле прославления иконы Божией Матери, так и в устроении обители на Каштаке проявил косность. Отец МАНУИЛ был крайне огорчен+.

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 75.
** Памятослов Еп. Мануила, стр. 98.
*** Там же, стр. 97.
**** Там же, стр. 70.
\+ Там же, стр. 44.

— Матерь Божия,— молился он в скорби,— Ты Сама устрой все во благо.

И видит Батюшка в легком сне расставленные на Каштаке ульи и роение пчел*. Очнулся от сна и уразумел, что Сама ПРЕЧИСТАЯ поможет ему осуществить задуманное.

В день памяти святителя АЛЕКСИЯ (20 мая 1916 года) был получен большой денежный вклад для устроения обители на Каштаке**. Так завершились удачно все его хлопоты о монастыре святителя АЛЕКСИЯ.

Жизнь помощника Начальника Миссии исполнена была дел милосердия. Ни одно человеческое горе не проходило не замеченным им. И одних скорбящих он утешал своими совами сострадания, другим материальной помощью, а иных горячей молитвой. Сердце отца МАНУИЛА было очень отзывчиво к чужому горю.

В канун 1913 года пришла к нему в стан одна женщина, мать ученика миссионерской школы и двух малых ребят. Упала бедная ему в ноги, заплакала: «Батюшка, помоги, выручи моего мужа,— стала умолять она его.— Не допусти, чтобы наше единственное имущество было продано с торгов».

И так жалко, жалко стало ему женщину.

— Иди, дорогая,— сказал он ей,— постараюсь чем-либо помочь. Женщина ушла успокоенная. А отец МАНУИЛ сам лично рассмотрел у адвоката и мирового судьи судебное дело пострадавших и, убедившись, что им действительно предъявлен иск на избу в сумме 100 рублей и что им негде взять такой суммы, занял у Епископа в счет своего жалованья 75 рублей и отдал мировому судье за пострадавших, а остальные 25 рублей внес сам хозяин, продав свою единственную лошадь***.

И таких дел милосердия у него было без конца. Вот почему отец МАНУИЛ был всегда в долгах.

Келейника своего он очень любил и оказывал ему и его родным и моральную, и материальную поддержку****.

Келейник же благоговел перед своим старцем и за простоту своего сердца удостаивался видеть Божию благодать, посещавшую его батюшку. Как-то раз (в 1914 году) отец МАНУИЛ молился. Было летнее солнечное утро. Егорушка тоже стоял и вместе с батюшкой совершал молитвенное правило. И вдруг он видит как вокруг головы старца появился яркий венец, сильнее дневного света. Появился и

* Там же, стр. 44.
** Там же, стр. 44.
*** Письмо иеромон. Мануила к родным от 13 февр. 1913 г.
**** Письмо иеромон. Мануила к родным от 16 нояб. 1915 г.

вмиг исчез. Келейник пересказал о виденном батюшке и тот запретил ему говорить кому-либо об этом*.

А однажды (в том же году) поздно вечером отец МАНУИЛ совершил вечернее правило и лег отдыхать. Он уже погрузился в легкий сон, как неожиданно был разбужен громким голосом келейника:

— Батюшка мой! Батюшка! Я вижу что-то необыкновенное. Я вижу вместо Вас лежащий на ложе скелет, горящий голубоватым огнем!

Старец и келейник оба заплакали. А отец МАНУИЛ так горько и долго плакал, что Егорушка не знал как успокоить его. И тогда же был старцу голос: «Мануил, ты умрешь в...» Но об этом ни ученику своему и никому другому он так и не поведал**.

Иеромонах МАНУИЛ помогал людям не только материально. Он имел дерзновение исцелять больных и особенно порченых и бесноватых.

Однажды привели к нему бесноватую Матрону. Она вся корчилась и сильно ударялась о землю. Отец МАНУИЛ начал ее отчитывать. И когда дошел до заклинания в разных местах человеческого тела нечистого духа, бесноватая вскрикнула и завопила:

— Ай да угадал! Ай да угадал! Что же я теперь буду делать?! Уйду, конечно, уйду; сегодня же с остальными всеми...

И бес вышел. А больная упала на землю и долго лежала, как пласт***. Затем она встала совершенно здоровой.

В трудные минуты жизни Господь через Свою ПРЕЧИСТУЮ МАТЕРЬ предупреждал Своего избранника от опасности. Отец МАНУИЛ имел неких двух друзей, которым многое доверял и открывал из своей жизни. Но однажды явилась ему РОДИМАЯ в сонном видении и сказала:

— Иди, вот Я покажу тебе твоих врагов. И повела его в моленную. Там он увидел двух своих «мнимых» друзей, которых потом и обличил жестоко за их лицемерие и двуличие****.

Подвижник-миссионер имел дар дерзновенной молитвы и им он не раз пользовался в своей жизни во благо церковного дела.

В июне 1916 года немечалось прославление святителя ИОАННА Тобольского. Иеромонаху МАНУИЛУ было поручено написать доклад и представить его в готовом виде архиерею. Приближался день торжества, а доклад еще не был готов. Отец МАНУИЛ сильно

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 70.
** Там же, стр. 97.
*** Там же, стр. 94.
**** Там же, стр. 58.

заскорбел душой, ибо боялся архиерея. Тогда он стал молиться святителю ИОАННУ Тобольскому:

«Святителю ИОАННЕ, если ты действительно новоявленный русский святой, то сотвори чудо: задержи имиже веси судьбами приезд архиерея, чтобы я мог успеть окончить свой доклад».

Так молился отец иеромонах в горести своей святому, а сам отправился к намеченному времени на пристань встречать из Зайсака Епископа Киприана. Пароход приближался. Вот он уже причалил к пристани, подан трап. Пассажиры выходят, а архиерея нет*. Что-то случилось. А что? — Никто не знал.

Отец МАНУИЛ спокойно закончил свой доклад, а в намеченный день торжества совершил всенощную и Божественную литургию. Только в 10 часов вечера прибыл архиерей.

«Что же с Вами случилось?»— спросил его отец МАНУИЛ.

И Епископ рассказал:

— «Когда я выехал в карете, запряженной рысаками, я чувствовал себя превосходно. Но дорогой в поле случилась беда: неожиданно расстроился мой желудок, и я вынужден был несколько раз останавливать карету и выходить в поле. И пока я делал подобную процедуру, время шло. Я явно запаздывал на пароход. Последние километры я гнал лошадей во всю прыть, в надежде застать пароход. Но увы! — едва я только подъехал к пристани, как пароход подал гудок и отплыл от берега. А я вынужден был еще два дня ожидать другой пароход. Вот такие-то странные дела произошли со мной»,— смеясь, закончил свой рассказ епископ.

Нельзя умолчать и о таком случае. 16 августа 1916 года отец МАНУИЛ плыл на пароходе по Иртышу в Омск. Он вез доклад Преосвященному Киприану. Но доклад был еще не закончен. А зная строптивый характер Преосвященного, очень боялся, что последний не удержится от гнева и обязательно сделает ему строгий выговор. Пароход заметно приближался к месту своего назначения. Отец МАНУИЛ волновался и болезненно переживал предстоящую встречу с Епископом. Его охватил страх. «Господи,— взмолился он,— за молитвы святителя ИОАННА Тобольского задержи пароход, пока я не окончу доклад!»

Не прошло и нескольких минут, как пароход неожиданно сел на мель. И сколько не пытались матросы вывести его из опасного положения, так и не смогли. И только, спустя три дня, когда отец МАНУИЛ закончил доклад, пароход без особых усилий был сдвинут с места и продолжил свой путь.

* Там же, стр. 51.

Четыре с лишним года трудился иеромонах МАНУИЛ в Киргизской Миссии. Ему хотелось и еще потрудиться здесь и как можно более сделать хорошего, но тоска по монашеской жизни звала его под стены монастырские. Да и взаимоотношения с Епископом Киприаном были слишком натянутыми*. Оставаться далее в Миссии он уже не мог. Было подано прошение в Петербургскую духовную академию.

19 августа 1916 года иеромонах МАНУИЛ был принят студентом первого курса академии, и первого сентября он был отчислен из Миссии со следующей характеристикой:

«Благоговеин, трудолюбив и миролюбив»**.

ПЕТРОГРАДСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

(1916—1918 гг.)

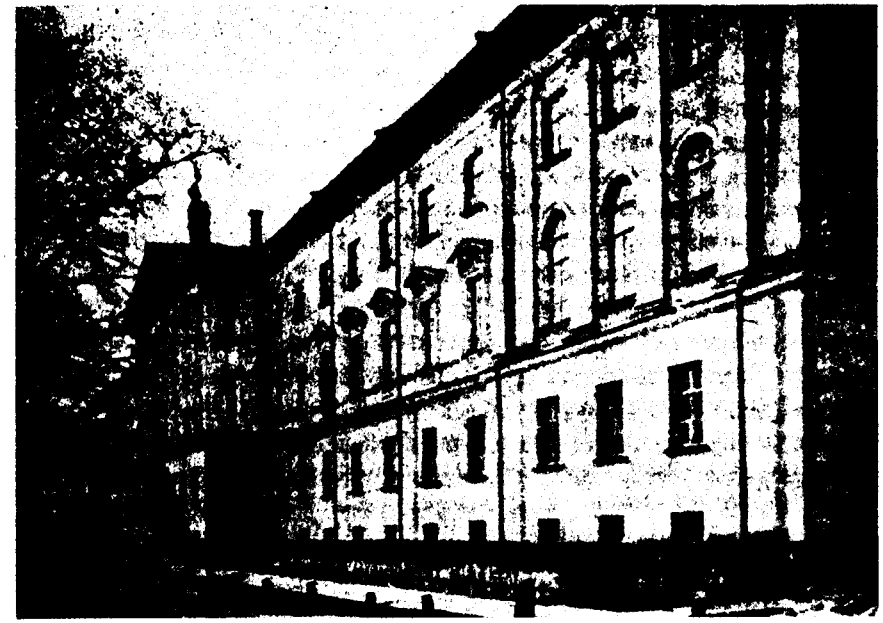
Аудитория... Идет лекция. Студенты Петроградской духовной академии внимательно слушают профессора. В числе слушателей небольшого роста, но уже в духовной одежде и с крестом на груди иеромонах МАНУИЛ (Лемешевский). То, о чем говорил профессор, ему было уже не ново. Да и это ли только не ново?..

Отец МАНУИЛ поступил в Академию с большим багажом и светских и богословских знаний. Слушать лекции было легко. Больших усилий не требовалось. Оставалось много времени и для своих библиографических занятий. В течение учебного зимнего сезона в первый же год учения в Академии он успел составить карточный предметный указатель (до 18 тысяч названий) к каталогу на 1917 год книжного магазина И. Л. Тузова и карточный каталог «Библиография иконографии ЗНАМЕНИЯ БОЖИЕЙ МАТЕРИ» (около двух тысяч названий).

В сентябре 1916 года о. МАНУИЛ познакомился с дивными старцами Глинской обители: бывшим казначеем игуменом Мелхиседеком и иеромонахом Тимофеем, изъяснившими ему грядущие судьбы Русской Православной Церкви и Отечества. Да и сам он видел во сне приоткрытые завесы о будущей судьбе МАТЕРИ-ЦЕРКВИ.

Как будто бы отец МАНУИЛ находится в Чудовом монастыре в келии о. Варнавы. И видит он, как густая тьма спустилась над

* Письмо иеромонаха Мануила к родным от 16 ноября 1915 года.
** Послужной список иеромон. Мануила за 1920 г.



Санкт-Петербургская духовная академия

Москвой, а Божии угодники сотворили великий плач о русской земле. В храмах потухли лампады, поблекли кресты на церквах и замолкли кремлевские колокола*.

Беседы со старцами и сновидения подготовили подвижника к грядущим испытаниям христианского мира.

В феврале 1917 года иеромонах МАНУИЛ написал по кафедре Истории славянских церквей семестровое сочинение на тему «Учреждение сербского патриаршества в XIV веке», использовав по этому вопросу всю литературу на русском, сербском, болгарском, итальянском и др. языках. Профессор прот. В. Верюжский оценил эту работу высшим баллом 5+. Семестровое сочинение иеромонаха МАНУИЛА, согласно отзывам двух профессоров — прот. В. Верюжского и И. С. Пальмова, было признано выше кандидатки и немного ниже магистерки из-за некоторых необходимых поправок и уточнений.

Профессор И. С. Пальмов предложил тогда сербскому посланнику Сполойковичу приобрести этот труд, перевести его на сербский язык и напечатать в Белграде. Патриарх Сербский Варнава способ-

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 103.

ствовал этому делу, но февральская революция прервала всякие переговоры, и сочинение осталось только в рукописи.

Спустя некоторое время в № 68 «Всерос. Ц. О. В.» 1917 года появилась библиографическая работа иеромонаха МАНУИЛА под названием «Литература о монашестве и монастырях».

Как ученый монах, летом 1917 года он был назначен секретарем предсъездного совещания ученого монашества в Москве.

Время было тревожное. Волна революции нарастала. Она захватила не только студенчество светских высших учебных заведений, но и студенчество духовных академий.

В Петроградской духовной академии среди студентов была организована так называемая «сходка», имевшая основную цель — внести нечто новое в жизнь духовных школ. В числе членов «сходки» был и иеромонах МАНУИЛ (Лемешевский). Он был активным ее деятелем. «Сходка» поручила ему составить проект пересмотра всего Устава Академии. С большим желанием взялся за дело о. МАНУИЛ. К концу учебного года 1916/1917 гг. проект был написан. Вот текст этого проекта:

«Коренной пересмотр Устава, в частности, желательно с наступающего 1917/1918 учебного года ввести следующие изменения в распорядок учебной жизни студентов Духовной Академии:

ПРИЕМ СТУДЕНТОВ В АКАДЕМИЮ

Необходим прием студентов в Академию без экзаменов, студентов I и II разряда духовных семинарий и окончивших светские средние и высшие учебные заведения.

МАТРИКУЛЫ

Каждому студенту Академии с наступающего учебного года выдать т. н. матрикулы с наклеенной фотографической карточкой его владельца по образцу Петроградского Университета.

СОЧИНЕНИЯ

Семестровые сочинения, как обязательные, отменить, но предоставить право желающим студентам писать сочинения на выбранные ими или предложенные гг. профессорами темы на каждое полугодие по одному. Причем вопрос о выборе тем выяснять в конце каждого учебного года, дабы желающие студенты и в течение лета могли бы подготовить материал для своих тем.

Предоставить право студентам низших курсов выбирать темы по предметам, проходимых на высших.

§

Кандидатские сочинения, как обязательные, отменить, предоставив право писать их желающим получить золотую медаль при окончании.

§

Отменить из устава Академической фундаментальной библиотеки ограничение пользования сданными на хранение кандидатками студентам первых трех курсов.

§

ПРОПОВЕДИ

Подачу обязательную письменных проповедей отменить, усилив за счет из обязательную устную проповедь студентов в храмах Петроградских.

ОТМЕТКИ

Отменить пятибалльную систему за сочинения и экзамены, вводя три оценки знаний: неудовлетворительно, удовлетворительно и в. удовлетворительно.

Все полученные студентами оценки первых двух курсов отменить и перевести на новую систему.

РАЗРЯДНЫЕ СПИСКИ

Соответственно сей отмены отменить разрядные списки студентов.

§

Превышение оценки «В. Удовлетворительно» из общего числа предметов дает право на I разряд, а превышение оценки «удовлетворительно» — на II разряд.

§

По каждому разряду студенты распределяются по алфавиту фамилий, а не по числу имеющихся преимуществ в сих оценках.

§

При окончании Академии первый разряд по службе не дает никаких преимуществ перед вторым и второй не дает никаких ограничений.

§

Преимущество первого разряда сохраняется при получении звания магистра (богословия).

ЭКЗАМЕНЫ

Предоставить студентам Академии держать как переходные, так и выпускные экзамены на весенней и осенней сессии, срок коих назначается Советом профессоров Академии.

§

Не сданные экзамены, если число их не превышает половину обязательных предметов (за исключением иностранных языков), не препятствуют студенту быть переведенным на следующий курс.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ

За счет необязательной подачи семестровых и проповедей усилить практические обязательные занятия по тем предметам, применение и широкое знание которых необходимо в предстоящей студентам Академии пастырской и общественно-преподавательской деятельности.

О ПРЕДМЕТАХ ПОЖЕЛАНИЯ

Обратиться с аналогичными призывами к студенчеству других Духовных Академий через посредство печатных органов.

§

О постановлениях сходки довести до сведения Обер-Прокурора и Преосвященного Ректора Академии — в копиях через уполномоченных сходкой делегации, а в подлинниках в Правление Петроградской Духовной Академии».

Проект сходки, написанный иеромонахом МАНУИЛОМ, касался главным образом изменения учебной части Устава Академии и продиктован был жизненной практикой. Но он не был осуществлен в жизни. Этому помешали предстоящий Поместный Собор Русской Православной Церкви, на который было обращено основное внимание ученой корпорации, и волна революции.

В сентябре 1917 года ученый библиотекарь Петроградской Академии С. А. Родосский ушел на фронт. Его заменил помощник библиотекаря б. псаломщик Лондонской посольской церкви Фоминский, а вместо Фоминского по единогласному решению профессоров Академии 1-го октября назначен нештатным помощником библиотекаря иеромонах МАНУИЛ, студент 2-го курса академии*.

Снова библиотека, снова тысячи книг, рукописей. Снова труды, труды. В ящиках библиотеки одна за другой появляются Сербская церковная библиография, библиография инославных исповеданий, библиография церковной археологии. Книги для него теперь как

* Послужной список иеромон. Мануила за 1920 г.

родная стихия. Без них он не может жить. Они пленяют его и красотой внешнего оформления, и глубиной своего содержания, и теми личностями, кто их писал. Книга для него не просто бумага, заполненная типографскими буквами, а личность, всегда говорящая, всегда мыслящая и сообщающая свои мысли другим. С авторами он как бы беседует. Спорит с ними, соглашается, возражает, восхищается их наставлениями, умиляется, плачет, скорбит, возмущается, похваляет, исполняется дерзновения и мужества, уходит в размышление далекого прошлого, мечтает о будущем и т. п.

Особенно дороги были для отца МАНУИЛА авторы, говорившие ему о монашеской жизни. И одна за другой между занятий прочитываются им книги: преп. ИОАННА Лествичника, «Едино на потребу», «Монашеская жизнь», наставления Святителя ТИХОНА Задонского, правила для новоначальных Епископа ИГНАТИЯ Брянчанинова, «Доброе слово новоначальному послушнику» и другие.

Его духовное богатство с каждым днем все пополнялось и пополнялось. Дух горел ярким пламенем любви к Создателю и неотвратимым желанием как можно больше делать добра людям. Отец МАНУИЛ, как имевший уже опыт по университету, создает в Академии историко-литургический и догматический кружок и сам для него составляет специальную программу. Цель кружка определялась самой деятельностью, которая намечалась программой. Круг же деятельности так определялся его автором:

1. Составление Петроградского Епархиального Патерика;
2. Составление Петроградского Отечника;
3. Составление «Книги вечной скорби»
4. Составление «Книги вечной радости»;
5. Составление «Книги вечной печали»;
6. Составление общего сводного Синодика-месяцеслова (по Северному краю);
7. Составление «Книги великого укора и назидания».

В состав Петроградского Патерика, по мысли автора, должны войти в первую очередь жития всех канонизированных угодников, почивающих в Петроградской епархии, жития тех, которые много потрудились в ней, а потом, будучи назначены в другие епархии, не теряли с ней своей связи. Сюда же затем должны быть включены и жития тех угодников, которые, будучи не канонизированы Высшей Церковной Властью, были почитаемы местными Епархиальными Управлениями, как например, ФЕОФИЛ и ИАКОВ Лужские, МАРТИРИЙ Зеленецкий, ИЛАРИОН Гдовский, Зеленецкий.

Кроме этого, сюда же входить должны и жития тех немногих подвижников, которые своим благочестием заслужили почитание церковное «местное» (Блаженная КСЕНИЯ и блаженный МАТВЕЙ).

В «Книгу вечной радости» автор имел в виду поместить рассказы и жизнеописания о тех православных христианах, которые своею высокою христианскою жизнью и кончиною в народном почитании не оставили по себе памяти, но в кругу родных и близких и для пользы духовной оставляют великую радость духовную о них и назидание. (Таковы: Евфимия Кошкарева, Екатерина Сильбрай, Мария Карель, Полексия Гирей, Ксения Селихова, отрок Николай Леушин и др.).

В приложениях разрешалось помещать жизнеописания и из других губерний.

Жизнеописания о таковых лицах собираются через родных и знакомых и прочитываются на собраниях.

В «Книгу вечной скорби» намечалось помещать имена всех умерших без покаяния, убитых, внезапно скончавшихся, скончавшихся в темницах и изгнании, от ран, имена удавленников и утопленников.

И, наконец, в «Книгу великого укора и назидания» должны были войти описания лютых кончин нераскаянных грешников, самоубийц, богоотступников и др. преступников. Их имена необходимо было записывать в особый синодик и поминать на проскомидии и панихидах (бывш. иеромон. Иоанн, Гавриил и Григорий Распутин).

Таков в сущности был круг деятельности историко-литургического и догматического кружка, созданного иеромонахом МАНУИЛОМ* Цель была скромная, но благородная. Подвижнику благочестия, испытавшему в жизни и радости и горести, хотелось научить молодое образованное поколение видеть все в мире здравыми очами веры. Научить опытно познавать источник радости и причину скорбей и укора.

Немало студентов Академии изъявило свое желание принять участие в деятельности кружка, и уже видны были добрые плоды, как внезапно нормальная жизнь Академии в сентябре 1918 года прекратилась, а с нею прекратил и свою деятельность кружок. Так не суждено было осуществиться доброму начинанию ученого монаха-студента.

Сам же отец МАНУИЛ, инициатор кружка, согласно прошению 7-го августа н. ст. был отпущен в пределы Олонецкой губернии для научного обозрения и описания памятников местной древней церковной старины с правом поступления в братство одной из обителей Олонецкой епархии*.

13 августа н. ст. 1918 года иеромонах МАНУИЛ был принят в число братии Муромского монастыря и указом Епископа Олонецкого и Петрозаводского ИОАННИКИЯ того же числа назначен духовником обители**.

* Удостоверение от 7 авг. 1918 г., № 609.
** Там же.

МУРОМСКИЙ МОНАСТЫРЬ

(1918—1919 гг.)

Муромская обитель расположилась как бы на откосе высоко, высоко над водою широкого Онежского озера. Монастырь был малолюден, слишком суровый северный климат пугал подвижников и мало находилось охотников проходить иноческий подвиг в холодном крае.

Вот в такую-то обитель и прибыл на буксире* по научной командировке студент 3-го курса Петроградской духовной академии иеромонах МАНУИЛ. Его потянула сюда не одна только научная работа. Он искал себе уединения и молитвенного подвига в тихой малолюдной обители, каковой и был Муромский монастырь. Суровый климат его не пугал. К нему он закалил себя еще в безбрежных степях Казахстана на берегу Иртыша в Заречной Слободке, где наряду с холодом часто господствовала лихорадка. Ветры и снежные бураны ему тоже не помеха. Они пробуждали в нем только мужество и еще больше закаляли его волю.

Пусть завывают себе вьюги, ему не страшно. Под их песни хорошо творить Иисусову молитву и возносить хвалебное пение Богу. Климат суровый, но сердце горячее. Оно жаждало подвигов именно среди сурового климата. И вот это место — Муромская обитель...

Отец МАНУИЛ не любил терять время и находиться в праздности. С первых же дней приезда в северную обитель он сразу же приступил к выполнению своих обязанностей, возложенных на него Академией и правящим Олонецким епископом. Время распределялось очень аккуратно. Утром молитвенное правило, затем литургия, подкрепление себя скудной пищей, небольшое монастырское послушание, а потом работа с книгами и рукописями в монастырском архиве и библиотеке; вечером церковная молитва, трапеза, снова работа с книгами и рукописями, молитва и сон. Редко когда отводил несколько минут на прогулку после праведных трудов, чтобы подышать свежим воздухом и подкрепить свои силы.

Работал он в архивах и других монастырей Олонецкой епархии, выискивая, как неутомимая пчелка, духовный нектар, залежавшийся в обителях.

В Муромском монастыре братия очень любила его за его кротость, трудолюбие и духовную настроенность.

И несмотря на то, что ему было тогда 35 лет, вся братия: старцы и юные — чистосердечно приносили ему свое покаяние и получали от него мудрые советы.

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 76.

Муромский монастырь. Футляр для установки церкви Воскресения Лазаря. Экстерьер. Общий вид. Фото А. В. Ополовникова, 1959 г.

Отец МАНУИЛ как-то не выделял себя из числа монастырской братии и наравне с нею разделял физический труд. Он колол дрова, очищал в зимнее время монастырский двор от снега, ходил к озеру за водой и т. п. Последнее послушание было трудным и даже опасным.

Зимой воду брали из проруби, а до проруби 117 ступеней под откос, часто покрытые льдом. Надо было умудриться пройти эти 117 ступеней туда и обратно, да еще с ведрами, наполненными водой, и чтобы не упасть. Отец МАНУИЛ ходил, носил ведра с водой и, конечно, не раз падал. А однажды совсем провалился в воду. Благо, что увидели монахи утопающего, а то не миновать бы беды. Быстро вытащили. Это случилось в ноябре 1918 года. В том же году 7 ноября некий рабочий Петр Боровой покушался убить его. Господь сохранил*.

10 декабря умер его отец Виктор Густавович, принесенный из тюрьмы. Горько оплакал Отец МАНУИЛ кончину своего родителя, а затем, как любящий сын, приступил к служению Божественной

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 112.

литургии о упокоении усопшего. 40 дней подряд совершал он обедни и, когда окончил сорокоуст, в первую же ночь явился ему отец и поблагодарил сына за молитву.

31 декабря во время вскрытия мощей преподобного АФАНАСИЯ отец МАНУИЛ был чудесно спасен от расправы и расстрела хулителей.

В Муромской обители иеромонах МАНУИЛ пробыл до января 1919 года. Монастырь опустел, и он вынужден был покориться воле Божией и возвратиться к пастырской деятельности в многолюдный Петроград, где установилось уже новое Правительство и город перешел во власть Советов.

ПАСТЫРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ В ПЕТРОГРАДЕ (1919—1923 гг.)

Петроград встретил северного подвижника не ласково. Духовной академии уже не было. Профессора принимали зачеты, экзамены и сочинения от студентов частным образом у себя на квартирах. Пришлось остановиться на жительство в доме своих родителей и искать себе место служения.

Первые месяцы изредка служил в Александро-Невской Лавре. А в марте (с 5 числа) он поступил на Высшие Библиотечные Курсы при Институте по внешкольному образованию, что на Надеждинской улице, 35*.

Но все это не могло удовлетворить духовные потребности отца МАНУИЛА. Душа его тосковала по церковной службе, о приходской жизни.

В канун праздника Благовещения 24 марта 1919 года он молился за всенощной в храме на Афонском подворье. Торжественно совершалась служба, а отец МАНУИЛ, обливаясь горячими слезами, умолял Царицу Небесную послать ему прихожан и церковь вручить ему**. Молитва его была услышана. Другой человек, ревнитель благочестия, любитель-псаломщик Спасской домовой церкви Владимир Борисович в праздник Благовещения после обедни пришел в Знаменский храм, чтобы отслужить молебен Божией Матери и просить у Нее хорошего священника. Отстояв молебен, он обратился к батюшке:

— Отче, кого бы нам пригласить на свободное место в нашу Спасскую церковь?

* Извещение от 1 марта 1919 года.
** Памятослов Еп. Мануила, стр. 24.

— Да вот о. МАНУИЛ свободен. Его и возьмите.

Так Божия Матерь утешила первого и последнего. Иеромонах МАНУИЛ перешел на служение в Спасскую домовую церковь в Литейном Отделении Александро-Невского братства Трезвости*.

15 мая 1919 года он был принят в библиотеку Центрального Педагогического Музея в качестве научного сотрудника**, а с 15 июня назначен старшим библиотекарем той же библиотеки с окладом 1020 рублей в месяц по новым ставкам***.

2/15 августа 1919 года митрополитом Вениамином определен и. д. настоятеля Сергиевой пустыни Петроградской епархии.

4 августа отец МАНУИЛ трогательно распрощался со Спасскими прихожанами, но когда приехал в Сергиеву пустынь, там его не приняли. Постоял он за обедней 6 августа, поскорбел и возвратился в Спасский приход****.

7/20 сентября он был утвержден здесь настоятелем+. Должностей теперь было так много, что отец МАНУИЛ едва успевал их выполнять. Он был и библиотекарем, и настоятелем, а с 21 августа 1919 года еще и заведующим отделом социальных наук, религии и философии при Центральной Библиотеке Совдепа 1-го городского района им. Луначарского++.

Параллельно с пастырством и другими занятиями отец МАНУИЛ готовил предметы за 3 и 4 курсы академии, семестровые сочинения и кандидатку на тему «Иконография ЗНАМЕНИЯ БОЖИЕЙ МАТЕРИ». Кроме того, собирал материал по вопросу о чудесном обновлении св. икон с древнейших времен христианских до настоящего времени. В последнем случае ему помогала Редакция «Миссионерской Хроники», поместившая в приложении к № 11 «Миссионерской Хроники» составленный им вопросный лист. Автор имел в виду подробно и всесторонне (исторически и иконографически) осветить совершенно неисследованный вопрос в нашей богословской литературе.

Ученые занятия не заглушали у отца МАНУИЛА основной заботы о людях. Время требовало самого теплого участия в людских горестях и страданиях. Народ голодал, ему нужна была помощь. Отец МАНУИЛ открыл свою щедрую руку голодающим.

---

* Там же, стр. 24.

** Удостоверение от 24 мая 1919 г., № 595.

*** Выписка из журнала № 20 Заседания Коллегии Центрального Педагогического Музея от 15 мая 1919 г.

**** Памятослов Еп. Мануила, стр. 72.

\+ Послужной список иеромон. Мануила за 1920 год.

++ Удостоверение от 3 мая 1920 г., (Работал в этой библиотеке до 1 мая 1920 года).

При Спасском приходе, куда он был назначен настоятелем, существовала столовая для бедных, устроенная еще по благословению о. ИОАННА Кронштадтского. Ее-то и использовал для благотворительных целей отец МАНУИЛ. Ежедневно в столовую приходило не менее 100 человек нуждающихся и питались от трапезы прихода. Бывали случаи, когда в церковной кладовой накануне ничего не оставалось. Тогда совершалась молитва с народом. И неожиданно являлись благотворители, привозили продукты, хлеб, дрова и т. п. И снова сокровищница церковная наполнялась всем необходимым.

Многим нравилось, что при Спасской церкви устраивались поминальные обеды с литией, и это еще больше располагало людей к благотворительности.

Сам отец МАНУИЛ не обременял общину. Он трудился в библиотеках и часть своего жалования употреблял на бедных.

Благотворительная деятельность иеромонаха МАНУИЛА еще более увеличилась, когда его старанием при Спасской церкви в марте 1920 года было основано братство. В субботу крестопоклонной недели Великого Поста для этой цели им было посвящено 14 человек сестер. Служение бедным совершалось с усердием. Ежедневно рано утром приходили «братцы» и «сестры» в церковь, укрепляли себя молитвой и уходили на работу, получив при этом особое поручение от «старца».

В храме был упразднен тарелочный сбор, что дало возможность увеличить церковный доход от добровольного пожертвования.

Отец МАНУИЛ наладил обязательное посещение больных в больницах и помощь им. Целые палаты голодающих больных, лежавших в биржевой больнице, жили исключительно на средства отца МАНУИЛА и его братства.

Сам благотворитель тайно посещал больных, помогал им своим трудом, посылал дрова и спешил особенно к тем, кто более всего находился в нужде и некому было помочь. Где только он ни побывал: и на чердаках, и в подвалах, и в захолустных домах — там, где люди терпели крайнюю нищету, голод, недостатки, где ожидали его прихода, ожидали как кормителя и утешителя, как вестника Неба.

Великое дело совершал отец Мануил вместе с своим братством. Оно всецело отвечало Евангельскому Духу и своим направлением воскрешало жизнь первохристиан.

За деятельностью отца МАНУИЛА внимательно наблюдал Петрогрдский митрополит Вениамин. Он правильно оценил ее и, когда в декабре 1919 года был вызван Святейшим Патриархом ТИХОНОМ в Москву по церковным делам, при обсуждении вопроса о

кандидатах во епископы по Петроградской епархии представил в числе кандидатов и иеромонаха МАНУИЛА.

То, что происходило в Москве, отец МАНУИЛ не знал.

Под Варварин день (с 3 на 4 декабря ст. ст.) он спокойно совершил всенощную и, придя домой, после молитвенного правила лег отдыхать. И видит он странный сон:

Где-то в поле горит громадный костер. Желтое пламя огня колыхается. Вокруг костра множества бесов с хвостами и копытами очень маленькие прыгают, пляшут, оскаливают зубы, смеются и обращаясь к нему, восклицают:

— С молниеносной быстротой ты будешь возвеличен!

Он осеняет себя крестным знамением и творит заклятие, но бесы продолжают кричать:

— С молниеносной быстротой ты будешь возвеличен!

Снова он осеняет себя крестным знамением и творит заклятие. Но бесы пуще прежнего кричат:

— С молниеносной быстротой ты будешь возвеличен!!*.

Затем они исчезают. Отец МАНУИЛ проснулся. «Что мог означать этот странный и страшный сон? — подумал он.— Да и что доброго могут возвестить бесы? Не искушение ли это?»...

Вполне возможно, что это было диавольское искушение, направленное к тому, чтобы ввести подвижника в грех самопревозношения.

Спустя несколько дней после этого сна отец МАНУИЛ заболел воспалением почек. Он усердно просил Господа и РОДИМУЮ МАТУШКУ об исцелении и дал какое-то обещание. Господь услышал его молитвенный вопль и через таинственное явление ему (болящему) митрополита Московского ФИЛАРЕТА (Дроздова) поднял с одра болезни**.

В январе 1920 года епископ Минский Мелхиседек обратился с просьбой к митрополиту Вениамину о подыскании ему викария для Пинской губ. Митрополит предложил ему иеромон. МАНУИЛА. Начались хлопоты, продолжавшиеся целых два месяца. Успеха не было.

В апреле того же года новохиротонисанный епископ Омский Димитрий (Беликов) пригласил иеромонаха МАНУИЛА к себе викарием Тарским. И он согласился. Но и здесь была рука отводящая. Три месяца продолжались хлопоты, так и не получившие положительных результатов. Сам Преосвященный Димитрий, проживший месяц и несколько дней в Омске после приезда в епархию, вынужден был признаться и написать ему: «Вы хорошо сделали, отец МАНУИЛ, что сюда не направились. Дела для Вас пока не было бы. Духовные Миссии бездействуют. Служить в приходе было бы для Вас неудобно. Да и жить Вам было бы негде»*.

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 122.

** Там же, стр. 125. Впрочем в Памятослове он относит свою болезнь к декабрю 1920 года.)

Последние неудачные хлопоты о епископстве отца МАНУИЛА были предприняты в августе 1921 года Нижегородским митрополитом СЕРГИЕМ (Страгородским), намечавшим определить последнего себе викарием и настоятелем Боголюбского монастыря.

Все намечавшиеся назначения мало отвечали той великой миссии, к которой готовил Промысл Божий Своего избранника. А миссия эта действительно была велика.

В стране шла коренная перестройка жизни и идей. Атеизм объявил войну религиозному мышлению. Христианству и его идеям угрожала опасность. В опасности находилось и малое духовное стадо отца МАНУИЛА. Его надо было ограждать от постоянного натиска атеистического мировоззрения и утверждать в правом стоянии Христовой вере. Основным оружием в этом деле служило слово Божие. В воскресные дни после литургии и вечернего богослужения отец МАНУИЛ учредил при Спасском братстве духовные собеседования, проводившиеся с большим энтузиазмом и воодушевлением.

Первоначально такие собеседования проводились им только в Спасской церкви, а затем с осени 1920 года, когда он был назначен преподавателем** Богословских Пастырских Благовестнических курсов по кафедре Священного Писания Ветхого Завета, были перенесены в Знаменскую церковь, Симеоновскую, Лавру и др. храмы.

Темы бесед заранее объявлялись в той или иной церкви и к ним основательно готовились. В своих беседах отец МАНУИЛ затрагивал разные темы, носившие мистический, эсхатологический и практический характер.

Вот, к примеру, какие темы были намечены на сентябрь 1921 по май 1922 гг. для собеседования в Знаменской и Спасской церквах:

1. Disciplina arcana у других христиан (Знам. церк.)
2. Современный мистицизм и оккультизм (Знам. церк.)
3. О святых мощах (Знам. церк.)
4. О кончине мира (Знам. и Спасская церк.)
5. Отделение церкви от Государства в Западной Европе (Знам. и Спасская церк.)
6. О порче и бесновании (Знам. церк.)
7. Теософия православная и всемирная (Знам. церк.)

* Письмо еп. ДИмитрия к иеромонаху Мануилу от 6 сентября 1920 года.

** **Примечание**: Преподавателем на Пастырских курсах он был до 1923 года.

8. Западно-Русские братства и их значение для современного братства дела (Знам. церк.)
9. Промысл Божий в судьбе человека (Спасская церк.)
10. Коммунизм и христианство (Спасская церк.)
11. Хождение по петроградским святыням (Спасская церк.)*.

На пастырских же курсах он прочитал ряд лекций по «Апологетическому Богословию». Лекции эти по своему значению в деле защиты христианской веры и вообще религии представляли из себя большой вклад в христианскую Апологетику. Раскрытие и защита истин шла в таком плане:

«Понятие об Апологетическом Богословии. Три главных обосновываемых им положения: 1) религия; 2) Бог и 3) Христианство.

Понятие о религии и происхождение ее. Материалистические теории о ее происхождении и библейское о том учение.

О всеобщности религии. Свидетельства об этом у древних и современных ученых (Плутарх и Катрфаж).

Безумие атеизма. Невозможность отрицания Бога в идее. Безбожники в практической жизни: 1) развратники и 2) озлобленные.

Религия райская и патриархальная. Язычество. Происхождение его. Различные формы многобожия. Изначальность идеи единобожия.

Христианство, его сущность и превосходство над всеми прочими религиями, как религии, отвечающей самым глубоким запросам тайников человеческой души. Отсюда ее внетерриториальность и вненациональность.

Значение религии вообще. Основные религиозные истины: 1) Истина бытия Божия и 2) бессмертия души.

Философские доказательства бытия Божия: космологическое, телеологическое и нравственное.

Бытие души: доказательство его фактом тождества личности.

Таково содержание «Апологетического Богословия» иеромонаха МАНУИЛА.

Сердце жаждало помочь человеку в его идейной борьбе с атеизмом и, конечно, помогало. Тот, кто тянулся к Божественной истине, получал надежное оружие в беседах и лекциях своего духовного руководителя и законно защищался.

Кроме церковных бесед, о. МАНУИЛ ограждал свое стадо духовными наставлениями. Он был в своем роде как бы старцем. К нему тянулись исстрадавшиеся житейскими невзгодами сердца, надломленные духовною бранию, тянулись, чтобы получить исцеление. И о. МАНУИЛ всех принимал и врачевал их душевные раны.

* Список тем церковных сезона сентябрь 1921 г. — май 1922 г. для Знаменской и Спасской церквей.

Временами он сам удалялся в уединение за город, подкрепляя свои силы богомыслием и молитвою, и снова возвращался к пастырской деятельности.

Наступил 1922 год. Над Русской Православной Церковью нависли грозные тучи. В Петрограде образовалось беззаконное ВЦУ (Высшее Церковное Управление), появился обновленческий раскол. Его возглавил А. И. Введенский, бывший друг о. МАНУИЛА в делах милосердия. Оружие раскола было направлено против внутренних нравственно-догматических устоев Христовой Церкви, против Православия. Началась борьба. Борьба неравная и, самое главное, нечестная.

Защитники Православия оборонялись и наступали на своих неприятелей только духовным оружием, а обновленцы — физическим.

С святительского престола был удален митрополит Петроградский Вениамин. Не устоял под натиском ВЦУ и епископ Ямбургский Алексий (Симанский), снявший запрещение с А. И. Введенского, наложеное митрополитом Вениамином. Один за другим переходили храмы Петрограда во власть обновленцев. Волнение и скорби православных были неописуемы. Что делать? Как устоять? Иеромонах МАНУИЛ выступил тогда как один из защитников Православия. Он провел ряд бесед о сущности обновленческого движения и, в частности, 9 июля н. ст. 1922 года предполагал провести беседу в церкви ст. Поповка о женатом и монашествующем епископате (из практики древней и современной христианских церквей), по поводу намеченной ВЦУ практики женатого епископата. Но все эти беседы были каплей в море и не могли приостановить обновленческого движения.

Божди раскола явились и к нему. Они предложили о. МАНУИЛУ присоединиться к ним, обещая за это самый лучший храм в Петрограде, а в дальнейшем сан митрополита Петроградского. Но тот, кому Истина Христова была дороже всех земных благ, решительно отказался. Но дело этим не кончилось. Иеромонах МАНУИЛ 16 июня 1922 года оказался за решеткой.

Господь не оставил своего исповедника без утешения. В одну из июньских ночей видит о. МАНУИЛ во сне, как к нему в камеру на Шпалерке пришел святитель-мученик митрополит Петроградский Вениамин и спросил его:

— Скажи мне, что нового?

Он рассказал ему о новых церковных делах, и тот горько начал плакать. И когда в горести своей плакал, то всею тяжестию своего тела незаметно навалился на о. МАНУИЛА, так что последний стал тоже страдать и плакать вместе с ним о людских грехах. И когда

страдалец проснулся, то уразумел в этих слезах свою немощь. А спустя несколько дней такая навалилась на него тяжесть, что он ясно уразумел слова святителя и его слезы*.

13-го же июля явился ему во сне митрополит Московский Филарет и молился вместе в Успенском Соборе, поя молебен св. Николаю. Он упрашивал о. МАНУИЛА исполнить его волю**, и затем повторил то же самое пророчество, которое в 1908 году сказал ему некий старец.

— «На тебе лежит великая миссия,— сказал святитель.— Но помни, что если твоя жизнь будет недостаточна правдива и высока, если будешь нарушать те или другие монашеские и епископские обязанности, заповеди, обещания, то эта миссия с тебя снимется и вместо тебя Господь даст ее другим, более достойным».

Осенью 1922 года о. МАНУИЛ снова возвратился к своему братству и продолжал спасительное дело в защиту Православия.

Но вожди обновленчества не успокоились. В марте 1923 года они снова явились к о. МАНУИЛУ с тем же самым предложением. Но и теперь получили тот же самый ответ.

Со стороны вождей обновленчества последовала угроза. 4 апреля н. ст. на Радоницу храмик на Спасской был закрыт. Замерла светленькая церковь, где как звезды горели лампадочки, где пение, чтение, молитвы и возгласы сливались в один молитвенный аккорд, где люди молились «едиными усты и единым сердцем», и молитва их, как чудный фимиам, восходила к Богу. Замер храм, откуда лилось добро и милосердие в больницы, в подвалы, чердаки. Поникли светлые души, милые, добрые, «не от мира сего», которые там пели, работали, служили... Окончилось навсегда светлое, тихое счастье.

Отец МАНУИЛ, услышав угрозу от обновленческого епископа Артемия, временно удалился. Спасское братство осиротело. Оно скиталось из одной церкви в другую и временно возобновило богослужение в единоверческом Благовещенском храме на Волковом кладбище.

Страдал и переживал за свое детище православный пастырь. И хотя он был разлучен с братством телом, духом же всегда пребывал с ним и внимательно следил за его жизнью. Прошла неделя их разлуки. На сердце тревога. Все ли из братства устоят в годину испытаний? Надо подкрепить малодушных и ободрить правостоящих. К тому же предотвратить всякие неправые разговоры о нем и о его верности.

11 апреля 1923 года из своего уединения о. МАНУИЛ пишет первое свое пастырское послание к Спасскому братству.

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 58.

** Там же, стр. 63; см. также Благовещенский сон 7 апр. 1958 г.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

I

Мир вам,— обращается он к пастве,— и Божие благословение, возлюбленные о Господе братья и сестры.

Вот уже неделя, когда роком Божиим мы оказались с вами, возлюбленные, разлученными от молитвенного общения с Богом и от взаимного единения. Чувство безотчетной тревоги и тоски охватывает сердце наше за вас, оставшихся сейчас без пастыря. На нас воистину пришла, по словам апостола Павла, полнота времени, (Гал. 4, 4), ибо не стража ли вражия у дверей сердца нашего стоит.

«Поражу пастыря и рассеются овцы» (Марк 14, 14) — вот чего ждет от нас враг. Поразив пастыря — лишением храма и открытою угрозою изгнания, он ждет от верных чад его отступничества, малодушия, уныния, рассеяния. Но нет! Не будет этого. Бодритесь, не бойтесь, мужайтесь, ибо Господь победил мир (Иоанн, 1, 13).

Впервые приходится мне, возлюбленные, дорогие моему сердцу Спасские, обращаться к вам в письме. Скорбит моя душа, но более всего за вас, но умоляю и прошу вас, не унывать при моих ради всех скорбях (Ефес. 3, 13), ибо многими скорбями надлежит войти в Царствие Божие (Деян. 14, 22).

Взгляните на ваши души. Разве они полны уныния?! Нет, так светло, радостно на душе!

Мы потеряли так неизмеримо много: храм свой, место вашего братского уединения со Христом, но воистину не унываем и не падаем духом...

Мы потеряли так неизмеримо много: общественное моление в уставных богослужениях и в обиходе нашего братского служения, дорогие нашему сердцу молитвенные правила, но воистину не унываем и не падаем духом.

Мы потеряли многих верных (из прихожан), окруживших нас во время молитвенных наших подвигов, но воистину не унываем и надеемся, что многих из них соберем ко времени благопотребному, как собирает птица птенцов своих (Мф. 23, 37).

Мы потеряли, наконец, самое дорогое для нашей верующей души — возможность присутствовать и священнодействовать в Евхаристической Тайне и даже на неопределенное время, но и этого не имея, не унываем и не падаем духом...

Священный огонь исповедничества — вот ныне разгорается в сердцах наших. Малодушные! К вам мое слово. Мужайтесь! Имейте веру Божию (Мрк. 11, 23), братья и сестры мои, и разве вы не видите, что для нас ныне открывается новое небо и новая земля, новое служение Христу в новых формах действа на души окружа-

ющих. Сие новое обещает твердым из вас венцы исповедничества. «Я много надеюсь на вас, много хвалюсь вами; я исполнен (о вас) утешением, преизобилую радостью при всей скорби нашей» (2 Кор. 7,4). И этими словами апостола Павла вы отныне призываетесь на мудрствование, молчание о делах наших с неверными и непосвященными и на оправдания надежды на вас.

Сколько раз я указывал вам, возлюбленные и близкие моему сердцу, на назначение белого плата, как символ исповедничества за Христа, хотя бы до пролития крови... и вы не верили.

Сколько раз я предупреждал вас о том, что вокруг нас случилось...

Сколько раз я указывал вам на предстоящее закрытие Св. Чаши, и ныне это свершилось...

Сколько раз говорилось вам и о возможности и моего ареста, но многие из вас тогда не верили.

И вот свершилось многое из того, что совершается, впереди: темные мрачные тучи надвигаются на нас... мне предречена ссылка устами правящего еретического Петроградской епархии епископа Артемия,— церковь ваша закрыта, закрылась Св. Чаша... свершилось.

А неции из братства иногда думали, что я брежу преследованием, мнимыми арестами и высылкой, да, настаиваю я, думали иногда, что я стал словно ненормальный, от всего этого трусливый... Но воистину они не ведали, что думали и о чем между собой судили. Многое знал я и такого, что было недозволено мне к посвящению братству, как и теперь, потому иногда и казались для многих из вас некоторые мои слова и поступки странными, таинственными и трусливыми. Но вот уже ныне совершается новый сдвиг в жизни Церкви Православной... Она тайно образуется, она тайно уходит в подвалы, чердаки и катакомбы, в расщелины, в утесы, в горные вершины, в пустынные, безлюдные места, в леса и степи, спускается вновь вниз и образуется тайно, она уходит в себя. оставив в себе величайшую святыню животворящую силу — благодать Святаго Духа и благоволение Божие на сей новый подвиг и благоволение главы земной Церкви ее.

И мы, возлюбленные братья и сестры, последуем стопам ее земных водителей и удалимся из общественного служения на тайное священнодейство, на тайное общение с верными славословить Господа, на тайную жертву и на тайное общение с небом через Св. Чашу...

И опять меня охватывает беспокойство и тоска за вас, особенно за малодушных из вас, а таковые есть и в нашем братстве, ибо я знаю, что по отсутствии моем взойдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь вас за собою (Деян., 20, 29-30).

Увижу ли я по своем возвращении всех вас в вере и уповании оставшихся. Не поколеблется ли у кого-либо из вас сердце, не отступит ли кто-либо из вас от своего слова и взойдет в тесное дружественное и молитвенное общение с еретиками (т. е. сознательно признающими правильность новой церкви), смалодушествует ли кто-либо из вас и ослабнет душою для вражьего делания?..

Будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах. Не унывайте... Ваш пастырь молиться за вас и во благовремени откроет вам Св. Чашу и таинством покаяния и Причащения вы вновь обретете себе новые силы для несения сего тяжкого креста, новую бодрость для укрепления и вразумления в вере всех малодушных, окружающих вас.

II

Теперь мне хочется сказать вам несколько слов о взаимных отношениях ваших. Будьте друг ко другу снисходительны, помните, что и я для немощных был как немощный (I Кор. 9, 22) и все старался покрывать своей любовью. Более же всего имейте любовь усердную друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов (I Петр. 4, 8; Иак. 5, 20), не ссорьтесь, не скорбите без меры, малодушных утешайте (Фес. 5, 14). Помните, что говорит апостол Павел: «Сильные (т. е. бодрые, мужественные) должны сносить немощи бессильных (Рим. 15, 1), и немощных в вере (слабых, малодушных) принимайте без споров к себе (Рим. 15, 1), памятуя, что своею любовью вы их поддержите и отвратите от всякого искушения и зла.

III

Много можно говорить и писать о церкви новой сатанинской, прикрывающейся обликом Христа, но скажу пока немного и словами Священного Писания. Если кто из вас еще сомневается в них, помните, что по плодам их узнаете их (Мф. 7, 16—20). Плоды же их: угрозы, ссылки, заточения, смертные приговоры; смещения с места, снятия без суда сана, монашества, анафема, раздача наград всем сторонникам новой церкви и многое другое, а главное — наглая ложь и обман. Но эти плоды мерзки перед Богом и людьми, и можно про них сказать только устами Евангелиста Луки (22, 53): «Но теперь ваше время и власть тьмы».

Столь кратно обращались к ним с призывом вразумления — и все напрасно. И поэтому по слову апостола Павла: «отвращайтесь еретика» (Тит. 3, 10).

Но благословляйте гонителей ваших, благословляйте, а не проклинайте (Рим. 12, 14), ибо оскорбляющим вас Сам Господь воздаст

скорбию (Фес. 1, 6). Ведь вы хорошо знаете, что будете ненавидимы за имя Христа (Мф. 10, 22; Мрк. XIII, 13; Лк. 1, 17).

IV

Что скажу я о себе? Не верьте слухам и басням обо мне. Не коснулась духа и плоти нечистота пагубной ереси, терзающей нас, из-за которой любовию Христовой ради вас — я в разлучении с вами ныне. Таким же твердым, каким я вышел из тюрьмы, оставался среди вас, и теперь остаюсь, чтобы в мужестве воспринять налагаемое на меня новое бремя спасительного ига Христова. Чист был в исповедании истины Христовой (а искажение ее и отклонение от нее — есть ересь) и таковым остался и сейчас, надеюсь, вашими молитвами пребуду и впредь, до конца дыхания моего.

Я не убежал от вас страха ради иудейска. а удалился, ибо не пришел час мой. Не Сам ли Господь велел следовать Его деяниям в потребные минуты нашего жития. Услышав же, что ИОАНН отдан под стражу, удалился ИИСУС в Галлилею (Мф. 4, 12). Когда же фарисеи имели совещание против Него, как бы погубить Его, то ИИСУС, узнав, удалился оттуда (Мф. 12, 13).

Иисус же узнав, что хотят придти, нечаянно взять Его и сделать царем, опять удалился на гору один (Ио. 6, 15).

Четыре раза покидал Спаситель на время и учеников Своих и народ, тайно уходя в пустынные места один, ибо не приходил еще час кончины Его, час Его Богочеловеческой славы, час искупления рода человеческого...

Имеем ли мы право рисковать собой ради тщеславия или мнимого бесстрашия. Я вдали от вас, но близко духом, я вижу вас и не вижу, слышу и не слышу. Духовно же все созерцаю, и только очи, уста и уши — бессильны приблизить вас ко мне.

Что скажу я о себе? Скажу одно и знаю то, что узы и скорби ждут меня (Деян. 20, 24), Но не страшат они меня, радуют бесконечно. И среди этих мыслей и душевных переживаний я вот уже третий день, как пребываю на лоне природы. Здесь все так бесконечно тихо, сладостно. Природа оживает. Бегут бесконечные ручейки, сливаясь в ручьи и потоки мощные. И думается мне, глядя на них, что так будет и с новою нашею тайною юною церковию Христовой. Из маленьких ручейков в конце-концов она сольется в могучий священный поток, всесокрушающий пагубы сатанизма, снабдевающий вас, немощных, влагою живительной вечной воды...

Словно пока ничто не нарушает моего покоя. Жизнь моя пока течет равномерно. Гулять приходится мало, но эту тяготу несу без ропота. Иисусова молитва о неразделении братства, о прихожанах,

о всех и о всем, оставшихся за гранью моей нынешней жизни немного успокаивает меня.— Я научился быть довольным тем, что у меня есть (Филип. 4, 11), и сейчас ни в чем не имею нужды. Телесная немощь пока не снедает меня, я стараюсь быть сильным и не унывать по примеру неутомимого и неустрашимого исповедника Христова Павла. «Посему мы не унываем»,— пишет он во втором послании к Коринфянам,— но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется" (2 Кор. 4, 16). И с пламенной верою в светлое будущее, в торжество вечной правды над злом, я пребываю мысленно всегда с вами.

V

Что скажу я ныне в заключение своего первого обращения к вам. «Блаженны вы, изгнанные за правду» (Мф. 5, 10) из храма вашего. Но помните: «чему вы научились, что приняли и слышали и видели во мне, то исполняйте, и Бог мира будет с вами» (Филип. 4, 9). Поэтому и слово мое да будет с властию (Лк. 4, 32); (Деян. 22, 12), мне выше данною. Ведь вы знаете, что свидетельство наше истинно (Ин. 1, 12). Ибо кто слушает слово и не исполняет, тот подобен человеку, рассматривающему природные черты лица своего в зеркале. Он посмотрел на себя, отошел и тотчас же забыл, каков он (Иак. 1, 22—23). Поэтому если же кто не послушает слова нашего, того имейте на замечании и не сообщайтесь с ним, чтобы устыдить его (2 Фес. 3, 14). Это относится главным образом к общению молитвенному с новой церковью.

Не ослабевайте в делах милосердия (Лк. 6, 36) и в усердии своем к Богу (Рим. 12, 11). На собраниях своих почаще читайте вдохновенные мудрые послания Владыки Иннокентия к Успенскому и Спасскому братствам. В них всем нам придется раз навсегда исповедание православной веры, наше отношение к новой церкви и дается целый ряд ценных указаний в братской жизни при современных условиях религиозной жизни вообще.

Пусть же каждая душа братская приготовится ко всему худшему, испытает себя в мужестве, а обо мне не беспокойтесь, Господь не оставит меня и пребывающего в разлуке с вами. «Но я скоро приду к вам, если угодно будет Господу, и испытаю не слова возгордившихся, а силу. Ибо Царствие Божие не в слове, а в силе. Чего вы хотите, с жезлом ли придти к вам или с любовию и духом кротости?» (1 Кор. 4, 19—21).

Пусть же та слава исповедничества вашего, которою вы себя окружили в служении со мною в храме нашем во имя правды Божией и поучали окружающих вас, вдохновляет и колеблющихся

жителей города нашего и защищает всех вас именем Господа нашего Иисуса Христа от посягателей на нее и впредь вас не омрачит ни колебанием, ни унынием, ни отступничеством, ни отпадением, ни прельщением и угрозами, ни страхованиями и обещаниями, ни малодушием, ни рассеянием сердец и телес, ни рассеянием ума и воли. Все в вас да будет едино и светло! Буди, буди, буди. Аминь.

Смиренный и недостойный Богомолец о всех вас.
Иеромонах МАНУИЛ (Лемешевский)

И вот, когда я приду, какой ответ получу от вас? Что вы скажете в свое оправдание, чем будете не хвалиться и не гордиться, но ради славы Божией радоваться о Господе. А я прошу и умоляю вас, не помышляйте же о большем, а сохраните пока самих себя не отпавшими в вере. А если вы и сейчас крепки, несмущенны, то поставьте себе целью, ничего не говоря о нашей тайной церкви и ее задачах, о нашем братстве, привлечь к православной вере хотя бы человек пять из непонимавших, ободрите, сделайте их своими, молитесь с ними, читайте с ними слово Божие, увещевайте их не ходить к неблагодатным иереям. И когда они окрепнут, пусть каждый из этой первой пятерки, никому из новых не говоря о составе и ее руководителе, образует по новой пятерке. Таким образом от одного зернышка веры от времени, возможно, трудами вашими возрастит многоветвистое дерево. И не больше и не меньше пяти, скажите вы? Да, желательно сохранить, но разрешаю число этих ячеек с составом их доводить до семи.

«Ищите и обрящите, толцыте и отверзется вам, просите и дастся вам» (Мф. 7, 7). Итак, в добрый час на делание во истину Христову. С Богом и молитвою на устах и в сердце приступайте к священной опустошенной ниве...

11 апреля 1923 года н. ст.

Исповедник ободрял немощных, воодушевлял мужественных, думал о тайной Церкви в подземельях и уверял братство в скорой с ним встрече.

Тогда же он в конце апреля (25—26) наметил организовать кружок любителей церковной старины, так называемый «Петроградский Некрополь» с тем, чтобы записывать имена убиенных за веру в период 1917—1923 гг., а также безродных и лишивших себя жизни в состоянии панического припадка и молиться за них в церквах и дома.

Летом 1923 года о. МАНУИЛ возвратился к своей пастве. Со всем братством он в августе перешел к Космо-Дамианской церкви, готовясь к великому сужению Церкви.

Ему все яснее и яснее открывал Господь о его епископстве. Так, еще 17 апреля того же года он видел во сне, облаченным себя в голубую мантию, и она настолько была тяжела, что он не удержался от ее тяжести на ногах и упал на колени и в таком положении пополз к алтарю церковному*.

6 августа о. МАНУИЛ побывал в Николо-Столпенской пустыни. Утром он беседовал со схимником Михаилом. Последний открыто возвестил ему о предстоящем его епископском служении и предупредил, чтобы от сана он не отказывался**.

Петроград по-прежнему волновался от обновленческого раскола. Православных святителей там уже не было.

В июле Святейший послал туда Архиепископа Гурия (Степанова), настоятеля Спасского монастыря. Тот прибыл в Петроград и, «убоялся зело» обновленцев, на другой день бежал в Псково-Печерский монастырь.

Патриарх скорбел и недоумевал, кого же послать туда епископом. Архиереи буквально отказывались ехать в Петроград. Да, скорбные думы у Святейшего...

Но вот и вестник неба. Из Петрограда в Москву к Патриарху прибыл по поручению православного духовенства и народа протоиерей Александр Дернов. Он сразу же завел речь со Святейшим о епископе.

— Кого же назначить? — спросил Патриарх протоиерея.— Никто ведь из Москвы к вам не едет.

— Поставьте епископом о. МАНУИЛА,— ответил тот,— и народ будет доволен и Вы будете довольны.

Святейший согласился. Но повелел о. Александру предварительно переговорить с местным духовенством о кандидате.

Отец А. Дернов уехал. Духовенство было быстро созвано и высказано мнение Патриарха. Появились протесты против единоличной кандидатуры. Собрание предложило трех кандидатов: иеромонаха МАНУИЛА, о. Варлаама Сацердатского и архимандрита Серафима Протопопова.

Постановление духовенства было послано Святейшему.

2/15 сентября Патриарх Тихон наложил резолюцию:

«Назначается викарием Петроградской епархии и Епископом г. Луги иеромонах МАНУИЛ, которому предлагается в срочном порядке выехать в Москву для рукоположения».

---

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 32.
** Там же, стр. 72.

В этот же день в субботу в 5 часов вечера перед всенощной о. МАНУИЛУ была объявлена резолюция Святейшего. На следующий день он выехал в Москву и по приезде (4 сентября) после обеда по данному обещанию посетил с. Коломенское, поклонился Державному лику Богоматери, отслужил молебен и сделал вклад денежный на помин.

5/18 сентября был на приеме у Патриарха, который объявил ему Божию волю.

На следующий день о. МАНУИЛ совершил поездку в Гефсиманию, Троице-Сергиеву Лавру и посетил другие подмосковные святыни. В Гефсимании он переночевал, исповедовался у духовника и, получив душевное облегчение, приготовился к несению грядущего креста*.

8/21 сентября Епископом Федором возведен в Даниловом монастыре во архимандрита.

9/22 сентября в Михайловской церкви Донского монастыря состоялось его наречение во епископа Лужского в присутствии 17 членов Патриаршего Синода и других архиереев, всего было 30 человек: (митрополитов, архиепископов и епископов).

10/23 сентября в церкви Димитрия Солунского в Благушах, что близ Семеновской заставы, архимандрит МАНУИЛ был хиротонисан во епископа. Хиротонию совершали: Святейший Патриарх ТИХОН, архиепископ ИЛАРИОН Верейский, архиепископ СЕВАСТИАН Костромской и епископ ИЕРОФЕЙ (Афонин).

Патриарх Тихон, вручая архипастырский жезл новопоставленному епископу, напутствовал его такими пророческими словами: «Посылаю тебя на страдания, ибо кресты и скорби ждут тебя на новом поприще твоего служения, но мужайся и верни мне епархию»...

То, что сказал ему Патриарх было не ново для него. Об этом Епископ МАНУИЛ знал и раньше. Еще в ноябре 1922 года некий еврей, обладавший даром ясновидения, сказал ему: «Вы священник, просто батюшка. Осенью будущего года вы получите большое повышение. Не знаю, как это называется у вас».

— Епископом,— подсказал ему о. МАНУИЛ.

— Да, да, епископом. Вы получите изменение жизни, но это будет недолго. Через несколько времени вы сядете за решетку, а потом вас ушлют на север, в холодные места.

Но к этому он себя уже подготовил. А теперь, взявши в руки архипастырский жезл, надо идти выполнять волю Божию, и все, что будет от него зависеть, все сделать, чтобы спасти Православие.

Страница его жизни перевернулась.

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 84—85.

БОРЬБА С ОБНОВЛЕНЧЕСКИМ РАСКОЛОМ

(1923—1924 гг.)

Мануил, Епископ Лужский (январь 1924 г)

В субботу 16/29 сентября Епископ МАНУИЛ прибыл в Петроград. С колокольным звоном во всех православных храмах встретили его духовенство Знаменской церкви и народ. Встретили как «Посланца» Патриарха ТИХОНА.

Остановился он на жительство в Воронцовом подворье, что на Очаковской улице.

Вечером в этот же день «Посланец» Патриарха совершил всенощную в храме Космы и Дамиана (ныне станция Чернышевская метро), а на следующий день — божественную литургию.

Над Петроградом воссияло солнце. Те, кто побывали за первыми архиерейскими службами Епископа МАНУИЛА, почувствовали, как с их сердец свалилось что-то тяжелое, тяжелое и стало легко, легко.

У многих эти службы и первая встреча с епископом и его слова неизгладимо остались в их памяти и переданы потомству. Мы не погрешим, если поместим здесь одно замечательное воспоминание об этих славных событиях и о тех впечатлениях, которые вынесли

люди, побывавшие за службой 29 и 30 сентября в церкви Космы и Дамиана.

...«Маленький,— вспоминает одна раба Божия,— затерянный на перекрестке шумных улиц, скромно возносящийся из своего тихого садика, этот храм с утра сегодня звенел всеми колоколами, словно благовестие неся шумному, грешному городу, и бежал народ по пустынным его улочкам, морем вливаясь в широко раскрытые тяжелые двери, заливая пределы и самый притвор. И там шло небывалое торжество. Вился дым кадильный под белыми сводами, свечи пылали под иконами святых, пение звучало бодрое и вдохновенное; радостно, благодарно крестились молящиеся, передавая тихонько друг другу свой восторг и светлые надежды. А над всем несся голос, высокий, певучий, какой-то особенно звонкий, всюду слышный, повторявший святые возгласы Божественной литургии. И все это заливало солнцем, мощными потоками чистого, всепроникающего света, солнцем радости этого дня.

Множество духовенства выходило из алтаря, так что казалось, что они не установятся на середине; между ними стоял один, чья одежда выделяла в нем архиерея: высокая митра осеняла бледный лик, персты неустанно слагались в благословение. Пред ним несли цветами украшенный золотой посох, ему подавали для осенения высокие свечи — и к нему приковывались сердца и взоры, как по мановению жезла, стекшегося народа.

Кто же он, этот странный инок малого роста, с бледным до прозрачности лицом, к долу опущенными очами под высоким челом?

Солнце играло золотом волнистых волос его, а когда тяжелые веки глаз его поднимались, в эти очи страшно было взглянуть: такой блеск стоял в лазурном строгом взоре. Казалось, он только сошел с иконы одного из древних святителей и теперь стоял среди верующих, удивленных и осчастливленных чудным явлением. Не хотелось даже знать и спрашивать, кто сей и откуда? Так внезапно, светло и радостно было его появление, будто он послан прямо от Господа в наш пустой и холодный город, и хотелось только, чтобы он возвел нас всех туда от скорбной земли к Богу, которому он так пламенно и так усердно молился. По взволнованной толпе неслось, что он послан Святейшим в наш город на борьбу с расколом; что он хиротонисан всего неделю тому назад и уже вчера служил здесь всенощную. И лишь немногие из стоявших в церкви узнавали в нем своего недавнего неутомимого духовного отца, смиренного, почти безвестного в городе иеромонаха, жившего с ними пять лет душа в душу; со щемящим чувством скорби вспоминали внезапный вызов его в Москву к Святейшему, его недавнее посвящение, и видя его

теперь высоко стоящим над множеством народа, не знали: печалиться ли им об утраченном отце или радоваться общей радостью со всеми.

А радость была великая, захватывающая. Вспомнил Патриарх своих покинутых, во всем усумнившихся детей, дал почувствовать отчую руку над собой, оживил нашу связь с ним и с прочими братиями. И поставил нам пастыря доброго, светлого, могущего повести нас на чистые источники — это так чувствовалось всеми!

И таяли, таяли оледеневшие и скорбные сердца людские, и ярче лучей солнца лилась в них благодать святой Церкви этой дивною воистину Божественной литургии. Это была такая служба, какую, вероятно, видели наши предки в св. Софии, когда пришли смотреть веру греческую...

В храме стоящи Славы Твоея — на небеси стояти мним...

Святитель вышел на архиерейский амвон и прочел воззвание Патриарха. Потом заговорил. Сколько было света в его нехитрой речи! Сколько тепла он вложил в отзывы о Святейшем, сколько силы в убеждении порвать с расколом, сколько бесстрашного духа в обличении последнего! И виделся в этом такой пламень огненной веры, такое громадное воодушевление, блиставшее в глазах его, что всем почувствовалось с этого дня, что жизнь пойдет по-новому, жизнь Церкви, жизнь, может быть, каждого... Ибо в окружающем мраке, в этом темном испуганном существовании, в этом общем непрестанном соглашательстве с грехом, с неверием, с обманом, среди этого омута вдруг восстала сияюще-чистая, беззаветно-смелая душа невысокого бледного человека, в котором так ясно чувствовалась железная твердость в вере, в своей правде, в стоянии за нее до конца»...

К моменту приезда Епископа МАНУИЛА в Петроград среди духовенства и причта верным Патриарху Тихону оставались всего только 93 человека, а из 123 приходов, 115 находились в обновленчестве и только 8 — в православии (Спасо-Преображенский собор, Спасская церковь, Никифоровское и Киевское подворья, Мало-Охтинская церковь, домовая церковь при музее артистки Савиной, Вознесенская церковь и храм в Стрельне).

Картина была довольно печальная. У робкого сразу бы дрогнуло сердце. Но Епископ МАНУИЛ не поколебался. Возложив все упование на помощь Божию и Родимую Матушку и обдумав план действия, он мужественно приступил к борьбе с расколом.

4 октября н. ст. 1923 года Епископ МАНУИЛ обратился с посланием к Петроградской пастве с призывом оберегаться раскола и быть верными Православной Церкви.

Смиренный МАНУИЛ, епископ Лужский, Управляющий Петроградской Епархией.

Верным чадам Церкви Православной в Петрограде радоватися.

«Да будут все едино, как Ты Отче во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино». (Ин. 17, 21).

Чада возлюбленные церкви Петроградской! Господу Богу угодно было возложить тяжкое бремя служения Святительского на наша немощные рамена в трудное время, когда рассеяны мы все, яко овцы, не имущие пастыря. Грех и злоба разделили нас, но мы должны победить грех, воссоединиться, слиться во едино тело Христово.

Святейший Патриарх Тихон дал нам трудное послушание в эти тяжелые для Церкви времена — возглавить собою Церковь Петроградскую, объединить и управить рассеянное стадо овец Христовых.

Чада возлюбленные, вы знаете, как пришло к нам разделение, знаете, как гордость, самомнение некоторых бывших священников явились причиной раскола, знаете как многие миряне по преступной безразличности своей пошли вслед за ними и через это губят свои души. Есть и пастыри, которые еще не сознали бездны своего падения и доселе еще продолжают пребывать в душепагубном расколе, обманывая и себя и других своими кощунственными действиями, кои они выдают якобы за таинства православныя.

Чада возлюбленные, бдите и молитеся да не внидите в напасть, бдите и распознавайте истину, блюдитесь и не ходите в те храмы, где нет Истины Православия, откуда ушел Ангел Хранитель, которые покинула благодать Святаго Духа.

Ты хочешь узнать, какие храмы безблагодатные, вопроси того, кто именует себя священником данного храма, признает ли он своим главою Святейшего Патриарха Тихона, и нас, посланных от него Епископами, и возносит ли он во всеуслышание наши имена. Если такое поминовение совершается, знай, что храм таковой Православный, если же нет, беги от него, дабы не осквернить тебе.

Братие и чада, тот, кто еще не откликнулся на голос Святейшего Патриарха, всех зовущего к единству. К вам простираем мы руки наши, исполненные любви и прощения. Умоляем вас, внемлите нашему призыву и обратитесь на покаяние. Поймите, что с отпадением вашим от Церкви Православной, покинула вас Божия Благодать. Откиньте гордость, которая мешает Вам поглубже заглянуть себе в душу и сознать свои ошибки и погрешности. Торопитесь, пока есть еще время для милости и всепрощения. Не испытывайте милосердие Божие... Спешите на покаяние. Подумайте, а вдруг в нощь сию истяжут души ваши от бренного тела, какой ответ дадите Вы тогда пред престолом Царя Небесного, Господа Славы. Торопитесь, спешите, пока есть еще время на покаяние, пока есть еще

время для милости. Идите к своему законному архипастырю, который пришел к Вам дверию, а не прелазя инуде. Не верьте той лжи и клеветникам, которые распускают враги Церкви Христовой вокруг имени нашего, дабы положить вам препятствия для воссоединения. Ныне во всеуслышание объявляю, что 9 сентября в присутствии Св. Синода и Святейшего Патриарха Тихона я был наречен во епископа Лужского вместо епископа Артемия, ушедшего в обновление, а 10 сентября был рукоположен.

Да запретит Господь клеветникам, за их наглую ложь, которой они хотят оправдать свои преступления и обольстить сердца людей, стремящихся к истинной Церкви. Торопитесь к воссоединению. Полагаем для града сего и ближних окрестностей недельный срок, в который заблудшие будут приняты с отеческой любовью.

Вы же, верные чада, возносите ваши горячие молитвы о заблудших, чтобы Господь просветил сердца их, чтобы ниспослал им умиление и покаяние. Молитесь, чтобы ни одна душа их не погибла. Не должно быть у вас к ним ни злобы, ни ненависти, но жалость. Молитесь о них, чтобы Господь охранил их от погибели. Облекитесь во всеоружие поста и молитвы, дабы препобедить диавола, воюющего на Св. Церковь нашу.

Молитесь и о мерности нашей, ибо много трудов и скорбей надлежит понести нам на ответственном архипастырском пути, и молитва Ваша поддержит и укрепит нас.

Благодать Божия да будет со всеми нами.

Аминь.

Разослав послание, святитель стал ежедневно служить в разных храмах и неутомимо проповедовать слово Божие. Правда, он не обладал ни красноречием, ни цветистым слогом, ни пышностью фразы, ни вибрацией голоса, но проповедь его была чем-то особенной. Он не проповедовал о Боге, не на то он был послан. Он говорил большей частью о Церкви, о расколе, увещевал не иметь с отпавшими общения, не поддаваться им. И слово его было со властию. Просто и неустрашимо святитель называл не только вещи, но и людей своими именами. И всем становилось понятным, где истина и где ложь.

Дух захватывало, когда слышалось его недлинное простое слово. В нем было все обаяние неустрашимости и власти истины. Проповедь Епископа МАНУИЛА — это исповедничество.

Когда в одной из церквей он говорил, что ПРАВОСЛАВИЕ — это то, за что не жаль лечь на пороге храма и сказать: «Топчите мое тело, но пусть ПРАВОСЛАВИЕ останется чистым», то все чувствовали, что жизнь его однажды и бесповоротно отдана Тому, Кто не

остановился пред Крестом. И люди оживлялись верой, согревались теплой любовию к Богу, желанием отдаться Ему и послужить также всецело, как служил этот исповедник.

Иногда он говорил всего лишь несколько слов. Поздравлял с праздником, передавал благословение от Святейшего, сообщал, что Святейший здоров. В его устах эти обычные слова звучали таким искренним приветом, что сразу выявлялось глубокое внутренне общение святителя с народом.

Успеху проповеди содействовали его благоговейное служение и тот молитвенный подъем и пафос, которые испытывали верующие в разных храмах даже на буднях за архиерейскими службами при многочисленном стечении духовенства и народа.

Отметим, что за богослужениями Епископа МАНУИЛА всегда было много разных кликуш, странников, юродивых, блаженных и порченых. Последние не могли терпеть той благодати, которая пребывала в душе святителя, и часто в присутствии многочисленной толпы молящихся выкрикивали в его адрес: «Огнем пожигающий, духоносный, исповедниче, огнепальный» и т. п. А когда подходили бесноватые, то поднимался такой душераздирающий крик,, что казалось своды храма разрушаются, но достаточно было святителю положить свою руку на главу бесноватых, как они быстро замолкали и успокаивались .

И это все имело не маловажное значение в деле проповеди.

Затем святитель позаботился объединить вокруг себя духовенство и причты и создать прочную основу для Православия.

В программу борьбы с расколом входило избрание особых духовников для принятия покаяния отколовшихся от Православия, разделение всего города на округи и составление специального чина воссоединения с Православной Церковью.

На одном из ближайших съездов о. о благочинных и настоятелей Православных Церквей все это было осуществлено и претворено в жизнь. Были избраны четыре духовника: архимандрит Серафим (Протопопов), прот. Николай (Вертоградский), прот. Серафим (Тихомиров) и прот. Иоанн (Благодатов), между которыми и был разделен весь город Петроград на четыре части.

В их обязанности входило: воссоединение через таинство покаяния людей, отпавших от Православия в обновленческий раскол, выдача исповедных свидетельств и неустанная проповедь.

В руководство духовникам епископом Мануилом была дана специальная инструкция.

На этом же съезде был выработан специальный «чин воссоединения обновленцев с православными», составленный архимандритом

• Памятослов Еп. Мануила, стр. 125.

Серафимом (Протопоповым), и послан на утверждение Святейшему Патриарху ТИХОНУ. Последний тщательно рассмотрел «Чин» и своей резолюцией одобрил его к употреблению в Петроградской епархии при принятии покаяния от обновленцев.

После вышеизложенных мероприятий, когда был положен твердый фундамент для дальнейшей деятельности, началось активное наступление на обновленческий раскол.

Послание, ежедневные проникновенные богослужения и живое слово, растворенное внутренней духовной силой самого епископа, имели свое действие. Маститые протоиереи и простые священники и диаконы почувствовали силу Православия и, сбрасывая путы раскола, возвращались под покров Святейшего Патриарха ТИХОНА.

Начали приносить покаяние и целые приходы. Мало-помалу свет Православия одерживал одну за другой победу.

Форма, которая была избрана епископом МАНУИЛОМ при покаянии обновленческих священнослужителей, носила своеобразный характер. Большей частью покаяние принималось за всенощным бдением, когда в храмах было много молящихся. Покаяние совершалось так: — за вечерним богослужением, перед пением «Хвалите Имя Господа», через Царские Врата на солею выходил епископ и становился лицом к народу. В это время южными и северными дверями выводили священнослужителей также на солею и устанавливали в ряд лицом к народу. Затем каждый из них произносил покаянное слово пред верующими, делал три земных поклона на три стороны, прося у верных прощения за свое заблуждение и, поклонившись епископу и получив от него благословение, уходил в алтарь.

Такая форма покаяния вполне соответствовала моменту и времени. Нельзя было применять по отношению к обновленцам слишком мягкие меры в деле их покаяния, поскольку их заблуждение имело прямое отношение к народу. Вот почему и покаяние их должно было совершаться и совершалось пред народом. Правда, некоторые из покаявшихся маститых протоиереев выражали недовольство против такой формы покаяния, но это недовольство вытекало у них, главным образом, из ущемленного самолюбия. Им было стыдно сознаться в том, что они, будучи почтенными протоиереями, вдруг оказались ниже простых верующих по твердости своих убеждений и отступали от чистоты Православия. Стыд за свои ошибки внушал им желание тайного покаяния вдали от народа. Но это только отдельные личности, а большинство одобряло подобную форму покаяния.

Покаявшиеся в своем заблуждении священнослужители должны были, как правило, ежедневно служить с Епископом МАНУИЛОМ

и этим свидетельствовать всем верующим свое искреннее раскаяние и общение с Православной Церковью.

Вследствие этого с архипастырем всегда служило около 30—40 священников и не менее 10—15 диаконов.

Первые успехи в борьбе с расколом воодушевили Епископа МАНУИЛА еще к большему усердию и мужеству. Какой-то внутренний неземной огонь горел в его сердце и возбуждал в нем энергию. Приходится только удивляться его неусыпности и неустанной деятельности.

Изо дня в день он совершал богослужения, проповедовал слово Божие, благословлял каждого в отдельности, тысячами подходивших сплошным потоком (в праздничные дни до 15 тысяч), немного передыхал, а затем снова спешил то в один, то в другой храм на богослужение.

В праздничные и воскресные дни он совершал по три службы в день: утром литургию в одном храме, вечерню с акафистом в другом и утреню в третьем. Тогда он возвращался домой только во втором часу ночи.

Не забывал он и своей малой общины-братств, приютившегося в церкви Космы и Дамиана. Сюда святитель успевал приходить вечерами, а по субботним дням и в малые праздники совершать здесь ранние литургии.

Прошло ровно две недели мужественной, дерзновенной битвы, именно битвы, Епископа МАНУИЛА с темной силой обновленческого движения.

Необходимо было определить свои силы и наметить дальнейший ход деятельности в борьбе с противником.

Наступил самый удачный момент для этого — день погребения известного всему Петрограду протопресвитера Александра Дернова, отпевание которого было совершено 2/15 октября 1923 года в церкви общества Религиозно-нравственного просвещения, что на Стремянной, на ул. Марата. В этот день на отпевание протопресвитера вышло с Епископом МАНУИЛОМ 144 священника (архимандритов, протоиереев, иереев) и 47 диаконов, что в общей сложности составляло 191 человек. Силы православного духовенства за эти две недели возросли более чем вдвое. Если в начале борьбы число православного духовенства составляло 93 человека, то теперь 191.

Итак, определив свои силы и найдя их вполне окрепшими для дальнейшей битвы, защитники Православия взяли курс на Александро-Невскую Лавру, которая в это время находилась в оковах обновленчества.

Возвратить Лавру в Православие — это означало одержать полную победу над расколом.

Предстояла очень трудная, а вместе с тем и важная боевая операция. Трудность заключалась в том, что большинство иноков, будучи в молитвенном общении с обновленческими епископами и не поминая за богослужением Патриарха ТИХОНА, не признавало себя обновленцами, и поэтому всякие увещания со стороны православного Епископа обратиться из заблуждения принимались ими в насмешку.

Требовалось много усилий, чтобы убедить иноков в том, что они находятся во тьме вне пределов Православной Церкви. Но эти трудности не остановили защитников Православия. Медлить было нельзя. Каждый день был дорог для них.

Началось организованное наступление.

Была предпринята первая попытка в личных и письменных переговорах склонить иноков на признание своего заблуждения. Но первая попытка потерпела неудачу. Сколько ни убеждал Епископ МАНУИЛ начальников Лавры оставить обновленческий раскол и перейти в Православие, они никак не соглашались, постоянно ссылаясь на то, что они якобы остаются православными и никогда обновленцами не были.

Неудача не поколебала мужества Епископа. Прошло семь дней после первой попытки — и снова наступление. Были посланы в Лавру для увещания два духовника: архимандрит Серафим (Протопопов) и прот. Иоанн (Благодатов), которые после долгой беседы с иноками, наконец, убедили последних признать свое заблуждение. Победа была одержана.

На 14/27 октября 1923 года было назначено торжество Православия. Радость правоверных о переходе Лавры в лоно Православной Церкви неслась из уст в уста. Почти в каждом православном храме г. Петрограда были вывешены объявления, написанные яркими буквами: «Торжество Православия имеет быть 14 октября в Александро-Невской Лавре».

Защитниками чистоты веры велась усиленная подготовка к этому великому и знаменательному дню.

Духовники келейно принимали покаяние иноков Лавры, снисходя их немощам, а другие разрабатывали программу на день торжества.

Минуты ожидания, казалось, тянулись очень долго. Но, наконец, наступил день «ПРАВОСЛАВИЯ». Вот и 14-е октября. Утро. Храм и дворы Лавры были переполнены народом. Среди молящихся толпились не только православные, но и обновленцы, которым интересно было посмотреть на «Торжество Православия». Обновленцы, между прочим, с большой критикой относились к этому «Торжеству» и, смеясь, говорили: «Посмотрим, что получится из этого «Торжества»,

и как будет торжествовать этот «махонький» и «горбатенький архиерей».

Восходило осеннее солнце над Петроградом, тускло освещая улицы города. Сгустившийся утренний туман постепенно рассеивался. Храм все ярче и отчетливее принимал очертание, как бы готовясь к важному моменту. Звонари находились на колокольне, ожидая прихода виновника торжества.

Туман исчез, и солнечные лучи осветили купол и крест храма. Наступила торжественная минута. Из лаврских «покоев» вышел «со славою» на торжество Епископ МАНУИЛ. Воздух рассек неожиданный удар колокола, возвестивший «миру» торжество «ПРАВОСЛАВИЯ». Его быстро подхватили колокола присоединившихся к Православию других церквей. Послышался малиновый трезвон. Народное сердце затрепетало от радости.

Но зато какой злобой и ненавистью наполнились сердца обновленческих заправил, когда увидели восходящего на епископскую кафедру маленького ростом, но могучего духом православного архиерея.

Началась божественная литургия. Своды храма огласились мощными церковными напевами лаврской братии.

Вот закончилась литургия. Духовенство во главе с Епископом МАНУИЛОМ стало чинно выходить на середину храма на молебен. Порядком руководил старший из протоиереев настоятель церкви общества Религиозно-нравственного просвещения протоиерей Павел Лахотский.

Архиерей взошел на кафедру, а от него в два ряда установилось духовенство, протянувшись через Царские двери в алтарь за престол.

Выход из алтаря духовенства на середину храма совершался пять с половиной минут. На молебен вышло 149 архимандритов, протоиереев и иереев и 95 архидиаконов, протодиаконов и диаконов. Все были облачены в одинаковое юбилейное лаврское облачение. Царила полная тишина и благоговение.

Необычайный порядок выхода духовенства на молебен и такое множество священнослужителей поразил и обновленческих вождей. В порыве злобы они, смеясь над малым ростом Епископа, говорили: «Вот так благодать — от земли не видать».

Перед началом молебна протоиерей П. Лахотский объяснил верующим значение настоящего «торжества», на которое они собрались.

Возгласом «БЛАГОСЛОВЕН БОГ НАШ...» начался молебен, нарушивший тишину в храме. Пение благодарственного молебна наполняло радостью и миром сердца верующих. Торжество Православия все усиливалось. Оно закончилось далеко за полдень, в третьем часу дня. Верующие, получив благословение от архипастыря, расходились по домам с полным сознанием, что ПРАВОСЛАВИЕ в Петрограде одержало победу.

Но как отнеслись к «Торжеству» главари обновленчества? Они отнеслись самым отрицательным образом. Если они до этого дня смотрели на «Торжество» как на пустую забаву Епископа МАНУИЛА и убеждены были в полном провале его, то теперь стали смотреть совершенно иначе. Теперь стали смотреть на «Торжество» как на свидетельство мощи ПРАВОСЛАВИЯ, как на силу, противостоять которой было уже невозможно.

Оценив перевес силы в Православии, главари раскола прибегнули к самым низким средствам. Они стали возводить всевозможную клевету на Патриарха ТИХОНА, на Епископа МАНУИЛА и на обратившееся из обновленчества духовенство, пачкая их гнусной грязью и помоями клеветнических измышлений.

Центром, откуда исходила вся обновленческая грязь, являлась Спасская церковь, что на Сенной площади, ее возглавлял протоиерей Александр Боярский, и церковь Захарьевская, что на Захарьевской улице, которую возглавлял протоиерей А. Введенский.

После «Торжества Православия», главари обновленчества А. Введенский, А. Боярский и др. часто беседовали между собой и говорили друг другу: «Если бы мы знали, что Епископ МАНУИЛ будет иметь такую духовную силу, то мы бы его никогда не допустили в Петроград. Да, просчитались мы на этот раз!»

Действительно обновленцы просчитались, не обнаружив в малом сосуде Божием небесной красоты, а Господь скрыл в немощи человека Свою Божественную силу.

Переход Лавры из раскола воистину был торжеством Православия. С этого момента произошел перелом в самом обновленческом обществе Петрограда, и многие потянулись к Православию. Многие увидели, что Православие быстрыми темпами одерживает победу, да и сами православные ободрились, почувствовав под собой твердую основу веры.

Москва, а за нею и другие города великой России, услышав о победѣ Православия в Петрограде и воодушевленные мужеством защитника веры, воспрянули от оцепененного малодушия и выдвинули своих борцов против обновленческого раскола. Так велико было значение обращения Лавры.

Одержав великую победу над обновленчеством, Епископ МАНУИЛ не приостановил своей деятельности, он простер ее и дальше. Вслед за Лаврой им было присоединено к Православию ряд приходов и монастырей.

К концу его деятельности в Петрограде из 115 обновленческих церквей перешло в Православие 83 прихода, а остальные 32, в силу сложившихся обстоятельств, вынужденно остались в обновленчестве.

В декабре 1923 года им был обращен в Православие видный деятель обновленчества митрополит Петроградский и Лужский Артемий (Ильинский). Поскольку митрополит Артемий являлся обновленческим архиереем Лужской и Петроградской епархии, то к нему Епископом МАНУИЛОМ была применена более строга форма покаяния. Он должен был приносить покаяние к нескольких храмах, что им и было исполнено.

Первое свое покаяние он приносил за всенощным бдением в храме Воскресения, что у Варшавского вокзала. Сколько слез пролил он тогда за свое заблуждение и отступление от Православия! Это были искренние, неподдельные слезы. Плакал вместе с ним и народ.

Такое же всенародное покаяние он принес в день памяти св. великомученицы Варвары, после ранней обедни во Владимирском храме, что на ул. Владимирской, и после поздней в Леушинском подворье, что на ул. Бассейной.

Завершающее свое покаяние он принес в кафедральном соборе г. Луги пред всем духовенством и верующими. Принятый в лоно Православной Церкви в сане епископа, он остался на покое в г. Луге.

В январе 1924 года принес покаяние и Новодевичий женский монастырь.

Борьба Епископа МАНУИЛА с обновленчеством в Петрограде продолжалась 125 дней. И за этот краткий срок он сумел одержать победу над расколом, низложить его главную силу и дать торжество Православию, которое после этого ярким светом воссияло во всех уголках Русской Церкви.

Об этой борьбе была написана ревнителями благочестия специальная брошюра, носившая такой заголовок: «125 дней, которые потрясли весь Петроград».

Борьба Епископа МАНУИЛА с обновленческим расколом поистине была сплошным триумфом и торжеством Православия, сплетшая неувядаемый ему венец и славу поборника Православия и Светильника Российской земли.

Один профессор, составляя церковную историю последних лет, написал о борце Православия так:

«Епископ МАНУИЛ — это величайший наш Епископ, который сделал громадное дело, и его деяние, его обращение нашей Церкви в Петрограде будет записано в историю. Это было обращение всего Петрограда в очень короткий срок».

2 февраля н. ст. 1924 года борец Православия вынужденно покинул Петроград и поселился в тихой обители Зосимы и Савватия.

КОНЧИНА МАТЕРИ

После ухода двух сыновей: святителя МАНУИЛА и Андрюши, в доме Веры Ивановны стало пусто и грустно. Зайдет она, бывало, в келью старшего сына и зальется горючими слезами — все напоминало о так недавно здесь пребывавшем святителе и младшем сыне Андрюше: «Как они там, бедные?»

Особенно тяжело переживала Вера Ивановна за Андрюшу. Он был для нее самым любимым сыном.

— «Витенька сам пошел на крест,— говорила она в горести,— а вот Андрюшеньку жаль».

Хотелось верить, что оба ее сына скоро вернутся, вернется и ее любимый Андрюшенька. Но судьба обернулась к ней неумолимо. Проходили дни и месяцы, а страдальцы не возвращались.

3 октября 1924 года им был объявлен приговор: в Соловки — Епископа МАНУИЛА на три года, Андрея Викторовича — на два. И тот и другой приговор заслушали с мужеством.

8 октября узнав о том, что ее сыновей 9 октября отправляют на Соловки, Вера Ивановна пришла на Шпалерку проститься с ними. Святитель нежно поклонился матери и простился с нею навсегда. Он чувствовал, что уже больше не увидит ее в живых*.

Было холодно, и Вера Ивановна простудилась. На следующий день она слегла в постель. Произошло крупозное воспаление легких. Не выдержало больное слабенькое сердце, и Вера Ивановна в 4 часа 45 минут, напутственная Св. Тайнами, мирно отошла ко Господу 16 октября 1924 года. За несколько часов до смерти она услышала звон колоколов и небесное пение, а одна из ее близких ощутила запах ладана в своем доме.

Во время литии на заупокойной всенощной стоящие около гроба увидели на ее глазах слезы, но ничего не сказали. Подошел диакон и говорит: «Вытрите покойной слезы». Это же повторилось и во время отпевания.

Отпевание усопшей совершил епископ Григорий (Лебедев) в сослужении 42 священников и 19 диаконов.

Похоронили мать исповедника на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры. На ее погребении присутствовало около 10—15 тысяч человек.

* Памятослов Еп. Мануила, стр. 100.

В память усопшей было написано замечательное стихотворение:

Славного сына — славная мать!
Окончила путь ты земной,
Окончила сердцем скорбеть и страдать,
Найдя себе вечный покой.
А сын на чужбине далекой,
Изгнанник за веру Христа,
Не знает, что горем сломленная,
Лежишь ты под сенью креста.
Что сжалился Бог милосердный
Над горькою долей твоей
И в чертог невечернего света
Укрыл от жестоких людей.
В нем нет ни скорбей, ни печали...
Гряди же, родная скорей,
И там, пред престолом Владыки,
Молись за своих сыновей.

Козлов А. Н.

17 октября святитель получил от своего брата Павла телеграмму, в которой сообщалось о кончине матери. Он был тогда в Кеми.

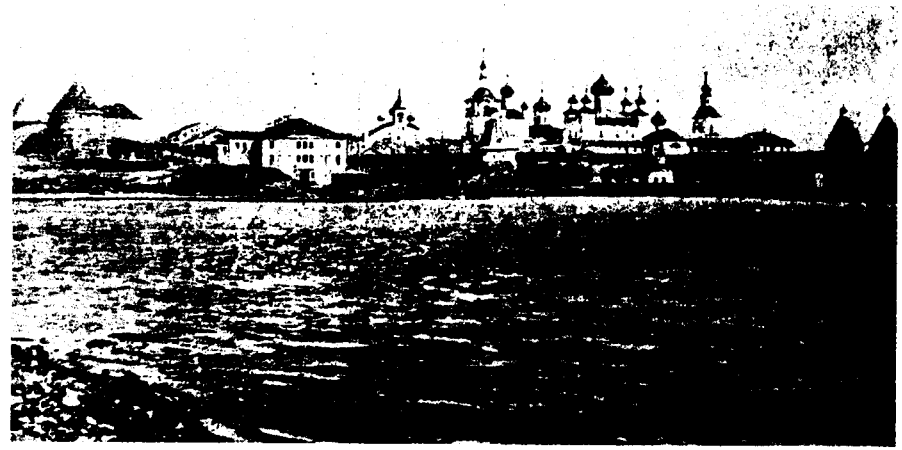
Горько оплакал исповедник кончину родительницы, но предав себя всецело воле Божией, утвердил свои стопы на спасительном пути.

СОЛОВКИ

(1924—1928 гг.)

Соловецкий монастырь расположен среди Белого моря на Соловецком острове в пределах Архангельской области.

К моменту приезда туда Епископа МАНУИЛА он уже был закрыт. Братии как таковой не было. Здесь жили люди вольного поселения, разные научные сотрудники и люди, которые чем-то погрешили против гражданских законов. Проще сказать, в обители преподобных Зосимы и Савватия жили ссыльные. Среди них было много духовных и светских лиц, посвятивших свою жизнь Церкви. Вот сюда-то в октябре 1924 года и прибыл на жительство Епископ МАНУИЛ. Поселился он в монастырской келии с весьма скромной обстановкой: кровать, стол, стул — и больше ничего. На душе было горестно. Но горесть уменьшалась тем, что всем живущим в обители дозволялось свободное общение друг с другом. Сразу же завязалось знакомство с духовными лицами, с теми, которых он знал хорошо



Соловецкий монастырь

на материке, а также которые известны были ему по церковной деятельности. Одним из таких знакомых был Архиепископ Верейский ИЛАРИОН (Троицкий). Это был иерарх великого духа, твердо стоявший за чистоту Православия. С ним-то и соединил свою дружбу Епископ МАНУИЛ. Впоследствие к ним примкнули и другие архиереи (архиепископ Прокопий Титов и архиепископ Амвросий Полянский).

Жизнь на Соловках не была красной. Но она и не была слишком тяжелой. Были возможности наряду с физическим трудом заниматься и своими личными делами, и церковными, и даже совершать в праздничные дни богослужения в монастырских храмах и справлять свои именины с вкусно приготовленными пирогами.

Сразу же по прибытии в монастырь Епископ МАНУИЛ поставил себе девиз — «Не терять времени». И он действительно не терял его не только в Соловках, но и в последующие дни своей жизни.

Трудиться, трудиться и только трудиться...— такова заповедь. Быстро свыкнувшись с монастырской обстановкой, святитель приступает к труду. Он намечает ряд церковно-исторических и канонических работ на весь 1924 год. Из них известны:

1. Психологические основы христианства (Страдания, подвиг, горе, слезы, томление духа, Бога любить страшно) (13 февраля)
2. Религиозные вопросы (быт духовенства и т. д.) в русской литературе и поэзии за период 1917—1924 гг. (26 февраля)

3. Церковь и государство в делах внутренней и внешней Миссии в России (19 апреля)
4. Библейская апологетика (Сборник научных данных и открытий о Библии — Ветхого Завета и Нового).
5. История Русского Синодика (29 июня)
6. История монашества (ч. I — Общая, II — Монашество Востока, III — Монашество Запада и IV — Русское Монашество)
7. Христолюбивейшая инквизиция на Востоке и в России
   1. Обозрение ее на Западе и в др. христианских странах;
   2. Обозрение ее на Востоке;
   3. История ее в России.

Общие вопросы сочинения: освящение следующих сторон инквизиции и правды —

гонения	расколы	интриги
увольнения	ереси	ненависть
ссылки	перевороты	издевательства
пытки-костры	самочиния	ложь, клевета, обман
заточения		симония
		разврат
		корыстолюбие.

8. Старчество
   Часть I — Общая, II — Старчество на Востоке (Православном); III — Старчество на Западе (До раздел. Церквей); IV — Старчество в России (27 июля)
9. Теории канонической практики (Психологические основы канонов) (июль-сентябрь)
10. Патерик. (Сосредоточить в одном издании все патерики всех христианских стран). Часть I — Общая; II — Патерик канонизированных; III — Патерики подвижников; IV — Патерики праведников; V — Патерики исповедников Российских; VI — Общий синодик неканонизированных по закрытым монастырям.

Выработать вопросник для собирания сведений о всех умерших в России за последние 25 лет.

Причины составления Патерика и Синодика:

1) Восстановление истины о св. мощах;
2) Уничтожение духовных книг;
3) Прекращение продажи их.

11. Иконография иконы ЗНАМЕНИЯ БОЖИЕЙ МАТЕРИ.
12. Новое издание «Правил Православной Церкви» (по особой программе).

13. Мистические бездны (Трилогия)* (сентябрь).

Таковы работы, намеченные Епископом МАНУИЛОМ к выполнению их на 1924 год. К написанию одних он приступил сразу, а для других разрабатывал план и собирал материал.

Осенью 1924 года святитель был назначен помощником библиотекаря Соловецкого Особого Полка Охраны, что дало ему возможность иметь доступ к книгам и рукописям.

Девиз — не терять времени — строго им выполнялся. Ни одной минуты не было свободной. Казалось, что ему не хватало 24-х часов для выполнения задуманного. А задуманного у него было очень много. Его главным образом беспокоила судьба Церкви со всеми проявлениями ее жизни. Он был православный мистик и стремился постичь мистическую жизнь Церкви в ее прошлом, настоящем и будущем. Святитель пишет новый труд:

«Великий мистический круг» (2 части).

I-я часть — Тайны и бездны судеб мира в мистическом освещении прошлого, в опытах и наблюдениях настоящего и мистических апологиях, выводах о будущем. Северный и южный полосы круга.

II-я часть — Мистический великий круг Церкви Христианской. Значение именно VII Вселенских соборов. Роль России в замыкании южного полюса круга. Бысть тьма no lux oriente. Значение VIII Вселенского Собора в истории замыкания сего круга.

Наброски этого труда были сделаны им еще в августе-сентябре 1924 года, а закончен в мае — сентябре 1925 года.

В 1924—1925 годы им закончены были и еще две работы: «Теории канонической практики» и «Канонические нарушения Православною Русскою Церковью в период XIII—XVII вв.»

Если первая работа: «Великий мистический круг» уводила Епископа МАНУИЛА в область мистическую, то последние две — исключительно в практическую.

Они необходимы были ему для реального и правильного суждения с канонической стороны о всем совершающемся в жизни Русской Церкви.

Написанные три работы ясно свидетельствовали, что в характере и мышлении епископа-исповедника равномерно сочетались элементы мистики и практики. Ни то, ни другое не поглощало друг друга и не уводило в крайность. Святитель умел все подчинить единой цели и направить к выполнению воли Божией и с мистической и практической стороны.

* Все означенные работы намечены были им во время заключения в Ленинграде, где он находился до окт. 1924 года.

3. Церковь и государство в делах внутренней и внешней Миссии в России (19 апреля)
4. Библейская апологетика (Сборник научных данных и открытий о Библии — Ветхого Завета и Нового).
5. История Русского Синодика (29 июня)
6. История монашества (ч. I — Общая, II — Монашество Востока, III — Монашество Запада и IV — Русское Монашество)
7. Христолюбивейшая инквизиция на Востоке и в России
   1. Обозрение ее на Западе и в др. христианских странах;
   2. Обозрение ее на Востоке;
   3. История ее в России.

Общие вопросы сочинения: освящение следующих сторон инквизиции и правды —

гонения	расколы	интриги
увольнения	ереси	ненависть
ссылки	перевороты	издевательства
пытки-костры	самочиния	ложь, клевета, обман
заточения		симония
		разврат
		корыстолюбие.

8. Старчество
   Часть I — Общая, II — Старчество на Востоке (Православном); III — Старчество на Западе (До раздел. Церквей); IV — Старчество в России (27 июля)
9. Теории канонической практики (Психологические основы канонов) (июль-сентябрь)
10. Патерик. (Сосредоточить в одном издании все патерики всех христианских стран). Часть I — Общая; II — Патерик канонизированных; III — Патерики подвижников; IV — Патерики праведников; V — Патерики исповедников Российских; VI — Общий синодик неканонизированных по закрытым монастырям.

Выработать вопросник для собирания сведений о всех умерших в России за последние 25 лет.

Причины составления Патерика и Синодика:

1) Восстановление истины о св. мощах;
2) Уничтожение духовных книг;
3) Прекращение продажи их.

11. Иконография иконы ЗНАМЕНИЯ БОЖИЕЙ МАТЕРИ.
12. Новое издание «Правил Православной Церкви» (по особой программе).

13. Мистические бездны (Трилогия)* (сентябрь).

Таковы работы, намеченные Епископом МАНУИЛОМ к выполнению их на 1924 год. К написанию одних он приступил сразу, а для других разрабатывал план и собирал материал.

Осенью 1924 года святитель был назначен помощником библиотекаря Соловецкого Особого Полка Охраны, что дало ему возможность иметь доступ к книгам и рукописям.

Девиз — не терять времени — строго им выполнялся. Ни одной минуты не было свободной. Казалось, что ему не хватало 24-х часов для выполнения задуманного. А задуманного у него было очень много. Его главным образом беспокоила судьба Церкви со всеми проявлениями ее жизни. Он был православный мистик и стремился постичь мистическую жизнь Церкви в ее прошлом, настоящем и будущем. Святитель пишет новый труд:

«Великий мистический круг» (2 части).

I-я часть — Тайны и бездны судеб мира в мистическом освещении прошлого, в опытах и наблюдениях настоящего и мистических апологиях, выводах о будущем. Северный и южный полюсы круга.

II-я часть — Мистический великий круг Церкви Христианской. Значение именно VII Вселенских соборов. Роль России в замыкании южного полюса круга. Бысть тьма по lux oriente. Значение VIII Вселенского Собора в истории замыкания сего круга.

Наброски этого труда были сделаны им еще в августе-сентябре 1924 года, а закончен в мае — сентябре 1925 года.

В 1924—1925 годы им закончены были и еще две работы: «Теории канонической практики» и «Канонические нарушения Православною Русскою Церковью в период XIII—XVII вв.»

Если первая работа: «Великий мистический круг» уводила Епископа МАНУИЛА в область мистическую, то последние две — исключительно в практическую.

Они необходимы были ему для реального и правильного суждения с канонической стороны о всем совершающемся в жизни Русской Церкви.

Написанные три работы ясно свидетельствовали, что в характере и мышлении епископа-исповедника равномерно сочетались элементы мистики и практики. Ни то, ни другое не поглощало друг друга и не уводило в крайность. Святитель умел все подчинить единой цели и направить к выполнению воли Божией и с мистической и практической стороны.

---

* Все означенные работы намечены были им во время заключения в Ленинграде, где он находился до окт. 1924 года.

Самым благотворным временем для литературной его деятельности были 1926—1927 годы. Этому способствовало то обстоятельство, что Епископ МАНУИЛ с 1926 года после открытия Соловецкого Общества Краеведения стал постоянным членом и докладчиком этого общества по вопросам местной археологии и церковной старины, а затем архивариусом и библиотекарем. Весь исторический материал находился в его руках, и он мог свободно им пользоваться для своих работ.

Вот перечень основных трудов, законченных, оканчиваемых и напечатанных к окончанию в 1926 и 1927 годы.

ЗАКОНЧЕННЫЕ РАБОТЫ В 1926 ГОДУ

1. ПАМЯТОСЛОВ Епископа МАНУИЛА.
(В месяцесловном порядке года запись всех знаменательных событий его жизни, кончины всех подвижников благочестия российских, дни престольных праздников храмов и монастырей, где епископ Мануил служил, и другие дополнительные по местной агиологии Соловецких сведений) 150 стр. 8°

2. СИНОДИК Соловецких подвижников за 500 лет существования монастыря (1429—1929 гг.). С приложением родословия соловецкого подвижничества и месяцеслова за 5 веков. 66 стр.

3. ОБРАЩЕНИЕ Соловецкого епископа. (Письма к Соловецким архиереям) 19 стр. 8°

4. СОВОПРОСНИК ПРАВОСЛАВИЯ. (Опыт противообновленческого катехизиса) 395 стр.

ОКАНЧИВАЕМЫЕ РАБОТЫ В 1926—1927 гг.

5. СОЛОВЕЦКОЕ СТАРЧЕСТВО.

6. СОЛОВЕЦКОЕ пустынножительство и отшельничество.

7. СОЛОВЕЦКИЙ САД СПАСЕНИЯ. (Новый Соловецкий Патерик. Больничный и Темничный Цветник. Современные Соловецкие боголюбцы).

8. СОЛОВЕЦКИЙ НЕКРОПОЛЬ. (Описание Соловецкого кладбища с таблицами, диаграммами по алфавитным и хронологическим спискам всех умерших из братии за последние 100 лет.

9. СОЛОВЕЦКИЕ СИНОДИКИ. (Описание 16-ти Соловецких древних с XVII в. и новых синодиков, хранящихся в музее Соаох'а).

10. МИСТИЧЕСКИЙ элемент в истории Соловецкого монастыря (1429—1929 гг.).

11. СОЛОВЕЦКИЕ церковники. (Опыт описания жизни Соловецких церковников за период 1923—1927 годы с полными их списками.).

12. РУССКИЙ НОМОКАНОН*. (Мысли о новом издании правил Православной Церкви).

13. ПОСЛЕДНЕЕ Соловецкое сказание (Элегия).

14. ВЕЛИКИЙ Соловецкий плач. (Белые стихи, переложенные на ноты).

15. ФЛАВИАНСКИЙ Синодик. (Примечание к его Помяннику).

16. ПРЕДМЕТНЫЙ указатель к Правилам Православной Церкви епископа Никодима).

17. ПАМЯТКА православного епископа на каждый день.

18. О ЧИНОПРИЕМЕ обновленческих епископов.

19. ПОМЯННИК об усопших (5 частей).

20. СИНОДИК современных боголюбцев.

21. РОДИТЕЛЬСКАЯ суббота о российских боголюбцах в субботу перед неделею всех святых в земли российстей просиявіших.

22. ЗАУПОКОЙНАЯ служба Соловецким боголюбцам.

23. ВОССТАНИ СПЯЙ! (Мысли о современном русском монашестве и о его судьбе за последние 150 лет — 1764—1914 гг.).

РАБОТЫ НАЧАТЫЕ И НАМЕЧЕННЫЕ ОКОНЧАНИЕМ К СЕНТЯБРЮ 1927 ГОДА

24. СОЛОВЕЦКИЕ письма о служении епископства (12-ть писем о т. н. архипастырском богословии).

25. ЧТО ТАКОЕ ИСПОВЕДНИЧЕСТВО? (Катехизис исповедника с кратким месяцесловом исповедника. Памятка церковному ссыльному, тюремному и освобождающемуся).

26. СОЛОВЕЦКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ.

27. ИНОЧЕСКИЙ КАТЕХИЗИС. (Иноческий катехизис епископа Иеремии Нижегородского в доп. и изложении применительно к современным условиям жизни монашеской).

28. ВСЕРОССИЙСКИЙ ПОДВИЖНИЧЕСКИЙ СИНОДИК.

29. ИКОНОГРАФИЯ ЗНАМЕНИЯ БОЖИЕЙ МАТЕРИ по Соловецким музейным заповедникам.

30. ОЧЕРКИ по истории богослужебной практики Соловецкого монастыря.

31. СТОЯНИЕ МИРА христианского. (Трилогия).

32. БЕСЕДА архипастыря со своей паствой.

33. ПОСЛАНИЕ к Лужской пастве.

34. СТАРЧЕСКОЕ окормление в России в XVIII—XX столетии русских подвижников и боголюбцев.

---

* Первоначально эта статья была задумана им и вчерне написана в августе 1924 года, когда он находился в заключении в Ленинграде в ДПЗ, под влиянием изучения Правил Православной Церкви и после составления «Теории канонической практики». В окончательной редакции сложилась в конце июня 1926 года в Соловках.

И ряд других мелких работ.

Большинство из этих трудов к концу 1927 года было окончено, но не все они увидели свет.

Тщательно старался святитель спрятать свои драгоценные рукописи в бочонке с двойным дном, который он специально заказал в Соловецкой кузнице, но так и не спрятал. Нашелся один православный епископ,, который донес Соловецкой охране о тайнике Епископа МАНУИЛА. И когда он по истечении срока ссылки отправлялся на материк при осмотре вещей многие рукописи были изъяты и уничтожены. А из уцелевших работ часть их тоже погибла при разных переездах и перемещениях.

Но возвратимся к подвижнику.

Если смотреть только на одни труды, то можно подумать, что Епископ МАНУИЛ ничем другим и не занимался. Но это не совсем так.

Углубляясь в научные труды, он, однако, не забывал окружающей его жизни, не забывал ту сложную обстановку, в какой находилась тогда Русская Православная Церковь. На забывал своих страждущих духовных чад, оставшихся без духовного руководства среди опасностей и отвне и изнутри. Но что он мог сделать? Чем мог помочь МАТЕРИ-ЦЕРКВИ? Единственное, что было в его возможностях,— это попытка объединить всех епископов, находившихся в Соловках*, и вместе с ними, составляя как бы малый действующий архиерейский собор, выработать общие методы борьбы с обновленчеством и решить ряд насущных церковных вопросов.

5 июля 1926 года святитель, терзаемый внутренней скорбью о судьбе Церкви, обращается с особым письмом ко всем Соловецким архипастырям. Голос его бьет тревогу.

В России усиливается атеистическая пропаганда, неудержимо растет молодое безбожное поколение. Люди уходят в униатство, в секты, в старообрядческий раскол, 13 700 православных приходов увлечены обновленческими иерархами в пагубный раскол, у большинства православных утрачивается чувство церковности и нежной привязанности к Православной МАТЕРИ-ЦЕРКВИ, постоянно следует нарушение церковных канонов епископами, нравы людей растлеваются, допускаются нарушения постов, прелюбодеяния становятся обычным явлением и убийства во чреве (аборты) уже не стало считаться грехом, замечается презрение со стороны людей к церковной обрядности, почти забыты святые обычаи: раздача милостыни, питие св. воды, хождение по тюрьмам и больницам.

* В июле число епископов в Соловках доходило до 18 человек. См. «Обращение Соловецкого Епископа», пис. III.

Группа архиереев и духовенства в Соловках (1926 год)

Тревога! Тревога! — звучит голос архипастыря. Тревога за будущую судьбу Церкви Русской. На горизонте тревожные и зловещие признаки грозного будущего: вымирание и оскудение пастырства и архипастырства, исчезновение монастырей, оскудение православно-христианской семьи, как христианизирующей общественной ячейки и новый т. н. обновленческий раскол.

Один за другим встают вопросы: Как помочь православным людям в борьбе с атеизмом? Как воспитать будущих пастырей и архипастырей Церкви? Как поднять и воссоздать монашеский дух в современных условиях жизни? Как превратить всякую православную семью в домашнюю церковь? Почему так мало сделано нами в борьбе с обновленческим расколом?

Ответы в письме Епископа МАНУИЛА даны конкретно:

Необходимо молиться за народ и быть для него не деспотом, а смиренными и простыми духом отцами. Каждому доброму пастырю должно воспитать хотя бы одного кандидата в священники, а архипастырям — целый лик, преграждая дорогу всякому недостойному кандидату.

Воссоздать монашество в древнем духе, назначая в настоятели не хозяйственников, а людей, прошедших духовный опыт послушания. Превращение православной семьи в домашнюю церковь возможно только при создании кадров истинных пастырей. В борьбе с обновленчеством мало сделано потому, что епископы действовали разобщенно.

Но все это для будущего. А что же необходимо сделать теперь для страждущих сынов и пастырей Церкви?

«Мы,— отвечает святитель,— Соловецкие епископы, архипастыри — своего рода микрокосмос Русской Церкви, своего рода как бы малый постоянно действующий собор епископов, число наше дошло до 18. Это разве не перст Божий, что нас здесь так много соединено вместе? Ведь если мы захотим собираться во имя Христово, Христос будет посреди нас (Мф. 18, 20) и мы можем сказать: »изволился Духу Святому и нам" (Деян. 15, 18). Наше духовенство, Соловецкий ссыльный пресвитериат, наконец, и наши церковники-миряне, и из них главным образом пострадавшие в активной борьбе с обновленческим расколом,— все они давно смотрят на нас с упованием, а ныне уже с тревогой (ибо время безвозвратно бежит) — не найдет ли в нас если не вождей и борцов за православие, то стойких выразителей его идеи, **НО ЧТО МЫ,** архипастыри, какой хлеб положим в их протянутые руки...

Горе мне, епископу, что не все знают: есть ли благодать в обновленчестве или нет, т. е. не знают, нужно ли бороться с расколом или нет. Горе мне, епископу, что не все знают канонические послания почившего Патриарха и епископов и не все в состоянии стать во всеоружии против ухищрений и софизмов обновленцев. Я не говорю здесь о той беспомощности большинства из Соловецкого духовенства и мирян, которая может застать их по приезде на места в вынужденной даже борьбе с антирелигиозной пропагандой. Необходимо и в этой области принять какие-либо срочные меры для выявления единства методов борьбы со стихийно растущим безбожием.

ДОРОГИЕ О. О. СОАРХИПАСТЫРИ!

Вы спросите, чего же я, последний из Вас, желал бы от Вас? Я желаю, ищу, молю, чтобы мы уразумели значение милости Божией, явленной в соединении нас здесь во едином сонмище. Осуществим же на себе,— в своей среде святое свойство Церкви, именуемое соборностью, свяжем себя союзом любви, чтобы нам, подобно Павлу, во Христе вместе «жить или умереть» (2 Кор. 7, 3). Выявим нашему Соловецкому духовенству и всей Русской Церкви лицо свое, голос — Соловецкого епископата,— ведь для этого Господь нас и сводит вместе. Если мы уже допустили в этом деле историческую ошибку и упущение осенью прошлого года, при отъезде ТРЕХ соловчан — епископов и значительного числа духовенства и мирян, не повторим ее ныне, оправданий более нам не будет.

Мы немощные, но Господь силен, и Он, чрез плюновение отверзший очи слепому, может и чрез наше недостоинство ВЕЛИКОЕ совершить в Церкви Русской.

Промедление — смерти подобно есть.

Если мы не сделаем чего-либо в этом направлении в ближайшие даже недели, то для многих из нас будет уже поздно, ибо через 2—3 месяца более половины нашего епископата, духовенства и церковников-мирян покинут Соловки и разъедутся по обширному нашему отечеству.

Почему бы нам не собраться вместе для выяснения и решения не только намеченных мною четырех вышеуказанных кардинальных вопросов, но, конечно, и других, возникающих у нас и требующих своего определения? Почему нам не поделиться взаимно своим опытом в борьбе с расколом, не поучиться друг у друга и не наметить общие единообразные методы предстоящей борьбы с обновленчеством на местах (хотя в вопросе чиноприема их через таинство покаяния)? Почему нам не поделиться сведениями о чудесах Промысла Божия в наши дни? Мы иногда бываем очевидцами и служителями чудес Божиих в наши дни, когда Господь в ответ на сомкнутие устен у Его слушателей, Сам говорит о Себе чудесно — то чрез св. иконы, то чрез новоявленных праведников, то чрез видения и знамения.

Когда совместную нашу жизнь здесь мы используем на помощь Св. Церкви, тогда она будет богаче внутренним содержанием и время пойдет быстрее (для томящихся) и плодотворнее, и мы будем полны радости от Духа Святаго, ибо в нас будет больше взаимного доверия друг ко другу, больше сердечности, больше любви и спаянности.

Тогда, по возвращении нашем к паствам нашим, они встретят нас с любовию, и мы сможем выступить перед ними не как величавые недоступные владыки (а народ во время церковной революции переоценил ценности и уже не ждет, а местами отмечает владык с вельми жестокою славою, которая никогда, никогда не вернется), а как смиренные, любящие отцы своей бедной, истерзанной, нуждающейся в любовном уврачевании паствы. Ибо совесть наша не будет нас обличать в бесплодно прожитой Соловецкой ссылке, не будет нас укорять в малодушии веры и исповедания своего лица. Сие и да буди! буди! буди!

Мы должны помнить, что нас по приезде не все встретят радостно, и что нам предстоит крест от лжебратии, т. е. от архипастырей и пастырей, которые, изменив Православию и принеся легкое покаяние, не простят нам обличающих их наших тюрем и Соловков.

Но народ будет смотреть на нас как на совесть свою (еще раз говорю: горе мне, епископу недостойному), и я, например, лично должен стать на путь самоисправления, чтобы сделаться этой совестью паствы моей, при помощи Божией.

Простите мне мое дерзновение, что я, худший всех, дерзаю как бы учить Вас, но это «было в сердце моем, как горящий огонь, и я истомился, удерживая его, и не мог» (Иерем. 20, 9).

МАНУИЛ, ЕПИСКОП ЛУЖСКИЙ
5 июля 1926 года.
Соловецкий монастырь.
День Преподобного и Богоносного
отца нашего, СЕРГИЯ, Игумена Радонежского
и вся России чудотворца.

С письмом Епископа МАНУИЛА быстро ознакомились не только архиереи, но и низшее духовенство и даже миряне. И тогда многие из них настойчиво просили его составить какое-либо пособие, с помощью которого можно было бы вести борьбу с обновленчеством. Святитель согласился. Семь недель упорного труда провел он над составлением примерного противообновленческого катехизиса под заглавием «Совопросник Православия». В середине сентября 1926 года он был закончен.

С содержанием и направлением «Совопросника» ознакомились сначала архиереи, собравшиеся уезжать на материк, а затем рядовое духовенство. Больший интерес к катехизису был проявлен со стороны последних, чем первых. Но и те и другие в сущности одобрили его. Таким образом одна из задач, поставленная Епископом МАНУИЛОМ в своем обращении, была выполнена. И катехизис авторитетом большинства соловецких архипастырей* закреплен как пособие по единообразной борьбе с обновленческим расколом на местах.

Святитель-исповедник нравственно был удовлетворен этим. Он радовался. И радость эта увеличивалась еще и тем, что он узнал, что аналогичные его «Совопроснику» Катехизисы на Украине, в центре и других местах России несомненно выполнят его (Совопросника) специфическую окраску, как отражающего практику Церкви великороссийской, в частности Ленинградской епархии. И что с этой стороны его применение на материке согласует практику севера с центром, отразившим ее в особо выработанном Московским епископатом в 1925 году «Чинопоследовании воссоединения обновленцев» и с практикой Украины и смежных ей областей.

* Из них архп. Иларион (Троицкий), Архп. Прокопий (Титов) и Архп. Амвросий (Полянский) дополнили его и исправили.

Но если в одном был успех, то в другом встретились трудности. Поставленные в первом обращении вопросы практически никто из архиереев не решался осуществить в условиях Соловецкой жизни. Даже на просьбу еп. МАНУИЛА — собираться на епископские собеседования никто из них не отозвался. Не хватало мужества и дерзновения, отсутствовали взаимная поддержка, солидарность и сплоченность.

Правда, некоторые из архиереев высказывали святителю пожелания «успеха», другие молча возвращали рукопись назад, иные высказывали пожелания помочь ему в разрешении вопросов о монашестве, оскудении пастырства и обновленчества. Но все это были одни только пожелания, а попытки хотя бы путем академического обсуждения решить поставленные вопросы не было.

— Да вы, собственно говоря, о чем волнуетесь? — успокаивали Епископа МАНУИЛА некоторые архиереи.— Ведь ваши вопросы общецерковные, а мы здесь в концлагере заключенные...

— Да, конечно,— говорили другие,— в общем вы своевременно затронули больные вопросы. Но как же нам собираться для их обсуждения? Ведь это невыполнимо.

А один из уехавших в Кемь архипастырей, возвращая Епископу МАНУИЛУ рукопись, всею своею фигурой выразил страх за него:

— Ну разве мы можем обсуждать эти вопросы здесь, в Соловках? Не хотите ли нового срока?

Никто из 17 архиереев не помог сдвинуть с мертвой точки камня. А это было так необходимо, ибо многие из церковников (до 65 человек), собиравшиеся уезжать на материк, ожидали выяснения позиции и взглядов «Соловецкого епископата» и церковников по отношению к обновленчеству и другим общецерковным вопросам.

Все они (отъезжающие) ограничились тогда статьей одного церковника (имя неизвестно) под заглавием «Различие между обновленчеством и православием», удовлетворявшей их как материал, дающий возможность при спорах ссылаться на приводимые им тексты и справки посланий против обновленцев*.

С горечью в сердце Епископ МАНУИЛ 13 декабря 1926 года вторично обратился с письмом к архипастырям и высказал все наболевшее.

Так полностью и не смог осуществить свои планы, полезные для Церкви, святитель.

Впрочем и то, что он сделал, имело немаловажное значение для дальнейшей борьбы с обновленчеством.

* Послесловие к первому «обращению Соловецкого Епископа» от 13 декабря 1926 года.

В 1927 году, когда возникло иосифлянство, он вместе с другими иерархами выступил против раскола и высказал свою солидарность с политикой Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митр. СЕРГИЯ.

Много полезного сделал святитель и для православного духовенства, находившегося вместе с ним в Соловках Он узнавал, кто из священнослужителей нуждался в материальной помощи, и через письменные обращения к своей пастве находил добрых людей, которые присылали таковым все необходимое для их горькой жизни. Словом, чем мог и как мог, Епископ МАНУИЛ облегчал печальную участь соловчан из духовенства.

Свою духовную жизнь он поддерживал постоянно напоминанием себе о том, выполнил ли он то, что заповедал ему СПАСИТЕЛЬ мира, и постоянной готовностью ко всему худшему.

В свободные от дел часы и когда ему никто не препятствовал, святитель посещал монастырское кладбище и там совершал отпевание безродных и бездомных.

В октябре 1927 года он был утешен явлением ему матери из загробного мира.

В ноябре 1927 года еп. МАНУИЛ был уже назначен к отправке на материк, как получивший помилование, но какие-то непредвиденные обстоятельства задержали его, и он вторично оказался на Соловках, где просидел целый месяц, а в декабре отправлен на Кемский остров.

Перед отъездом на Кемский остров Епископ МАНУИЛ передал на хранение схиархимандриту Феофану, последнему настоятелю Соловецкого монастыря, рукописи, написанные им, под названием «новый Соловецкий Патерик». Архимандрит, страха ради иудейского, рукописи эти сжег, причинив тем самым неисцелимую скорбь святителю.

На острове Кемском Еп. МАНУИЛ внезапно заболел. Его намечали отправить на вольное поселение в Архангельск. Но произошло чудо. Вместо Архангельска он был направлен в Москву.

Три с половиной года пробыл Епископ МАНУИЛ в Соловках. За эти годы он нравственно окреп и возмужал. Его духовные силы увеличились. Теперь он нужен был для новой борьбы с иосифлянским расколом.

10/23 февраля 1928 года Епископ МАНУИЛ прибыл в Москву и поселился в Даниловом монастыре.

ЖИЗНЬ В ДАНИЛОВОМ МОНАСТЫРЕ И БОРЬБА С ИОСИФЛЯНСКИМ РАСКОЛОМ В ЛЕНИНГРАДЕ

(23 февраля — 5 мая 1928 г.)

Обитель князя ДАНИИЛА расположена в 4 верстах от Кремля на южной окраине Москвы. Она славилась своим благочестием не только в древние времена, но и в годы послереволюционные.

Святитель был рад, что Промыслом Божиим оказался под покровом сей обители. Теперь он мог немного отдохнуть* после понесенных тяжелых трудов в Соловецком монастыре и напитать свою душу молитвой и свободным общением с людьми.

Жил он здесь недолго, но и этот короткий срок он посвятил на служение Богу и Церкви.

Москвичам, посещавшим Данилов монастырь, он сделался духовным отцом, а для Русской Церкви — новым борцом за чистоту Православия.

Рассказывают, что пришел он в московскую обитель князя ДАНИИЛА как добрый делатель, с учением о Боге, о правде, о любви. Страшно было подходить к нему, потому что казался он неземным человеком... И в то же время душа невыразимо тянулась к нему, хотела открыть все, все тайнички свои, все грехопадения, все скорби свои, плакать у ног его...

И люди как-то подтягивали себя, обращались сначала за помощью к Богу, а потом шли к нему. Шли... и не отходили. Под суровой, чисто монашеской внешностью, скрывалась горячая, любящая душа... Бездна любви... И тот, кто приходил, окунался в эту любовь.

Измученный сам, истомленный, он имел внутреннее обаяние, он буквально обдавал теплом всех и согревал каждого. Немного времени прошло, а те, кто узнали его, шли к нему как к самой дорогой, любимой матери, которая прижмет к груди своей самое негодное дитя, пожалеет его, утешит...

И хотелось с ним быть вечно... И хотелось никогда, никуда не уходить от него, слушать его, жить так, как он живет, любить Бога и людей и всего себя отдать той неизведанной, высокой Тайне, которую хранил он в себе, чтобы чувствовать райскую сладость.

Святой благоверный князь-схимник ДАНИИЛ, молитвенник и хозяин Москвы, принял его к себе, принял его в свою ограду...

Чудные там бывали службы... Монастырские, длинные... Туда ходили молиться. Туда ходили к старцам. Там учились жить благо-

* Необходимо упомянуть, что святитель по молитвам князя Даниила в февр. 1928 г. получил исцеление от тяжелого недуга ног.

чествио. Почти всегда службы бывали архиерейские. Душа отдыхала у святых мощей князя ДАНИИЛА. Устав соблюдался строго. И душа ревнителя Православия отдыхала. Отдыхала от тюрем, ссылок, стонов людских...

Хотя отдыхала ли? Забылись ли эти стоны?

Он выходил в числе других епископов. Длинное, бледное до прозрачности лицо было серьезно и строго... На брови была надвинута митра... Он имел привычку руки держать сложенными на груди... На худых руках были надеты черные монашеские простые четки... Глаза были опущены вниз. Ростом он был ниже всех епископов... Благоговением дышала вся его фигура... Когда он начинал читать, слезы невольно текли из глаз. Когда он выходил благословлять, какая-то сила тянула к нему... И хотелось бы жизнь ему отдать. Все, чего бы он ни пожелал,— сделать.

И вот что говорит одна из многих о нем:

«...Увидеть мне его пришлось в первый раз в воскресенье, за вечерней службой, когда вышли совершать молебен князю ДАНИИЛУ. Совершался он соборным служением во главе с архиепископом, двумя епископами, архимандритами и иеромонахами. В их числе вышел Преосвященный Владыка МАНУИЛ. Когда я его увидела, то какое-то чувство радости неизъяснимой наполнило мое сердце, а когда стал читать Владыка акафист, то я все его чтение проплакала. По окончании молебна, я спросила: из какой епархии этот епископ,— и позавидовала той епархии, которая имела такого Святителя и Молитвенника пред Господом за свою паству... С таким чувством я возвратилась домой...»

Первое, о чем заботился Владыка,— было крестное знамение. Сам он благословлял чрезвычайно благоговейно и внимательно каждого приходящего к нему... И сам следил, как люди совершали на себе крест. Если видел, что при нем делали неправильное крестное знамение, он сейчас же останавливал и объяснял, как это нехорошо, оскорбительно такое небрежное махание рукой, и тут же показывал, как надо креститься. А иногда даже прямо брал руку человека и ею водил, делая с ним крестное знамение. Любил говорить о силе креста.

Второе — это была молитва ИИСУСОВА.

Владыка так говорил о ней, что душа горела огнем и желала творить ее непрестанно. «Заберись в уголок, сядь в кресло, в любимый уголок и твори, твори ее непрестанно»... «Не можешь наедине, так в народе, даже глядя на народ,— твори молитву». Вообще все, что говорил и как поучал о молитве, было жизненно и применимо где и когда угодно.

Четки носил простые, черные. «По ним только и можно молиться,— говорил он,— а другие служат только для украшения.

Если Владыка видел скорбное лицо или слезы на глазах, он останавливался, клал свою ручку на голову и спрашивал: «Почему ты плачешь?» И всякий плачущий отходил от него утешенным.

В благословении его была сила и утешение. В обращении — простота совершенная. Но что особенно было отличительного во Владыке — это то, что его совершенно не могли выносить так называемые «порченые», «бесноватые» и т. д. Бывало войдет в церковь... Никого не знает, и ее никто не знает. И вдруг падает и кричит; кричит диким неистовым голосом, бранит Владыку, называет его разными именами, бьется с нечеловеческой силой. Одну такую больную держали пять-шесть человек, но она билась и кричала. Тогда, тихо шелестя мантией, сошел Владыка с клироса, подошел к ней тихо, но твердо сказал: «Перестань кричать!» Она тут же замолкла. Ее подняли... Поставили... Вся мокрая, слабая. Она кротко пошла за Владыкой на клирос... «...Так пробыл Владыка в Даниловом монастыре,— говорит одна духовная его дочь,— февраль, март и апрель, провел с нами Великий Пост и Пасху, утешая прихожан своим служением, своими поучениями и глубокопрочувствованным словом. У меня остались в памяти Великий Пост, чтение канона и служба 4-й недели. Во время поста я часто бывала за службой и подходила под благословение к Владыке. Но он не был со мною знаком...»

Еще одна черта... и еще...

Стоило только кому-нибудь попросить Владыку к больному, он шел с такой радостью и любовью, что сердца окружающих не могли выразить ему всей своей благодарности... Много Москва видела святителей... Но эта черта — совершеннейшая простота в обращении — была свойственна исключительно одному Епископу — Владыке МАНУИЛУ.

И поминовение... Он так горячо любил поминать усопших... Как только приходил новый человек, он говорил: «Напиши записочки о здравии и о упокоении твоих близких, чтобы я мог поминать». И как огорчался, когда они были коротенькие. «Что же ты так мало написала?» — пенял он.

..."Отченька",, «Солнышко», «Родненький» — вот какие обращения были к Владыке со стороны его духовных чад. Невольно перед нами вставал образ преподобного СЕРАФИМА, о. АМВРОСИЯ Оптинского, и мы не погрешим, если скажем, что Владыка был истинным их подражателем. Обычных духовников мы знали только в церкви. Придет человек, поговеет — на том и кончилась. Но

Владыка, взяв себе духовное чадо, этим не ограничивался. Несмотря на то, что их потом было много, он знал до самой малейшей подробности жизнь каждого. Он узнавал человека как такового, узнавал обстановку его жизни и сообразно с этим вел его.

Какая-нибудь несчастная душа, одинокая, холодная,,, Владыка находил ее. (А сколько было таких!) И... навсегда оставалась согретой его любовью.

Особенно девушки, которые стремились к чистой жизни, сироты, несчастные в семейной жизни — все это устремлялось к нему, составляло его семью, а он, собрав таких, возился с ними, отдавал им все время, весь досуг, учил их, жалел их...

Вспомните преподобного СЕРАФИМА с его Дивеевскими сиротами. Не то же ли самое, не тот ли дух был там? Только обстановка счастливая, благодатная, среди тихого дремучего Саровского леса, овеянная молитвою святого старца и тишиной благодатной. А здесь — среди шумного города, среди греха и порока, среди глумления над всем святым и дорогим... Тем труднее был путь Владыки... Тем зорче смотрел он за теми, кого Бог послал ему... Он необычайно тревожился, когда кто-нибудь долго не приходил в церковь, а если это продолжалось долго, то он, в науку другим, пробирал такое чадо... «Как, ты три месяца у меня не была, какое ты мне чадо? Как я буду Господу Богу за тебя отвечать? Как ты жила в это время,— я ничего не знал». И гнал такую и не исповедывал.

«Какое она мне духовное чадо» — говорил он потом. Но, если со смирением просили, он прощал и снова принимал, предупреждая, чтобы больше такого не было.

Если же кто уходил от него, он говорил: «Ну, слава Богу. Она ведь и пришла ко мне ошибкой, что я за старец».

Интересно только то, что кто бы ни уходил от него, всякий походит, походит и придет снова к Владыке, который принимал такого без единого упрека, как будто так и должно было быть. «Ты смотри, ведь я не старец, и не называй меня так. Что я за старец».

Теплее Владыки местечка нигде не было. Он, повторяю, так входил в личную жизнь каждого человека, так заполнял ее, что забыть его также было нельзя, как свою родную мать, как самого себя.

Обладая прекраснейшей памятью, Владыка помнил дни именин, рождений, особых событий каждого приходившего к нему. И эта внимательность иногда поражала до глубины души. Бывало и так, что сами забывали, а Владыка помнил.

«Позови ко мне вон ту-то» — скажет. Та подойдет. «На, тебе просфорочку. Сегодня память у тебя сына». «Батюшка! Да неужели

сегодня, я забыла, он, кормилец, помнит!» И отходит с благодарными, теплыми слезами умиления.

Духовных чад своих Владыка вел неодинаково и обращался с ними тоже неодинаково.

«Каждому нужен осо́бый подход»,— говорил он,— «одному нужна строгость, другому ласка».

И, действительно, одному давалась ласка, любовь, другому чрезвычайная строгость. Даже лицо его менялось в соответствии с тем, кто к нему подходил.

Обычно строго принимал он людей высших мира сего. Но стоило только подойти какой-нибудь простой, неграмотной девушке, его лицо становилось мягким и добрым. Он употреблял слова ласки, которые другим не давались.

Вообще — смирение всякого рода, некоторая робость, которая видна была в подходе, всегда побеждали Владыку.

Но и на строгое отношение он давал объяснение: «С тех, кто больше знает, с тех я больше и спрашиваю».

Или рассказывал об о. Аристоклии, как он, имея одну духовную дочь, которую очень любил, обращался с ней чрезвычайно сурово и жестко. Рассказывал Владыка очень живо, интересно, картинно, как старец Аристоклий сначала не позволил ей стоять в храме, как недостойной, а велел стоять со всеми нищими вместе и лишил ее причастия до тех пор, пока он не позовет, причем гнал ее, не давая благословения. Так продолжалось десять лет. Все десять лет эта раба Христова исполняла все по приказанию старца. Наконец, он позвал свою духовную дочь и велел ей готовиться к принятию Св. Таин. Причастив ее, он говорил другим: «Сегодня я причащал "святое послушание"». Через три дня она умерла.

Конечно, некоторым, живущим среди мира, казалось это жестоким, непонятным. Но, надо сказать, что Владыка был «дивный наставник иноков». Он был сам инок до глубины души и любил иночество со всем жаром ее. Тем и объяснялось, что к нему шли отовсюду монахи, монашки, схимники. Он был наставником более совершенного жития. А раньше и принимал к себе только иноков на исповедь, потому что остальные, люди мира, хотя и шли к нему, но не понимали его, и ему было тяжело с ними. Но зато иночествующие получали от него полноту утешений в его наставлениях.

Люди мира, обычно женщины, старушки, приходили и просили, чтобы он «угадал» или «разгадал» им что-нибудь.

«Здесь ли батюшка молится, который хорошо угадывает?» — слышали мы неоднократно их вопросы.

«Идут ко мне, как к гадалке,— жаловался на них Владыка,— отнимают дорогое время. Ну я и задал же сегодня одной из них».

Правда, когда такая или такой попадались к нему после массы исповедников, к нему, утомленному скорбями и грехами людскими, он строго обличал и гнал их вон. Когда же они приходили и у Владыки было побольше времени, он кротко объяснял им, что он не гадалка, что в Храм Божий за этим ходить не надо, что он говорит только то, что Господь положит ему на душу.

Иночествующие же приходили совсем с другим, нужды их были духовные. Вот чем объясняется любовь Владыки к ним и долгие беседы и исповеди с ними..

Как попадали к Владыке в духовные чада? Самыми разнообразными путями. Если бы их всех можно было бы спросить, то они рассказали бы, наверное, тысячи чудесных случаев. И ничего удивительного не было, если люди мира шли к Владыке, чтобы он «угадал» им их будущее или причину их горя. Часто Владыка совершенно неожиданно говорил такие вещи, которые для обычных людей были скрыты.

Но, по преимуществу, как уже было упомянуто, к Владыке стремились все, в ком горел огонек иноческой жизни, кто хотел вырваться из жизни мира к Тихому Свету Невечернему.

Наставник дев... Услышав о нем, повидав его, некоторые девушки отказывались от земной жизни, от жизни мира и становились как бы монашками.

А время было особенное!

Какой святой, какой старец, какой подвижник жил в такой обстановке, как Владыка?

Монастыри рухнули... Храмы закрывались один за другим. Жизнь для верующих была мрачная. Хотелось уйти куда-то... Хотелось найти кого-то... Но... никого не было. Жажда иноческой жизни была велика.

Надо было иметь мудрость великую, чтобы среди этих осколков, развалин святынь не прятаться, а еще укрепиться духом и укреплять других.

И он незаметно делал свое великое дело.

Если Ленинград знал его как Епископа, как Церковную и общественную силу, Москва знала дорогого Владыку как старца, как сердце свое, как нежную любящую мать.

Какие скорби не утолял он? Каких больных не посещал он! И как радостно было, если можно было узнать и пойти помолиться туда, где он служил.

Данилов монастырь... Церковь св. князя Владимира. Сколько было там радости! Сколько там было благодати!

Такова одна сторона его жизни и деятельности, посвященная молитвенному подвигу и духовничеству.

Другая же сторона была исключительно направлена на борьбу с иосифлянским расколом, так бурно бушевавшим в Ленинграде и его окрестностях.

Раскроем же эту страницу его жизни и внимательно прочтем ее.

Она начинается с того момента, когда Епископ МАНУИЛ поселился в Даниловом монастыре... Но сначала немного истории.

...Когда в конце 1927 и начале 1928 года возникло церковное разделение, то многие, измученные и истерзанные от возникших смут и настроений, спрашивали еп. Димитрия (Любимова): «За кем же нам идти: за митр. Сергием или же за митр. Иосифом?» И тот ответил: «Подождите, вот скоро появится епископ МАНУИЛ и он скажет, за кем вам идти».

И эти люди, именно те, для которых авторитет еп. МАНУИЛА был высоким, с сердечным страданием ожидали того благословенного дня, когда они смогут услышать из уст поборника Православия слово, указывающее им верный путь. И многие тогда говорили друг другу: «Что скажет еп. Мануил, то будет законом! Если скажет нам идти за митр. Сергием — пойдем за ним, если за митр. Иосифом — пойдем за Иосифом!»

Надежды страдальцев оправдались. Благословенный день приближался.

10/23 февраля 1928 года еп. Мануил прибыл из северной обители в Москву. О его приезде быстро узнали вожди иосифлянского раскола, с таким нетерпением ожидавшие его возвращения. Они глубоко были уверены в том, что еп.. Мануил пойдет вместе с ними и своим авторитетом поддержит их оппозицию против митр. Сергия. Но в этом была их основная ошибка.

Прошло ровно два дня с того момента, когда Преосвященный МАНУИЛ временно поселился в Московском Даниловом монастыре в ожидании дальнейшего определения своей судьбы, а к нему уже спешил из Моденского монастыря иеромонах, посланный митрополитом Иосифом.

Было раннее пасмурное утро, когда гость с особым поручением явился в Данилов монастырь к Епископу МАНУИЛУ. После краткой беседы с Преосвященным гость и Владыка направились на окраину города, где остановился посланец митрополита Иосифа. Почти целый час, пересаживаясь с трамвая на трамвай, добирались они к месту своего назначения. Но вот путь окончен. Они вошли в небольшой убогий домик с покосившимися окнами и, помолившись, сели.

Иеромонах отрекомендовал себя кто он есть и приступил к разговору.

«Владыко,— начал он свою беседу,— я прибыл к Вам по поручению митр. Иосифа. Вам, очевидно, уже известны церковные собы-

тия, возникшие в Ленинграде, и кто в них принял участие? Так вот, митр. Иосиф просит Вас войти с ним в тесный контакт и возглавить порвавших молитвенное общение с митр. Сергием в Москве и на юге России. От Вас требуется теперь согласие. Если согласитесь, то он приглашает Вас к себе в Моденский монастырь, где в тот же день возведет Вас в митрополиты.— Ну что Вам стоит согласиться? — настаивал иеромонах. »Вы — авторитет, Вы чистейший кристалл! За Вами пойдет не только простой народ, но и весь российский епископат! Подумайте, какое вы сделаете большое дело! Ну, согласитесь же, Владыко!"

Речь иеромонаха явно содержала в себе духовную приманку, и, будь человек, с которым велась беседа, склонен к мирской славе, он легко бы мог быть пойманным этой приманкой. Но в том-то и состояла вся великость борца за Православие, что он не прельщался земной, скоропреходящей славой. Не белый клобук считал он для себя ценным, а ту Истину, за которую он боролся и страдал.

«Нет, дорогой батюшка,— ответил еп. Мануил,— согласиться с тем, что предлагает мне митр. Иосиф, я не могу. Это претит моему внутреннему убеждению. Я — представитель "соловецкого" епископата. Все мы единогласно и единодушно в количестве 17 человек, под председательством архиепископа Илариона, клятвой скрепили себя не отделяться от митрополита Сергия, хранить церковное единство и не присоединяться ни к какой группе раздорников. Мне поручено «соловецким» епископатом доложить о всем этом митрополиту Сергию. Я давал клятву и нарушать ее не собираюсь. К тому же, я считаю дело митр. Иосифа вздорным, не отвечающим ни церковным, ни монашеским идеалам. Передай ему, что ни за ним, ни за еп. Димитрием я не пойду. Я — монах и потому оказываю послушание своей законной церковной власти в лице митрополита СЕРГИЯ!»

Этим и закончилась беседа между иеромонахом и епископом, продолжавшаяся около двух часов. Владыка вежливо извинился и вышел на улицу, а иеромонах остался в своей ветхой лачужке с ветхими думами, вызванными только что закончившимся неудачным разговором. Он воочию убедился, что склонить на свою строну Епископа МАНУИЛА невозможно и бесполезно.

О своей беседе он доложил митр. Иосифу, а последний сообщил своим викариям. Весть была довольно печальной. То, на что так рассчитывали и на что надеялись вожди раскола, потерпело полную неудачу. Но и после этого они долго не могли еще согласиться с тем фактом, что Епископ МАНУИЛ не пошел с ними и не разделил их участи.

Еп. Димитрий, когда услышал об этом печальном для него факте, с болью в сердце сказал: «Я не могу поверить, чтобы епископ Мануил был не с нами!» Но когда убедился, что это именно так, тогда он, как бы в недоумении о совершившемся, промолвил: «Неужели и этот высокий столп Православия пал?»

Отмежевание Епископа МАНУИЛА от участия в разделении не только приводило в недоумение иосифлянских епископов, но и вносило в сердца их известного рода беспокойство за дальнейший успех своего дела. Ведь так еще недавно они говорили народу, что скоро возвратится Епископ МАНУИЛ и тогда он укажет, за кем идти. А говорили они так потому, что глубоко были уверены, что он будет во всем согласен с ними. Теперь же все получилось наоборот: Преосвященный МАНУИЛ стал на сторону митр. Сергия и тем самым указал, чье дело он признает правым. Становилось ясно, что он будет призывать ленинградскую паству идти за митр. Сергием, а не за митр. Иосифом.

Тогда, чтобы ослабить действие Епископа МАНУИЛА на верующих и в какой-то мере сохранить свой авторитет, они стали распространять среди народа слух о том, что епископ МАНУИЛ изменил Православию.

Однако, основная часть ленинградской паствы не верила этим слухам и с нетерпением ожидала его приезда в Ленинград.

Как одно из самых веских доказательств тому, что епископа МАНУИЛА по-прежнему любили и уважали в Ленинградской епархии и верили ему, служит та многочисленная переписка, которая возникла между ним и ленинградской паствой с момента его приезда в Москву.

К нему писали и обращались с чувством глубокой признательности лица разного сословия: духовные, иночествующие и мирские, и хотя многие из них стояли на стороне митр. Иосифа, тем не менее они оказывали ему даже материальную поддержку.

Тем временем, когда создалось вышеуказанное настроение среди верующих г. Ленинграда по отношению к своему архипастырю, епископ Мануил проживал, как нам известно, в Даниловом монастыре и знакомился с церковной жизнью в Москве и особенно в Ленинградской епархии. Его не только интересовала, но, главным образом, беспокоила судьба ленинградской паствы. Ведь для него она была не просто паствой, но и родным детищем, вскормленным его собственной кровью в годы борьбы с обновленчеством. С ней он, хотя и был внешне разлучен более 4-х лет, но внутренне, органически был соединен неразлучно. Как архипастырь и по праву духовный отец, он вмещал ее целиком в своем сердце. И если он

теперь по возвращении из Соловецкого монастыря проявлял беспокойство о судьбе своей паствы, то беспокоился достойно и справедливо.

Факты показывали, что многие из тех, которые вместе с ним плечом к плечу отстаивали Православие и с которыми он был соединен узами любви, теперь стояли на распутье.

Естественно, отнестись безразлично к этим печальным фактам он не мог. Они сокрушали его сердце и приносили невыразимые муки страданий. Он терял самых близких и дорогих ему людей; терял молитвенников, друзей, терял, наконец, духовных чад и терял лишь только потому, что нашлись такие люди, которые насильно вырвали их из его отеческих объятий и повлекли вслед за собой.

Правда, как мы уже отмечали, его не оставляли ленинградцы, и даже те, о которых он так сокрушался, но этого было мало. Он искал не их материальной помощи, не их утешающих писем с заверением в своей любви и преданности ему,— все это было одно лишь человеческое,— он искал того единства, которое бы объединяло его и их на пути спасения. А этому как раз мешало их общение с запрещенными священнослужителями и признание за ними правоты дела. На них лежала церковная клятва, преграждавшая всякий путь к внутреннему взаимообщению. Он не мог даже молиться вместе с ними, как с подпавшими под церковное отлучение.

Словом, факты, с которыми он соприкоснулся, свидетельствовали о печальном состоянии ленинградской паствы.

Надлежало что-то предпринять к возвращению заблудших и, по возможности, ликвидировать церковные настроения в епархии, некогда вырванной им из оков обновленчества. Правда, на данный момент эти возможности у него крайне были ограничены: ведь он фактически находился еще на покое и кроме одной переписки ничем другим не располагал, но тем не менее он сумел воспользоваться и этим малым и направить его ко благу дела.

Приезжавший на сессию из Ленинграда в марте месяце митрополит Серафим (Чичагов) сообщил ему, что его (еп. Мануила) народ продолжает любить и верить его авторитетному слову, но, вместе с тем, и продолжает вносить настроения в церковную жизнь. Сообщение это принесло ему и радость, и тяжелые внутренние переживания: 14/27 марта 1928 года Синод под председательством митрополита СЕРГИЯ подтвердил свои постановления о запрещении в священнослужении и устранении от занимаемых кафедр еп. Димитрия (Любимова), еп. Сергия (Дружинина) и др. Это вело к тому, что и те, которые общались с отлученными, подпадали под то же самое церковное запрещение.

Не находя больше возможности удерживать свою скорбь внутри своего сердца, он решил написать о своих переживаниях в город Ленинград к матушке Серафиме. (В миру София Васильевна была дочерью протоиерея Василия Лебедева. Она была замужем за протоиереем Сергием Голубевым и имела 2-х сыновей и одну дочь. После смерти мужа м. Серафима оставила мир и поступила в Иоанновский монастырь, что на Карповке Ленинградской епархии, где приняла монашество. По жизни своей она являлась настоящей старицей. Когда монастырь заняли обновленцы, м. Серафима с несколькими сестрами вышла из монастыря и поселилась на частной квартире в Ленинграде. Она обслуживала первоначально часовню Божией Матери, что на Стеклянном, а затем продавала свечи в храме Спаса на Крови.), к своим почитателям Петроградской стороны и инокиням Н. монастыря и просить их о том, чтобы они убеждали и умоляли запрещенных епископов подчиниться наложенному на них церковному взысканию.

Содержание писем мы помещаем ниже.

Вот что он писал им:

«Всечестная матушка Серафима!

Простите, что не так много напишу, как хотелось бы, на душе слишком тяжело. Да, наконец, за каждое слово написанное должен буду отвечать своею совестью.

Вчера, 14/27 марта, состоялось постановление Синода (в составе и его нового члена: архп. Курского и Обоянского Ювеналия, вернувшегося по закончании 5 февраля срока своей высылки из Соловков) об увольнении от занимаемых кафедр: митр. Иосифа Одесского, еп. Димитрия Гдовского, еп. Сергия Нарвского, архп. Серафима Угличского, Варлаама вр. Любимского, еп. Евгения Ростовского, Иерофея Никольского, Алексия (Буй) Воронежской епархии и о запреще- нии в священнослужении. Не будем здесь спорить, законно или незаконно это постановление, своевременно или нет, это сейчас не важно, самое главное — все эти архипастыри (и, конечно, прилежавшие к ним пастыри) должны на этот раз подчиниться и объявить всем верующим, что, как запрещенные, они **не дерзают служить.** Они могут апеллировать, требовать суда епископов — таковой и будет согласно постановлению Синода, но до суда или до своего раскаяния в нарушении церковного послушания — служить они ни в коем случае не должны. Технически представляется это в следующем виде. Синодское постановление в четверг 16/29 будет подписано членами Синода, затем оно будет разослано по адресатам — в Ярославль, Ленинград, Устюжну и т. д.

Со дня получения под расписку этих синодских указов запрещение сие вступит в силу. До этого, очевидно, пройдет около недели.

Матушка, на Вас также лежит обязанность их увещевать. Если их нельзя вразумить, убедить в их неправоте, то для Вас остается еще умолять их. Умоляйте слезно, умоляйте их не служить. Подумайте сами, какое потрясающее впечатление на верующих произвело бы сообщение еп. Димитрия о закрытии храма. Вы скажете: какие наступают дни и закрыть храм — никогда. Но так мог бы рассуждать только слепец. меня охватывает священный трепет, страх от одной только мысли, что было бы со мной, если бы я, будучи запрещенным, стал бы служить?

Как ни грустно и ни тяжело было бы знать Вам, но все же приходится убедиться, что постановление Синода — более соборное решение, нежели единичное распоряжение митр. Иосифа и т. д.

Подумайте, какая скорбь охватывает меня. Я теряю в лице отпавших пастырей лучших своих друзей и молитвенников, вместе с ними Вас, Ваших и моих духовных чад... Но как я могу теперь быть с Вами, раз ваши руководители ослушаются и станут продолжать служить. Подумайте о последствиях этого. Я знаю, что вы много можете сделать для умиротворения их, больше, чем даже вы чувствуете. Прострите к ним свою мольбу и мою мольбу, которую я Вам передаю, и приходите поскорее под сень Св. Александра Невского.

Ваш искренний...

«Мне думается, что мы вступили в тот период жизни, который можно было бы считать по силе переживаний "трясовичным недугом" (из молитв Св. Иоанна Златоуста и Василия Великого об исцелении от злых сил). Поверьте, так мы все время и будем «выяснять и выяснять».

С той и с нашей стороны вижу мало любви. Более «личное» охватывает тех и других в разрешении вопросов православных и в искании истины настоящего момента. Сочувствую всем вам, скорблю глубоко за м. Серафиму. Не зная многого происходящего, она по-своему, конечно, права но... все же делатели раскола в торопливости своей излишней пошли по пути лукавствующей ревности о Господе. Многие из них лишились спокойствия духа, а это первый признак того, что они не во всем правы. Я и наших отнюдь не собираюсь всецело оправдывать или закрывать на все ими сотворенное глаза. Думаю, что м. Иоанна благую часть избра, что временно отойдет от всего этого, не разрывая молитвенного общения чрез посещения Лаврского богослужения с митр. Серафимом и Сергием — ради единства Церкви».

«К почитателям моим Петроградской стороны сие мое краткое слово. Многие мне пишут и лично говорят, что они меня не забыли, что они мне продолжают верить, иные говорят, что они по-прежнему меня любят, уважают, что я **был их,** хотя как будто не с ними теперь, что не забудут меня и всегда будут помнить и в таком же духе... Вы, пользуясь случаем, прислали мне свою лепту. Спасибо вам всем сердечно за нее. Но знайте, что я предпочел бы, в конце концов, быть всеми оставленным в материальной поддержке, впасть в нужду, терпеть невзгоды вещественные и т. п., чем получать деньги от тех, кто уже не со мной (?). Мне не нужно ваших денег. Дайте мне ваши опустошенные сердца. Если вы еще верите мне сколько-нибудь, то знайте, что на вас всех лежит священная обязанность умолять ваших архипастырей (Димитрия и Сергия) и пастырей подчиниться законному (как это и ни тяжело было бы в сознании вашем) постановлению Синода о запрещении в священнослужении всех тех из них, кто отпал в иосифлянский раскол. Со дня получения ими этого постановления оно вступит в законную силу. Вспомните историю с запрещением б. прот. А. Введенского. Вы должны умолять, слезно умолять их не служить. Если они на этот раз послушают голос народа своего и объявят, что как запрещенные служить не будут, они совершат воистину великое дело для умиротворения Церкви.

Собор епископов слушал и разбирал их дела. Они вправе требовать суда епископов, но до суда служить не должны. Если же раскаются, то и запрещение будет снято.

Хотелось бы много написать, но на душе тяжело. Многие из вас ослеплены мнимой правотой занятой вами позиции и спокойно не могут разобраться. Просите у Бога смирения себе и разумения мудрости. Когда же настанет такой радостный день, что мы будем все вместе (а не будет более «их» и «наших»)!? Молитесь за всех и за вся. Да благословит вас Господь на правый и спасительный путь.

Ваш богомолец Епископ МАНУИЛ.

15/28 марта 1928 года».

Письма характерны не столько своим содержанием, сколько, главным образом, силой чувств. В них ярко отображается страдальческая личность автора, так болезненно переживавшего отпадение от Православия членов Церкви и потерю своих друзей, молитвенников и духовных чад.

Примечательно и то в них, что епископ не доказывает, а больше свидетельствует о правильности действий Синода, затем убеждает и указывает, каким путем можно достигнуть церковного мира.

Так мог писать только тот, кто чувствовал за собой силу личного авторитета и кто органически был связан с событиями, происходившими в Ленинграде.

Нет сомнения, что лица, которым были адресованы письма, последовали указанию архипастыря и приложили все старания к умиротворению церкви. Правда, они не смогли убедить ушедших в разделение епископов подчиниться церковному запрещению, но они сделали все, что могли исполнить по своим силам.

Так началось противодействие Епископа МАНУИЛА иосифлянскому расколу.

Однако волна церковных нестроений в Ленинграде не успокаивалась. Она даже приняла бурливый вид. А причиной этому послужило все то же синодальное постановление о запрещении в священнослужении митр. Иосифа. Нестроения и смуты настолько обострились, что митр. Серафим признал необходимым 1-го апреля н. ст. совершать во всех Ленинградских храмах специальное молебствие об умиротворении Церкви. Но и это мероприятие митрополита не помогло. Народ (а здесь уже были не только одни иосифляне, а многие и из православных), не хотел признавать своим архиереем митрополита Серафима (Чичагова) и настойчиво требовал: «Давайте нам епископа МАНУИЛА!» Обстановка церковная действительно обострялась. Митр. Серафим не мог не только спокойно молиться, но и спокойно пребывать в митрополичьих покоях. Почти ежедневно он ожидал каких-либо выпадов против себя со стороны взбудораженных иосифлян. Пришлось согласиться с требованием народа. В самом конце апреля н. ст. 1928 года он отправился в Москву к митр. СЕРГИЮ просить у него разрешения дозволить епископу МАНУИЛУ приехать в Ленинград и успокоить возникшее народное волнение.

К этому времени изменилось нечто и в судьбе Епископа МАНУИЛА — 12/25 апреля он был назначен в Серпухов вик. Московской епархии.

Митрополит Серафим, встретив его в Даниловом монастыре, приветливо сказал: «Ну, МАНУИЛ, иду к митрополиту СЕРГИЮ и к Е. А. Тучкову хлопотать о тебе, чтобы дозволили тебе приехать в Ленинград».— «Замучил меня народ, прохода не дает, одно твердит: "Дай нам епископа Мануила! — и все!" — Ну просто спать спокойно не могу!»

Хлопоты митр. Серафима, может быть, и не в том объеме, в котором он предполагал, увенчались успехом: Епископу МАНУИЛУ дана была виза на въезд в город Ленинград и Лугу.

Вечером в пятницу 14/27 апреля он поездом отбыл из Москвы в Ленинград.

Отметим интересный дорожный сюрприз. В одном и том же поезде, но только в разных вагонах, ехали три человека: митрополит Серафим (Чичагов), епископ Мануил и обновленческий митрополит Александр (Введенский). Каково же было удивление Преосвященного Мануила, когда он, выйдя на перрон, встретился своим взором с А. Введенским, который слегка улыбнулся ему и сделал небольшой поклон. Встреча поистине была оригинальной и знаменательной! Где-то, немного позади их, важно шествовал митр. Серафим.

Епископ МАНУИЛ, как и в первый свой приезд, был встречен с колокольным звоном. На привокзальной площади его ожидали представители духовенства и церковных советов православных храмов.

Как в жизни все меняется! — Когда-то Преосвященный МАНУИЛ приезжал в Ленинград с большими полномочиями в качестве управляющего митрополией, полный энергии и сил на борьбу с обновленчеством, а теперь прибыл он в этот (родной ему) город как странник, всего на несколько дней, и не с тем, чтобы вести энергичную борьбу с иосифлянским расколом, а только проститься с паствой и засвидетельствовать пред ней, где есть истина. Других полномочий он не имел.. Борец Православия стал только свидетелем Истины.

Следует однако сказать, что с этой именно миссией и ожидал его истомленный смутами народ. Церковная обстановка требовала не острой полемики и не грозных обличений, а авторитетного свидетельства человека, боровшегося за чистоту Православия и ничем не погрешившего против нее. А это уже предрешало успех скромной, но ответственной миссии епископа МАНУИЛА.

Приезд в город Епископа не был тайным. Народная молва быстро оповестила друг друга о его прибытии, и многие представители церкви явились к нему на квартиру в Воронцовское подворье, где он остановился. Среди явившихся были и представители из Преображенского собора, что на Спасской улице. Они усердно просили его помолиться вместе с ними в их храме. В общей беседе были выяснены основные вопросы, касавшиеся прежде всего раскола, а затем уже личных взаимоотношений. Тогда же была выработана программа посещения отдельных церквей, где он предполагал совершить утренние и вечерние богослужения за время своего пребывания в Ленинграде. Правда, ему, с самого начала приезда, было разрешено митр. Серафимом совершить только одно служение в Измайловском Троицком соборе и там проститься с верующими, но теперь, вследствие усиленных просьб разных представителей хра-

мов, пришлось немного расширить круг посещений, на что было получено согласие митрополита.

Вечером 15/28 апреля накануне недели св. жен Мироносиц в Зверинском подворье Епископ МАНУИЛ совершил свое первое служение. Народ, молившийся вместе с ним, ожидал от него утешительного слова. Да и ему лично хотелось высказать все наболевшее в сердце и засвидетельствовать об Истине. Ведь пред ним стояла теперь та самая паства, о которой он болезновал и страдал и которая с нетерпением ждала его приезда.

Когда окончилась всенощная, он вышел на амвон и, обратившись к народу, открыл уста свои и трижды воскликнул: «ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!» Молящиеся могучим эхом трижды ответили: «ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!»

Затем об обвел своим взором народ и с заметным чувством волнения и скорби начал говорить.

В своем слове он убедительно доказывал, что не было никаких оснований для иосифлян создавать печальный для Церкви раскол. Если бы в чем и погрешил митр. Сергий, то и тогда надлежало бы ожидать суда архиерейского над ним, а не выносить приговора прежде этого осуждения.

Епископ подчеркнул, что причина разделения не столько в том, что издано распоряжение Высшей Церковной Власти поминать имя Заместителя, а сколько в гордости и в отсутствии любви. Если бы отколовшиеся от церковного единства любили своего ближнего, то они не могли бы пойти на такой опасный путь.

Желая утвердить слушавших в правых мыслях, Епископ МАНУИЛ заявил, что он не изменил делу Православия, чему они должны верить и следовать ему в этом .

В существе своем сказанное слово Епископа МАНУИЛА отвечало на два вопроса: 1) имели ли иосифляне достаточное основание к отходу от Заместителя и каковы подлинные причины раскола; и 2) за кем необходимо следовать, чтобы идти правильным путем спасения.

На оба эти вопроса даны четкие и ясные ответы: достаточного основания к отходу иосифляне не имеют и что основной причиной разделения является гордость и отсутствие любви, следовать же необходимо только за теми пастырями и архиереями, которые находятся в полном послушании Высшей Церковной Власти.

Характерно, что в беседе, как и в письмах, Епископ выставлял свой личный авторитет, но авторитет не самопревозношения или

• Слово, произнесенное еп. Мануилом 15/28 апр. 1928 г. в Зверинском подворье.

тщеславия, а духовного отца, неизменно стоящего в Христовой истине.

Начало противодействия иосифлянскому расколу было положено. В сердца верующих были посеяны добрые семена, которые не замедлили дать благие плоды.

16/29 апреля Епископ МАНУИЛ вместе с митр. Серафимом (Чичаговым) совершил в Троицком соборе, что на Измайловском проспекте, литургию. После службы ему было дозволено говорить поучение.

Как и в прошлой своей беседе, так и теперь Епископ МАНУИЛ сосредоточил все свое внимание на церковных событиях текущего дня.

Он подробно изложил свой взгляд на эти события и дал им надлежащую оценку .

Многое из того, что говорил или изъяснял Епископ МАНУИЛ, люди либо впервые слышали, либо понимали и оценивали иначе. Так, например, они по-иному смотрели на запрещение, наложенное митр. Сергием и Синодом на ушедших в разделение священнослужителей. Им казалось, что оно не имеет канонической силы. Теперь же это запрещение поставлено в тесную взаимосвязь с запрещением, незаконно снятым епископом Алексием с протоиерея А. Введенского. Это уже другая трактовка событий, ясно говорящая о неверном и даже преступном действии запрещенных пастырей и архипастырей.

По-иному освещена личность митрополита СЕРГИЯ и его каноническое достоинство. На митр. СЕРГИЯ смотрели как на личность, зазнавшуюся и оторванную от истинных источников Церкви; теперь было показано, что он гораздо смиреннее митр. Иосифа, думающего высоко о себе, и что он (митр. Сергий) находится в каноническом общении с Восточными Патриархами.

Впервые они услышали об истинном отношении «соловецкого» епископата к митр. СЕРГИЮ и к разделению. Сообщение это было неожиданным и новым для них. Да и многое другое они или не понимали, или переиначивали. Теперь же ясно становилось, где правый путь, а где левый.

Единственно только относительно того, почему Епископ МАНУИЛ не пошел за митр. Иосифом, некоторые люди поняли не так, как было сказано. Епископ говорил, что его удерживает от этого шага страх подпасть под церковное запрещение, а они отнесли это к страху человеческому. но это уже не существенная сторона слова, хотя и она могла быть и была использована иосифлянами в отрица-

• Слово еп. Мануила, сказанное в Троицком соборе на Измайловском проспекте 16/29 апреля 1928 года.

тельном смысле. Вся суть заключалась в силе и правде сказанного архипастырем.

Народ с умиротворенным сердцем выходил из храма.

В этот же день вечером Владыка был приглашен на квартиру к проф. В. Верюжскому, где собралось немалое число иосифлянских священников и светских лиц, желавших, вероятно, во взаимной беседе доказать правоту своего дела. Среди них находился и прот. Ф. Андреев.

Беседа, надо сказать, носила мирный характер. Ни с той, ни с другой стороны не было резких выпадов. Вопросы решались и канонические и принципиальные. Нового фактически ничего не было, но каждый старался осветить тот или иной факт с своей точки зрения. Не отрицаем того, что на некоторые отдельные факты церковной жизни и действия митр. СЕРГИЯ взгляды их сходились. но это относилось только к мало существенным вопросам. В принципиальных же вопросах никто не хотел уступать друг другу. Здесь уже между ними лежала непроходимая пропасть.

Интересен, между прочим, вопрос Епископа МАНУИЛА относительно поспешного их отделения и их отношения к церковному запрещению и ответ священников на этот вопрос.

Преосвященный спросил их: «Почему они поторопились так быстро отойти от митрополита Сергия?»

Те ответили: «Мы боялись запрещения!» Тогда Владыка спросил о. Федора Андреева: «А что, батюшка, если бы вы не отошли, то подчинились бы этому запрещению или же продолжали бы служить?» и тот ответил: «Да, я должен сознаться, что подчинился бы этому запрещению и лично бы я не служил. Но так как я наперед знал, что это запрещение будет неизбежно, то мы и поспешили отойти от митр. Сергия, чтобы избавить себя от всех последствий, связанных с запрещением!»

Ясно, что при таком искаженном толковании церковных правил прийти к какому-либо общему согласию было невозможно. Каждый остался при своих убеждениях и взглядах на церковную жизнь. На этом и закончилась их первая встреча и беседа. Расставались мирно и с надеждой на скорую с ним встречу.

Прошла еще одна ночь. Наступило утро 17/20 апреля — третий день пребывания в Ленинграде.

От своих близких Владыка узнал, что некоторые лица, конечно из иосифлян, неправильно истолковывают некоторые места вчерашней его беседы и распространяют слухи, что он якобы объят человеческим страхом и потому не примыкает к иосифлянским епископам. Слухи действительно были печальными. Они направлены

были против его авторитета, а отсюда, следовательно, и против той Истины, в которой он желал утвердить своих пасомых. Они могли в какой-то мере смутить сердца верующих и помешать благому делу. Тогда, чтобы развеять неправильные толки о нем и пресечь возникновение новых разговоров, он решил обо всем этом поставить в известность народ и еще раз изъяснить ему о своих подлинных взглядах и отношениях к запрещенным священнослужителям.

В этот день, как было уже намечено, он служил Божественную литургию в Зверинском подворье.

После окончания Божественной литургии Епископ МАНУИЛ обратился к народу с поучением, в котором кратко пояснил верующим, какой страх удерживает его от общения с отколовшимися и что расколоучители погрешили против послушания Церкви, признав наложенное на них запрещение недействительным .

Сказанного было достаточно для того, чтобы, с одной стороны, окончательно убедить верующих в том, что от сближения с отколовшимися его удерживает не человеческий страх, а Божий и что с другой — запрещенные священнослужители неправильно истолковывают наложенное на них запрещение, с чем не согласен ни он, ни большинство православных архиереев.

Одна за другой беседы Епископа МАНУИЛА и его авторитет как подлинно духовного отца и верного свидетеля истины окончательно выбивали почву из-под ног иосифлянских епископов и рядового духовенства и снимали с них маску мнимой праведности. Иосифлянские вожди заволновались. Их охватывало внутреннее беспокойство за судьбу собственного дела. Уж очень сильным было влияние Преосвященного МАНУИЛА на народную массу. Пред его авторитетом меркли, как небесные звезды пред солнцем, авторитет митр. Иосифа, еп. Димитрия и других, и народ тянулся к нему. Произошло замешательство. Оно было вызвано тем, что многие из ушедших в иосифлянский раскол священнослужителей, и даже еп. Димитрий, не могли никак согласиться с тем, что горячий и стойкий борец за чистоту Православия теперь не с ними. Им казалось, что он непременно во всем будет солидарен с последователями митр. Иосифа и афишировали его имя пред народом. Но он теперь открыто заявлял всем о своей непричастности к их движению и даже осуждает ушедших в разделение. Это было непонятным для них явлением. Ясным было только одно, что если Епископ МАНУИЛ действительно не с ними, то дело их потерпит если не полное, то, во всяком случае, большое поражение. Посовещавшись между собою, они решили пригласить его на собеседование.

• Слово еп. Мануила, сказанное в Зверинском подворье 30 апреля 1928 года.

В этот же день вечером в Александро-Невской Лавре в б. митрополичьих покоях собралось около 200 человек видных представителей иосифлянства. Среди них были проф. прот. В. Верюжский, прот. Ф. Андреев и др. Сюда же был приглашен и епископ Мануил. Между ними состоялось собеседование. Вопросы предлагались общего и частного характера, но только в более острой форме, чем это было на квартире проф. В. Верюжского. Собеседование продолжалось более 2-х часов, но ни одна из спорящих сторон не пришла к общему согласию. Иосифляне доказывали, что церковная политика митр. Сергия ведет к порабощению церковной свободы, епископ возражал на это и доказывал обратное. В свою очередь, когда Преосвященный упрашивал их смириться пред Церковной Властью, подчиниться наложенному на них церковному запрещению и раскаяться в своих ошибках, они не согласились с ним, считая себя во всем правыми. Интересно отметить, что на вопрос Епископа МАНУИЛА: «признают ли они митрополита Петра Главой Русской Церкви и останутся ли с ним, если он одобрит действия митр. Сергия?» — они ответили, что и с ним порвут всякое общение и отойдут от него.

Это уже был верх их заблуждения. Ясно, что при таком упорстве с их стороны продолжать собеседование было бесполезным, и Епископ, распрощавшись, со скорбью в сердце покинул собрание. Ему больно было видеть, как недавно бывшие его друзья и сомолитвенники отстаивают неправое дело и коснеют в своем заблуждении.

Оставшиеся же представители иосифлян окончательно убедились, что Епископ МАНУИЛ действительно не с ними, и у них сложилось о нем впечатление, что он якобы стал не тем, кем был раньше, и изменил Православию.

С такими мыслями они и покинули митрополичьи покои.

Прошла третья ночь. Наступило утро 1 мая н. ст.— четвертый день пребывания в Ленинграде.

События церковные раскрывались своим чередом. Те, кто принимал участие на вечернем собеседовании, не остались молчаливыми: они старались распространять свои мнения и впечатления среди окружающих.

Это обстоятельство наперед предвидел Епископ и, конечно, как опытный страж, предпринял все соответствующие меры к разрушению подобных замыслов.

Вечером в Очаковском подворье после вечернего богослужения он обратился к верующим с поучением.

Беседа Епископа МАНУИЛА была направлена, с одной стороны, к упразднению недоумений, возникших среди ленинградской паствы относительно чистоты Православия, виновниками которых были

священнослужители разделения, а с другой — к раскрытию печальных сторон и опасностей, вносимых в церковную жизнь иосифлянским расколом.

Епископ не только защищался, но и наступал. Он приводил людям такие факты, которые убедительно доказывали всю неправоту и нечистоплотность иосифлянских епископов и священнослужителей.

Первая неправота, которую допустили они в своих действиях, состояла в поспешности отделения от своего первоиерарха. Она привела к печальным явлениям в жизни: к озлоблению, к вражде и семейным нестроениям.

Вторая неправда и в то же самое время их нечистоплотность выразилась в ложном способе распространения иосифлянства и в насильственном удержании людей в расколе.

И, наконец, последняя и самая опасная их неправота заключалась в духовном самообольщении. Она вела не только к отрицанию всякого, даже законного, авторитета иерархии, находившейся в единомыслии или предполагавшей находиться с митрополитом СЕРГИЕМ, но и к душевному опустошению своих последователей .

Все это вместе взятое говорило уже не о наличии православного духа у отшедших в разделение, а, наоборот, об отсутствии его и фактически показывало, что не Епископ МАНУИЛ изменил Православию, а ушедшие в раскол архипастыри и священники.

Настоящая беседа Преосвященного при многочисленном стечении народа, ожидавшего успокоения своей душе, окончательно утвердила его авторитет как православного архиерея, а верующим дала возможность правильно понимать и оценивать создавшуюся обстановку. Теперь уже можно было не опасаться за те добрые семена, которые он сеял в людские истомленные души. Народная любовь ограждала их от истребления.

Те из иосифлян, которые упорствовали в своем заблуждении и не хотели признавать своих ошибок, выдвинули новое обвинение против Епископа МАНУИЛА — его беседы и поучения признали ни чем иным, как только церковной агитацией за митрополита СЕРГИЯ и против них. Они так и говорили народу: «Чего вы его слушаете? Он агитирует вас пойти за предателем церковной свободы!» Но эти обвинения уже не имели большого влияния на народные массы — вера в их авторитет была подорвана подлинным авторитетом и свидетельством архипастыря, кровно боровшегося за Православие и доказавшего свою верность Церкви исповедничеством.

Так постепенно рушились надежды иосифлян.

• Слово еп. Мануила, произнесенное в Очаковском подворье 1 мая 1928 года (вечером).

Прошла четвертая ночь. Наступило утро 2 мая н. ст.— пятый и последний день пребывания в Ленинграде. Почти с утра до вечера Владыка принимал посетителей, беседовал с ними и отвечал на вопросы и в то же время готовился к отъезду. Сердце скорбело, и не потому только, что ему надлежало покинуть родной город, но, главным образом, за потерю некоторых из своих духовных чад и друзей, ушедших в разделение.

В назначенный вечерний час, уже готовый к отъезду. он прибыл в Преображенский собор, что на Спасской улице, чтобы проститься с духовной паствой и еще раз засвидетельствовать ей об Истине. Народ не вмещался в стенах храма. Многие их тех, которые присутствовали на прошедших богослужениях и беседах, пришли теперь и сюда, чтобы услышать от него напутственное слово и проводить его в путь.

Когда окончилось вечернее богослужение, Преосвященный тихим, неторопливым шагом прошел из алтаря на амвон и стал лицом к народу. Пред его взором стояла исцеленная им его паства. Народ ожидал его поучения, чтобы в последний раз запечатлеть в своем сердце слово Истины. И епископ заговорил.

Он еще раз подтвердил, что между ним и вождями раскола лежит непроходимая пропасть — наложенное Высшей Церковной Властью запрещение в священнослужении на иосифлянских архипастырей и пастырей — и что он не занимается агитацией, а выражает скорбь об уклонившихся в разделение. Вместе с тем призывает верующих последовать его примеру в несении подвига поста и молитвы за тех, кто откололся от церковного единства*.

И после этого Преосвященный преподал общее благословение и, с грустью в сердце, направился к выходу. Народ заплакал, а мужчины, нежно взяв его на свои руки, в такой торжественной обстановке несли его к приготовленной карете. Это было подлинное выражение народных чувств к епископу, утвердившему их в Христовой Истине и Православии.

Пять дней пробыл епископ МАНУИЛ в Ленинграде и за этот короткий срок благородно выполнил свою ответственную миссию. Своим личным авторитетом, своей отеческой любовью и состраданием он не только приостановил дальнейшее распространение раскола в Ленинграде, но и возвратил в лоно Православной Церкви многих из тех, кто находился на перепутье. Он как бы внес охладительную струю в раскаленную смутами и настроениями атмосферу ленинградской паствы, и под ее воздействием изменилась психология многих верующих людей, смущавшихся деяниями Заместителя, изменились их взгляды на Высшую Церковную Власть,

* Прощальное слово еп. Мануила, произнесенное в Преображенском соборе 2 мая 1928 года.

изменилось и само отношение к митрополиту СЕРГИЮ и православному епископату. С этого момента народ стал смотреть на церковные события не глазами епископов и священнослужителей разделения, а глазами православного иерарха. В этом и была большая заслуга епископа МАНУИЛА.

Спустя несколько дней, после того как буря волнений утихла, митрополит Серафим сказал: «Ну вот, теперь я могу спокойно трудиться и совершать архипастырское служение».

СЛУЖЕНИЕ В СЕРПУХОВЕ

(1928—1930 гг.)

Серпухов — это небольшой, но очень красивый город. Красота его такая святая, русская... Недаром в сказаниях он именуется «свят-град». Расположен он на холмах и, кажется, нет в нем ровного места. Каждый холм освящен высящейся на нем церковью. Вокруг церквей — каменные ограды, купы деревьев, спускающиеся вниз вдоль дороги. В церквах — уют старины, иконы древнего письма, массивная утварь. А на горе — кремль. Кругом каменная стена с нишами, с налетами охры,— это седая старина позолотила ее. Воистину Серпухов -- «свят-град».

В этот-то «свят-град» 12/25 апреля 1928 года и был назначен викарием Московским Епископ МАНУИЛ.

Одно лицо из близких, получив известие о его назначении, написало ему: «Кто мог допустить мысль, что служение Ваше будет осуществлено в подмосковных территориях? Сам Господь устраивает Вам судьбу. Все посланные испытания, видимо, были нужны, чтобы Вас возвеличить.. И не один из правящих архиереев позавидует Вашему назначению, если оно Промыслом Божиим совершится... Слишком очевидно Небесное благословение Вам, чтобы желать лучшего».

Было ли действительно возвеличение Епископа МАНУИЛА в этом назначении*, сказать трудно, но только многие скорби ожидали его на новом месте его служения.

Но послушаем об этом сказательницу о тех днях, в которые жил и трудился святитель в городе Серпухове.

* Согласно мнению первоприсутствовавших членов Синода он должен быть назначен в Рязань, но почему-то это назначение отклонили. Туда назначен был архиепископ Иувеналий (Масловский).

Церковь Николы Белого в г. Серпухове, где служил Владыка

ПРИЕЗД ЕПИСКОПА МАНУИЛА

Это было в конце апреля 1928 года. Епископ Сергий уезжал после целого года тяжкой жизни в нашем городе, полной оскорблений и тяготы.

Ждали приезда нового архипастыря. О нем никто ничего не знал, не знали даже его имени... Говорили, что он из Ленинграда, что он очень строг, особенно к духовенству, что ленинградцы плачут о нем. Сам Епископ Сергий, по словам живших с ним, говорил об имеющем прибыть, что «он великий подвижник, но очень строгий».

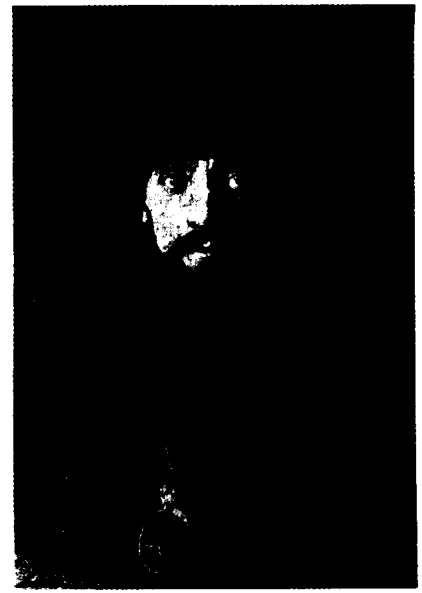
22 апреля ст. ст. было сообщено, что Владыка должен приехать днем. Народ и духовенство собрались в Никольском соборе к 3-м часам дня. Ждали долго..., но пришла телеграмма, извещавшая, что приезд отложен вследствие смерти епископа Николая Вязниковского, викария Владимирский епархии. Часть собравшегося народа, не дождавшись Владыки, разошлась недовольная, а раскольники распространили слух, что новый епископ их и не приехал потому, «что не хочет встречаться с епископом Сергием».

Приехал же Владыко в шестом часу вечера, никем незамеченый, проехав прямо в архиерейский дом на *Красной горе.*

Первая служба нового Владыки состоялась в тот же день — 22 апреля вечером, в храме св. Ильи пророка, накануне празднования памяти великомученника Георгия Победоносца перед местночтимой

многовековой иконой его. Это было всенощное бдение. О служении нового епископа никто точно не знал, но, так как в храме была чудотворная икона великомученика,— он был полон молящимися.

Прощальную всенощную служил еп. Сергий в сослужении с новым епископом. За теснотой трудно было видеть нового Владыку; слышался только его голос — громкий, отчетливый, достигавший каждого. Смутно помнятся его первые слова за этим всенощным бдением, в которых он высказал радость при виде народа, собравшегося под сенью старинного храма почтить память св. великомученика Георгия Победоносца.



Мануил, Епископ Серпуховский (1928 г.)

Эта первая служба оставила впечатление неопределенное... Мысли были более полны отъезжавшим, чем прибывшим, и стремились за первым с чувством раскаяния во всех обидах и огорчениях его, причиной которых были мы, и с чувством сиротства, т. к. нового архипастыря никто не знал.

Наконец, вечером 23 апреля, после вечерни в день памяти св. великомученика Георгия Победоносца в Никольском соборе состоялась как бы передача паствы из рук в руки от одного архипастыря — другому.

На амвон вышли оба епископа — Сергий и Мануил (таково было имя нового Владыки).

Владыко Сергий в краткой речи сообщил собравшимся, что он передает епархию святителю МАНУИЛУ, бывшему епископу северной столичной епархии, просил беречь и любить его, «истинного борца и ревнителя православия», так охарактеризовал его Владыко Сергий.

На амвоне перед народом стоял тот, кто призван был нести дальше тяжкий крест епископского служения в нашем городе.

Небольшой рост, сухощавая фигура, лицо аскета, глубоко сидящие голубые глаза, особенно выразительные; прекрасные руки, возложенные на архиерейский посох; сосредоточенное, как бы внимающее внутреннему голосу, выражение лица.

Народ ждал слова.

Состояние душ предстоящих не было благоприятным для прибывшего. Тяжелый год раскола и раздоров, недоверие к пастырям, тревога за чистоту и сохранность православия, безумное поведение отколовшихся братьев и сестер, тяжкие оскорбления с их стороны бывшему архипастырю, сознание всех ошибок и своего не вполне искреннего в начале отношения к отъезжающему, позднее — раскаяние в этом, невозможность исправить прошлое — все это многими нитями связывало сердца предстоящих с отъезжавшим и представляло трудную почву для того, кто принимал на себя иго Христово у нас...

Уже одно то, что тот, кого только начали понимать,— Епископ Сергий — уезжал, одно это возбуждало в глубине души какой-то неосознанный протест против нового Владыки.

Но вот он заговорил... И по мере того, как говорил, таяла оболочка протеста, настороженности, недоверия к неведомому, новому архипастырю. Где-то в глубине души звучали ответные струны на его простую, душевную, искреннюю речь. Сердцу стало легче. Оно почувствовало, что любовь к новому не будет изменой первому, а будет естественным продолжением ее...

Напряженность первой встречи проходила, лед таял, сердце открывалось навстречу говорившему...

Новый Владыка прежде всего отметил заслуги того, кто уезжал, отметил тяжесть креста, который он нес, его терпение и смирение; с братской любовью и теплым чувством отмечал он эти заслуги, и каждым словом и даже жестом он как бы выдвигал вперед епископа Сергия, сам скромно уходя в тень.

Это редко встречающееся умение ценить другого, особенно своего предшественника, это теплое, братское признание всех его прав на любовь и уважение, этот истинно христианский дух любви и смирения — сломил все препятствия к единению душ и отверз ему все сердца. Любовь и смирение победили ревность.

В своем слове, уже жадно воспринимавшемся всеми, новый Владыка указал, что не искал этого места, что вообще хотел уйти на покой после пережитых испытаний: что назначение на нашу Серпуховскую кафедру, получившую известность своими оскорблениями епископского сана, было тяжелым крестом, принятым им после трудной борьбы с собой, лишь по святому послушанию. Что этот тяжкий крест оскорблений, насмешек и издевательств, которые сопровождали до сих пор епископа в нашем городе, он принимает со смирением, как крест Христов..., что, как бы ни были тяжки оскорбления, предстоящие ему, он снесет их без ропота... Одно

желание объемлет его сердце — с Божией помощью быть истинным отцом своей паствы, своих детей духовных, спешить на помощь им всегда: днем и ночью бдеть о спасении душ их и утверждении их в православии, учить их любви и смирению.

— «Помните, что всегда днем и ночью двери моего дома открыты для вас; идите ко мне со скорбями вашими, как к отцу. Не бойтесь тревожить меня, ибо это долг мой!»

И слушавшие эту искреннюю, простую речь почувствовали, что говорит это истинный отец.

Так началось его служение у нас.

Теперь, при воспоминании того, как оно проходило, в памяти встают картины одна за другой.

БОРЬБА С ИОСИФЛЯНСКИМ РАСКОЛОМ

Еще до приезда Епископа МАНУИЛА в Серпухов здесь почти половина церквей и приходов перешла в разделение и управлялась первоначально еп. Димитрием (Любимовым), а с февраля 1928 года — иосифлянским еп. Максимом (Жижиленко). Существование раскола в Серпухове уже ставило нового епископа лицом к лицу с трудностями. А трудности, действительно, предстояли **немалые.** Здешние иосифляне, главным образом руководители раскола и некоторые миряне, принадлежали к такому типу людей, на которых не действовал ни авторитет, ни подвижническая жизнь и **ничто** другое. Это были до мозгов пропитанные озлобленностью последователи нового раскола. Ко всему этому они отличались еще непримиримостью, ненавистью и злобой к приверженцам митрополита СЕРГИЯ.

Бывший епископ Серпуховский Сергий (Гришин) испытал на себе весь фанатизм раскольников, изливавших на него потоки ругательств, эта же участь ожидала и епископа МАНУИЛА.

Не успел он еще как следует ознакомиться с новой паствой, а иосифляне пустили уже в ход свое оружие против него. Они писали ему анонимные угрожающие письма, а когда он возвращался из храма в архиерейский дом, то осыпали его градом ругательств, насмешек и т. п. дерзостей и даже держали камни за пазухой. Кое-кто из них открыто заявлял верующим: «Дождется ваш архиерей, что мы его когда-нибудь с горы сбросим!»

Ввиду таких угроз Владыка первое время приезжал или приходил в храм в сопровождении нескольких человек из православной паствы.

Интересно, бывали такие случаи, когда Епископ МАНУИЛ в своем скромном экипаже, спускаясь с горы к Никольскому храму,

встречался с иосифлянским еп. Максимом, поднимавшемся в своем экипаже в свою церковь, находившуюся как раз против архиерейского дома на Красной горе. Оба епископа слегка кланялись друг другу и продолжали свой путь.

Сопровождавшие же люди еп. Максима исподлобья смотрели на православного епископа и явно выражали свое к нему презрение.

Так было, конечно, первое время. Преосвященный МАНУИЛ терпеливо нес все незаслуженные оскорбления со стороны раскольников и прилагал все свои старания к ликвидации раскола в своем городе. А дело это было далеко **нелегким.**

Здесь с первых дней вступления митр. Сергия в обязанности Заместителя отрицательную роль играли два епископа: Арсений (Жадановский) и Алексий (Готовцев). Оба они были тайными оппозиционерами и, не отделяясь от митр. СЕРГИЯ, настраивали народ против него. Основное население Серпухова, особенно рабочие фабрик, преклонялись пред их авторитетом и прислушивались к их голосу.

Когда еп. Алексий был переведен из Серпухова в другой город, еп. Арсений, проживавший тогда в одном из подмосковных женских монастырей, тайно поддерживал в своих почитателях оппозиционерство. А тут явились иосифляне, так что образовался двойной раскол. Сокрушить его мог только человек, имевший неоспоримый авторитет.

Епископ МАНУИЛ был таким человеком, но только для ленинградцев. Здесь же он был совершенно неизвестен народу. И потому требовалось сначала склонить сердца людей к признанию его авторитета как православного архиерея, а потом уже освобождать их от раскола. В этом и состояла вся трудность.

К ликвидации раскола в Серпухове Владыка МАНУИЛ приступил энергично, настойчиво и, самое главное, умело.

Прежде всего, почти в каждый праздник и воскресный день, когда в храме собиралось много молящихся, он объяснял народу о сущности возникшего раскола. Причем самый характер проповеди носил оттенок мирной отеческой беседы, без каких-либо острых выпадов против раскольников или резких против них обличений. Сам относясь с состраданием и любовью к отклонившимся, он призывал паству свою поступать по его примеру и помогать ему в возвращении людей из раскола.

Не ограничиваясь одними только **проповедями**, Епископ МАНУИЛ не раз и не два посещал здешних руководителей разделения и в мирной обстановке с ними всесторонне рассматривал создавшееся церковное положение и призывал их к миру, к общей молитве. Но

ни убеждения, ни теплое отеческое отношение к ним, ни даже подвижническая жизнь епископа — ничто не могло переубедить иосифлянских вождей-священнослужителей. Особенным упорством отличался священник Александр Крымешенский, настоятель главного храма иосифлян. Это был человек лет 35, среднего роста с длинными черными волосами на голове, с небольшой бородкой; глаза **неприветливые,** пронизывающие насквозь человека. Он, надо сказать, играл ведущую роль в удерживании людей в расколе. Убедить его и других иосифлянских пастырей Владыка так и не мог.

Гораздо большего успеха достиг Епископ МАНУИЛ среди простого народа. Почти ежедневно можно было наблюдать в православных храмах все новых и новых лиц — это были раскаявшиеся прихожане иосифлянских церквей. В Православие они переходили молча, стыдясь, вероятно, своего заблуждения. С каждым днем уменьшались ряды иосифлянской паствы; вместе с тем уменьшалась и ненависть рядовых раскольников не только к Епископу МАНУИЛУ, но и к митрополиту СЕРГИЮ и православному епископату.

Прошло два месяца усердного и терпеливого труда, и иосифлянство в Серпухове, если не совсем было ликвидировано, то, во всяком случае, низведено до минимума. Почти три четверти мирян, пребывавших в расколе, перешло в Православие. Оставшиеся же в разделении не представляли уже серьезной опасности для серпуховской православной паствы, хотя они по-прежнему отличались фанатизмом.

С лета 1928 года сюда уже спокойно приезжали в разное время на праздники православные русские архиереи: митр. СЕРГИЙ (Страгородский), Заместитель Патриаршего Местоблюстителя; архиепископ Рязанский Ювеналий (Масловский), архп. Вятский Павел (Борисовский), еп. Подольский Иннокентий (Летяев) и еп. Сергиевский Петр (Руднев).

Так старанием Епископа МАНУИЛА и его авторитетным свидетельством об Истине было не только приостановлено движение иосифлянского раскола, но и круто сделан поворот к его ликвидации.

МИРОТВОРЧЕСТВО И СКОРБИ

Епископ МАНУИЛ не порывал духовной связи со своей бывшей Лужской паствой. Он вел с ней постоянную частного характера переписку и в какой-то степени духовно руководил ею. Кроме писем, имелось еще общение через посещение лужанами г. Серпухова и Владыки. Святитель из писем и от приезжавших лиц узнавал, как шла церковная и частная жизнь в Луге. А узнавая, давал своего рода старческие советы.

Общецерковная жизнь там с момента назначения туда в апреле 1928 года еп. Феодосия (Вощанского) не была спокойной. Она, подобно морю в ненастье, волновалась. Церковный раздор продолжался. Об этом многие из лужан писали Епископу МАНУИЛУ и лично ему говорили. Горько было слышать святителю о раздоре б. Лужской его паствы, и тогда решил он своим личным авторитетом умиротворить церковную смуту в Луге.

Он пишет старческое послание:

«Возлюбленным о Господе чадам Лужской Православной Церкви».

«Из многих полученных мною из Луги писем и из обмена впечатлениями с приехавшими ко мне навестить вашими собратиями — выясняется тревога за единство церкви в вашем городе и явны все признаки нарушенного церковного мира.

Бушует житейское море лужанина, и утлая ладья его души подвергается опасности быть затопленной его яростными слезами — волнами. Подумайте о чадах ваших, о будущей опоре вашей, родители возлюбленные, подумайте о тех, кто не с вами по духу, а борется со Христом, подумайте о тех, коим дороги нестроения вашей церковной жизни и которые ждут того, что вы сами сваритесь в собственном соку вражды и неповиновения.

Одумайтесь и остановитесь от дальнейшего углубления церковной разрухи. Окажите безусловное повиновение и послушание «архиереям вашим» и, прежде всего, Митрополиту Серафиму, как бы это ни было тяжело для вашего самолюбия. Интересы и благо церкви вашей сейчас для всех вас должны быть выше всего и дороже всего.

Поэтому подчинитесь распоряжениям Митрополита Серафима и с миром отпустите своего пастыря о. Константина в Казанскую церковь. Помните одно, что если это перемещение Владыка Феодосий допустил из чисто личных, а не церковных соображений, то ответит за все это лишь он пред Богом, как первый нарушитель церковного мира и единения, но подчиниться все же надо, так как он ваш законный архипастырь.

Если многим или некоторым из вас он вообще не люб, или, как говорится в пословице, не пришелся ко двору, то и это на до терпеть, а не ускорять его уход от вас, ибо последнее будет горше первого, и вам всем тогда придется отвечать за это.

Тем из вас, которые привыкли к о. Константину и продолжают его любить и жалеть и от чистого сердца простили ему все происшедшее в соборе — так как в представлении многих из вас до сего времени существует мнение, что он мог предотвратить все грустное,

происшедшее в соборе,— предлагаю сейчас поступить так: со всеми домашними требами безусловно обращаться к священникам собора очередным, а все остальные требы — молебны, панихиды и т. д. заказывать в Казанской церкви. Ибо право каждого верующего просить исполнение заказываемых треб в той церкви, в какую они обращаются к священнику. Этим вы подчинитесь митрополиту Серафиму и не нарушите обычаев старинных в вопросе исполнения треб в разных приходах.

Но у вас есть еще одно затруднение — как быть теперь с духовником? Зря менять их нельзя и только с архипастырского благословения можно бросать духовников, но не без всякой основательной причины, а по голосу совести. Нехорошо и духовным чадам о. Константина отходить сейчас от него, особенно тем из них, кто исповедывался у него много лет. Я думаю, что не погрешаю, благословляя вас на такой путь вашего духовного делания.

Остается еще сказать вам несколько слов относительно епископа Феодосия. Несомненно, что и вы на этот раз с ним погорячились и наговорили лишнего и даже угрожали. Это недопустимо. Мне страшно за вас, и если вы меня еще любите и уважаете, как архиерея, вашего наставника и отца, то послушайте меня и употребите все усилия, чтобы помириться с владыкой, особенно до наступления Вел. Поста, хотя бы он и представлялся вам незаслуживающим этого. Порадуйте и меня, скорбящего. Мне вас жалко бесконечно, пожалейте ныне меня и торопитесь, не медлите посрамить исконного врага единением с архипастырем своим. Укрепите в сердце моем любовь свою ко мне приумножением любви своей к владыке Ф. Сотворите мир и любовь. Напишите мне, как вы вышли из сего тяжелого положения. Послушайте моего зова — призыва к любви деятельной и всепрощающей, и Господь сторицею воздаст вам за все доброе. Да хранит вас всех Господь от новых искушений и благословит во всех путях вашего духовного спасения.

Любящий вас, вам благодарный богомолец Е. М.

12/26/II-1929 г.

Само послание обращено, конечно, сугубо только к тем, кто продолжал быть духовно под руководством святителя, и проникнуто оно духом сострадания к больным членам Лужской епископии. Это было доброе дело еп. МАНУИЛА, но и оно было воспринято епископом Феодосием как нарушение канонической нормы со стороны Серпуховского епископа, как незаконное вмешательство в дела чужой епархии и подрыв его (еп. Феодосия) авторитета.

2 марта 1929 года преосвященный Феодосий доложил письменно митр. Ленинградскому Серафиму о письме еп. МАНУИЛА и

просил его оградить от вмешательства последнего в дела Лужской епископии и само письмо передать на суд епископов Св. Синода Московской Патриархии.

Печально было то во взглядах еп. Феодосия на Серпуховского епископа, что он склонен был считать последнего находящимся в духовной прелести*.

Митр. Серафим, рочитав докладную записку преосв. Феодосия, написал: «учесть». В каком понятии учел митрополит свою резолюцию, нам неизвестно, но дело кончилось тем, что еп. Феодосия 24 апреля 1929 года перевели в Могилев, а вместо него назначили епископа Амвросия (Либина).

Но продолжим рассказ сказательницы.

РЕВНОСТЬ К СЛУЖБАМ ГОСПОДНИМ

Любя церковные богослужения, стремясь к непрестанному прославлению Господа, Владыка за все время пребывания его в Серпухове не пропускал почти ни одной литургии, которую он умиленно сравнивал с «вечно юной горлицей». Он посещал храм обязательно, хотя бы сам и не служил.

Точно также посещал он вечерние будничные службы, торопясь к ним с первым ударом соборного колокола. За отцом своим и верующие охотно шли в храм в будние дни, зная, что в присутствии Владыки служба будет вестись полно и благоговейно...

Подавая всем пример ревностного служения, он часто сам принимал участие в чтении и пении на клиросе.

В первые месяцы своего пребывания в Серпухове, очевидно, с целью ознакомления с пастырями и верующими, в воскресные и праздничные дни Владыка посещал ранние обедни в разных храмах, всегда приходя к началу службы. А после окончания ее, благословив всех, торопился к себе домой, чтобы оттуда поспеть к встрече в Никольском соборе на позднюю.

АРХИЕРЕЙСКИЕ СЛУЖБЫ

Архиерейские службы... уставные, торжественные... Совсем особенно служение самого Владыки, проникнутое горячею верою, глубочайшим умилением, благоговением и смирением.

Это так чувствовалось сердцем каждого! Звуки его голоса,, жесты, движения — все говорило о проникновении благоговейным ощущением глубочайшего таинственного смысла совершаемого. А осенение народа дикирием и трикирием — медленно, медленно и торжественно скрещивавшихся над склонявшимися главами верующих при величавом пении «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас!» Какую силу веры вкладывал он в него! Отчего душа наполнялась священным трепетом, отчего ощущалась вся сила благодати, нисходящая на верующих!

При совершении Божественных служб Владыка поистине пламенел душой. Особенно почувствовалось это при торжественных служениях Божией Матери, Которую он особенно горячо и умиленно почитал, непрестанно памятуя милости, оказанные Ею в его многотрудном жизненном пути.

Казалось, он не ощущал времени в течение этих служб, продолжавшихся иногда всю ночь. Душа его парила в горнем и наслаждалась хвалой и благодарением Царице Небесной. И вместе с отцом не замечали времени и дети его. Он вел их за собой.

Как блаженны были часы ночной службы в честь местной чудотворной иконы Божией Матери «ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ»! Казалось, что находишься где-то над здешним миром в обители света и радостной любви! Ночь летела на крыльях молитвы, а на рассвете, после почти полусуточного бдения, соединенного для большинства с говением, Владыка, благословляя народ, радостно поздравлял его с принятием Св. ТАИН и утешался многочисленностью желавших почтить хвалою Владычицу.

Ревнуя о прославлении Господа, Пречистой Его Матери и Святых Угодников Его, он ввел в постоянный обиход нашей церковной жизни по воскресным дням в Никольском соборе параклисисы, т. е. молебное пение с акафистом и молебном.

Им были введены и лично совершались акафистные служения, повторяющиеся через известные промежутки времени, а именно: в Никольском соборе — преподобному Серафиму, Святителю Николаю, Святителю Алексию и иконам Божией Матери «Взыскание Погибших», «Отрада и Утешение» и «Неупиваемая Чаша»; в Казанской церкви — иконе Казанской Божией Матери и иконе «Нечаянной Радости»; в Успенской церкви —иконе Божией Матери «Скоропослушнице»; в Тихвинской часовне — «Тихвинской» иконе Божией Матери.

Он ввел служение всем Святым земли Русской (переходящий праздник, падающий на неделю, следующую за неделей всех Святых). Впервые ввел чтение акафиста блаженному Василию Христа ради юродиевому Московскому Чудотворцу в Троицкой церкви (ныне кафедральном соборе). В том же храме восстановил почитание местно-почитаемой иконы Божией Матери «Боголюбской», благоукрашение ее и чтение акафиста ей по вторникам.

* См. Докладная записка еп.. Феодосия от 17/II-2/III-1929 г., № 50.

А как сам он читал акафисты! С каким теплым чувством, с каким умилением! Казалось, каждое слово акафиста являлось ему живым примером, которому хотел бы и он подражать. А его пример должен был быть и для нас примером. Да, он учил нас молиться!..

Несмотря на крайнюю слабость здоровья и истощение — он никогда не давал заметить своей слабости и усталости после длительных церковных служб. Превозмогая себя, он продолжал служение до конца. Вот почему сложилось мнение, что в службах церковных он неутомим.

Как велико было его рвение к совершению служб церковных, можно было убедиться из журнала архиерейских богослужений, который вел постоянный архиерейский иподиакон, сын местного протоиерея Успенской церкви, с указанием, когда, где, какая служба и кем совершалась и т. д. Из него видно, что за время 22-х месячного пребывания Владыки в епархии было совершено около 600 служений (точно 578 служб).

Сердцем чувствовал народ искренность и благоговейность служения своего архипастыря и отмечал это.

«Ваше служение, дорогой архипастырь, сопровождаемое живым проникновенным словом в доступном для понимания изложении,— очень трогательно для верующего сердца, которое согревается теплом благодати»,— писали одни.

«Ваше чтение акафиста Божией Матери "Отрада и Утешение", произвело на меня такое впечатление, как будто Вы нам открыли небо. Я пережила ту полноту духовного настроения, которого душа моя давно жаждала. Спасибо Вам за все»,— говорила другая.

«Видим и чувствуем,— писали его духовные чада ко дню его Ангела,— что тяжелый крест архипастырского служения в нашем городе несешь ты на благо и преуспеяние духовных чад своих. Видим, что часто не под силу человеку перенести все это и непрерывно служить нам немощным духовно и телесно. Видим, что ты совсем забыл себя, дорогой о Господе наш Владыка и Отец! Мы просим и умоляем твоего Святого Ангела Хранителя подкрепить твои человеческие силы и помочь тебе нести твое архипастырское служение на благо Единой, Святой, Соборной, Апостольской Церкви и на спасение душ всех верных чад ее!»

«При Вашем богослужении и молитве мы всегда переживали чувство особого умиления и расположения к сердечной молитве»,— говорили ему многие другие из верующих города Серпухова.

Эта особенная легкость молитвенного возношения сердца, ощущавшаяся при службах нашего архипастыря, особенно тянула к его службам всех, и потому, как в ночных молениях Божией Матери,

так и на торжественных служениях местным Святым среди богомольцев часто встречались новые лица — это были духовные дети Владыки, приезжавшие из Ленинграда, Луги и Москвы, чтобы вновь пережить сладость общей молитвы с ним.

Верующие, имевшие с ними общение, находили, что все эти духовные дети были проникнуты общим всем им духом нежной любви к своему отцу и послушанием ему.

А его великопостные службы! С каким чувством покаянного смирения совершал он их! Как готовился к Великому Посту! На памяти Серпуховских чад он первый из архиереев смиренно с земными поклонами испрашивал в Прощеное Воскресение у каждого себе прощения.

Без слез нельзя вспомнить об этом!

«Ревность о доме Твоем снедает Меня» (Псалом 68, 10).

Как горело сердце этой ревностью! Как заботился он о насаждении ее в сердцах наших... Все, что служило к украшению, благолепию дома Божия, все, чем можно было нам недостойным и грешным выразить свою любовь, хвалу и благодарение Создателю, Владычице и Святым Угодникам — все это было его непрестанной заботой.

Имея многочисленные просьбы верующих, желавших иметь копии особо чтимых икон, он поручал выполнение этого двум благочестивым лицам, имевшим знание и дар художественного иконописания — сестре М. и рабе Божией Е. Ими было написано в удовлетворение желания верующих около 30 икон художественного письма, в том числе 8 икон-копий с Чудотворной иконы «Неупиваемая Чаша». Копии этой иконы особенно желали иметь те верующие, которые имели членов семьи, страдавших запоем, т. к. благодатная помощь Царицы Небесной в исцелении этого недуга неоднократно проявлялась через икону сию «Неупиваемая Чаша», находившуюся после закрытия Владычного женского монастыря в Никольском кафедральном соборе.

Как любил он торжественное восхваление и прославление Господа! Сколько совместных с другими архиереями служб было совершено у нас в течение 1928—29 годов. Поистине, за все время существования епископской кафедры в Серпухове не посетило ее столько архиереев, сколько служило их в течение этих лет с Владыкой и без него.

Как детски радовался он, когда усердием верующих украшались храмы в торжественные праздники, особенно в дни почитания иконы Божией Матери «Взыскание Погибших» (из села Николо-Бор, 30-ть верст от Серпухова бывшей Калужской епархии).

В бытность Владыки у нас икона не приносилась уже в город, но в память этого события было установлено торжественное служение и перенесение иконы в Никольском кафедральном соборе из зимнего храма в летний с молебным пением, почитание ее молебными и акафистными службами поочередно во всех храмах города и, наконец, последняя прощальная служба с обратным перенесением иконы из летнего опять в зимний храм. Почитание иконы продолжалось с 10 июля ст. ст. до первого воскресенья перед Успенским постом. И все это время Владыка ревновал о благолепном украшении храмов, о благоговейном народном пении, о всем, что могло дать нам молитвенное настроение, возгревать и поддерживать его.

Убирают храм в ожидании иконы. Одни женщины в нем. Надо перенести свечной ящик. Владыка зашел посмотреть приготовления, и, видя затруднение женщин, он готов уже сам помогать переносить ящик, лишь бы ладилось дело украшения храма. Только сопротивление верующих отклонило его от этого. И так везде: где требовался пример рвения в служении Господу, он всегда был впереди и всегда находил случай поучать при этом детей своих. Так, призывая к украшению храма Божия, он попутно напоминал о необходимости заботиться об украшении и чистоте храма внутреннего, т. е. сердца нашего.

Во время ночного служения Богоматери он ввел попеременное пение двух народных хоров, что производило особенно торжественное, неизгладимое впечатление. Во всем и всегда он учавствовал сам и личным примером учил других. Вот заробели поющие, мотив срывается... На архиерейском месте приезжий архиерей, он прибыл на праздник и служит. Владыка в монашеском одеянии на клиросе.. Едва заметил он смущение поющих — он уже здесь, среди них, поет сам, ведет их — и пение налаживается.

Владыка очень любил настоящее, монастырское пение: напевы тихие, благоговейные и торжественные, подготовляющие душу к истинной молитве, возбуждающие молитвенное состояние, смиренное и умиленное. Его огорчали и тяготили современные хоры с их блестящими, светскими, оперными мотивами, делающими из храма арену оценки и критики певцов, а не дом молитвы. Он неоднократно говорил, что предпочитает простое, от души исходящее народное пение пресловутым хорам, отгоняющим дух молитвы. К сожалению, наше невежество в духовном отношении создавало иное отношение к пению, и это причиняло Владыке немалое огорчение.

Как заботился он о том, чтобы молитва объединяла души всех, как старался он втянуть всех в это общее дело. Для теснейшего объединения всех в молитве он ввел общенародное пение акафистов

преп. Серафиму Саровскому, Божией Матери и Николаю Угоднику. С этой же целью объединения душ в молитвенном делании, а отчасти и из-за оскудения в отношении богослужебных книг и акафистов Владыка привлекал верующих к переписыванию акафистов, требовавшихся в нескольких экземплярах при исполнении их народным пением, а также и к тому, чтобы лица, имевшие недостающие богослужебные книги, приносили их в храм.

Он сам пел их с народом и в этом подавал пример ревностного горения духа, ревностного делания во славу Божию.

«Вы научили нас общему пению акафиста преподобному Серафиму и пению псалмов "Хвалите имя Господне"»,— говорили благодарные верующие.

Когда должно было состояться закрытие храма Вознесения, Владыка, всегда ревнующий о доме Господнем, совершил последнюю торжественную прощальную всенощную и литургию. Перед каждым приделом после литургии им был совершен молебен в честь Святого этого придела. По окончании молебна Владыка, сопровождаемый духовенством и народом, облобызал все иконы храма, умиленно прощаясь с ними. В слове своем он успокаивал народ, прося его не смущаться по поводу закрытия храма и уничтожения его, указывая на то, что Господь попускал это и раньше, и в истории русской церкви такие случаи встречались неоднократно. Как пример Владыка привел факт закрытия громадного собора Запорожской Сечи, снесенного до основания по указу императрицы Екатерины II, так как храм этот являлся последним остатком и оплотом былой самостоятельности Запорожья. Упомянул он и о закрытии (в период 1905—1908 гг.) домовой церкви умершего Обер-прокурора Святейшего Синода г. Протасьева-Бахметьева, произведенном по просьбе внучки его, передавшей помещение этого храма под кино, несмотря на протест верующих и возмущение общественного мнения.

Поскорбел Владыка о том, что только двое из прихожан достойно простились с храмом, причастившись в этот день, тогда как в древности был святой обычай при закрытии храма всем прихожанам его причащаться последний раз в нем из Св. Чаши.

Сам, строго соблюдая обычаи нашей церкви, Владыка накануне и в день своего отъезда объехал все храмы, находившиеся под его ведением (Казанский, Ильинский, Успенский, Богоявленский), и как в них, так и в Троицком соборе простился со всеми святынями их, помолившись и облобызав все иконы их. Так старался он личным примером и наставлением укреплять в слабых душах наших любовь к священным обычаям нашей Церкви, возгревающим дух наш любовию ко Господу.

«Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего Иже на небесех» (Мф. 5, 16).

Эти слова всегда звучали в сердце его, и он всей душой стремился во всем к выполнению их, к тому, чтобы достойно нести возложенное на него Апостольское иго, к тому, чтобы «светить седящим в стране и сени смертной » (Мф. 4, 16).

Он любил всем сердцем Господа, Владычицу Небесную и Св.. Угодников и учил нас тому же. Он любил храмы — домы Божии, их благолепие, любил прославление Господа в Божественных службах и нас, холодных, равнодушных, неустанно, пламенно звал к этому. Он звал, будил, учил, наставлял...

«Господь указывает нам и через Св. Слово Божие, и жизнью и наставлениями Святых и преподобных Отцов и матерей на сладость поста истинного, на красоту его неизреченную, на те великие обетования радости небесной, которых сподобились и сподобляются истинные сыны и дщери Божии, исполняющие постовое время со тщанием и многими воздыханиями, и пениями, и бдениями. Будем и мы в эти семь недель хождения постного перед Богом напрягать свои силы для ревнования о сих сподобившихся всяческой благодати небожителях. Будем вопиять о милосердии к нам Божием, будем плакать о падениях и грехах своих». Так учил он, подготовляя нас к Великому Посту.

Неустанно учил он и благоговейному наложению на себя крестного знамения, как напоминания о принятии на себя креста Господня. Он учил творить его неспешно, истово, как бы возлагая на себя мысленно действительный спасительный Крест Христов. Учил поклон творить по совершении крестного знамения, а не во время его, дабы «не ломать креста», как говорят Св. Отцы. Забота его о совершении правильного крестного знамения была так велика, что он всегда наблюдал за этим, и одну женщину, творившую крест широким размахом, он взял за руку и, держа ее своею рукою, сотворил с нею крестное знамение так, как следовало творить его,— живым действием своим научив ее нужному.

При помазании елеем Владыка клал руку на голову подходящего, и, так как он делал это не со всеми, это смущало некоторых; им казалось, что Владыка отличает одних от других. При беседе об этом Владыка разъяснил, что он делает так для того, чтобы при помазании было положено правильное начертание креста, что не всегда возможно, так как не все могут спокойно держать голову; таким и кладет он свою руку на голову, чтобы удержать ее в спокойном состоянии.

Да, крест... крестное знамение — символ страдания Господа нашего Иисуса Христа — имели глубокий, сокровенный смысл для Владыки. Особенно торжественное и сильное впечатление производило благословение Владыки при возгласах: «МИР ВСЕМ»! и других за литургией и всенощной, когда он — высоко подымая обе благословляющие руки, медленно и сосредоточенно творил самое благословение, как бы налагая им печать духовную на души предстоящих молящихся. Также благословлял он при отпусте. Торжественно, медленно осенял он каждого знамением креста: «ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТАГО ДУХА» — и тихо опускал свою благословляющую руку, уча благословляемого говорить при этом «аминь».

Душа замирала от ощущения его благословения! Хотелось пасть ниц пред ощущаемой святостью благодатного осенения. И сколько бы сотен народа ни проходило перед ним, как бы ни был он утомлен, он никогда не позволял себе никакого ускорения этого благочестивого, но длительного принятия народом дневного или вечернего благословения своего Архипастыря.

В праздник Воздвижения Креста кто не помнит торжественно воздвигаемого самим Владыкой Креста Господня от земли высоко горе! Кто не помнит выражения лица его в этот момент!.. Выражение человека, благоговейно и трепетно постигшего, что значит «воздвизать Крест в сердце своем!»

Непрестанно внушал он с должным благоговением относиться ко всему священному, и в частности к просфорам, имеющим прямое отношение к Страшным Христовым Тайнам. Он требовал благоговейного обращения с ними и при получении их после литургии учил бережно завертывать их в чистую бумагу или платок, дабы они не соприкоснулись с чем-либо нечистым, и, в случае смятия их или отломления от них части, каждая священная крошка их была бы сохранена.

Даже к воску от горящей во время богослужения свечи он учил относиться бережно и благоговейно, т. к. свеча, по его словам,— дар Божий и воск ее освящается горением во славу Божию.

Он всегда учил просить прощения у обидчиков. Особенно указывал на необходимость соблюдения этой заповеди Божией перед Великим Постом в прощеное воскресение. «Сами мы не думали об этом, но после его наставления душа уже не терпит неисполнения этого, и я считаю своей первой обязанностью испросить себе прощения у обидчика»,— говорила одна из его духовных дочерей.

«Будьте со всеми кротки, смиренны, не болтливы, будьте всем для всех»,— говорил он.

«Смиряйтесь пред всеми и во всем будьте послушны матери-Церкви через ее Пастырей»,— так учил Владыка своих детей.

Он учил нас усердно молиться Божией Матери, являющей нам милости через чудотворные иконы Свои; по праздникам посещать больных; не страдать и не унывать от потери обычных благ, а стремиться к небесным благам. Беречь оставшиеся бедные храмы и заботиться о них; грехи покрывать любовью; благоговейно стоять в храме, не разговаривая и не оглядываясь.

И так всегда и во всем учил любви друг к другу, смирению, терпеливому несению креста и немощей друг друга, любви к сирым и неимущим, послушанию Церкви Христовой, неустанному рвению о спасении душ наших, непрестанной молитве и доброделанию. А его поучения об Иисусовой молитве! Без умиления и слез нельзя вспомнить о его проповеди в декабре 1928 года в Ильинской церкви после акафиста Божией Матери «Нечаянная Радость», когда, раскрывая сущность творения Иисусовой молитвы, он открыл нам целый мир духовного делания. После рассказа о его проповеди один старец Иоанн К. возымел такое желание творить ее, что вычитывал в день 12.000 молитв. Когда Владыка узнал об этом, он снял с него 8.000 и оставил только 4.000. Непрестанно творя эту молитву, старец скончался.

В проповедях и поучениях своих Владыка останавливался на таких моментах, в которых ярко рисовалось горение душ, любивших Господа, их ревность, быстрота их действия (приход жен мироносиц, апостолов ко гробу), вытекавшая из пламенного горения их душ, на величие Креста Господня, искупительной жертвы Его, на спасительном смирении при несении жизненного креста, возложенного на нас волею Божией.

Иногда в проповедях его не ощущалось огня, иногда они говорились, по-видимому, без подготовки, и внешняя форма их не была отделанной: наблюдалась некоторая повторяемость тем, варьированных лишь подробностями. Причиной этого являлись — перегруженность работой, переутомление и абсолютный недостаток времени у Владыки.

Но, окидывая взором весь период времени его архипастырского служения у нас, можно сказать лишь одно: во всем он был верен себе, своему смирению, своей ревности о Боге. Себя он не помнил и не щадил. Весь день его был заполнен служением Богу и людям.

Он учил, проповедывал, будил спящих, поднимал изнемогших, утешал плачущих, ободрял немощных! Всем: словом, делом, примером — он не давал нам оцепенеть в равнодушии, а звал с любовию и смирением припасть к Стопам Пречистого!

Он всегда помнил это. Ни на одну минуту душа его не расставалась мыслию с почившими о Боге праведниками. Память о них была величайшей усладой сердца его. Насаждать, укреплять, возгревать эту память в сердцах верующих — было его непрестанной заботой.

Он заботился о насаждении и укреплении этой памяти о местных праведниках как прославленных церковью, так и не прославленных еще. Почитание памяти их он считал священной обязанностью каждого из серпуховцев.

Познакомив паству свою с жизнью Святителя Варсонофия Тверского, уроженца г. Серпухова, он всегда поминал его в литейной молитве и в отпустах, возобновляя таким образом ежедневно в памяти духовных чад своих прекрасные примеры и образцы духовной жизни и подвига и соединяя крепкими узами, воспоминая Церковь Небесную с Церковью земной.

Также постоянно поминал он преподобных СЕРГИЯ и НИКОНА Радонежских. Из них преп. СЕРГИЙ несколько раз был в Серпухове в Высоцком монастыре у своего ученика преп. АФАНАСИЯ, а преподобный НИКОН за святое послушание прожил два года в этом монастыре.

Память непрославленных еще Церковью преподобных и праведных совершалась по наставлению его в заупокойных молитвах. Наши местные Серпуховские подвижники: строитель Владычного монастыря преп. Варлаам, ученик его преп. Гедеон, Давид Серпуховский, Захария — отшельник, блаженный Василий молчальник, блаженная Евфросиния — поминались им в келейной молитве.

Помнится, какою неожиданностью явилось для нас совершение памяти преп. Гедеона и Варлаама, когда, после первого богослужения в храме жен Мироносиц, 5 мая 1928 года, архиерей в особом слове после литургии предложил молящимся почтить память сих преподобных (праздновавшуюся в этот день, т. е. 5-го мая) служением соборной панихиды.

И неоднократно в течение своего епископского служения у нас он обращался к народу с наставлениями, в которых указывал на священную обязанность каждого поминать усопших, местных преподобных и подвижников благочестия.

Как на особенно торжественную службу в честь местных праведников следует указать на служение, совершенное Владыкой в Никольском соборе 18—19 сентября 1929 года в память 500-летия со дня кончины преп. Давида Серпуховского. К сожалению, народа на этой службе было мало, так как распоряжение о ней запоздало.

Всячески заботясь поддерживать тесную связь между Церковью земной и небесной, он берег в сердце пасомых всякую искру огня любви к усопшим, чем-либо связанным с ними. Так чтил он память Оптинских старцев — АНТОНИЯ, игумена Малоярославецкого, и брата его, настоятеля Оптинского Скита — отца МОИСЕЯ, как уроженцев г. Серпухова. Почитал память Оптинского старца о. Амвросия, так как многие серпуховичи обращались к нему и сохраняли добрую и благоговейную память о нем.

Из всероссийских подвижников особенно благоговейно чтил он память о. ИОАННА Кронштадтского, несколько раз посетившего г. Серпухов, совершая поминовение его в день Ангела — 19 октября ст. ст. и в день кончины 20 декабря ст. ст. Особенно торжественное заупокойное служение о нем было совершено им в день памяти 20-летия его кончины — 20 декабря 1928 года.

При размышлении о Неисповедимых путях Божиих приходит мысль: не по молитвам ли преп. ДАНИИЛА Московского Промыслом Божиим прибыл в наш город третий епископ, Владыко МАНУИЛ, связанный, хотя и косвенно, с Даниловым монастырем, когда-то приписанном к г. Серпухову.

Первым Серпуховским епископом с 8-го ноября 1904 года был преосвященный Никон, бывший настоятель Данилова монастыря (впоследствии архиепископ Вологодский), вторым Серпуховским епископом был преосв. Анастасий (впоследствии архиепископ Кишиневский) — также настоятель Данилова монастыря.

При мысли об этом становилось ясным, почему Владыка МАНУИЛ, во всех событиях жизни зривший Промысел Божий, при отпусте поминал всегда благоверного князя ДАНИИЛА Московского, память которого для него была связана с тем монастырем, живя в котором, он, после долгих скорбей и испытаний, получил назначение на Серпуховскую кафедру.

Дорожа каждой минутой своей жизни, он спешил использовать время, чтобы с любовью запечатлеть все, что касалось жизни блаженных и боголюбцев. Забота об умерших соединялась с заботой и о живых местных блаженных (Николай Алекс., Евфимия, блаж. Петр Высотский и др., в Серпуховском уезде известных), готовившихся к тому, чтобы достойно о Господе отойти в вечность.

Обозревая свою епархию, он не забывал посещать местные приходские кладбища, интересовался могилами почитаемых и боголюбивых прихожан, служил над могилами некоторых из них литии (блаж. Михаила Хатунского и др.), расспрашивал про местных блаженных, юродивых, праведных и боголюбцев и все слышанное тщательно записывал сам, даже собирал фотографии сих Божиих людей для задуманного им (как он говорил об этом своим близким) «Серпуховского Цветника».

Какой радостью озарялось его лицо, когда он, во время беседы с верующими или за трапезой после праздничной службы (особенно в деревенских приходах) вдруг услышит о таком блаженном, юродивом или просто благочестивом человеке, имя которого ему незнакомо или сведения о котором дополняет его иногда бесплодные до сих пор поиски и расспросы о нем. Сейчас же заносил он его в свой Серпуховской синодик, которых было у него два. Впоследствии этими сведениями он делился с верующими г. Серпухова. Так, некоторым из верующих он напоминал, а большинству их рассказывал в беседах после воскресных вечерних богослужений, как нечто новое, о местночтимых праведниках — иерее Петре из с. Починок (+17/IX-1914 г.), блаженном Михаиле Хатунском (+3/IX-1876 г.) и др.

В дни памяти некоторых из них он служил сам заупокойные обедни (о блаж. Михаиле Хатунском, старице Евфросинии и др.).

Так приучал он нас поминать, любить, почитать блаженных тружеников о Господе и Славе Его, возгревать сердца своим примером жизни их, стремиться подражать им, иметь их всегда перед духовными очами своими и всегда поддерживать живую связь с умершими для нашей жизни, но живыми о Господе.

> «Но прошу всех и молю непрестанно: о мне молитеся Христу Богу, да не изведен буду по грехам моим на место мучения, но да вчинит мя идеже свет животный». (Чин поминовения погребения).

Будущая жизнь... Небесное царство... дорогие усопшие, перешедшие в вечность... Как часто мы, оставшиеся здесь и еще действующие, еще имеющие возможность исправлять и улучшать свой путь к конечной цели — будущей жизни, мы, здесь еще свободные в выборе как пути так и способов его прохождения,— как часто в суете жизни мы забываем о своем долге перед усопшими, увы, уже беспомощными в деле устроения своей участи и надеющимися на улучшение ее лишь через милосердие Божие по молитвам Святой Церкви и нас, отдельных ее членов!

Трогательный пример истинной любви к усопшим подавал нам сам Владыка. О, как любил он их, как помнил, как заботился об оказании им помощи молитвою!

Он ввел в обиход Никольского собора в пятницы — парастасы и ранние заупокойные обедни по субботам. Эти заупокойные службы его были особенно трогательны и умилительны. Поминовение усопших и панихиды по ним, совершаемые им, не были холодными, равнодушным перечислением имен,— нет,— это была теплая, умиленная молитва о близких ему и родных братьях и сестрах о Христе.

«Совершаемые Вами по субботам великие панихиды и поминовения заставили многих из нас со слезами молиться за усопших»,— говорили верующие.

Он так был полон попечения и искренней любви к умершим, что это отражалось даже в его обычных жестах. Когда передавали ему записки с именами, он брал их как-то так, с таким порывом навстречу им, что вы сразу чувствовали, что душа его рвется послужить им.

Полный сострадания к усопшим ближним, погребенным без отпевания Св. Матери Церкви, он в Радоницу 1929 года на Всесвятском кладбище служил о них панихиду и прочел особую разрешительную молитву им.

Нас поражало обилие его заздравных и заупокойных синодиков. Вопрошавшим его, как можно успеть вынуть частицы за все имена,— он говорил, что пользуется синодиками по особому расписанию, круговому на неделю, и успевает поминать всех, кто тысячами имен были занесены в его синодики.

Все синодики Владыки были строго систематизированы. Каждый из них обнимал тот город или ту местность, в которой он жил до Серпухова. Эту систему он заимствовал во время своего пребывания у преп. Зосимы и Савватия Соловецких, где синодики составлялись по особой форме и в строгом порядке.

Он охотно показывал эти синодики верующим, и мы видели у него синодики сибирский, ленинградский, московский и серпуховский; синодики любителей и ревнителей поминовения усопших, синодик, обладавших даром памяти, синодик творивших Иисусову молитву, синодик подвижников-боголюбцев, умерших от чахотки, подвижнические синодики архангельских, соловецких, московских и др. областей и местностей, исправленные и дополненные им синодики подвижников благочестия XVIII и XIX вв. (по 14 том. Жизнеописаний этих подвижников) и др.

Плодом его постоянной памяти об усопших был составлен им в 1927 году большой помянник, употреблявшийся при его личном келейном правиле, проверенный и одобренный знатоком древней церковно-славянской письменности профессором Ленинградского Университета и членом-корреспондентом Академии Наук Дм. Алекс. Абрамовичем.

Кроме него для церковных богослужений был составлен в том же 1927 году, а 1 сентября 1931 года исправлен и дополнен, краткий помянник.

Так в тиши своей келии соединял он себя крепкими узами любовной молитвенной памяти с теми, кто уже отошел к Господу и предстоял, по вере сердца его, престолу Господню.

Как на факт, подтверждающий его любовное отношение к усопшим, невольно хочется указать на то, что каждого покойника при нем, т. е. в его присутствии или в его служении в храме пребывающего, он благословлял на вечный покой и заносил в свой Серпуховской заупокойный синодик.

«Понеже сотвористе одному из сих братий Моих меньших — Мене сотвористе». (Мф. 25, 46).

Думаем ли мы об этом завещании Господа? Исполняем ли его? Любим ли нищих, сирых и убогих? Помним ли о грозных словах: «Идите от Меня проклятии в огонь вечный, т. к. вы не сотворили сие одному из малых сих — Мене не сотворили» (Мф. 25, 45, 46).

Мы забываем..., а он помнил всегда и нам не уставал напоминать об этом. Велика была его любовь к нищим. Никогда не проходил он мимо, не оделив каждого. А в 1929 году в Светлый Праздник Воскресения Христова (первый и последний для него в нашем городе), он христосовался с каждым из них лично, раздавал по яйцу, куску кулича и нескольку копеек денег. А их было более 50 человек!

И всех верующих он призывал к милосердию и подаянию, приводя в проповедях своих примеры великих нищелюбцев — Алексия человека Божия и других — и умолял нас хоть один раз, хоть в период памяти этого нищелюбца, оказать истинную помощь нищему, не только согрев и напитав его тело, но согрев и напитав его душу лаской, вниманием, любовью, посадив его рядом с собой, воздав ему честь, как брату во Христе, памятуя, что среди нищих могут быть великие подвижники, чьи молитвы дерзновенны пред Господом.

Всему учил он нас, всему потребному для спасения, а мы...— мы оставались такими же.

«е собирайте себе сокровищ на земле» (Мф. 6, 19).

Он не собирал их. Он впитывал жадно слова ЕВАНГЕЛИЯ и спешил, спешил претворить их в дело. Ему лично немного было нужно: просфора, кусочек хлеба, немного чаю, уголок для молитвы. Остальное он раздавал и готов был раздать все, если бы не необходимость заботиться о живущих с ним. Бескорыстие его известно было всем, что и отметило в своем прощальном адресе духовенство: «отсутствие даже тени корыстолюбия и желание оказать всяческую посильную помощь другим,— как это действовало на наши души, очищая и облагораживая их»,— писало оно.

Зная тяжелое положение храмов, он большею частью не брал с них за службы, желая, чтобы средства эти шли на украшение самих церквей. Многим оказывал он тайную помощь от скудных средств своих. Себе лично он отказывал во всем. Несмотря на свое слабое здоровье, в любую погоду и по тяжелой дороге (дом его был на горе, что отражалось на его слабом сердце, так как для ходьбы гора была крутая) он всегда ходил пешком. Если случалось ему с вокзала брать извозчика, то он брал самого плохого, вследствие чего ему не раз приходилось самую трудную часть дороги идти пешком. На вопрос — зачем он берет таких? Он добродушно отвечал: «А кто же его возьмет?»

Однажды, после ночного бдения Богоматери, верующие, зная непосильные труды Владыки в течение этих суток, решились привезти извозчика. Но когда ему об этом сказали, он ответил: «Нет, нет, я пойду, а это для приезжего Владыки». Этими словами он устыдил нас, дав нам всем урок заботы о других (чего мы сами не догадались сделать). Только после многих просьб и обещания прислать лошадь и за сослужившим ему епископом Иннокентием — он согласился доехать домой.

«Духом пламенейте... (Рим. 12, 11)
духа не угашайте»... (Фес. 1, 5, 19).

Эти слова апостола Павла были вполне приложимы к нему. В своем архипастырском служении, во всем многообразии деятельности своей, он именно «пламенел».

«Приди же, приди! Зажги огонь души своей любовью к Господу, Царице Небесной и Святым Угодникам их, воспой им славу и хвалу, спеши выполнять заповеди Господа»,— так, казалось, говорил он нам жизнью своей и служением своим.

И совершилось то, что казалось несбыточным охладевшему в суете сердцу. Огонь его великой веры и любви к Богу зажигал в окаменевших сердцах искры молитвы, и общая молитва с Владыкой, по единодушному признанию всех чад его, была всегда особенно легка и умиленна.

ЕПИСКОП МАНУИЛ, КЛИР И ПАСТВА

Свято оберегая в сердцах своих пасомых всякое истинно христианское чувство любви ко всем и, в частности, к своим бывшим соархипастырям, сам полный братской любви к ним, Владыка не упускал случая поддерживать духовную молитвенную связь пасомых с их бывшими архипастырями-наставниками.

Как трогательно бережно хранил он души верующих, огорченных отъездом епископа Сергия! Как понимал он их состояние! Сколько внимания проявил он в отношении уехавшего архипастыря! Как призывал он молиться за него в трудные минуты вступления его в общение с новой паствой. По этому поводу им было совершено даже особое моление о нем.

И всегда он стремился поддерживать в сердцах детей своих дух любви к отбывшему. И не только епископа Сергия, но и других предшественников своих молитвенно вспоминал он со своею паствой.

Так с первого года служения своего у нас Владыка позаботился о том, чтобы 8-го мая, в день Ангела бывшего Серпуховского еп. Арсения, имя его возносилось бы особо на ектениях и Великом выходе и при молебном служении, о чем им было дано распоряжение по всем городским церквам.

А в день памятования 15-летнего пребывания еп. Арсения в архиерейском сане по его распоряжению по всем церквам было совершено благодарственное служение.

12 февраля им совершалось поминовение дня Ангела епископа Алексия, б. Серпуховского. Также чтился им торжественным молебном. 28 июня — день Ангела епископа Сергия.

«Когда у вас будет новый Владыка,— говорил он при отъезде,— любите его и заботьтесь о нем, как обо мне. Слушайтесь архипастыря вашего и просите его разрешения соблюдать тот же порядок церковный, который был установлен при мне»,— наставлял он остающихся.

Не имея достаточной и полной поддержки со стороны духовенства, в священном порыве своего архипастырского служения, он горел гневом и священным негодованием, когда в большие праздники или в особо назначенные службы священнослужители самовольно сокращали их или проводили без благоговения, но старался недостатки их покрывать любовью.

За 22 месяца его пребывания в Серпухове священники и даже церковно-служители не выслушали никаких замечаний во время требо-исправлений, служб и священнодействий. Все замечания он делал по окончании службы в деликатной, мягкой форме, стараясь вразумить неисправного. Не напрасно говорило духовенство, что с епископом МАНУИЛОМ служить легко, т. к. не чувствовалось никакого гнета или суровости с его стороны. Он поистине не был грозным «Владыкой», но любвеобильным «отцом».

Ни один из Серпуховских архиереев не доходил, кажется, до такой простоты, как епископ МАНУИЛ. В первые месяцы своего приезда в Серпухов он посетил не только все духовенство, знако-

мясь с семьями и домашней жизнью их, но и всех чтецов и даже просфорниц, везде оказывая им любовь и ласку, а иногда и помощь и никогда не отказываясь от предложенной трапезы. Не гнушался он ни бедной хибаркой кого-либо из диаконов, ни церковной сторожкой,— для него они были равны с домом настоятеля.

При посещении духовенства и чтецов как городских, так и деревенских церквей он подробно расспрашивал о семейном положении их, а имена всех их родных заносил в заздравный Серпуховский синодик, который был расположен у него по благочиниям и церквам и который он прочитывал почти всегда за воскресной и праздничной службой. Точно также заносил он в заупокойный синодик имена почивших родителей священно и церковно-служителей.

Много любви и внимания оказывал он духовенству, но сам много скорби перенес вследствие небрежности их в служении, о благоговейности которого он так заботился. Как тяжело было его архипастырскому сердцу выслушивать жалобы верующих на небрежное исполнение священнослужений, на пропуски в службе, когда, вследствие его продолжительного отсутствия в городе, порядок в строго налаженной церковной службе нарушался.

Тяжело ему было выслушивать несшиеся со всех сторон епархии жалобы верующих на небрежное служение пастырей в такое лихое для церкви время, когда колеблющиеся бросали церковь и заполняли ряды безбожников, ссылаясь при этом на темные стороны жизни духовенства, на слабости их. С какою болью сердечной он все это воспринимал и переживал в себе!

Всем ставленникам, приезжавшим из уезда, Владыка оказывал радушное гостеприимство, кто бы это ни был,— священник ли, диакон ли, псаломщик или просто мирянин, готовящийся к посвящению в чтецы. Всех их устраивал он чаще всего в своей квартире, даже с ночевкой на несколько дней; здесь они и столовались. Таким образом, неимущих из них он избавлял от излишних расходов по найму помещения со стороны и от насмешек и издевательств в местной и единственно доступной гостинице «Дом крестьянина».

Это гостеприимство поражало духовенство, привыкшее к тому, что предшественники его принимали лишь в определенные, назначенные для приема часы.

Ни с одного ставленника он не взял так называемого «вознаграждения за поставление» и с трудом соглашался принимать благочинические взносы от духовенства, собираемые за жалованные им награды. Неимущих же ставленников и приезжавших к нему по

своим делам священников, диаконов, особенно же псаломщиков,— всегда снабжал деньгами на дорогу.

«Оскуде преподобный».

«Оскуде преподобный», а сердце Владыки всегда занимал он в лице монашествующих Серпуховского викариатства: для них он был «отцом родным». Скорбя о рассеянии их, болея их нуждами и печалями, он утешал их, чем мог: и вниманием к их нуждам, скорбям и напастям, и заботой о них, и посещениями своими в их убогих хибарах и келиях, и духовными советами и наставлениями, и исповедыванием их.

С раннего утра до позднего вечера для городских и деревенских монашествующих были открыты двери дома его, и никогда, никому из них не отказывал он в приеме их на исповедь.

Как дети к отцу, так и они к нему шли со своими недоумениями и скорбями. И всякая скорбь их переносилась им как бы личная — так близко воспринимал он к сердцу их беды. И наоборот, они легко переносили свои скорби, ибо в них был посвящен он. Они чувствовали его отеческое отношение к ним, знали его любовь и заботу о монашествующем чине и не боялись его, чувствуя в нем истинного монаха, которому близки и понятны их нужды и нестроения.

Посещая существовавшие в его епархии монастыри, он пользовался всяким случаем, чтобы возгревать и укреплять истинно монашеский дух смирения и покорности воле Божией.

В женском монастыре «Отрада и Утешение» (Добрынинском) он впервые ввел составленную послушницей этого монастыря Марией и одобренную высшей церковной властью службу всеночного бдения чудотворной местно-чтимой иконе Божией МАТЕРИ «Отрада и Утешение», посетив обитель эту в дни празднования чудотворной иконы (21 июня 1928 г. и 21 января 1929 г.).

Особенно торжественно справлял Владыка в Никольском кафедральном соборе, к которому был приписан причт и прихожане закрытого в январе 1929 года Владычного женского монастыря, все престольные праздники этой обители и память всех святых, иконы коих почитались Владычной слободой — св. великомуч. Георгия, св. муч. Иоанна воина, св. праведного Филарета Милостивого. Он же восстановил почитание святыни этой обители, местно-чтимой иконы Богоматери «Неупиваемая Чаша». По его благословению был составлен сей иконе — одним серпуховским любителем рукописных акафистов — акафист, пока еще не получивший одобрения высшей церковной власти для церковного употребления.

Посещение обителей: Белопесоцкого св. Троицкого мужского монастыря, Добрынинского женского монастыря «Отрада и Утешение», бывш. Высоцкого мужского монастыря в Серпухове и монашествующих бывшего женского Владычного монастыря — дало ему возможность, путем терпеливого опроса монашествующих этих монастырей, при неоднократном посещении их на дому, а также бесед с многими верующими города и окрестностей, собрать сведения о всех праведной жизни монашествующих этих монастырей и многих, проживавших около св. обителей блаженных, юродивых и боголюбцах вообще, и составить впоследствии их жизнеописания.

«Паси овцы Моя». (Ин. 21, 16)

Всеми силами своими старался он исполнить этот завет Спасителя. Он искренно любил вверенных ему Господом детей, духовных младенцев, слабых и немощных духом. Душу свою отдавал он им, забывая себя.

Он разделял их житейские невзгоды, утешал, ободрял, подкреплял их, молился за них, учил, наставлял их к спасению душ их и скорбел вместе с ними в печалях их. Идя навстречу облегчению всякой скорби, он помнил о всех страждущих.

Одна верующая, редко сама бывшая в церкви, просила письмом Владыку помолиться о ее тяжко больном сыне. И за все время двухмесячной болезни его Владыка сам посылал ей просфоры, вынутые о здравии его. И эта память его, при его бесконечной занятости, трогала душу и подтверждала связь архипастыря с детьми его.

Мягкое сердце его, искавшее случая облегчить чью-либо тяготу, в чем бы она ни выражалась, особенно заботили больные. Известно много случаев его неоднократных и совершенно бескорыстных посещений тяжело больных, часто даже неизвестных ему лично лиц, по рассказам верующих возбудивших в нем жалость к себе и желание непременно посетить их и вместе с ними помолиться об облегчении их болезней.

Примером этого могут служить его неоднократные посещения ныне умершего долгострадальца Валериана из пригорода Глазечня и некоей Анны из зеленого домика на берегу Серпейки, речки около Красной Горы.

Посетил он за несколько дней до смерти долгострадалицу (незадолго перед этим привезенную из Московского диспансера) отроковицу Антонину и утешал ее. Через несколько дней после его посещения она скончалась, была им самим вынесена в храм, а после

ранней и отпета в память безропотного несения ею тяжелого креста ее болезни. (Он называл ее "поистине блаженной" отроковицей). Посещая Всехсвятское кладбище, он посещал и могилку ее и служил у нее литию.

Таких и подобных сему случаев внимания и любви к болящим и умирающим запечатлено много в сердцах детей его.

Не взирая на свою огромную занятость, на недостаток свободного времени, он почти никогда не оказывал просившему его помощи советом. Жалость к людям, понимание их внутренних чувств и переживаний, составлявшая одну из основных черт характера Владыки, понуждала его к этому, возбуждая опасение, что своим отказом он увеличит скорби обращающихся,— каких бы трудов ни стоило удовлетворение их просьб ему самому.

Насколько Владыка шел навстречу желаниям верующих в удовлетворении их духовных нужд, показывает то, что в Великий Четверг и Успенский пост он в Никольском соборе лично участвовал в соборовании тех немощных престарелых, которые желали получить благодатную помощь в таинстве елеосвящения.

Как трогательный пример этого горячего желания идти навстречу верующим одна старушка указала на то, что в Великую Субботу, придя в храм, когда там еще не было никого из священнослужителей, и увидев народ, собравшийся для освящения пасхи, Владыка сейчас же, чтобы не заставлять их ждать,— зная, как много у каждого предпраздничных забот,— сам совершил освящение их.

Себя и своего здоровья ради нас, немощных духовно и телесно, он никогда не щадил. Вот почему, несмотря на крайнее истощение, он почти не обращался к врачам, зная, что они предложат ему такой режим жизни, такие условия питания, соблюдая которые он должен будет лишить себя выполнения поста и постных дней, церковных служб, ранних литургий, а паству свою лишить своей духовной помощи и советов. Потому-то, не имея сил лишить себя и других тех духовных благ. о коих сказано: «ищите же прежде Царствия Божия и это все приложится вам» (Мф. 6, 33), он у нас горел и сгорал, достигнув крайней степени переутомления.

Так жил он с нами! И трудясь так неустанно, он переживал в от же время величайшие горести, ранившие его душу скорбью. Он пережил с нами закрытие почти половины церквей, лишение его самого того немногого, что у него было, непосильную тяготу налога на него, жившего подаянием, постоянное издевательство со стороны отколовшихся, осыпавших его оскорбительными анонимными письмами, наше равнодушие к заботам о душе своей, наше духовное младенчество, иногда невольно причинявшее ему скорбь, и, наконец,

лишение угла, крова над головой, грозившую ему в последнее время бесприютность, когда «главы не имам преклонить где».

Все это подорвало его и без того слабое здоровье и принудило уйти на покой. Из любви к нам он отдалял этот момент, но... пришло время и... мы лишились своего отца...

ЕПИСКОП МАНУИЛ В ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ

В своей домашней жизни Владыка МАНУИЛ был крайне прост, доступен и непритязателен. Он довольствовался очень немногим. Обстановка покоев его была очень проста. В приемной бросалась в глаза громадная икона Святителя Николая, занимавшая весь передний угол. Круглый стол, кресло, шкаф с книгами составляли всю обстановку приемной,— и все это, кроме книг, было не его личное, а данное добрыми людьми.

Много могли бы поведать о его любви к чадам своим стены этой комнаты, т. к. через нее прошли сотни отягченных бедами и искушениями, искавших и находивших у него совет и утешение, ибо двери его дома действительно всегда были открыты всем ищущим совета духовного и утешения в скорбях.

Келия его, находившаяся за приемной, была местом сокровенных дум и духовных подвигов его и была недоступна для всех лиц женского пола, кроме постриженных монашествующих. Когда запрет на вход в нее, в последние дни перед отъездом, был снят, при беглом взгляде на нее бросалось в глаза обилие икон в переднем правом углу над скромным монашеским ложем. Большинство икон было изображением Божией Матери, Которую он особенно чтил. Между окон большой старинный образ Тихвинской Богоматери. Лампада теплится перед Ее Пречистым ликом. Сбоку аналой, на нем соловецкие поручи и епитрахиль. У окна около стены небольшой письменный стол. Перед ним портрет митрополита ФИЛАРЕТА Московского уже старцем, в епископском облачении, с крестом. В стороне — написанное масляными красками изображение часовни с останками местного праведника, убиенного пустынника ЗАХАРИИ. На столе книги, много писем. Целые стопки квадратных кусочков бумаги с записями для памяти, которые умножаются ежеминутно и также быстро исчезают, претворенные в дело. Тут имена людей, молящихся за нас, и тех, за кого надо молиться, мысли, которые надо помнить, дела, которые должно сделать.

На большой картине направляется из леса к реке преподобный СЕРАФИМ с котомочкой за плечами. Его изображение неизменно бывает там, где благоухает святыня.

На стене перед письменным столом висели выписки из наставлений Оптинских и других старцев. В числе их бросались в глаза такие

характерные для хозяина келии изречения, как например: «не теряй своего времени», «укрепляй свою волю».

Около кровати столик, на нем блюдо с песком, догорает свеча — это неслышно звучит молитва за чью-то мятущуюся, скорбную душу.

У изголовья образ мученика МАНУИЛА и зажжена лампада... Много икон... Но какая легкость в их распределении: они не теснят друг друга и каждая говорит стоящему перед ней — свое, особенное. Даже этот коврик на стене так гармонирует с окружающей святыней. Он монастырской работы, на черном темном поле такие прелестные разнообразные букетики полевых цветов! Он очень любил цветы и детски радовался красоте их и премудрости Сотворившего их; любил птиц и животных. Одним из удовольствий его в минуты отдыха было собственноручное кормление кур, несколько штук которых подарили ему верующие. Трогательно было видеть Владыку, окруженного своими пернатыми друзьями, доверчиво жавшимися к нему.

Все приходившие к Владыке посетители, получив его благословение, высказывали ему свои нужды, горести и немощи и все получали ободрение, утешение, все встречали ласковое, заботливое, чисто отеческое внимание и сочувствие, заставлявшие Владыку, движимого желанием дать утешение страждущим, забывать о времени, пище, питье и отдыхе.

В пище и одежде своей Владыка был крайне прост: кушал он очень мало, а иногда — за множеством дел — проводил дни почти ничего не вкушая.

Подрясники его были старенькие и заплатанные, и верующие, старавшиеся сделать Владыке что-либо получше из носильного домашнего платья, часто узнавали, что новое он отдавал нуждающимся, сам оставаясь опять ни с чем.

Близко знавшие Владыку удивлялись необыкновенной бережливости его. Он, не жалея раздававший все, что имел,— был вместе с тем удивительно бережлив во всем. У него ничего не пропадало даром. Он аккуратно собирал скорлупки от яиц, чтобы использовать их курам на корм, заменяющий известь. Он бережно собирал веревочки, бумагу, следя за тем, чтобы все использовалось целесообразно. Даже обрывки старых конвертов, за отсутствием бумаги, он использовал для записи пришедших в голову мыслей или на запись необходимых дел или поручений и заметок. И на столе его лежали стопочки аккуратно нарезанных маленьких листиков бумаги (обложки тетрадей, конвертов и т. п.).

Все крошки хлеба учил он собирать и никогда не мог видеть хлеба, брошенного на землю,— он сейчас же поднимал его, где бы это ни

было, и нас учил тому же. Но это делалось уже не из-за бережливости, а потому, что крошки и куски хлеба — эти остатки самого необходимого дара Божия — хлеба насущного, «искры Божией», как называл он их.

Эта бережливость его не переходила в скупость, а совмещалась в нем с полным нестяжанием и постоянным желанием поделиться с неимущим тем, что имелось.

Сам очень аккуратный, он любил это качество и в других и от живших с ним требовал того же. Чистота и порядок были его слабостью. Он не мог видеть ничего беспорядочно разбросанного, смятого, неубранного: не мог видеть загнувшегося или плохо лежащего половичка и сейчас же сам поправлял его. Всякий беспорядок действовал на его настроение и мешал заниматься. Эта черта характера возбуждала тревогу в близко знавших его и заставляла некоторых из них умолять Владыку бороться с этим, не давать господствовать над собою этому чувству порядка, т. к. оно грозит перейти в «страсть к порядку», незаметно, как ржавчина, разъедающая душу.

Сам пламенный, молниеносно быстрый в решениях, горячо относившийся ко всему,— Владыка в домашней жизни часто сталкивался с качествами противоположными своим, в частности, с медлительностью, пассивностью, недогадливостью и проч. **Все это иногда вызвало в нем чувство нетерпения.** Но поразительно было то, что эта нетерпеливость его проявлялась всегда по поводу **самых пустячных по существу вещей,** в серьезных же случаях она наблюдалась редко и только в домашней обстановке, в житейских делах, обиходных, во всем же, что касалось Божественной службы, церковных дел и всего соприкасающегося с его архипастырский служением,— он ни в чем не проявлял нетерпеливости или поспешности. Наоборот, он — молниеносно быстрый — в храме при исполнении своих архипастырских обязанностей, казалось, становился другим человеком — спокойным, благоговейно-торжественным. Даже жесты его в храме становились другими, медленно-благоговейными. Человек как бы совершенно перерождался и чувствовалось, что это не усилием воли достигается, а тем особым состоянием духа, которое давал ему храм — место присутствия Божия. У близких ему, поражавшихся этой переменой в нем, оставалось именно такое ощущение, что в храме он чувствует присутствие Божие.

Один единственный раз отдал Владыка дань немощи человеческой, о чем потом постоянно скорбел и в чем всегда раскаивался.

Это было в 1929 году в воскресенье 13 августа в день памяти скончавшегося Святейшего Патриарха ТИХОНА, когда певчие на

великой панихиде, думая лишь о своих житейских делах и о том, чтобы поскорее окончить службу, пропустили ирмосы и запевы из заупокойного канона.

Загоревшись священным негодованием на такое небрежение к службе Божией и такое отношение к памяти Святейшего, Владыка тут же запретил им петь и докончил панихиду, пропев ее сам с народом.

В своей вспышке он тотчас раскаялся и всенародно испросил себе прощение в том, что поступком своим мог ввести кого-либо в соблазн, и впоследствии часто со скорбью вспоминал об этом.

Отдавший всего себя на служение чадам своим, постоянно тянувшимся к его дому и в будние, и в праздничные дни, он совершенно забывал о пище, отдыхе и сне. Особенно трудны были праздничные дни, когда церковные службы, начавшись с 5-ти часов утра, продолжались для него до 9 часов вечера с часовыми перерывами и когда в эти краткие мгновения перерывов посторонние посетители не давали ему возможности дать себе отдых хотя бы на 20 минут. Верующие удивлялись — когда он спал или отдыхал, хотя и знали, что сон его был краткий и чуткий.

Этим полным забвением себя Владыка часто вводил в искушение близких и заставлял их говорить, что забывая о себе,— как он это делал,— он искушает Господа и проявляет жестокость к детям своим, т. к., подорвав окончательно свое и без того слабое здоровье, он не сможет уже и послужить им.

Много раз поднимался этот вопрос близкими ему лицами, много раз пытались они убеждать его «не убивать себя», но он делал по-своему и в этом отношении причинял много скорби, и слез, и искушений всем, любившим его.

СИЛА МОЛИТВЫ

Вот некоторые из многих отзывов верующих о силе молитв Владыки МАНУИЛА.

— Он наш отец — утешитель и как легко с ним молиться.

— Ангел молитвы, наш дорогой Владыка. Вот уже истинно Отец наш послал нам такого молитвенника.

— Я верю в его чудотворные молитвы.

— Его чудотворной молитвой уничтожился шум в ушах.

— Насморк не проходит, ревматизм беспокоит, без его благословения очень плохо, а как Владыка благословит, так все заживает, ведь он чудотворец.

Одна раба Божия, просившая Владыку помолиться о тяжело больном скарлатиною младенце Зинаиде, рассказывала, что по воз-

вращении своем от Владыки она нашла ребенка сильно поправившимся. Верующие члены семьи говорили, что это просто чудо, что она воскресла из мертвых, вырвалась из когтей смерти.

— Дочь моя стала возвращаться на путь истинный Владыкиными святыми молитвами,— говорила другая верующая душа.

— Никогда не забуду я его молитв за погибшую душу мою. Его неусыпными молитвами я воскресла, увидела свет души.

— У одной женщины очень болела прислуга ее, так что не надеялись, что будет жива. Женщина просила Владыку помолиться о больной. И вот болящая видит сон, что пришел к ней какой-то священник, покропил ее святой водой и ей стало лучше, она стала поправляться. Владыка в этот день молился за нее.

Одна духовная дочь Владыки, будучи в очень преклонных летах, заболела воспалением легких. Через силу написала она ему письмо, прося его святых молитв. Болезнь ее все усиливалась, она была в бреду; ее хотели везти в больницу. Накануне она получает от Владыки письмо, где он ободряет, утешает ее и обещает молиться. Она со слезами радости читает это письмо, прижимает его к больному боку и засыпает. Проснувшись, она чувствует значительное облегчение и после этого начинает быстро поправляться.

— Из Москвы я доехала благополучно,— рассказывает одна верующая,— и это потому, что меня сопровождало его благословение, я в это глубоко верю и потому всегда прошу его святительских молитв о мне грешной и о моих близких.

— Весною 1928 года любитель-псаломщик (одной из окрестных города Серпухова церквей) Илья С. заболел туберкулезом в тяжелой форме. Раз пришел он попеть в Спасо-Преображенскую церковь и встретился там с одной женщиной, которая посоветовала ему обратиться к епископу МАНУИЛУ с просьбой помолиться. Когда он пришел к Владыке и рассказал о болезни, прося его святых молитв, Владыка ответил: «поправишься, в другой раз придешь — не узнаю». Через 3—5 месяцев этот самый человек пришел к Владыке, а Владыка спрашивает: «что это за человек пришел?» Он так поправился и пополнел, что Владыка его как будто и не узнал.

Этот же самый человек был очень убит смертью своих двух деток —мальчика и девочки. Утешая его, Владыка сказал: «ничего, не скорби, у тебя еще будут двое». Через некоторое время у него сразу родились девочка и мальчик.

Одна верующая г. Серпухова, Е. Г., рассказывала, что в конце июня 1930 года заболела ее сестра С. в очень тяжелой форме неизвестно какой болезнью, не то острым ревматизмом, не то параличом. Положили ее в больницу. Сестра ее все время просила

святых молитв Владыки, и ему писали об этом. В последние полторы недели после 12 часов ночи — три раза являлся к ней Владыка МАНУИЛ, одетый по-разному: то в подряснике и скуфейке, то в рясе и клобуке, то в мантии. Стоит у койки больной, смотрит на нее и жалостливо говорит ей что-то. В первый раз, когда он пришел, она испугалась, т. к. открылось окно и он вошел как живой, она даже вскрикнула. Подбежала к ней дежурная сестра и стала спрашивать о причине крика, но больная не решилась сказать о виденном и промолчала. В остальные два раза она уже не боялась прихода его и спокойно на него глядела. После этого ей стало легче и теперь С. окончательно выздоровела. Как больная С., так и сестра ее Ел. выздоровление приписывают святым молитвам Владыки.

БЛАГОДАТНЫЙ ДАР ПРЕДВЕДЕНИЯ

Одна женщина скорбела, что у нее нет помощницы в уходе за больным мужем; долго она искала таковую и все не могла найти. Наконец нашлась хорошая, подходящая девушка. Обе они условились, что по истечении некоторого срока — та придет к ней, и обе твердо заручились согласием друг друга. Женщина же эта спросила Владыку — благословит ли он взять ее. Он ответил: «да, если придет». И та действительно не пришла, хотя ожидать этого было нельзя.

Другая женщина спросила Владыку, благословит ли он ее мужу переменить место на другое, более выгодное. «Нет, не надо»,— сказал он. Впоследствие выяснилось, что на другом месте он испытал бы много неприятностей.

Одна духовная дочь Владыки ждала к себе свою дочь издалека. Та должна была приехать обязательно через 2 недели, о чем известила мать, и та только просила благословения Владыки на дорогу ей. «Ей не обязательно приехать теперь,— сказал Владыка,— она может приехать и через 2—3 месяца». Так и случилось. Через несколько дней было получено письмо, что поездка неожиданно расстроилась и откладывается на 2—3 месяца.

Одному духовному сыну, очень беспокоившемуся о затруднявших его, казалось бы, неразрешимых обстоятельствах, Владыка сказал: «Не беспокойся, все устроится само собой». И действительно, крайне запутанные обстоятельства разрешились сами собой.

У одной женщины сестра была в заточении, и она ничего не знала о судьбе ее. Когда она просила спросить о ней Владыку, он сказал: «Скоро ее освободят». И через неделю ее освободили.

У рабы Божией С. муж был неверующий — изувер. Он глумился над ее верой и иконами. Однажды он сказал, что выбросит их. Жена, сильно скорбя, просила Владыку помолиться о нем. «Иди,— сказал

он,— не бойся, он этого не сделает». И что же, когда она пришла домой,— увидела мужа успокоенным и отказавшимся от своего намерения...

Собралась ехать к своему духовному отцу, по его благословению, раба Божия Мария. При разговоре об этом Владыка сказал: «Ну почему непременно Маша, может быть, Таня поедет». И в самом деле обстоятельства у Марии изменились и поехала Таня.

Одна духовная дочь Владыки собралась ехать к своему брату в Уссурийский край и просила на это его благословения, но он не дал его, сказав: «Ну, еще в пути застрянете». И действительно там произошло весеннее наводнение и сообщение надолго было прервано и затруднено.

ОСОБЕННЫЕ СЛУЧАИ, ОТМЕЧЕННЫЕ ДУХОВНЫМИ ДЕТЬМИ ВЛАДЫКИ МАНУИЛА, и СНЫ

В августе 1929 года Владыка служил литургию в с. Лужках. До начала обедни в храм влетел голубь и оставался в храме, летая кругом. Замечательно, что в некоторые моменты, самые важные в богослужении — «ИЖЕ ХЕРУВИМЫ», «ТЕБЕ ПОЕМ», он сидел тихо головкой к алтарю. Некоторое время он кружил над головой Владыки. Когда по окончании службы его хотели поймать,— он исчез неизвестно куда.

Сам Владыка рассказывал следующий знаменательный сон, виденный им в день его приезда к нам, под праздник великомученника ГЕОРГИЯ, т. е. 22 апреля 1928 года.

Утомившись от дороги и службы, он заснул и видит какую-то церковь с пятью голубыми куполами, усеянными золотыми звездами и увенчанными золотыми крестами. Сам он как будто стоит на улице, смотрит на эту церковь и видит около ее глав и крестов летающих Ангелов.

Вдруг церковь эта заколебалась и стала раскачиваться; она раскачивалась все сильнее и сильнее и почти пригибалась к земле, а Ангелы Божии с искаженными от страха и страдания ликами держались за кресты ее, как бы поддерживая и оберегая их.

Постепенно раскачивания стали тише и тише..., остановились и церковь стала прямо, как и была прежде, и лики Ангелов просияли.

Немного погодя раскачивания церкви повторились с еще большей силой: они были так велики, что она почти ложилась на бок... казалось, что уже и не поднимется... и Ангелы Божии трепетали от горя и страха и со всех сторон поддерживали ее, падающую... И вот опять прекратилось качание и церковь стала по-прежнему, но... не

надолго. Вновь повторилось тоже со страшной силой! Вновь трепещущие Ангелы с искаженными от горести ликами пытались поддержать ее, но... колебания были так велики, размахи так сильны, что церковь не выдержала их и со страшным шумом — упала.

Владыка проснулся и не мог уже спать. Он вышел из дома, взглянул на город и — первое, что бросилось ему в глаза,— были голубые, усеянные золотыми звездами с сияющими крестами, купола церкви Вознесения. В ней он узнал церковь, виденную им во сне.

Осенью 1929 года — рассказывали лица, помогавшие убирать по дому,— мы долго убирались, было около половины первого ночи. Владыка уже спал, двери к нему были закрыты. Одна из нас вышла в сени посмотреть, заперты ли они, и вдруг услыхала страшный вой, какой-то совсем особенный. Она подумала, что воет собака, но вой был такой странный, что она вся дрожа пошла и позвала меня. Вышли мы в сени, слушаем и дрожим. Слышим, как будто много человеческих голосов плачут горько и перекликаются друг с другом. Хотели мы было разбудить Владыку, да побоялись беспокоить, так мало он имел всегда отдыха. Одна из нас пошла выносить молоко и слышит — там вся земля стонет от этих плачущих. Волос на голове зашевелился. Так почти до 4-х часов утра все это продолжалось. Верно, это неотпетые покойники плакали о Владыке, ведь он всегда крестил их и молился за них, особенно вечером и ночью, как сам он об этом однажды обмолвился.

ЭПИТЕТОЛОГИЯ ЕПИСКОПА МАНУИЛА

Как отражалась в сознании верующих личность их архипастыря, его характеристика как человека, а также чувства, которые питал к нему народ,— все это видно из тех названий, с которыми дети обращались к своему отцу, как лично, так и заочно беседуя о нем: а) относящиеся к физическим качествам, б) характеризующие его как архипастыря и в) выражающие чувства народа.

а) Одно из первых названий, которое он получил после первого же служения, было вызвано его небольшим ростом — «дорогая крошечка». «Кенарка» — относилось к голосу и к тому, что Владыка всегда пел сам, чуть плохо шло чтение на клиросе или у народа, при общем пении: «Кенарейка наша поет, заливается» (при пении акафистов).

б) К эпитетам, характеризующим архипастыря и служение его как общественного молитвенника, можно отнести следующие наименования: «Неусыпный молитвенник», «Ангел молитвы», «Ангел мира и любви», молитвенник и учитель, любимейший наш архипа-

стырь и отец, светильник света, ангел хранитель, наш молитвенник, отец-утешитель, Владыка — Ангел церкви г. Серпухова, ангел земной и человек небесный, радость и свет наш, мудрый и знающий, горящий любовью к ближнему, дорогой отец и наставник, ангел чудес, путеводная звездочка, блаженный, ведь он чудотворец, он — непрерывная работа и забота о всех, духом пламенеющий. Дитя Божие, утешение наше, жизнь. Любимче Божий, истинный архипастырь, пастырь добрый, любимый учитель и учитель верный, добрейший отец и архипастырь, бескорыстный и неустанный архипастырь, дерзновенный ко Господу молитвенник, постник, бессребренник, солнце, свет, тепло многих, многих душ.

в) И наконец эпитеты, выражающие чувства народа: добрая душа, нежненький Владыко, благоухающий цветок, драгоценный Владыка, скорбящий, бесконечно измученный, бесценный Владыка, золотой епископ, дивный епископ, бесценный отче, любимое сокровище наше, родненький, родной, солнышко, отченька, владыченька. Незабудка вы, и незабудку дорогую Ангел с неба уронил, чтобы нам беречь ее, золотое сердечко, родимый, соколик наш ясный.

УХОД НА ПОКОЙ

Всем известной причиной ухода его на покой, как это можно было судить по поданному на имя митрополита СЕРГИЯ прошению, было расстроенное здоровье и все события, происшедшие с ним за последние месяцы 1929 года*.

Так казалось это по крайней мере большинству верующих и так воспринималось оно в их сознании. Но было и нечто сокровенное в душе его, подсказанное ему еще в начале осени 1929 года известными только ему одному богоугодными лицами, намеки на что вырывались иногда в его грустных словах о непрочности всего земного и о возможности и необходимости отъезда его из Серпухова. И теперь нам, верующим, кажется, что уход его из Серпухова был для него особенно благовременным. Потеря квартиры на Красной Горе знаменовала его гражданскую смерть для города и сознания в умах верующих, что так долго жить в Серпухове, как жил он, никому из будущих заместителей его не придется, и тем самым и так часто служить епископу нельзя будет. Таким образом,— Промыслом Божиим, в корне расстраивалась духовная жизнь церкви, которая было налажена им в круге богослужений и которая постоянно объединяла его с паствой и духовенством.

* Рапорт Еп. Мануила об уходе на покой от 17/30 янв. 1930 г.

«Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко!» (Лк. 2, 29).

Помнится одно из последних всенощных бдений. Тишина среди молящихся особенная... Друг друга почти не замечают. Внимание и взоры всех устремлены на того, кого теряют... Душа не чувствует ничего — она застыла, только глаза жадно схватывают каждую мелочь... Кончилась воскресная последняя с ним вечерня. Вот вышел на амвон тот, кому были вручены души наши и кто оставлял их. Что говорит он? Он земно кланяется нам недостойным, жестокосердным и равнодушным.

Испросив прощение себе, он приказывает всем стать на колени и выслушать разрешительную молитву всем нам, вольно и невольно погрешившим перед своим архипастырем. «Чтобы не тягаться мне с вами перед ГОСПОДОМ»,— говорит он. О, сила любви отеческой! Он помнит о всем, что есть благо наше! Со скорбью и раскаянием слушает народ дарованное ему разрешение.

Вот от имени духовенства говорит о. Иоанн. В кратком, но прочувствованном слове он отмечает редкое бескорыстие Владыки и его истинно-христианские добродетели — смирение и любовь.

«ВАШЕ ПРЕОСВЯЩЕНСТВО, ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ВЛАДЫКО МАНУИЛ, ДОБРЕЙШИЙ ОТЕЦ и АРХИПАСТЫРЬ!

До нас, пастырей и пасомых дошел слух об оставлении Вами Вашей Серпуховской епископской кафедры.

Печальная для нас весть! Печальная потому, что мы с Вами сроднились, мы к Вам привыкли, а главным образом печальна потому, что мы теряем в Вашем лице «правило веры и молитвы, образ кротости и учителя воздержания».

Ваше постоянное молитвенное настроение поднимало дух верующих, едва тлеющий под пеплом мирских обуреваний. А Ваша необычайная кротость! Та кротость, которая принимает все, что посылает ей Бог, и которая не ропщет на Него. В настоящее время она окрыляет нас, потому что мы верили и верим, что кротким была обещана и будет наивысшая награда. Ваше вступление на Серпуховскую кафедру совпало с ужасным разложением нашей церковной жизни, происшедшим раздором между верующими на почве непонимания церковной дисциплины. Вы, благодаря своей кротости и миролюбию, старались всеми христианскими мерами прекратить это зло. Но, если еще до сих пор существует этот несчастный раздор, то не по Вашей вине, а по воле Промыслителя, Который, видимо, находит нужным допустить эту болезнь для лучшего очищения и врачевания всего нашего организма.

А Ваше воздержание во всем, в связи с другими христианскими добродетелями; отсутствие даже тени корыстолюбия с желанием оказать всяческую посильную помощь другим. Как все это действовало на наши души, очищая и, так сказать, облагораживая их.

Вот эти-то наивысшие христианские добродетели, коими Вы обладаете, и заставляют нас, Преосвященнейший Владыка, скорбеть о Вашем оставлении кафедры.

Заканчивая свое приветствие, мы, Ваша паства, веря в ваши архипастырские молитвы, с одной стороны, убедительно просим Вас — поминайте молитвенно Ваше Серпуховское словесное стадо и молите Господа, да укрепит Он, Милосердный, расшатавшуюся веру нашу и да пошлет нам Архипастыря, право правящего Слово Истины, а с другой — просим Вас простить нам все наши прегрешения перед Вами и изгладить из Вашей памяти все то, чем мы, может быть, оскорбили Вашу истинно-христианскую душу".

Потом говорит свое прощальное слово Владыка. Ясно чувствует он скорбь нашу, особенно острую для тех, кто по обстоятельствам жизни своей не может увидеть его, как бы хоронит его навсегда. Чувствует он ее и старается смягчить и утешить нас.

Говорит он о том, что сам не забудет никогда паствы своей, переносившей с ним вместе невзгоды и испытания: что в сердце и молитве его она всегда будет жива, что духовное единение, связь душ, соединенных любовью о Христе,— не порвется. Говорит о том, что если сейчас он с нами не плачет, жалея о нас, то потом будет плакать один.

Говорил он, что посылаемое испытание надо нести с покорностью и смирением. Просил поминать его заветы и поучения. В утешение нам плачущим рассказал, как духовные дети одного старца по отъезде его выказали ему свою любовь тем, что припоминали все его наставления и выполняли их. Советовал и нам делать тоже. Просил нас за него молиться, говоря, что ему будет легче и что молитва будет способствовать взаимной духовной связи. Просил поддерживать друг друга, соблюдать с разрешения будущего епископа установленные им службы и порядок их. Просил посещать храмы и беречь их. «Когда я покину вас и услышу, что вы небрежете хождением в церковь,— мне будет очень горько и печально»,— говорил он. Завещал простить всем все старые грехи и никогда с этого дня не вспоминать их и никого не укорять за них.

Поделился с народом случаем особой милости Царицы Небесной, проявленной ему через обновившуюся икону Ее Абалакскую в бытность его в Сибири.

Когда много препятствий было к прославлению этой иконы, глубоко скорбел он и плакал, и жаловался Божией Матери на препятствия, и был слышен ему глас от Нее: «Дерзай, МАНУИЛ, Я тебе порука!» И слышал глас в поле днем, когда возвращался от места пребывания иконы. И сбылись слова Владычицы: спустя немного времени с великим торжеством была прославлена икона Ее.

Рассказал Владыка о некоторой части жизненного пути его и о Промысле Божием, проявлявшемся на нем: о том, как промыслительно наказан он был Господом за гордый отказ свой жить в обители преп. Сергия в Сергиевой пустыни под Ленинградом, когда, будучи еще мирянином, он решал вопрос, в какой обители принять ему монашество. Как спустя 10 лет он был послан митрополитом Вениамином в эту обитель настоятелем и как, пробыв там несколько часов, возвратился обратно, не принятый братией, пожелавшей другого настоятеля.

Как об этом событии с ним было открыто во сне нищей Наташе, постоянной молитвеннице в храме, очень любившей своего батюшку, страшно огорчившейся его отъездом и кричавшей, что она не пустит его, что вымолит его у Бога. Как она молилась Богу — неизвестно, но только во сне она видит свой храм с раскрытыми дверями и Ангелов, расстилающих ковры от царских врат иконостаса к выходу. На вопрос ее — «что это?» — они ответили ей: «отец МАНУИЛ уезжает, но он очень скоро вернется». Так и случилось — он вновь вернулся в Ленинград.

Не посвящая верующих в подробности и характер своего пребывания в северной столице, поведал Владыка о том, как в сослужении десятков священнослужителей — иереев, диаконов и иподиаконов совершал он божественные службы, какое множество народа было на служениях его в храмах, как ловилось каждое его слово,каждое движение глаз и руки и как Милосердный Господь, дабы не возгордился он, одернул его и послал ему тяжелое испытание, а затем и наш град жестоковыйный. И от такой высоты величия,— волею Божией, Промысляющий о его спасении,— поставлен он был в такое положение, когда, за отсутствием живой силы, он иногда должен был сам и облачаться. Покорный Промыслу, он все это, с Божией помощью, нес благодушно и смиренно. Долго беседовал в последний раз с детьми своими Владыка, уча их познавать Промыслительную волю Всевышнего во всех случаях жизни, смиренно повинуясь ей с упованием на Него.

Западали слова его в скорбные сердца слушающих, смягчалась понемногу острота горечи разлуки и оставалась тихая скорбь, умиленная благодарность Господу за посланного, хотя и на краткое

время, отца-архипастыря и теплая любовь к последнему, переполнявшая сердца.

Окончил он свое слово и под общий плач собравшихся начал прощаться с ними. В это время певчие тихо запели «НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ», и так тихо, тихо... И повторили они это несколько раз, пока не закончилось прощание. Лишь впоследствии от уставщицы мы узнали, что это было сделано по распоряжению Владыки.

«Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром...» Поистине верный раб отпускался с миром, а души остающихся тонули в мраке скорби о том, кого имели, кого любили, но кого непрестанно огорчали окаменением сердца своего, а теперь теряли, теряли навсегда...

На следующий день после прощальной литургии, на которой Владыка помянул всех занесенных у него в помяннике живых серпуховчан и всех умерших, от прихожан бывшего Никольского собора ему была поднесена древняя икона Светлого Христова Воскресения с двенадцатью вокруг нее двунадесятыми праздниками в старинной сереброзлаченой ризе и адрес, в котором они указывают, почему так горька разлука с ним.

«ГЛУБОКОЧТИМЫЙ И ДОРОГОЙ НАШ АРХИПАСТЫРЬ ВЛАДЫКО МАНУИЛ!

Усердно просим Вас принять на молитвенную память от всех прихожан бывшего Никольского кафедрального собора — икону Светлого Христова Воскресения!

Пусть Ваши молитвы перед Св. Иконою этой воскресят в сердцах наших Евангельские заветы Христа и пробудят в нас истинно христианское настроение и любовь.

Мы прощаемся с тобой, дорогой наш Владыка, как с родным отцом. Мы прощаемся с тобой, Владыка, как со своим любимым учителем и учителем, верным нашей Православной Церкви. В тебе мы теряем «наставника душ и телес наших», мудрого советника в трудные минуты своей жизни и жизни церковной, которая так близка нашему сердцу.

Скажи, к кому мы теперь без тебя пойдем разрешать недоуменные вопросы нашей духовной жизни, кому мы будем изливать все скорби и нужды, накопившиеся в этой мирской суете, кипящей смрадом и злобой.

Скажи нам, как мы без тебя будем,— духовно слабые,— темные и страстные, искать свою тропинку для спасения души? Твои слова и проповеди будили нас, спящих, поднимали заснувшее чувство христианской любви — совесть просыпалась и отогревалось холодное, окаменевшее сердце!

А теперь?...

Прости нас, Владыка Святый, что в нас оскудела, а может быть, никогда и не была истинная христианская любовь друг к другу. Сознание это пробудилось под влиянием твоей пастырской жизни и проповеди! Помолись о нас и прости нам за столько скорбей, которые ты вынес за 21 месяц своего странствования среди нас и нашего града!...

Тебя поносили, Тебя судили, Тебя ненавидели и мы сами мало любили Тебя.

Прости нас лицемерных христиан, боящихся всех и вся из-за своей малой веры во Христа, ради Которого ты сам не имеешь ни угла, ни пристанища. В нашем городе среди зимы не нашлось крова, который бы приютил тебя среди нас, имеющих теплые жилища, уютно обставленные!

Теперь грозно звучат в наших сердцах и умах слова Спасителя: «СЕ ДОМ ВАШ ОСТАВЛЯЕТСЯ ПУСТ». Мы остаемся одни, одни со своей холодной любовью на устах, недостойные, чтобы ты жил с нами!

Провожая тебя, не нашедшего среди нас любви христианской, мы должны скорбеть более всего за себя и просить прощения и твоих молитв за наше нерадение перед тобой, за наше окаменение, дорогой, любимейший Архипастырь.

Земно припадаем перед тобой и просим прощения и твоего святительского благословения, а наипаче молитв, на которые сугубо надеемся, как на залог нашей взаимной, непрекращающейся духовной связи».

Так переживали горечь разлуки ближайшие дети духовные, прихожане бывшего кафедрального Никольского собора, что испытывали остальные жители нашего города, видно из других прощальных приветствий.

«ДОРОГОЙ НАШ ВЛАДЫКО!

Мы не знаем, как выразить на словах нашу глубокую сердечную скорбь вследствие оставления Вами своей Серпуховской епархии,— писали жители г. Серпухова.— С Вашим отъездом в такой тяжелый для Церкви дух времени, мы, лишившись такого великого Архипастыря, вполне осиротели. Но да будет на всех нас воля Господня! Ваше пребывание в нашем граде Серпухове и служение Св. Церкви представляли для Вас тяжелый Крестный путь. Вы приехали к нам в скорбные дни нестроения церковного и, не взирая ни на какие лишения, не щадя свое здоровье, как Пастырь добрый, все время заботились умиротворить отколовшихся от нашей Церкви братий наших. Вы своим великим смирением и своими архипастырскими

поучениями вразумляли их возвратиться в лоно нашей Апостольской Церкви. Вы ежедневно ходили с соборной горы в Никольский собор, встречаемый по пути насмешками и даже угрозами заблудившихся женщин — прихожанок Троицкого собора, но, как истинный Архипастырь, вы все оскорбления и уничижения смиренно перенесли и претерпели до конца и нас всегда призывали за них молиться.

При Вашем богослужении мы всегда переживали особое чувство умиления и расположения к сердечной молитве. Ваши поучения и проповеди никогда не изгладятся из памяти нашей, а совершаемые Вами по субботам великие панихиды и поминовения заставляли многих из нас со слезами молиться за всех усопших. Вы нас научили общему пению акафистов Св. Угоднику Божию СЕРАФИМУ и пению псалмов «ХВАЛИТЕ ИМЯ ГОСПОДНЕ».

Нам очень больно, дорогой Владыко, с вами расставаться, но, покоряясь Провидению Божию, остаемся в надежде, что Вы, хотя и уходите от своей паствы, но духовно в молитвах будете всегда с нами.

В заключение выражаем Вам, Преосвященнейший Владыко, глубокую нашу сердечную благодарность и испрашиваем на всех нас Вашего Архипастырского благословения».

Жители града Серпухова.
2 февраля 1930 года.

Кончились прощальные речи... Благословил Владыка народ свой, осенил его крестным знамением и отпустил с миром.

Ангел молитвы отлетел от нас...

Закатилось наше солнышко...

ДЕНЬ ОТЪЕЗДА 4/II-1930 ГОДА

Четвертое февраля 1930 года — день его отъезда... Такой солнечный, светлый, ясный...

Господь как бы хотел обласкать отъезжавшего... Конец его пути у нас Он осветил солнечным блеском; светлой торжественностью голубого неба, алмазными искрами сверкающего снега... Это было полно глубокого смысла... Солнце... Свет... красота провожали того, кто был светом и солнцем для многих, многих душ.

Вот уже три с половиной часа — момент отхода поезда... Ты на работе, а мысли и душа там, с отъезжающим... Солнечный свет меркнет постепенно, но быстро... темнота надвигается... И он, наш Пастырь, наше солнышко, подобно тому солнцу — уже за пределами нашими...

МЫ — ОДНИ!... Господь близ нас и теперь, но ушел тот, кто помогал нам находить Его в сердце своем, сами же мы не научились еще этому — оттого-то так смертельно холодно и пусто на душе...

Для скольких душ наступила тоска и тьма душевная... Сколько сердец сжалось с нестерпимой болью, провожая отца своего, как бы уже умершего... Сколько жгучих слез одиночества прольется в тиши... Слезы... скорби... тьма... одиночество...

Ушел тот, кто питал душу, кто был ходатаем перед Господом за нас недостойных, каждым шагом своих оскорбляющих Отца Небесного, и скорбит душа смертельно. Нет того, кто на крыльях молитвы поднимал ее к небу...

Так жадно рвалась она к солнцу, горячему, гревшему, оживлявшему... к нашему бесценному Пастырю, чье сердце принимало всякого, как блудного сына, возвращавшегося под кров отчий, чье сердце согревало застывшие души своей добротой и лаской, пробуждало в них звуки небесные, раскрывало их очи духовные, делало их смиренными и звало их к Жизни и Свету, к Распятому Господу!

Но, нет уже его с нами!...

Такими словами закончила свой рассказ чудная сказительница.

СЛУЖЕНИЕ В КАДАШАХ

(1930—1933 гг.)

Еще в древности за Москвой рекой находилась слобода под названием КАДАШЕВО. Здесь в конце XVII века «гостями Добрыниными» (Кондратом и Лонгином) был сооружен двухэтажный храм: верхний во имя Воскресения Христова, а нижний — Успения Божией Матери. Впоследствии этот храм в Москве стали именовать просто Кадашевским, а бывшую слободу — Кадаши.

В этом-то храме после ухода на покой Епископ МАНУИЛ и продолжил свое служение Церкви. Он поселился здесь же при храме в верхнем помещении на колокольне.

В Кадашевском храме настоятелем церкви был тогда небольшого роста прот. Димитрий. Ему сослужили священник Константин и диакон Василий Прокофьевич.

С приходом туда Епископа МАНУИЛА жизнь в храме заметно оживилась, и люди потянулись к новому святителю.

Служение Преосвященного МАНУИЛА в Кадашах носит в себе исключительно отпечаток духовничества. Здесь уже он был скорее всего духовником, облеченным высоким саном, чем епископом. В Кадашах у него образовался особый круг духовных чад, человек около 200, которыми он духовно руководил, лично исповедывал и давал духовные советы.

Церковь Воскресения в Кадашах

За ним замечали свои особенности и в исповеди и служении. Приходил он в церковь обычно раньше всех, быстро проходил в алтарь, сам облачался и тут же выходил на клирос, где его ожидала целая толпа исповедников.

— Со страхом прохожу мимо этой очереди,— говорил святитель. И начинал читать молитвы и исповедь подробную, со всеми грехами, и затем к нему подходили по очереди, но не всегда... Тогда он выбирал из толпы, называл по именам и звал через всех самых

последних. Тех, кто долго не исповедывался, кого смущал чем-нибудь враг, кто был болен. Исповедывал он так, что вечно бы простоял около него в этой исповеди... Так ласково, ласково... Таким он был любящим, нежным. Казалось бы всю душу ему можно было отдать в это время...

Епископ Мануил, 1931 год

Но вместе с этим и страшно было. Страшно было потому, что он-то был в это время неземной... Он иногда вдруг и скажет самое то, чего нельзя было сказать... Почему-либо не хотелось сказать. Подробной исповеди не требовал, но, безусловно, требовал чувства покаяния, благоговения, желания быть постоянно с Господом... Он во время исповеди не спрашивал много — так, в нескольких словах, самое главное, и что было драгоценно,— он сам говорил и говорил так утешительно-благодатно, так врачующе-спокойно...

Когда Владыка исповедывал, то поверх эпитрахили клал свою руку. И удивительное дело: если болела голова, то она тут же проходила и появлялась какая-то удивительная приятность, легкость.

Если бывали думы гнетущие, томительные, то они настолько чувствительно исчезали, что о них даже вспоминать не хотелось. Такое впечатление было, что он, взяв скорби, грехи, думы,— все впитывал в себя как губка.

Начиналась обедня, и Владыка уходил в алтарь. Сделав первый возглас, он шел к жертвеннику, куда мальчики приносили на подносе массу просфор. Он их разбирал и клал отдельно...

Ни одна фотография, ни один самый лучший художник не мог бы нарисовать достаточно то лицо, какое в это время бывало у святителя... Светлое, светлое... Сосредоточенное, самоуглубленное...

Он прочитывал тысячи имен, и это для него все было живое, дорогое, любимое... Взяв просфору, он делал над ней знамение креста копием и затем, прочитав имена на записке, вынимал быстро, быстро одну частицу за другой. Он жил этим... Это была его душа... Он вынимал тысячи, а может быть, и десятки тысяч частиц...

Один человек получил от него просфору в Серпухове в 1928 году на Введение во храм Пресвятыя Богородицы. В этой просфоре было вынуто 811 частиц. И ему еще этого было мало... Он ценил, берег записочки народные, а особенно о упокоении...

«Я не помню, чтобы я когда-нибудь порвал или уничтожил хоть одну заупокойную записку»,— вырвалось у него при каком-то случае. Он берег их, эти записки, как сокровище, и сам писал бесконечные синодики...

Тут был и синодик «любящих поминать покойников», «любимиц Богоматери», «умерших от чахотки». Синодики сибирские, петроградский, серпуховский, московский... Помянники подвижников, их родителей и друзей, которых приходилось поминать в тот день. И при этом в одной молитве, которая была им самим составлена, он просил:

«Господи! Да не напрасно пишу я эти Синодики, чтобы они лежали, но чтобы поминали их люди».

Его горячая душа хотела вечно, вечно слить в своем сердце дорогих ему почивших и их поминать. Почивших же у него было великое множество.

«Они сами как будто проходят предо мною и просят меня поминать их»,— говорил Владыка.

А сколько было явлений, сколько благодарности из потустороннего мира. Сколько снов, удостоверяющих, что это правда, молитва его принята была Господом Богом.

И, раз записав, Владыка уже всегда поминал того человека, помнил день его смерти, день его рождения и т. д.

И люди писали записки с сотнями имен своих близких... А Владыка собирал тех, кого никто не поминал, о ком никто не молился... О умерших в больнице, о неведомых странниках, юродивых, скитальцах...

Часто и так бывало, что он заинтересуется чьим-либо поминанием, где много старцев записано, и спрашивает: «Чье поминание?» А затем начнет расспрашивать, откуда этот человек и как он знал этих старцев, а там, смотришь, и все житие этого старца или юродивого или странного запишет...

Пламенная любовь к поминовению усопших заставляла его нести большой крест людских недовольств. «То он бегал от престола к

жертвеннику»,— «то затягивает службу поминаниями»,— то еще что-нибудь.

Но Владыка болел душой, страдал и дела своего не оставлял. Каждую субботу совершалась обедня заупокойная.

Но одними службами и исповедью в церкви святитель не ограничивался. Он очень часто посещал своих духовных чад в городе и даже в пригородах Москвы, служил у них в квартирах молебны, панихиды, соборовал, причащал или же запросто бывал у них в гостях, отдыхал, писал, беседовал. Все эти посещения строго были по расписанию. Иногда они сопровождались необычайными явлениями.

«Однажды*,— рассказывал святитель,— я назначил в 12 часов быть на Полянке у Лобовых. Но неожиданно ко мне приехали гости из Серпухова и задержали меня. На Полянку я приехал только в четверть второго дня. Прохожу к Лобовым, чтобы отслужить у них молебен и говорю:

— Извините меня, что я так запоздал, на 2 часа.

А те вдруг отвечают: «Что вы? Вы в самый раз пришли. Наш герой только что пришел со службы, его сегодня там задержали». А этому герою как раз и надо было служить молебен. Посидел у них немного и думаю: «Надо идти».

— Подождите,— просят хозяева.

— Нет, не могу,— отвечаю им,— какой-то голос говорит мне: «иди, женщина дожидается тебя на улице».

Двадцать минут пятого вместо половины четвертого я попадаю наконец к Марфуше. Нюра ждала меня на улице.

— А я так, Владыка, молилась сегодня,— встретила она его такими словами,— чтобы Вы запоздали, ведь к нам приходил комендант дома — и Вы бы и я попались.

От Марфуши иду к Б... на Даниловку. Туда прихожу без двух минут шесть вместо четырех. И здесь новое явление. Оказывается в 4 часа, как нарочно, собрались все соседи на кухне, и Таня молила Бога: «Господи, внуши Владыке, чтобы он пришел не в 4, а в 6».

Так дивно ограждал Господь святителя в его служении духовным чадам и страждущим людям.

К чему приучал он своих духовных детей и каков был его взгляд на монашество в современных условиях жизни, ясно свидетельствуют об этом сохранившиеся его наставления и рассуждения.

«1. Ничего не делать без моего благословения,— поучал святитель одну непослушную дщерь.

* Это было 17 декабря 1932 года

2. Перед всеми смиряться и всем ниже всех кланяться.

3. С благодарением и со слезами умиления принимать поношения, биения, оклеветания и т. д.

4. Всем сердцем и умом своим служить своему старцу во всех его делах, просьбах и поручениях.

5. Не укорять его за строгое (за «несправедливое») пристрастное отношение ко мне, утешая себя, что «он испытывает меня».

6. Не осуждать его ни в чем и стараться прикрывать его слабости и погрешения молчанием, а в среде людского злословия — убеждением — не заниматься этим скверным и пагубным делом.

7. Согласно его общего благословения **добиваться** откровения всех своих помыслов не менее двух раз в месяц.

8. Никогда ничего не скрывать от него (хотя бы из боязни наказания или стыда) **и не лгать ему.**«

Наставление чисто старческое, требующее от чада полного послушания, смирения, терпения, неосуждения, откровения помыслов, правды и твердого убеждения в справедливые и спасительные деяния старца.

На монашество в миру святитель смотрел отрицательно.

«Многие из стремящихся к монашеству,— записывал он мысли на лету,— спрашивают меня часто, могут ли они рассчитывать на постриг, хотя бы в малый рясофор. Напоминательно отвечаю им: при современных условиях жизни нашей к чему брать на себя еще новую тяжесть СУГУБОЙ ответственности за даваемые при постригах обещания и обеты и нравственные обязательства.

Как говорят современные старцы: **1) удались в пустыню своего сердца — и благо ти будет; 2) совершай пустынножитие среди людей и соблазнов мира и благоустрояй мир среди смятений мира сего — и сугубую милость Божию получишь за сие.**

К чему в таком случае все эти одежды черные и обязательства молитвенные, когда мы основного сего не сумеем приобрести. Поэтому, старайся навыкнуть к молчанию уст, мыслей и сердца чрез постоянную борьбу твою с искушениями врага рода человеческого. Молчание породит смирение и сознание своей греховности и недостоинства перед очами Божиими и даст тебе нравственную силу на дальнейшую борьбу за осуществление того мира душевного, который приобретается нами годами борьбы с самим собою.

В борьбе не ослабевай, а мужайся как истинный воин Христов".

Жизнь в Кадашах в материальном отношении была трудной. Из церковной кружки Епископ МАНУИЛ отказался совершенно получать.. Жил исключительно на подаяние своих духовных чад. И

бывали случаи, когда казна его совершенно оскудевала, но и быстро восполнялась небесною помощию.

В 1931 году 21 сентября по ст. ст. в день памяти святителя ДИМИТРИЯ Ростовского ему неожиданно принесли 300 рублей на дрова, в то время как у него почти не было ничего. В этом он увидел только чудо. И подобных чудес у него было немало.

ОППОЗИЦИЯ

Старец-епископ по-прежнему был на страже чистоты Православия и внимательно следил за раскрытием событий, происходивших в церковной жизни, и особенно за деятельностью митрополита СЕРГИЯ (Страгородского), бывшего тогда Заместителем Патриаршего Местоблюстителя. Не все нравилось святителю в поступках митрополита. А некоторые поступки его просто печалили и приводили в какой-то страх.

Еще в Серпухове 28 июня 1928 года он получил письмо из Ленинграда, в котором сообщалось, что епископа Григория (Лебедева) переводят в Феодосию, а на его место намечают прот. Николая Либина. Святитель был весьма огорчен последним известием и в дневнике своем под тем же самым числом со скорбью написал: «Если это правда, то за такое беззаконие М. С. (Митр. Сергий - *автор*) ответит перед Богом и людьми и остатки уважения к себе потеряет в среде верующих»*.

Но тогда это все переживалось только лично, наедине. И такие поступки Заместителя можно было еще терпеть. Но наступил момент, когда сердце Епископа МАНУИЛА не вытерпело.

Однажды** он взял газету и стал читать. Его заинтересовала одна статья, или, вернее, интервью митрополита Сергия какому-то иностранному корреспонденту, где Заместитель на вопрос корреспондента: «Почему у вас многие храмы закрыты?» — отвечал, что они потому закрыты, что верующие сами закрыли их, некому стало молиться и сами замки повесили.

Сердце Епископа вскипело. Из уст митрополита он услышал ложь. Ложь непростительную для иерарха, стоящего во главе высшего церковного управления. Гнев на Заместителя настолько был велик, что он прекратил возношение его имени за богослужением и не поминал митр. Сергия около года. А когда в мае 1931 года отпевали архиепископа Мелхиседека (Паевского), он сознательно уклонился от участия в погребении сего святителя, не желая входить в молитвенное общение с первоиерархом.

---

* Мысли на лету. Серпухов, 1928 год.

** Это было в 1930 или 1931 году.

Заместитель знал об этом, но никакого взыскания не налагал, а только переживал и мучился в своем сердце. А когда истек почти год, он вызвал его в Патриархию и в присутствии членов Синода заявил: «Вот человек, который не убоялся открыто высказать мне правду в глаза». И, обратясь к Епископу МАНУИЛУ, сказал: «Ну что ты делаешь, Мануильчик? Народ ведь смущается! Пора поминать».

Сердце Епископа смягчилось. Последовало примирение. И имя Заместителя с этого дня стало возглашаться за богослужениями в храме, где служил Епископ МАНУИЛ.

ЛИШЕНИЕ И УТЕШЕНИЕ

В конце 1931 или в самом начале 1932 года святитель был лишен свободы. Это было для него новым испытанием его веры, его мужества, его любви к Богу.

Одинокая, холодная камера, голые мрачные стены... А сколько мыслей, сколько переживаний!? Тяжело, вспоминая о духовных чадах, о службах. Как хочется на свободу, но увы... кругом толстые стены, решетки. И снова думы, думы... Думы не только о малом Христовом стаде, но и о судьбе Русской Церкви. А однажды так гнетуще встал вопрос: «Не наступил ли конец всему светлому, святому? Где найти ответ на все это? И мысли, как червь, точили его сердце.

Под тяжестью дум он заснул. И видит святитель, как будто бы он находится в длинном бараке с четырехярусными полками. Идет он медленно вперед и видит, что по одну и другую стороны барака на полках лежат со скрещенными руками знакомые ему усопшие архиереи. Вот и другой конец барака. Здесь стоит диван, а на нем лежит усопший Патриарх ТИХОН. Он тихо подходит к покойному и останавливается. Вдруг Святейший оживает, быстро вскакивает с дивана, подходит к нему, обнимает его крепко и возглашает трижды: «Я жив, я жив, я жив!» И с этими словами он снова ложится на диван и погружается в вечный покой.

Святитель просыпается... И понял он тогда, что Церковь Русская не умрет, что будет обязательно восстановление патриаршества в Русской Церкви в лице трех патриархов в очередной последовательности*.

А в ночь на 2 февраля н. ст. 1932 года в день празднования иконы Божией Матери «Отрада и Утешение» под утро святитель видит знаменательный сон.

* Один был — Патриарх Сергий, другой существует — Патриарх Алексий, а кто будет третий — пока неведомо, но он будет. Теперь известно кто — Патриархи Пимен и Алексий II.

Все дни перед этим он очень беспокоился о судьбе своих домашних и брата и неоднократно просил ВЛАДЫЧИЦУ послать ему какое-либо утешение. И вот, как бы в утешение и вразумление о грядущей его судьбе, он видит себя входящим в какой-то храм. В храме и в алтаре полная темнота и почти мертвая тишина. Идет начало утрени и читают шестопсалмие.

В алтаре пред престолом стоит умерший Московский Митрополит ФИЛАРЕТ в полном, темном облачении и митре. Он читает светильные молитвы. Кругом престола в два ряда стоят священнослужители, почти все в мантиях; все молятся в полнейшей тишине.

Владыка стоит в стороне от круга лиц, окружающих престол, около жертвенника, и смотрит на митрополита ФИЛАРЕТА с чувством грешника, ожидающего милости; наконец, он приблизился к северной стороне (правой), чтобы поближе встать к митрополиту ФИЛАРЕТУ. Последний долго и скорбно смотрел на него, но не сказал ему ни слова.

После этого Владыка видит себя в другом храме (расположенном рядом с алтарем сего, только что виденного храма). С северной стороны алтаря, несколько наискось иконостаса, стоит икона, кажется, по письму похожа на Чудотворную «КОЗЕЛЬЩАНСКУЮ» икону Божией Матери. Она средних размеров, приблизительно 16—20 верш., вся сверкающая, в перламутровой ризе, от которой исходят бесчисленные лучи.

Перед ней полукругом стоит много духовенства в белых, блестящих ризах. В храме полное, ярко освещение: идет ВЕЛИЧАНИЕ Божией Матери, и Владыка слышит необыкновенное, великое пение, совсем особенное, не похожее на существующие песнопения в честь Божией Матери, необыкновенно проникающее в сердце,— стройное, небесное пение, т. к. таких слов ВЕЛИЧАНИЯ, а главное, такого умилительного напева сего величания он никогда и нигде раньше не слыхал. Он хотел облачиться, чтобы принять участие в величании, но ризы подходящей не оказалось почему-то, и он остался стоять в стороне, словно Божия Матерь на этот раз не пожелала его служения Ей.

Долго размышлял он над этим сном не только в темнице, но и будучи уже на свободе. Его занимало в основном значение КРУГА служащих вокруг митрополита ФИЛАРЕТА, вокруг Иконы Божией Матери.

Значение **круга** истолковал он тогда так:

Круг — завершение всего земного.

Круг — Символ вечности.

Круг — БОГ.

Круг этот мистический.

Круг церковный — богослужебный порядок всего года в честь все святых и церковных событий. Еккл. 1, 6; Иов. 22, 14; Ин. 3, 6.

Впоследствии он делился об этом сне с духовной дочерью — Старицею Софиею. И она дала ему такое толкование.

«Завершенный круг монашествующих, молящихся в мертвой тишине — не есть ли символ того, что монашество — в том виде »внешней формы и внешнего делания", который оно приняло в последнее время,— умерло. Возрождение его может быть лишь «в духе его, а не во внешних формах», так же как и христианство, и в частности Православие, вступают в стадию такого состояния своего, когда «храм Божий должно искать в сердце своем». Дух смиренного сознания своего ничтожества, дух младенческой веры и деятельной христианской любви — вот что должно быть основание Церкви"*.

Но какое бы истолкование и значение не придавалось сну, одно остается верным, что таинственные сны утешали Епископа МАНУИЛА и ободряли его в тяжелые дни томления в застенках казенного дома. Он как бы жил этими таинственными снами и с терпением совершал путь своего подвига. А они очень часто повторялись.

Так, в феврале, марте и апреле 1932 года он трижды видел сон о св. Плащанице.

Первый раз это было 11 февраля по новому стилю и ПЛАЩАНИЦА стояла в каком-то неизвестном храме в Москве.

Второй раз сон повторился 1 марта и ПЛАЩАНИЦА находилась как будто в храме, похожем на Свято-Троицкий Собор Александро-Невской Лавры в Ленинграде.

Владыка стоял на хорах с путеводителем по храму ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ в Москве и альбомом с фотографиями архиерейских процессий и сравнивал фотографическое изображение крестного хода, имеющееся в путеводителе, с тем, что происходило якобы наяву внизу.

Внизу также шел крестный ход во главе с епископом Подольским Московской епархии — Иннокентием, но крестный ход шел в чрезвычайном беспорядке, духовенство шло вразброд, не попарно, как всегда, и разговаривая.

Владыка, скорбя об этом, обратился к какому-то лицу, стоявшему рядом, и, указывая на изображение крестного хода в путеводителе, сказал: «Вот, что было раньше и что стало теперь». Когда народ вышел из церкви и она опустела, он сошел вниз в храм и, проходя по нему, сказал находившемуся тут старику — церковному монаху: «Ну вот и Страстная Пятница прошла и Великий Пост кончился». С

* Письмо старицы Софии с Епископу Мануилу от 15 октября 1932 года.

этими словами он вышел из храма в сад Лавры и пошел по опустелым дорожкам.

Наконец, *третий раз* ПЛАЩАНИЦА явилась ему во сне 1 апреля в Москве, в Кадашевской церкви, причем положение ея было необычайно,— СПАСИТЕЛЬ лежал Пречистыми ножками к выходу.

Для него эти сны имели опять-таки мистический смысл.

Каждая ПЛАЩАНИЦА, размышлял тогда святитель над виденными снами,— это полный круг великопостных служб, совершаемых 49 дней. Три ПЛАЩАНИЦЫ — три великопостных круга =147 дней. И когда подсчитал он дни своего пребывания в заключении, то вышло 147 дней.

Приведем еще два сна, бывшие ему в заключении.

26 апреля 1932 года (по н. ст.) во вторник на Страстной Владыка видит в тонком сне утром (это было перед утренним чаем в заточении) — следующее:

Он со своим келейником Георгием приходит будто бы в патриаршие покои Донского монастыря в приемную, но не ждет очереди на прием, так как никого в ней нет. После нескольких минут ожидания, Святейший Патриарх ТИХОН выходит из своего покоя с иконой «ВЛАДИМИРСКОЙ» Божией Матери и благословляет его сей святыней. Икона была больших размеров, приблизительно вершков около 12×16.

В том же 1932 году, в заточении своем, 4 мая нового стиля, под утро, Владыка видит, что он находится в каком-то большом особняке, во втором этаже, разделяющемся на две половины широким коридором. В той половине, где находится он,— большая палата, по стенам уставленная койками, на которых лежат и спят неизвестные люди.

Прямо против входа, ближе к выходу, стоит кровать, на которой лежит архиепископ Феодор, настоятель Даниловского монастыря. В правом углу палаты, ближайшем к выходу, стоит аналой и перед ним молится Святейший Патриарх ТИХОН. Он в обычном своем Патриаршьем куколе с крестом и двумя панагиями. Сам Владыка находится в этой же комнате около двери, но бодрствует. Вдруг он видит, что Святейший Патриарх падает и падая Святейший роняет аналой с книгами и как бы все это прикрывает тяжестью своего плеча, но падает лицом к окружающим.

Владыка быстро подходит к Святейшему, чтобы помочь ему, но последний уже лежит на полу, и Владыка, наклоняясь к нему, видит, что Святейший умирает на его глазах.

Тогда он подходит к архиепископу Феодору, будит его и говорит: «Ваше Высокопреосвященство, Святейший Патриарх умирает». Он

не сказал «умер», потому что боялся сразу встревожить архиепископа Феодора. Последний на слова Владыки ничего не ответил, а протянув неопределенное «а-а-а», повернулся на другой бок и промолчал, словно заснул.

Владыка выбежал из комнаты по коридору за людьми, которые могли бы поднять Патриарха и перенести его. Возвратившись с людьми, преимущественно молодыми, он велел им пройти к окну комнаты, а сам наклоняется к Патриарху, берет его за главу, чтобы приподнять его.

Вдруг видит, что умерший Патриарх возвращается к жизни, открывает глаза, охватывает его плечи своими руками, как бы цепляется за него с желанием встать, причем вся тяжесть тела его, поднимаемого, легла на плечи Владыки.

Обращаясь к нему, Святейший тихо говорит: «Что это за люди, откуда они? Ведь я не умер, я жив. Ты никому не говорил, что я умер? Не надо говорить, что я умер, ведь я жив».

После этого Владыка повел с помощью подошедших молодых людей Святейшего в другую комнату, расположенную напротив этой, где стоял среди другой мебели диван трехместный с обивкой сиреневого цвета, на который и усадил Святейшего. И вот, сидя уже на диване, Святейший произнес:

«Надо еще потерпеть, надо подождать, а недели через 3—4 я и совсем выздоровлю».

Во время перехода Патриарха в другую комнату проходил архиепископ Ювеналий, но он почему-то повернулся к Владыке и Патриарху спиной, как будто не желая их видеть.

147 дней пробыл в разлуке с духовными детьми святитель, утешаемый и ободряемый от Господа разными видениями. В конце мая 1932 года он был уже в кругу своей родной семьи.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ СНЫ О МИТР. СЕРАФИМЕ (ЧИЧАГОВЕ) И ОТНОШЕНИЕ ЕП. МАНУИЛА К ПОСЛЕДНЕМУ И МИТР. АЛЕКСИЮ (СИМАНСКОМУ)

Ни о ком так не снилось много святителю, как о митрополите Ленинградском Серафиме. И сны о нем действительно были знаменательны. Еще будучи в Серпухове, Епископ МАНУИЛ 28 июня 1928 года записал в дневнике: «Днем видел во сне М. Серафима. Будто он лежал в церкви, к народу обращенный лицом, весь худой, несчастный. Я был с ним рядом и поддерживал его. Видом своим походил на отрока лет 10—12. И вдруг он весь разросся, распух, раздулся. И лежал головой к алтарю, почти голый. Мерили температуру и объявили 37,8 °. Он хныкал и искал поддержки во мне, а мне было его очень жалко»*.

* Мысли на лету. Серпухов, 1928 год.

Два сна через несколько дней один за другим святитель видел в сентябре (1 и 6) 1932 года.

Первый сон снился ему в деревне в Волоколамском уезде 1 сентября на новый церковный год.

«Вижу я серое небо,— рассказывал Владыка,— мерзлая погода... И не разберешь ни то осень стоит, ни то весна — погода неопределенная... И вот я стою. Чувство такое было и серое небо кругом, мерзло... и вижу (ужас охватывает меня), передо мной лежит митрополит Серафим Чичагов в белом облачении с кровавыми пятнами на лице, с разбросанными крестом руками...

Я гляжу и думаю: «Убит!»

Так стало тяжело... с ним что-то должно случиться.

Сон этот означал, что события разыграются с его *моральною?* смертью и будет это в течение наступающего церковного года.

Это был первый сон.

Действительно, вскоре арестовали Владыку Никандра и для митрополита Серафима начался ряд неприятностей.

Второй сон. Все в той же деревне Волоколамского уезда, через 4 дня после первого сна.

Было это 6 сентября 1932 года. Опять на дворе стояла слякоть; серое небо, как и в первом сне... Мерзлая погода... И мимо меня быстро, быстро, страшно похудевший, в темной рясе, без клобука и панагии идет митр. Серафим, как простой монах.

Я говорю: «Владыка, Владыка»... Он не слушает и ушел от меня... Я понял, что он лишен митрополичьего клобука... так и он будет арестован,— а отнятие панагии означает отнятие той власти, какую он имел...

Первый сон был 1 сентября, второй сон — 6 сентября,— через 4 дня после первого.— Он ушел от меня без панагии и клобука.

Это означало, что события церковные с ним произойдут в начале будущего года...

И действительно, 22 сентября 1933 года митрополит Серафим уволен на покой".

В том же году 30 сентября Епископ МАНУИЛ видел во сне митрополита Серафима в черной рясе и клобуке, быстро, быстро идущего куда-то вперед, но до неузнаваемости исхудавшего. Владыка даже заметил ему: «Как вы исхудали», но тот ничего не сказал на это и быстро ушел вперед.

Частые сновидения о митр. Серафиме объясняются тем фактом, что для Епископа МАНУИЛА не безразличной была жизнь Ленинградской паствы и отношение к ней Ленинградского митрополита. Как никак, а ведь он кровью своею отстоял Православие в Ленинг-

раде и исторг из челюстей обновленческого раскола многочисленные приходы. И то, как теперь поступает там митр. Серафим, было постоянной его тревогой.

Из этой тревоги и складывалось его отношение к последнему.

Митрополит Серафим не мог дать того, что жаждал народ. Он поддерживал многие недостатки епископов, живших в Петрограде, и убил народное доверие к своему сану. Злоупотребляя своею властию, он впоследствии стал совершенно подневольным.

Отсюда, естественно,— отношение Епископа МАНУИЛА к последнему не могло быть возвышенным. Оно было только терпимым и страждущим. Временами какая-то горечь возникала внутри сердца святителя и ему становилось как-то скорбно за поступки Ленинградского митрополита.

«Мне бесконечно жалко митр. Серафима,— говорил Епископ МАНУИЛ своим близким.— Он обошелся со мной, когда я ездил в Ленинград*, как свинья с маленьким поросенком. Он был у власти, он все время думал только о табаке и о своих земных делах».

Вообще отношения между двумя иерархами были не только натянутыми, но временами обостренными. И обострялись они отчасти духовными детьми Епископа МАНУИЛА, жаждавшими видеть своего духовного отца в Ленинграде, а отчасти и самим митр. Серафимом.

После отъезда святителя из Ленинграда в Москву, где он был по личному делу в 1933 году, какое-то неизвестное лицо написало митр. Серафиму, в котором говорилось: «Тебе, старому, не место здесь, не тебе быть здесь митрополитом, а Епископу МАНУИЛУ, ты пустое место».

Митрополит обиделся и, подозревая в последнем дело рук Еп. МАНУИЛА, написал митрополиту СЕРГИЮ: «Владыка МАНУИЛ хочет занять мое место, он ненормальный».

Одна из духовных чад святителя, Мария Николаевна, объяснила тогда митр. Серафиму, что Владыка МАНУИЛ ничего не знает о письме и что среди духовных чад Владыки есть разные, слишком пылкие личности. На это митр. Серафим заметил ей:

«Да, я раньше Владыку МАНУИЛА очень любил, он был моя правая рука в борьбе с иосифлянством и остатками обновленчества, но мне не нравится, что его окружают женщины, которые могут погубить и его и храм. Я потому поступил с ним так, что хотел видеть его смирение. Каждый любящий отец наказывает свое дитя на пользу. То, что его постоянно окружает толпа, мне не нравится, точно за папой Римским бежит толпа народа».

* В 1932 году.

Высказывание митр. Серафима о Епископе МАНУИЛЕ вполне откровенное и определенное — ему не нравилось его окружение, потому, оказывается, и можно было поступать с ним не только холодно, но и «по-свински».

Это чувствовал и сам Еп. МАНУИЛ и его Ленинградская паства. Но если сам он прощал митр. Серафиму такое к нему отношение, то паства нет. Народ называл последнего просто «стариком» и «жандармом», а некоторые даже «старым хрычом».

При проводах митр. Серафима было очень много народа, но все почти пришли поблагодарить Бога за то, что он уходит. Были слышны отдельные голоса в толпе:

«Ну, вот в течение пяти лет это было пустое пространство, ему нужно было уже давным-давно уйти на покой самому, а не ждать, что его попросят удалиться».

Митрополит Серафим говорил речь, что ему тяжело расставаться с духовным миром, но что Господь его наказывает за его грехи:

«Прости меня, я с некоторыми поступал несправедливо, я так бы хотел умереть в духовном сане и прошу помощи Преп. СЕРАФИМА Саровского, который однажды спас меня при открытии мощей от смерти. Я призываю Его святое имя, прошу и ваших молитв о себе. Я сознаю, что в тягость народу, но пожалейте мою старость, мою болезнь и помолитесь за меня».

Не совсем теплое отношение сложилось у епископа МАНУИЛА к тогдашнему архиепископу Хутынскому Алексию (Симанскому). Надо сказать, что последнего епископ МАНУИЛ просто недолюбливал за его официальность и, конечно, опасался его назначения в Ленинград.

Весной 1933 года святитель был у митрополита СЕРГИЯ. Последний заявил ему, что Симанский никогда не будет назначен в Ленинград. И он был успокоен таким ответом. Но спустя некоторое время все вдруг изменилось. Митрополит Серафим был уволен на покой, а вместо него назначен Алексий (Симанский) в сане митрополита. Значит, что-то произошло непредвиденное*.

Епископ МАНУИЛ БЫЛ ГЛУБОКО опечален не за себя, конечно, а за народ. Последнего ему было очень жаль. В разговорах с близкими Епископ МАНУИЛ высказал тогда, что цель назначения митрополитом Ленинградским Алексия Симанского — опустошить душу народа.

* А непредвиденное было то, что епископу Мануилу предлагали в октябре 1933 года Ленинград, но он решил сначала подумать, и, пока он думал, архиепископ Хутынский Алексий успел заявить о своей лояльности и получить назначение. Когда на следующий день епископ МАНУИЛ пришел в Патриархию, епископ Питирим (Крылов) встретил его и сказал: «Все уже кончено, Архиепископ Алексий опередил вас.»

— Этот человек,— говорил святитель,— официальный, он и в прежнее время был официален... Он будет далее от народа и более недоступен, чем митрополит Серафим Чичагов.

Народ ожидал назначения в Ленинград епископа МАНУИЛА, и, когда узнали, что митрополитом будет АЛЕКСИЙ, многие председатели приходских Советов были настолько встревожены за участь своих церквей, боясь обновленчества, что ушли от встречи. Встреча была очень сухая. Схимонах же Варнава сказал о нем: «Он сам чувствует, что не на месте».

Но если сам святитель не совсем тепло относился к митрополиту Алексию, то последний к епископу МАНУИЛУ относился не только холодно, но временами даже враждебно. Такое отношение сложилось, конечно, под влиянием разных поддельных писем, ходивших по Ленинграду от имени епископа МАНУИЛА, в которых составители старались наговорить всякую нелепость на последнего и представить его пред митрополитом, как человека, подрывающего его (митрополита) авторитет .

В одном из таких писем говорилось, будто-бы епископ МАНУИЛ видел митрополита Алексия одетого в красную мантию, с рогами на голове и с копытами на ногах.

Пришлось святителю опровергать подобную нелепость вопросом: «А был ли хвост?» Ответили: «Хвоста никто не видел».

— А как же можно представлять митрополита в образе беса без хвоста? — смесясь заявил епископ МАНУИЛ.

Все эти факты довольно печальны, но они, как тень, следовали по пятам двух видных иерархов, и их взаимоотношение оставалось чисто официальным и таковым оно продолжалось и в последующие годы.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ПРЕБЫВАНИЯ ЕПИСКОПА МАНУИЛА В КАДАШАХ

В сентябре 1933 года Епископ МАНУИЛ скромно и тихо отпраздновал 10-летнюю годовщину своего архиерейства.

По-прежнему он продолжал трудиться на духовном поприще, окормляя своих чад духовною пищею. Время шло, а с ним невидимо приближались дни разлуки. Наступил зловещий декабрь. Ему предложили занять Новосибирскую кафедру, но он отказался. Его пугал суровый климат Сибири. Тучи сгустились. Это чувствовали и сам святитель и его паства. Разлука... Как она тяжела для любящих сердец. Святитель составил специальную молитву к Ангелу Кадашевской церкви в надежде, аще возможно, да продлит он его общение с духовными чадами хотя бы до праздника Рождества Христова.

• Страничка из дневника. Чебоксары, 1956 год, ноябрь, стр. 22.

«Небесный Заступниче церкви Кадашевской,— молился святитель,— данный ей Господом Ангеле Божий! Се по воле Его святей приял еси мя под крыле свои и чад моих, яже ми даде Господь. Се, яко кокош собирает птенцы своя, тако приял еси всех скорбящих нас от туги житейской и обремененных грехи многими, утешая и ободряя нас в плавании нашем по морю житейскому, управляя нами.

Неотступен буди от нас Святый Ангеле! Не попусти скорби коснуться скорбным сердцам людей, приходящих семо, покрый нас кровом крыл твоих и злобе сатанинской не попусти коснутися святому храму сему, да Рождение Христа Спасителя Бога нашего срящем в веселии и радовании.

Молитвы наши принеси ко Престолу Божию не токмо о мне и о чадех моих, но и о тех, иже не с нами суть, наипаче же во узах, в темницах, в заточениях, в горьких работах, лишенных утешения воспевать в сей великий и радостный день хвалу Рождшемуся Христу. Помяни рабы Твоя сия: брата моего Андрея, иже мене ради многия вины терпит. Укрепи его и соедини с нами. Да купно Господа радостно восхвалит. Р. б. Симеона, иже в храме сем приметатися возлюбих, и иных всех, иже с ними суть.

Умоли милосердие Божие о гресех наших и обеты наша ко исправлению приими, да восхвалим Рождество Христа Бога нашего, и Пречистую Матерь Его, и Тебе, Честнейший служителю Его, Святый Ангеле ныне и в бесконечные веки. Аминь».

Вместе с ним молилась и паства.

«Светоносный Ангеле Господень, церкви Кадашевския Хранителю! Не остави нас грех ради наших. Не попусти скорби коснуться недостойных сердец наших. Виждь желание, стремление душ наших ко исправлению. Принеси покаяние наше ко Престолу Господню. Соделай чистыми души наша ко служению Богу и не отыми от нас сокровище и утешение наше — старца нашего Епископа МАНУИЛА. Умоли Господа и Матерь Его Святую, да мир и благословение ниспослет Он на главу его. Вся потребная телу его, вся хотения души его честныя исполни ему. Огради сенью крил Твоих всех служащих во святем и всечестнем храме сем и нас, непотребных да выну хвалу возносим Богу нашему, Пречистой Матери Его и всем святым с тобой, Ангеле Святый. Аминь».

Но как ни горячей была молитва архипастыря и паствы, а воле Божией угодно было послать новое испытание и любящему и любимым.

20 декабря 1933 года Епископ МАНУИЛ был отрешен от паствы и отправлен в далекую, холодную и суровую Сибирь в Мариинск, Новосибирской области.

ГОДЫ ССЫЛОК И СКИТАНИЙ

(1933—1944 гг.)

В Мариинских лагерях епископ МАНУИЛ пробыл до весны 1936 года. Это была тяжелая ссылка в условиях сибирского климата. Но и здесь он не упал духом, хотя временами и приходилось испытывать невыносимое внутреннее томление. Среди невзгод и изнурительного физического труда он находил еще возможность заниматься литературной деятельностью. В период 1935—1936 гг. епископ МАНУИЛ написал заметки о «Методах научно-исследовательской работы» (по линии историко-литературоведческой) и собирал материал по вопросам «Особенности творчества в научно-исследовательской работе» и др.

В суровых условиях Сибири святитель не раз был утешаем небесными явлениями.

В марте 1934 года во сне явился митр. Московский ФИЛАРЕТ (Дроздов) с ликом печальным, прискорбным и совершенно молчаливым. Это было тогда, когда у епископа МАНУИЛА болело сердце*.

В 1935 году святителю особенно было тяжело от непосильных послушаний в лагерях, и он тяжко заболел, И тогда-то в августе явился ему утром святитель Иннокентий Иркутский не во сне, а наяву и исцелил его от недуга**.

Весной 1936 года святитель был освобожден из заключения. Начались годы его скитаний. За период с 1936 по май 1939 года он проживал в разных подмосковных местах: в Орлове-Розове, Дорохове, Фирсановке, Завидове Октябрьской ж. д., Калининской области и др.

Чем занимался еп. МАНУИЛ в это время, можно видеть из его письма от 24 октября 1937 года. Помещаем это письмо полностью.

«Милый и дорогой мой Андрюша! — писал он брату из Завидова. Наконец-то я могу тебе написать долгожданное большое письмо. Не думай, что мне легко было отправлять тебе открытки, которые не могли тебе дать представления о моей жизни; а также ответить на некоторые твои вопросы. Никогда не выйдешь из дел, они словно сами напрашиваются в торбу твоего трудового дня. И иной раз невольно подумаешь: откуда что берется. И большинство из них в первые минуты кажутся неотложными, почему-то очень нужными. И стоит их только бросить или отбросить для дожидания своей очереди исполнения, как они уже потом не кажутся такими нужными, неотложными, как это было вчера, как это нам казалось раньше.

* Благовещенский сон А. М., стр. 10.

** Письмо к духовному сыну от 15 окт. 1955 года.

Вот приблизительно в кругу таких дел часто приходится мне самому вертеться. Основных научных работ у меня несколько, и они по разному влияют на мое настроение. Вот они:

1. «Научно-исследовательская работа в СССР».

2. «Карманный словарь сокращений и условных наименований СССР».

3. «Переписка И. Е. Репина с Чертковым В. Г. (1885—1925 гг.) Комментарии с вводной статьей и примечаниями».

Последняя работа предложена мне тетей Олей. Она очень срочная, надо закончить ее к 15/XI и 1/XII. Совместно с ней работаю, т. к. я лишен возможности часто ездить в М. (дорого и отнимает много времени на переезды с пересадочными поездами в Клину). Она подготавливает материал из архивов и библиотек, а я должен обработать. Как сработаем эту переписку — покажет ближайшее будущее. Что касается словаря сокращений, то на 70% он у меня готов. Даль собирал 40 лет свои материалы для «Словаря русского языка». У меня же более скромные рамки работы и обстоятельства личной жизни иные, чем у него. Но все же в течение 6 месяцев (май — окт.) мне удалось из столичных газет (главным образом, «Правда», «Изв. ЦИК»), журналов, справочников и др. печатных изданий собрать до 3700 слов (основных и производных) — сокращений и условных наименований, а в разъяснение их пока вчерне подготовить статью «Сокращения и у. п. в СССР», конспект которой тебе для отзыва я прилагаю при сем.

Что касается основной работы, то попутно постоянно подбираю материал к ней и систематизирую. Она состоит из нескольких частей, и, между прочим, «Справочной книги научного работника» (ч. V), о которой ты мне как-то писал в одном из писем. «Справочная книга», как более нужная (актуальная) для современной научной молодежи, будет мною обрабатываться в первую очередь после Словаря сокращений... Но самая основная беда в том, что ни одно московское учреждение не берется заключить договор со мною ни на одну из намеченных работ в виду ограничения моего местом жительства (зона). А между тем в трех институтах Словарь согласны были взять с радостью, но... зона будет мешать. Был я и в Акад. (АН) Наук для получения материалов к обработке Словаря сокращений... И картина одна и та же. Если все это будет так продолжаться, то придется ходатайствовать в НКВД о разрешении въезда хотя бы в дачную зону — Клин (ближе и не мечтал бы?!) Когда я был в Орлово-Розове в 1936 году, то начальник III-й части заверил меня, что мне будет оказано всяческое содействие для занятий в ученых учреждениях Москвы и на поступление на службу хотя бы в АН.

Возможно, что все это можно будет устроить и теперь, но при соответствующем ходатайстве в НКВД, чего я еще не делал, но что я рассчитывал сделать по истечении первого года своей жизни за Московской зоной (т. е. с 24-II-38 года). Но не буду пока думать об этом.

Здесь мне заниматься лучше и во многом спокойнее, чем в Дорохове. В комнате большой воздуху много, светло, я устроил форточку, комната теплая. Все эти мелочи благоприятны для научной работы, а их-то именно я не имел в Дорохове. Вот основные причины моего переезда сюда. Да, чтобы не забыть, знакомые Бори, жившие в Можайске, заболели. Наверно, воздержания в фруктах не было (а их был урожай там необычайный), и остался, выдержал болезнь на ногах только один Коля, он молодой, а то были старики, и их свезли в больницу. Колю ты не знаешь и не помнишь. Он брат Стефана Даниловского, вдовый ныне (с 1932 года). Борю видал только раз, если не ошибаюсь, в начале июня. Обещал он и мне написать, но ничего не получил от него до сих пор, но часто с благодарностью вспоминаю любовь Миши и повторяю его светлые доброжелательные строки.

Очень жалко, что тебе нельзя вернуть обратной посылкой свободную мешочную и посудную тару. Ну ладно, будем изыскивать свободные стекл. посуды у знакомых и родных.

В письме 16/IX ты пишешь, что занят своею работою по-прежнему. Это хорошо, если не переутомляешься. Приходится ли тебе гулять в вашей подконвойной зоне?)Как наладилось твое питание и напиши откровенно, какие диэтические консервы хотел бы ты получить (мясные, рыбные, овощные, фруктовые) и есть ли где возможность разогреть мясные консервы? Вопросы существенные и ты на них ответь без промедления. Следующую посылку к 15/XII снабдим просимыми конвертами (О СКОВОРДКЕ И КУШАНЬЯХ).

Ты предполагаешь, что у меня наладились отношения с Ив. Никол. и Сережей? Я не в ссоре с ними, но у первого был 2/V в последний раз, а второго не вижу с 10/23/IX. На его именины не мог поехать — не располагало настроение мое. Да и его настроение сейчас неважное. Таким образом, в силу сложившейся неблагоприятной обстановки около Сережи, место получить вблизи М. или в самом городе я не мог и не могу, а далеко забираться мне незачем. Поэтому перспективы эти остаются в стороне. Впрочем, я и сам лично не имею намерения брать место сейчас и в ближайшее время у Ивана Николаевича. Мне его жаль, он одинок, так мало осталось старых служек его. Из них остался один Алеша Сим. Он благодушествует у себя, а в Воронеж и не собирался. Это я писал о том молодом

Алеше, на возвышение которого так соблазнялся в разговоре со мною Боря.

Врач не советует мне дальние разъезды и суетную жизнь, какую мне невольно пришлось бы иметь в случае принятия места от Ивана Николаевича. Врач опытный, очень любит меня; отца его знал в Козельске и с ним вел когда-то, лет 20 и более тому назад переписку. Ты, наверно, припоминаешь мои рассказы о нем. Звали его Анатолий Иван., а фамилию забыл.— Врач одобряет и место (климат ровный) и род моих занятий ради поддержания нервной и сердечной деятельности. А сердце мое иногда пошаливает. Поэтому требуется покой. Я надеюсь, что ты не осудишь меня за мои строки эти. Слов нет, лучше скорее устроиться на место, но я словно стареть начал (боюсь даже слово это с непривычки употреблять). Поэтому, я надеюсь, что мне удастся где-либо заключить договор на научную работу и жить новою жизнью для себя.

Я привык к одиночеству теперь. Ко мне никто не ездит, а что касается Шуры и Кати, то тем более. Они очень постарели, ослабли, да и дел нет к ним в этом отношении, и вижусь с ними очень редко. Поклоны твои передаю им. Я надеюсь, что ты в этой посылке получишь галоши № 14 с широкими носками и остальное просимое. Не стесняйся мне писать о своих нуждах. Мне так жалко стало тебя, что тебе не приходится есть свежие яйца, что решил сам их не есть, пока не наладим отправку их тебе. У Кати нынче было 3 курочки. Они собрали тебе для поездки Лели 50 яиц, а потом мы не сообразили, что могли послать. В чем лучше их упаковывать, предохраняя от повреждения? Напиши мне, а яйца свежие достанем. Корм не на что было покупать, вот и сократили свое стадо до 3-х голов, а теперь везде урожай богатый (и овсы хорошие), и поэтому на 38 год оставили 5 молоденьких в придачу к 3-м старым. Яйца тебе будут свежие, только напиши, как их пересылать безопаснее. Тетя Оля возымела желание ехать к тебе на свидание, но отложила снова до весны.

Лечение больной руки Лели закончилось благополучно. Что касается молчания Михайловны, то это объясняется маминым нажимом. Они с Инюрбюро заключили доверенность на хлопоты о двух наследствах на сумму более 30 миллионов золотом. Дело сложное, и Госбанк ведет его уже несколько лет с нерешенным успехом. Она ведь не получила открытки твоей в мае о получении посылки. От Павли не имею известий давно, последняя открытка Оли была в начале сентября. Все они были здоровы, а Коля плавал и учился. Теперь наверно он дома. Я писал им с нового места, но ответа на письмо свое не получил.

А у Ивана Николаевича, судя по словам Сережи, одиноко, уныло, пусто, мрачно, я бы сказал, и жутко. Он одинок и три старушки прислуживают ему. Родная сестра его, старушка, разделяет его одиночество. Еще раз возвращаюсь к своему последнему молчанию к тебе. Иногда стыдно было мне за постоянную передвижку в написании, иногда начинал и бросал начатое. В памятный для тебя с Мишей и мне день Савватия 27/IX особенно тосковал о тебе и много переживал за себя.— Но все же, что делаю, то делаю по расчету, обдуманно, а по недостатку своей горячей к тебе любви. Володи не существует. Павля почти не пишет (только Оля изредка), и остается только один брат у меня — это ты. А Маня уже не сестра — совсем нас бросила и по-видимому отказалась от нас. Пусть каждый делает из них, как знает, а ты остаешься для меня самым близким и дорогим мне. А я так мало сделал для тебя. Не успел осенью 1933 года хлопотать о тебе, а теперь и сам не знаю, через кого подавать заявление, но все же надеюсь осуществить свое желание и подать ходатайство.

О Ленечке ничего неизвестно. По-видимому повлияло на его судьбу близкое долголетнее его знакомство с Пимой. Это — их дело, а я ничего не слыхал и не знаю о них.

Герметическую чернильницу ты наверно уже получил. Если она не годится, напиши, какую именно прислать тебе.

Чтоб не забыть, ты знаешь — Симеон Верхотурский страдал болью в животе (память его 12/IX). Вспоминай его. Имеешь ли теплые носки? У меня есть крупные хорошие темные валенки в галошах (кажется № 13). Имей в виду, Катя бережет их для тебя, на случай сноса этих, которые ты так экономно носишь".

Картина жизни довольно ясная — постоянные переезды, хлопоты, заботы о себе и родных, проще сказать, битва за существование. Территориальное ограничение не давало ему возможности жить в Москве и свободно заниматься научными работами. Впрочем, в 1937 году он все-таки договорился частным образом с секторией национальных словарей ОГИЗа составить «Словарь советских сокращений, условных наименований и шифров Советского Союза» к 25-й Годовщине Октябрьской революции. А в 1938 году он совместно с сотрудницей Толстовского музея О. А. Дашкевич составил комментарий к письмам Репина к Черткову и к С. А. и Т. Л. Толстым. Работа эта была сдана в Государственный Литературный Музей для напечатания.

В силу сложившихся обстоятельств и слабого здоровья святитель не просил у митрополита СЕРГИЯ себе назначения на какую-либо

церковную работу. Да последний, как видно из письма Епископа МАНУИЛА к Брату Андрею, сам находился в очень неутешительной обстановке и, конечно, не мог ничем помочь ему.

Скитальческая жизнь святителя временами озарялась небесными утешениями. Так, в апреле 1936 года, когда он жил в Орлове-Розове совхозе, в сонном видении явилась ему его мама и ободряла его в скорбях. А при разных переездах по железной дороге в пригородных поездах Господь не раз сохранял его жизнь от опасности*.

В течение трех лет продолжалась скитальческая жизнь епископа МАНУИЛА. 18 апреля ст. ст. 1939 года он снова был лишен свободы и сначала находился на Лубянке и Бутырке в Москве, а 31 января 1940 года отправлен в Канск.

Во время нахождения на Лубянке и в Бутырке ему дважды являлась во сне мать: первый раз летом 1939 года на Лубянке, а второй — в январе 1940 года в Бутырке перед осуждением. Второй раз, когда она явилась, была одета в сером костюме и предупредила его, что все обойдется хорошо. В действительности так и получилось: преступления**, в которых обвиняли святителя, влекли за собой наказание сроком 25 лет, а его осудили только на десять.

В Канских лагерях Епископ МАНУИЛ пробыл 4 года. Осенью 1944 года он был освобожден. 4 октября святитель прибыл в Москву и 6 октября явился в Патриархию к Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Ленинградскому Алексию. Надеялся епископ МАНУИЛ получить после многих страданий утешение от Первосвятителя, но — увы! — вместо утешения получил тяжелую моральную травму. Местоблюститель сразу обрушил на него свой гнев и в течение 2-х часов пробирал его за неправильный якобы прием обновленцев и многое другое***

— Подумать только надо,— в пылу негодования кричал Местоблюститель,— заставлять «кувыркаться» маститых протоиереев пред всем народом, разве это дело? Откуда Вы взяли подобный прием?

Святитель оправдывался тем, что чин присоединения был одобрен Патриархом Тихоном, но Местоблюститель и слушать не хотел.

— Назначения пока не получите,— закончил «проборку» Первосвятитель.— Идите!

---

* Св. Димитрий Ростовский помогал ему в устроении домашнего уголка, а св. Александр Невский видимо защищал его от врагов.

** Его обвиняли в тайной связи с немецкой и др. контрразведками. Все эти обвинения были ложными. В 1958 году эта судимость была с епископа Мануила снята.

*** Странички из дневника А. М., Чебоксары, 1956, ноябрь.

Весь в слезах вышел епископ МАНУИЛ от Местоблюстителя. Горько было ему. Он зашел в кабинет протопресвитера Н. Колчицкого и рассказал ему все происшедшее. Последний успокоил его тем, что обещал наладить добрые взаимоотношения с Местоблюстителем и в ближайшее время назначить на хорошую кафедру около Москвы.

В ноябре ему было дозволено посетить Ленинград. Увы! Богатую свою книжную сокровищницу он нашел в печальном состоянии. Погибли бесследно бесценные рукописи, книги, иконография Божией Матери и много других ценных вещей. Сердце разрывалось от горести, но уже ничего нельзя было возвратить. Оплакал он свою потерю и возвратился в подмосковье. На душе было так горько, горько. Чтобы не терять времени, святитель в ноябре же обратился к Патриаршему Местоблюстителю Митрополиту Ленинградскому и Новгородскому АЛЕКСИЮ с просьбой о том, чтобы тот поддержал его морально и испросил дозволения ему работать в Москве, в центре научно-исторической сокровищницы, над окончанием своего труда «Русский Месяцеслов и местночтимые».

Но увы, и теперь он не нашел поддержки. В просьбе было отказано. «Поезжайте в Тамбов,— заявил Местоблюститель.— Вам необходимо ознакомиться с современным положением Церкви. Пусть Преосвященный Лука займется с Вами этим делом. Вот Вам указ». Святитель смиренно повиновался. Такова, видимо, воля Божия о нем — терпеть не только от внешних, но и от своих.

И Епископ МАНУИЛ, повинуясь воле Божией, направил свои стопы в Тамбов, под молитвенный покров святителя Питирима, Тамбовского чудотворца.

ЖИЗНЬ В ТАМБОВЕ

(1944—1945 гг.)

В конце ноября 1944 года Епископ МАНУИЛ прибыл в город Тамбов. Поселился он на частной квартире по ул. Карла Маркса, № 69, у некоей рабы Божией Анастасии Адриановны Гавриловой. Преосвященный Лука принял его радушно и дозволил ему совершать службы в кафедральном соборе не только в праздники, но и на буднях. А временами они встречались друг с другом и беседовали о разных церковных делах.

В первые же дни своего пребывания в Тамбове Епископ МАНУИЛ тщательно изучил житие Тамбовского святителя ПИТИРИМА и составил для себя небольшую брошюру под названием «Черты

Домик в Тамбове, где жил Епископ Мануил (ноябрь 1944 – февраль 1945 гг.)

деятельного благочестия по житию св. ПИТИРИМА Тамбовского». В ней он отразил внешнее и внутреннее благочестие святителя, отметил загробное его представительство и выделил знаменательные даты его жизни. Все это говорило за то, что Епископ МАНУИЛ стремился извлечь душевную пользу в любых обстоятельствах жизни и в какой-то мере подражать подвигам святых.

Тамбовчане быстро полюбили Преосвященного за его благоговейное богослужение, за его молитвенное настроение, которым он буквально возбуждал к молитве присутствовавших за его церковной службой. Внешне он был строг, а внутренне ласков. Нравилось прихожанам, что он учил и старых и молодых, как правильно надо совершать крестное знамение.

Всякий раз, когда оканчивалась служба, верующие с любовью, получив от него благословение, провожали Владыку до дома.

Но недолго наслаждались тамбовчане теплым общением с пребывающим под началом Тамбовского архиерея святителем. В январе 1945 года его вызвали в Москву на Поместный Собор. На дворе стояла нестерпимая стужа. А метели так и завывали. Дороги все были занесены. На вокзал пришлось добираться на санях, закутавшись в овчинный тулуп. Ввиду заносов, Епископ МАНУИЛ запоздал в

Москву к назначенному времени. Избрание и интронизация Патриарха совершилась без него. Он успел только к молебну.

В Москве святитель снова получил моральный удар от Первосвятителя Русской Церкви. В какой обстановке все это произошло, об этом вот что поведал автору сам Преосвященный:

— Это было в феврале 1945 года. Я,— рассказывал Владыка,— недавно возвратившийся из Иркутско-Канской местности, почти три месяца обивал пороги Чистого переулка, 5. И всякий раз, когда я приходил туда, не мог добиться ничего определенного. Однажды я пришел на Чистый и, к моему удивлению, неожиданно встретил Его Святейшество, Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ. Тот удивился моему приходу и, обращаясь ко мне, с презрением сказал: «Вы все еще здесь болтаетесь?»

— А что же мне делать? — ответил я.— Три месяца как я обиваю ваши пороги и не могу получить назначения ни на одну из свободных кафедр, в то время как «свои люди» свободно посещают и ютятся около Вас и получают назначения на епархии.

— Кто это свои люди? — вспылил Патриарх.

— Фотий (Топиро),— ответил я,— шесть раз бывший обновленцем и трижды григорианцем и теперь получивший Орловскую кафедру. Таким можно обивать пороги Патриархии беспрепятственно, а мне, как видите, с большими препятствиями. Вы, Ваше Святейшество,— продолжал я,— даже не поинтересовались моим материальным положением, на что я живу и в каком положении нахожусь: ведь я сейчас на правах самого последнего нищего. А Вы еще смеете говорить мне, что я болтаюсь здесь.

— Завтра же получите назначение! — отрывисто ответил Патриарх и быстро удалился в свои покои.

На следующий день, обнадеженный обещанием Святейшего, я пришел в Патриархию. Меня встретил Л. Н. Парийский с восклицанием:

— О, Ваше Преосвященство, какие у Вас будущие перспективы!

— Какие там перспективы,— возразил я,— когда я не могу получить назначения на кафедру, а Вы мне о перспективах глашаете.

— Все будет хорошо! — утешил Парийский.— Вы только сейчас не тревожьте Святейшего, а то как бы он, в пылу негодования, не наговорил бы Вам чего-либо лишнего.

Я внял гласу Льва Николаевича и поспешно удалился из Патриархии. Было 14 февраля... Я, как советовал мне Парийский, пришел снова на Чистый, 5. Было как-то пусто в залах здания. Раздевшись, я похаживал по комнатам и ожидал окончания заседания сессии Синода. Долго пришлось мне ждать. Наконец, дверь одной из комнат распахнулась, и ко мне вышел протопресвитер Н. Колчицкий.

— О, рад Вас видеть, Ваше Преосвященство,— целуя мою руку, воскликнул протопресвитер.— Вы назначены на Чкаловскую кафедру. Согласны ли Вы туда поехать? — лукаво спросил он.

— А почему же мне отказываться от назначения? — ответил я.— Ведь это славный город Чкалов (б. Оренбург), где провели свои годы в изгнании знаменитые писатели Русской земли, как Достоевский и др. Я согласен!

— Право сказать, Владыко, Патриарх и я были уверены в том, что Вы непременно откажетесь,— с каким-то недоумением, глядя на меня, сказал о. Николай.

— Укажите мне хотя бы один факт в моей жизни, когда бы я позволил отказаться от назначения,— решительно ответил я.— Хотя я и плохой монах, но все же я — монах и отказываться от предлагаемой мне кафедры я не имею права даже в том случае, если она и считается самой последней кафедрой.

В то время, как я беседовал с протопресвитером, вышел Святейший, одетый в черную рясу греческого покроя, и, проходя мимо меня, слегка обернувшись в сторону вышедших в это время из зала заседания архиереев, с неподдельной иронией сказал: «Конечно, лучше быть митрополитом Ленинградским, чем епископом Чкаловским».

Это была полная и недостойная в устах Первосвятителя насмешка над бедным и исстрадавшимся во многих ссылках епископом, который своею кровью защищал Православие от разбушевавшегося обновленчества.

«Как горько было мне,— говорил Владыка.— Я готов был расплакаться как дитя, но я удержался и, получив указ, с полной надеждой на помощь Божию выехал к месту своего назначения».

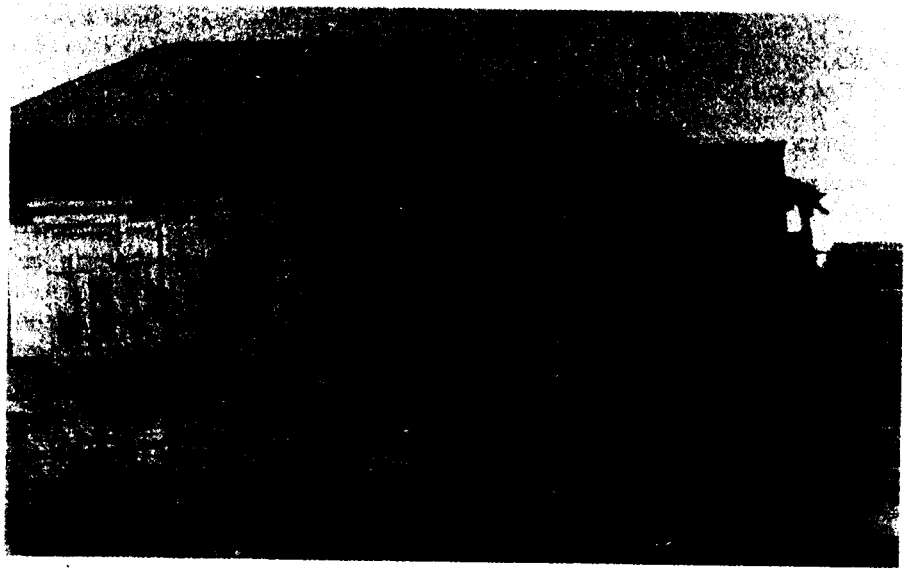
Таков был моральный удар от Первосвятителя Русской Церкви.

Постившись с Тамбовцами, Епископ МАНУИЛ в начале марта 1945 года отбыл в город Чкалов. Когда его провожали, то помогавшие ему запоздали с его вещами, и он поехал в новый город без облачений и посоха.

СЛУЖЕНИЕ В ЧКАЛОВСКОЙ ЕПАРХИИ

(1945—1948 гг.)

Чкалов (Оренбург)... Степной город, расположенный на правом берегу быстроструйного Урала. Преосвященный МАНУИЛ прибыл сюда незадолго до начала Великого Поста. Поместили его на частной квартире по улице Малоленинской, 52 (в настоящее время 50) в доме Киселевых и Молчановых.



Дом в Оренбурге по ул. Малоленинской 52, где первноначально жил Владыка

Сразу же, с первых дней приезда Епископ МАНУИЛ окунулся в массу дел и забот епархиальной жизни. Епархия была неустроена. Большинство храмов было разрушено. А оставшиеся все были закрыты. К моменту приезда епископа в самом городе были только что открыты несколько молитвенных домов, и в епархии общее число их составляло всего-навсего 5. Требовалась заботливая и твердая рука для того, чтобы увеличить число храмов в области и наладить епархиальную жизнь в целом. К этому и приступил Епископ МАНУИЛ. Он ускорил хлопоты об открытии Никольского храма в Чкалове, который был занят Государственным архивом. Дело увенчалось успехом. Никольский храм вскоре был освобожден от архива и передан в пользование верующим. Хлопоты об открытии молитвенных точек в области продолжались. Церковное дело не стояло. Владыка сам вникал во все мелочи епархиальной жизни и направлял ходоков об открытии храмов на верный путь. Число церквей заметно стало увеличиваться. К концу деятельности Преосвященного МАНУИЛА в епархии насчитывался уже 21 храм. Трудности в этом деле были подчас невыносимыми. Приходилось действовать очень активно и дерзко. Помнится мне, как однажды Владыка, узнав о том, что Уполномоченный Дымов не дает хода прошениям об открытии церквей, о которых так давно хлопотали верующие, сам пошел на

дом к нему и в личной беседе так отчитал его, что тот едва удержался от слез и в ближайшее время дал ход прошениям.

Трудности возникали не с этой только стороны. Они появлялись и внутри церковной жизни.

Квартирные условия епископа были не совсем благоприятные. Для жительства ему предоставили хозяева только одну небольшую комнату. А остальные комнаты занимали домовладельцы в количестве 5-ти человек и приезжавшие из сел колхозники человек по 6—7. Дом фактически превращался в постоялый двор. Встанет бывало рано утром Владыка и пройти не может до умывальника: весь пол от его комнаты до кухни устлан приезжими. Или ночью, едва только сомкнет глаза — и вдруг стук в ворота и крик: «эй, хозяин, отворяй ворота!» Беспокойная была жизнь. А что сделаешь? Время военное. Население города уплотнено. Оставалось только терпеть и свыкаться со всеми жизненными неудобствами.

Гораздо сложнее обстояло дело с соборным настоятелем прот. Александром Архангельским. С ним поднялась настоящая война. Он чувствовал себя полным хозяином и не желал полностью подчиняться архиерею. Владыка решил во что бы то ни стало удалить его из собора. Началась против настоятеля атака. Однажды пришел святитель в храм ко всенощной и, увидев, что о. Александр ничего не приготовил для архиерейской службы, вскипел и тут же повелел собрать все архиерейские облачения, сложить в чемоданы и нести домой. Картина была печальной, впереди шли друг за другом иподиаконы с чемоданами, а сзади них — святитель в черной рясе и с посохом в руке...

Борьба продолжалась почти 7 месяцев. В октябре 1945 года о. А. Архангельский уехал из Чкалова.

Первое время святитель чувствовал себя совершенно одиноко. У него ведь не было ни секретаря, ни келейника. Кругом один. И в минуты душевной печали молился он Богу: «Господи, пошли же мне келейника». И молитва его была услышана.

КЕЛЕЙНИК

В субботу перед неделью всех Святых 1945 года Епископ МАНУИЛ прибыл в с. Верхняя-Платовка. Народ со слезами на глазах встретил своего архипастыря. От самой станции Платовки до села путь его был устлан полевыми цветами. Когда епископ привел себя в порядок, ему предложена была трапеза.

От одного конца комнаты до другого протянулся стол. Святитель сидел в переднем углу стола, а на скамейках по обе стороны вдоль стола восседали батюшки и почетные гости. Трапеза только что

началась, как Епископу доложили, что в сенях дома стоят какие-то два молодых парня.

— Приведите их сюда,— попросил епископ прислуживающих. Молодых парней ввели. Один, что помоложе, был одет в длинную белую рубашку с вышитым воротником и препоясан черным широким поясом. Звали его Ваней. Другой — постарше, вроде юродивого, звали его Мишей. Оба они приехали из Бузулука посмотреть на епископа. Владыка радушно принял их, благословил и велел отвести в другую комнату и накормить. Юноши ушли, полные духовной радости. Трапеза продолжалась. Когда она окончилась и епископ освободился, к нему обратилась приехавшая из Чкалова его хозяйка Анна Ивановна Киселева.

— Владыка,— заговорила она,— пожалуйста, не принимайте этих двух парней, они ведь шпионы, специально присланные следить за Вами.

Епископ поверил, поверил и настоятель храма о. Стефан Акишев. Над юношами сгустились тучи, о которых они тогда и не помышляли.

Звонили ко всенощной. Священники и народ вышли встречать епископа. От дома до самого храма разостланы были ковровые дорожки, а люди по обеим сторонам на коленях встречали Владыку со свечами. Сколько было любви в сердцах верующих к архипастырю! Началась всенощная. В алтарь прошел и прибывший юноша Ваня. Ему так хотелось получить хотя бы малое внимание епископа. Но увы, епископ стоял неподвижно и как будто бы не замечал юношу. Нехотя он благословил его прочитать шестопсалмие и — больше ничего. Поздно вечером закончилась всенощная. На дворе было уже темно. Юноши забеспокоились, где им ночевать. Обратились к настоятелю, не дозволит ли он ночевать им в храме. Тот грубо ответил: «Нечего вам здесь делать, уходите вон!» Юноши ушли. Миша где-то все-таки сумел устроиться на ночлег, а Ваня улегся около полуразрушенного амбара на голой земле, положив себе в изголовье проросший травой глиняный кирпич, и, свернувшись в комочек, заснул.

На следующий день было воскресенье. Как и вчера, епископа встретили торжественно, и служба была тоже торжественная. Пели монашки из Чкалова. Ваня стоял среди молящихся. В конце литургии Владыка произнес обличительное слово против появившегося в Чкаловской епархии самозванца-епископа Серафима. И на одних верующих, принимавших этого самозванца, он наложил епитимию — класть по несколько земных поклонов в течение немногих дней, а других просто предупредил, чтобы они больше не сообщались с ним.

Обедня кончилась... Окончилась и праздничная трапеза. Юноши получили от епископа благословение и, узнав от него, что он собирается приехать в Бузулук, поспешили туда же на торжества.

В Бузулук епископ прибыл накануне праздника иконы Божией Матери ТИХВИНСКОЙ.

Матушки настраивали своего любимого Ванюшу проситься к епископу в келейники. Ваня стеснялся. Тогда матушки сами обратились к нему с просьбой взять его к себе в послушники. Епископ задумался. В его мыслях шло колебание. То, что было сказано о Ване в Платовке, совершенно расходилось с рассказами здешних матушек.

— Я подумаю,— ответил он инокиням.

Во время всенощной Владыка подозвал к себе Ваню и ласково расспросил его о его происхождении. На душе юноши был рай. Сомнения епископа постепенно рассеивались.

На другой день после литургии Ваня пришел в дом, где остановился Владыка. Во время трапезы он гулял во дворе. Вышел архиерейский диакон Гавриил и, увидев юношу, любезно с ним разговорился. А когда узнал о его добром желании, предложил ему пойти в келейники к епископу.

— Я очень желаю этого,— ответил Ваня,— но возьмет ли он меня?

— Возьмет, возьмет! — убедительно ответил диакон.— Я вот скажу ему о тебе — и он согласится".

В душе юноши воссияла надежда...

В праздник Петра и Павла епископ любезно заговорил с Ваней и предложил ему поехать вместе с ним в Сорочинск и Спасское. Сомнение, вызванное наговорами в Платовке, рассеялось. Юноша был на седьмом небе. Но окончательная судьба Вани решилась в с. Спасском. Когда Владыка был в этом селе, к нему обратилась благочестивая инокиня мать Феврония: «Владыка святый, возьми нашего Ваню к себе в келейники»,— просила она.

— А ты знаешь, мать Феврония, за кого ты ходатайствуешь? Ведь он тайный агент, как же я могу взять его к себе? — как бы испытывая матушку, сказал епископ.

— Агент? — удивленно повторила слова Владыки мать Феврония.— Да какой же он агент? Нет, нет! — твердила она. А затем встала перед ним на колени и настойчиво просила его взять Ваню в келейники.

— Да достоин ли он, чтобы я взял его к себе в послушники? — снова испытующе спросил епископ.

— Достоин, достоин, достоин! — трижды высоким старческим голосом произнесла матушка.

Испытание кончилось. Сомнения епископа исчезли. Он окончательно утвердился в решении взять Ваню к себе в келейники. Епископ, приехав в Сорочинск из Спасского, побывал у родителей Вани и получил их согласие на то, чтобы их сын был у него келейником. 9 августа 1945 года в день памяти великомученика и целителя ПАНТЕЛЕИМОНА Владыка посвятил его в стихарь, а 9 сентября — во иподиакона. В конце сентября данный ему Богом келейник окончательно переехал в Чкалов и приступил к выполнению своих обязанностей.

ТОМЛЕНИЕ. ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ДОМ И СЕКРЕТАРЬ

Долгое время не мог привыкнуть к Чкалову святитель. Все чувствовал он себя не как в епархии, а как бы в благородной ссылке. Приходили минуты внутреннего томления о своем здесь положении. Жить долго в Чкалове святитель не собирался. Прот. А. Архангельский то ли льстил ему, то ли еще ради чего, но обещал уладить вопрос о его пребывании в Чкалове и добиться согласия Святейшего на перевод его в Горьковскую епархию. Владыка вроде бы и верил ему и не верил, во всяком случае ожидал какой-то перемены в своей жизни. Но проходили месяцы, а положение вещей оставалось прежним. Наконец всякие надежды на перемену иссякли окончательно, и святитель решил больше не тешить себя несбыточными иллюзиями, а довольствоваться тем, что послал Господь ему в удел.

В первую очередь остро встал вопрос о жилье. В том доме, где он проживал, уже нельзя было оставаться. Кроме тесноты, появились еще и злоупотребления со стороны хозяев. Многих лиц, приходивших к Владыке на прием они самовольно не допускали, а те приношения, которые верующие передавали Владыке, не все доходили к нему, часть из них, и самая лучшая, всегда застревала где-то у хозяев. Да и келейнику его негде было жить. Он временно находился на другой квартире и только днем приходил к Владыке, чтобы помочь ему, выполняя то или иное послушание. Словом, вопрос об отдельном доме назрел остро. Начались хлопоты. Церковный староста и члены Приходского Совета активно включились в решение этого вопроса. Дом был найден. Владыке он понравился и понравился тем, что он был расположен недалеко от Урала, в нескольких метрах от того места, где когда-то стояла историческая Георгиевская церковь, в которой некогда Емельян Пугачев обстреливал Оренбург. Дом* купили. Он состоял тогда из 4-х комнат. Во время ремонта две комнаты были перегорожены для прихожей,

* Вначале был куплен не весь дом, а только половина. Полностью он перешел к епархии только в 1946 году.

Архиерейский дом в Оренбурге по ул. Пугачева, 10.

комнаты для келейника, канцелярии и кухни. Для Владыки были отведены две передние комнаты: одна для его келии, а другая под гостиную. В конце 1945 года святитель вместе с келейником переехал в новое помещение. Повара не было. Пищу готовила матушка Еванфия со своей сестрой Марией и в посуде приносила в архиерейский дом. Но в конце декабря приехала тетя Феклуша и на нее было возложено кухонное послушание.

Почти весь 1945 год Владыка не имел Епархиального секретаря. Все бумаги писал и отправлял сам. Нужда в секретаре была крайне велика. Среди духовенства не было подходящего человека, который смог бы справиться с канцелярским делом. Келейник тоже не подходил. Владыка скорбел об этом. Но однажды в зимнее время к святителю пришел молодой человек, только что вернувшийся из армии. Он был одет в шинель, слегка исхудалый, с быстрыми круглыми глазами. Из разговора с ним выяснилось, что он бывший учитель, глубоко верующий и, самое главное, грамотный человек. Звали его Андреем. Живет он здесь, в Чкалове, в доме дедушки Иоакима. Сам сирота. Владыке юноша пришелся по душе, и он тут же предложил ему место секретаря. Юноша согласился. Штат при архиерейском доме пополнился и принял надлежащий вид.

Святой уголок в келье Владыки (Оренбург)

Никольский Кафедральный собор с северо-восточной стороны. Оренбург, 1945 год.

ЕПАРХИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ. РАЗЪЕЗДЫ ПО ЕПАРХИИ

Посещение приходов входило в прямую обязанность епархиального архиерея. Оно вызывалось не столько религиозными нуждами верующих, живших в отдаленных районах от областного города, сколько главным образом освящением храмов, постепенно открываемых в епархии.

Посещение приходов сопряжено было с рядом трудностей. Основным транспортом передвижения по области являлись тогда лошадь, машина и пригородный поезд. И так как ни епархия, ни церковный Совет не располагали ни машиной, ни лошадью, то трудности начинались от самого дома. Идти на вокзал, да еще с вещами, приходилось пешком, за редким случаем ехать на лошади. А от архиерейского дома до вокзала не менее 4-х километров. Пригородные поезда, как правило, курсировали в ночное время. Отдых прерывался. Вагоны были не благоустроенные, холодные. Зайдешь бывало, в зимнее время в такой вагон, а там холодище. Пар изо рта так и валит, руки мерзнут. Пока едешь до места, весь продрогнешь. А чего только не увидишь и не услышишь в таких поездах. Люди всякой масти, с котомками и корзинами за плечами. Набьются в вагон — пройти невозможно. Табачный дым так и вьется кольцом, а мат, словно горох из стручка, сыплется. Побудешь в такой атмосфере и долго потом отхаркиваешься, да мысли отгоняешь разные. Да, трудные были тогда поездки по епархии. Но избежать из не было никакой возможности. Нужда заставляла идти на подвиг.

Главный иконостас Никольского храма (1948 год).

К дорожным трудностям добавлялись разного рода приключения и церковная обстановка, с которой приходилось невольно сталкиваться.

Вот они трудности и приключения...

В начале сентября 1946 года Владыка был приглашен в Орск на освящение храмов. Собрав необходимые вещи, неприхотливый святитель со своим келейником-диаконом отбыл туда поездом. Днем 10 сентября прибыл в г. Орск. Владыку никто не встретил. На улице шел дождь. Вещи разделили пополам и пешими по грязной дороге направились вдоль линии в Никель. Пришли в дом-сторожку, расположенный около храма, люди так и ахнули: «Владыка, да как же это так... никто Вас не встретил и пешком по грязи... Господи, прости нас грешных! Вот ведь мы какие нерадивые... Где же батюшка?... Зовите его скорей!»

Прибежал священник, весь в трепете: «Прости, Владыко, не известили!»...

Святитель никого не осудил, он только попросил вычистить ему сапоги и рясу от грязи, да дозволить ему немного передохнуть. А тут новая беда случилась: неожиданно заболел его келейник —

Проповедь еп. Манушла в Петропавловском храме г. Бузулука (1945 год).

единственный диакон, а предстояло совершить несколько служб здесь, в Никеле, в Орске и Локомотиве. Келейника уложили на скамейку отдыхать, у него появилась страшная головная боль. Бедный святитель, что он переживал тогда. Он несколько раз с отеческой любовию подходил к болящему и спрашивал: «Ну как, не легче ли тебе?» Но легче не было. Владыка усилил о нем молитву. Как ни трудно было диакону, но он ко всенощной все-таки пошел и с большим трудом провел службу. Это было в канун праздника Усекновения главы ИОАННА Крестителя.

Прошла ночь. Наступило утро — диакон был совершенно здоров. В 9 часов утра торжественно совершили освящение храма в честь ИОАННА Крестителя и божественную литургию. Весь день прошел в радостном размышлении о совершившемся, вечером на лошади Владыку доставили в Орск в дом настоятеля о. Вениамина Ионова. У него и заночевали. День готовил святителю неприятности.

Совершив молитвенное правило, Владыка направился в Орский храм на службу. У входа в церковь его встретил с хлебом и солью староста — почтенный мужичок небольшого роста. Но святитель не благословил ни хлеба, ни соли. Он отстранил их рукой и пошел в храм. Лицо Владыки стало грозным. Настоятель встретил святителя приветственною речью. Владыка и духовенство прошли к царским

дверям и совершили входные молитвы. После облачения святителя началась служба. Хор пел торжественно. Каждый старался как можно больше привнести красоты в богослужение. Но вот литургия окончена. Владыка вышел царскими вратами на амвон и обратился к верующим с обличительной речью против настоятеля.

«Дорогие братья и сестры,— так начал он свое слово. Ваш настоятель в своей приветственной речи допустил весьма грубую ошибку: он сказал, что этот храм якобы отстроен им.— Это ложь! Храм этот начинал строиться не им, а другими почтенными протоиереями. Равным образом и не им заканчивался»...

Но едва произнес святитель эти слова, как в толпе верующих кто-то крикнул: «Владыка святый, Вы хотите взять от нас о. Вениамина?... Нет, не дадим мы вам его, не отпустим!» «Не тревожьте его! — Это наш любимый пастырь!» — уже не один, а множество заговорило в толпе. Крики усиливались, захватывая все больше и больше людей. В храме поднялся шум. Одни кричали одно, другие — другое. Каждый старался перекричать другого и вылить архипастырю свое негодование. Владыка умолял верующих, чтобы они прекратили шум в храме и даже угрожал им. Но ничего не помогало: негодование народное против архиерея все усиливалось. Положение создалось катастрофическое. Владыка не вытерпел. Страшный гнев охватил все его существо. Видя, что ничем не может успокоить народ, он с силой ударил жезлом по амвону и удалился в алтарь.

— Иди успокаивай народ! — повышенным и раздраженным тоном обратился святитель к о. настоятелю, а сам стал разоблачаться.

Настоятель, взволнованный от всего происшедшего, в одном подризнике вышел к народу, поднял руку и, едва шевеля языком, тихо и плачевно произнес: «Успокойтесь, братья и сестры!» Но никто не хотел успокаиваться. Люди в каком-то неистовстве еще больше стали изливать свой гнев на Владыку и елейными словами ублажать о. настоятеля:

— Милый ты наш батюшка! — доносилось из народной массы.— Мы не хотим, чтобы ты покинул нас. Нет, нет! Владыка поступает несправедливо!

Своды храма наполняли, с одной стороны, крики и негодование, а с другой — какой-то жалобный стон. Творилось что-то страшное. Поднялся настоящий бунт. Увидев, что ничего не может сделать с народом, батюшка со слезами на глазах удалился в алтарь, а бунт все усиливался.

Тогда вышел келейник Владыки, только что потребивший Св. Дары, и, подняв руку, с необычайной силой воззвал: «Возлюбленные, что вы делаете!» И удивительное дело — крики и возгласы стали

быстро затихать, и в храме водворилась мертвая тишина. А диакон продолжал обличать народ.

И когда он закончил свою речь и верующие почувствовали свою вину, он употребил необычайный прием, подсказанный ему его сердцем.

«Поскольку вы огорчили своего архипастыря,— вырвалось у него из груди,— то сейчас же просите прощения и благословения у Владыки. А ты, святитель,— воззвал он к архипастырю,— выходи и принимай покаяние у народа».

Владыка вышел из алтаря, взял свой архипастырский жезл и мирно стал благословлять народ, со слезами на глазах подходивший к нему и просивший у него прощения.

Настоятель был страшно потрясен, на его лице отображалась внутренняя подавленность. Возвратившись к себе домой, он, не раздеваясь, упал на кровать и горько зарыдал. Да, ему было тяжело.

— Зачем Владыка так поступил со мной? — обливаясь слезами, говорил настоятель.— Зачем, зачем? — повторял он. Но никто не отвечал на вопли его души. Это были минуты испытаний и страданий. Долго еще повторял он те же слова, пока, наконец, утомленный скорбью, не погрузился в глубокий, благодатный сон...

На следующий день Владыка на попутной машине прибыл в Локомотив. Там совершил всенощную, а утром — освящение храма и литургию. В Локомотиве обошлось без приключений. Вечером на поезде Владыка отбыл к себе в Чкалов.

Хорошо помнится ноябрь 1945 года. Выпал первый снег. На улице становилось прохладно. Все как будто бы предвозвещало приближение зимы.

Владыке предстояла новая поездка в Георгиевку для освящения храма.

После праздника Покрова Божией Матери святитель, его келейник, диакон и два мальчика снарядились в путь. А путь был нелегкий. До Георгиевки надо было добираться поездом и на лошадях. Вечером в один из холодных осенних дней Владыка со своей свитой погрузился в пригородный поезд и тронулся в путь. В вагоне было тесно и душно. Люди со своими пожитками расположились, кто как мог: кто сидел на лавочке, а кто просто растянулся на полу вагона и дремал. Пройти к выходу было почти невозможно. Поезд двигался очень медленно. Уже глубокой ночью прибыли на станцию Ново-Сергиевка. Заночевали. А утром, закутавшись в тулупы, на двух телегах отправились в путь. Предстояло на лошадях преодолеть расстояние около 80-ти километров. Дорога была промерзшей, телегу то и дело подбрасывало и трясло. В одном месте едва не опрокинулись. Ехали весь день. Не доезжая километров 30 до

Георгиевки, путники заночевали в одном небольшом селе. Заболел келейник. Святитель положил его на ночь около себя и всю ночь согревал его своим телом. Утром болезнь прошла. В Георгиевку добрались в середине дня. Владыку встретили с колокольным звоном. В доме священника согрелись и подкрепились пищей. Вечером началась всенощная. В храме, несмотря на то, что весь он был переполнен людьми, было холодно. Храм не отапливался уже многие годы. Владыка стоял в алтаре в зимней рясе, а священники, диаконы и прислужники были облачены в священные ризы прямо поверх зимнего пальто. С каждым выдохом клубы пара так и поднимались ввысь. Ноги и руки мерзли. Но, несмотря на холод, молились усердно, и всенощная окончилась с подъемом религиозных чувств.

На следующий день Владыка совершил освящение храма и литургию. В церкви было так холодно, что бедному святителю пришлось надевать перчатки. Но и они не помогали. Освященная вода, едва только ею окропляли церковные вещи, моментально застывала и превращалась в мелкие ледяные шарики. Металлические сосуды настолько накалялись от мороза, что буквально обжигали голые руки священнослужителей. Боялись за Владыку. Уж очень в трудных условиях приходилось совершать освящение храма и богослужение. Но все обошлось благополучно. Забыты и холод и все трудности. На лицах светилась радость. Еще один освящен престол, на котором будет совершаться бескровная жертва.

В обратный путь отбыли на грузовой машине. Владыка, закутанный в тулуп, сидел в кабине, а все остальные устроились в кузове. Ночью добрались до Ново-Сергиевки, а рано утром пригородным поездом отбыли в свой родной город.

Иногда посещение приходов сопровождалось огорчением для Владыки по вине иподиаконов и келейника. Помнится, как летом 1947 года Владыка прибыл на мотоцикле в Нижнюю Павловку для освящения храма. Во время всенощной келейник стал приготовлять архиерейское облачение. И каково же было его смущение, когда среди облачения не нашлось ни одного омофора: ни большого, ни малого. Со стыдом открыл он это старцу-архиерею. Владыка был крайне огорчен.

— Сколько раз говорил я тебе,— с видом глубокого раздражения наставлял он келейника,— чтобы ты составил список, а ты все остаешься на своем! И вот результат твоего непослушания. Что хочешь, то и делай, а омофоры чтобы были здесь!

Бедный келейник достал в алтаре несколько белых полотенец и у местной портнихи после всенощной до глубокой ночи шил малый омофор.

А утром — опять случилось искушение. Когда надели малый омофор на Владыку, то оказалось, что пуговицы были пришиты не на месте: они торчали на верхнем краю омофора. Святитель заметно нервничал и не хотел снимать омофор для переделки пуговиц.

— Оставьте, не надо! — повторял он на просьбу иподиаконов, стремясь уйти от них. И лишь только после длительных уговоров Владыка дозволил переделать пуговицы.

А однажды иподиаконы ухитрились забыть чемоданы с облачением дома, так что когда Владыка прибыл на праздник в Бузулук, облачения не оказалось. Пришлось монашкам на месте быстрым темпом делать облачение: кто саккос, кто омофоры, кто мантию, кто клобук, а кто орлецы.

Вот такими трудностями и такими приключениями сопровождались владычные поездки по епархии. Но со всеми трудностями он мирился и не придавал большого значения оплошностям своего келейника и иподиаконов.

ДУХОВЕНСТВО

Вопрос о духовенстве был весьма сложный. Не хватало священников. Да и те, с которыми приходилось сталкиваться, не все оказывались на высоте своего положения. Некоторые из них не лишены были отдельных нравственных пороков как, например, пьянства и праздности. Вот и приходилось святителю, где только возможно, выискивать кандидатов во священники. И кандидаты находились как из простецов, так и ученых. В основном это были достойные служители, но некоторые — просто одно недоразумение. Помню, как посвятили одного старичка во диакона, так он, что называется, заморил нас от смеха. Как начнет, бывало, произносить ектению дрожащим старческим голоском: «Пы-аки-ии и пы-аки-иии ми-ии-ром Го-оо-споду по-о-моо-лимся», а певцы и служители губы прикусывают, чтобы не разразиться смехом. А пот у него с головы ручьями льется, даже пар подымается. Кряхтит, бедненький, платком то и дело вытирается. А уж как Евангелие читать, то тут греха не обирались. Что ни слово — то вранье. Просто одно искушение с ним. К счастью, подобных служителей было мало.

Большая заслуга Владыки была в том, что он правильно оценил религиозные нужды верующих, живших в отдаленных от Церкви местах, и учредил разъездное священство. Для этой цели было выделено 10 священников, которые систематически в разное время года разъезжали по деревням и селам и там на дому у верующих совершали крещение, причащение, соборование, браки, молебны, панихиды и другие требы.

Съезд духовенства и мирян (февраль 1947 года).

Разъездные священники оставались в силе до самых последних дней пребывания Владыки на Чкаловской кафедре.

К духовенству святитель относился по-отечески. Священников он любил. Даже тех, которые недостойны были его любви. Материально нуждающимся Владыка оказывал денежную помощь. Провинившихся если он и наказывал, то наказывал снисходительно. Владыка всегда учитывал материальное положение согрешивших батюшек. Иногда и нужно было бы строго наказать того или иного священника, особенно пьяницу, но святитель и здесь проявлял свое снисхождение, даже порой в ущерб церковному делу. Он так рассуждал, если уволить священника, значит за неимением другого приход останется без службы, а в это время могут люди умереть без крещения, покаяния и причастия. Пусть хотя он и недостойно себя ведет и соблазнительно для верующих, но я буду спокоен за то, что многие покрестят своих детей и примут Христовы Тайны.

Но были случаи, когда отдельных священников, вышедших совершенно из повиновения архиерейского, Владыка не щадил и вооружался против таковых своим гневом. Так поступил он с упо- мянутым выше настоятелем Никольского храма г. Орска о. Вениамином Ионовым за то, что тот за последнее время слишком возомнил о себе и даже не пожелал в течение месяца вести с архиереем переписку. Но с Ионовым дело тем и кончилось, что Владыка морально его наказал пред всем народом в свой приезд в Орск, потом добрые отношения с архиереем восстановились. А вот с

Архиепископ Мануил и члены Епархиального Совета (авг. 1948 года).

протоиереем Леонидом Смирновым, настоятелем Петропавловской церкви г. Бузулука, отношения испортились окончательно. Владыка первоначально его ценил и жалел. Но когда тот стал много пить и выходить совершенно из повиновения, тогда святитель, после ряда увещеваний, обрушил на него весь свой гнев. Помню, как Владыка вызвал батюшку к себе в Чкалов и начал его пробирать, да так резко, что мы подумали, не случилось ли что с Владыкой.

— Я тебе покажу,— кричал что есть силы святитель,— как заниматься пьянством и болтаться, где попало.— Почему ты выдумываешь всякие новости в богослужении и чуть не служишь по-архиерейски?

— Я этого не делаю, Ваше Преосвященство! — чуть не плача отвечал о. Леонид.

— Как не делаешь?! — вскипел Владыка и с силою ударил кулаком по столу.— Ты еще смеешь мне возражать! Святитель не на шутку разошелся. Он кричал и стучал по столу, вызывая священника на откровенность. На крик вбежал в комнату соборный настоятель о. Сергий Ногачевский. Едва успокоили Владыку, а о. Леонида проводили с миром. Дело этим не кончилось. Святитель положил себе на стол принесенное ему большое яблоко и сказал: «Не буду

вкушать его до тех пор пока оно не сгниет, а с ним и кончится вражда о. Леонида». Владыка ожидал раскаяния и исправления отца протоиерея и потому его не наказывал. Время шло, а о. Леонид не исправлялся. Святитель упустил очень важный момент для его перевода.

После праздника Крещения в 1947 году на имя Владыки поступило большое заявление от церковного Совета Петропавловской церкви г. Бузулука с жалобой на о. настоятеля и с просьбой убрать его из города. Владыка согласился, ибо факты подтверждали жалобу на о. Леонида,и в виде наказания нашел нужным перевести его из Бузулука в Абдулино.

Был написан соответствующий указ и переслан по назначению. Но получилось не так, как хотелось святителю. Настоятель, получив указ, и не думал уходить. Своим плаксивым и страдальческим видом он разжалобил верующих и начал пред всем народом обличать тех, кто стоял у свечного ящика и кто писал на него жалобу Владыке. Народ взбунтовался. Стали создаваться группировки и писаться целые послания и трактаты на имя архиерея о «страдальце»-настоятеле. Волнение народное увеличивалось. В храме стали раздаваться выкрики:

— Мы не пустим тебя, милый батюшка! — с раздирающим сердце криком вопили одни.— Это иуды и негодяи! — указывая пальцами на членов приходского Совета, зловеще кричали другие.— Вон их отсюда! Не дадим тебя! Не отпустим, батюшка родной, страдалец ты наш! До самого архиерея доберемся, но не дадим!»

Положение было критическое. Для умиротворения народа Владыка послал своего келейника-диакона. Все было, кажется, приложено для умиротворения Петропавловского прихода. Но умиротворение так и не последовало. Отец Леонид уехал из Бузулука, но народ долго бунтовал и даже были выкрики о закрытии храма, раз нет их любимого батюшки. Только спустя год народ осознал свою ошибку и просил у Владыки прощения за свой неразумный поступок против него.

Святитель очень сожалел, что он не сумел своевременно убрать о. Леонида и за свою медлительность получил такой удар.

— Смотри, отче Иоанне,— наставлял он своего келейника,— когда будешь архиереем, не допускай промедлительности, какую я допустил в деле о. Леонида Смирнова.

Для решения разных насущных вопросов на приходах святитель в феврале (12—15) 1947 года созвал съезд духовенства и мирян в г. Чкалове. Он продолжался в течение нескольких дней с большим религиозным подъемом.

В повестке дня съезда стояли такие темы:

1. Проработка «Положения об управлении Русской Православной Церкви» и «Инструкции о порядке ведения учета в церковных общинах».

2. Взносы и Епархиальный фонд.

3. Денежные взносы на духовные школы, на восстановление Троице-Сергиевой Лавры, на сирот и семьям погибших воинов в Отечественной войне 1941—1945 гг.

4. О патриотической деятельности Епархии.

5. О сектах: баптистах, самозванцах, проходимцах, евстафьевцах, оппозиционерах-раскольниках.

Настоятелем отдельных городских приходов было поручено произносить проповеди за богослужением в кафедральном Никольском соборе — кому за вечерним, а кому за литургией.

Всем участникам этого съезда была вручена небольшая брошюра «Памятка пастырю», составленная самим святителем.

Подобный же съезд намечался и на 1948 год, но он не состоялся.

БОГОСЛУЖЕНИЕ

Владыка любил служить. И служил часто. Кроме праздничных и воскресных дней, святитель неопустительно совершал богослужение в дни малых святых, а в первые два года наравне со священниками нес чреду. И тогда он служил ежедневно целую неделю. По воскресным дням после литургии Владыка не уходил домой, а выходил к панихидному столу и сам служил панихиду, за которой поминал бесчисленное количество имен усопших.

Праздничное богослужение святитель совершал торжественно. Любил внешнюю парадность, особенно за всенощным бдением. Бывало, как пойдут кадить храм во время полиелея, так образовывалась цепочка прислуживающих метра в 4 и более. Впереди шел свещеносец, затем посошник, далее иподиакон с трикирем, репидоносец, диакон со свечой, архиерей, за ним диакон со свечой, репидоносец, иподиакон с двукирием.

Большое значение Владыка придавал божественной литургии. К ней он всегда готовился со страхом. Литургия для него была жизнь. Во время Евхаристического канона он весь уходил в молитву. Благоговение ему сопутствовало за всеми богослужениями. У него были свои обязанности. Во время «Херувимской» и «Тебе поем» руки он воздевал с мистическим значением. Первый раз он воздевал их почти на уровне плеч — —, второй раз — на 45° выше \ /, а третий — почти соединял их вверху | |. Получался своеобразный мистически треугольник . Он означал эмблему Святой Тро-

ицы, противоположную эмблеме масонов, обращенной треугольником вниз .

В первые годы, когда многие не знали напамять Символа Веры, он приказал крупными буквами на больших фанерных щитах написать «Символ Веры» и во время пения «Верую» выносить их на середину храма. Сам же он и выходил регентовать и петь с народом. Получалось очень мощное пение. На словах «и страдавша и погребена» пение замедлялось до протяжного, чтобы этим подчеркнуть страдания Христовы.

Службу святитель любил уставную. Первое время всенощная под праздники продолжалась не менее 4 часов. Затем, учитывая немощь людей, на час сократили.

В виде опыта, чтобы частично познакомить верующих с древними всенощными, он дважды устраивал ночное моление: одно в Бузулуке, а другое в Чкалове в кафедральном соборе. Полного удовлетворения, конечно, не получилось. В Бузулуке летом в 1946 году я помню, как в начале всенощной был особый подъем, а уж под конец службы за литургией многие ослабели. Отец Леонид Смирнов едва не рухнул на пол от подступившей дремоты. В соборе же получилось еще хуже. Там ночные моления устроили под праздник Рождества Христова. Всенощную начали в 12 часов ночи. В основном люди были приезжие и, конечно, уставшие. Перед службой они улеглись в храме спать, и когда архиерей проходил с каждением по храму, звеня бубенцами кадила, так они, бедные, спросонья не знали, что происходит вокруг них, и шарахались от кадила как от огня.

С большим подъемом проходили акафисты святителю НИКОЛАЮ по четвергам. Они всегда сопровождались народным пением и проповедью самого Владыки о жизни св. НИКОЛАЯ.

Усталости за богослужением святитель не знал. Он буквально всех поражал своею неутомимостью. Вспоминается, как в 1948 году Владыка служил в день праздника Вознесения в г. Бузулуке в Петропавловской церкви. Жара была просто невыносимая. Все обливались потом. Но кончилась литургия, и Владыка, несмотря на усталость и жару, крестным ходом и пешком пошел за реку Самарку на гору, чтобы под открытым небом совершить по обычаю праздничный молебен. Многие не хотели идти, но, воодушевленные примером своего архипастыря, превозмогая усталость, пошли. На горе перед началом молебна с Владыкой тогда случился сердечный приступ, и он потерял сознание. Домой его привезли уже на лошади.

Сколько любви проявил святитель к прославлению чудотворной иконы Божией Матери, именуемой «ТАБЫНСКОЙ».

В 1947 году на третий день Троицы по его инициативе был организован крестный ход с иконой из Чкалова в местечко Табынь

Уфимской области, где некогда явилась икона Богоматери. Владыка сам отслужил напутственный молебен, окропил паломников святой водой и благословил их в путь.

К девятой пятнице по Пасхе паломники возвратились и поставили икону в Михайловском молитвенном доме. В пятницу 21 июня решено было перенести ее в кафедральный собор. Святитель отслужил в молитвенном доме литургию и с крестным ходом направился в Никольский храм. Чудное было зрелище!

Крестный ход двигался очень и очень медленно. Святыню несли духовенство и простые верующие. Впереди, в полном облачении, с посохом в руке шел Владыка. Народ сплошным потоком валил на улицы города, где проносили святую икону БОГОМАТЕРИ. Стояла сухая, солнечная погода, и пыль от идущих людей столбом поднималась вверх и медленно оседала на одежды и лица людей. Крестный ход все ближе и ближе продвигался к собору. Вот он уже завернул за церковную ограду и направился прямо к воротам. Теперь ясно можно было различить святыню и Владыку. Митра и все облачение святителя, да и лицо его — все в пыли. Но Владыка шел бодро и величаво, не обращая на пыль никакого внимания.

Икону встретило соборное духовенство и тотчас был отслужен водосвятный молебен. Святитель погрузил св. икону и затем с возгласом: «Пресвятая Богородица, спаси нас!» — осенил Ею народ. Святыню обнесли вокруг храма и поставили посреди церкви для благоговейного преклонения.

С этого дня Владыка установил править всенощную с акафистом в канун девятой пятницы и три дня подряд, после молебна, совершать крестный ход вокруг храма с иконой Божией Матери.

Святитель очень много проповедывал. Почти ни одной праздничной литургии он не оставлял паству свою без поучения, за исключением только тех дней, когда он заставлял проповедывать за поздними литургиями своего келейника. Характер проповеди у него был разнообразный. Он говорил и на апологетические темы, нравственные, исторические, а больше всего на аскетические. На последние темы он любил говорить, вернее беседовать, по воскресным дням вечером. Сколько теплоты влагал святитель в эти и другие проповеди! Во всем, о чем он говорил, чувствовалось его искренность и убежденность. Говорил святитель очень интересно и увлекательно и большею частью с примерами из жизни подвижников-аскетов.

ПРИЕМЫ

Если говорить о приемах архиереем духовенства и мирян, то об этом следует начинать прежде всего с помещения и времени.

Специального помещения для приема приходящих у Владыки не было. Для этой цели он приспособил свою гостиную в архиерейском доме. Определенного времени для приема почти не существовало. Двери архиерейского дома были открыты с 5 часов утра до позднего вечера. Любой мог придти в какое угодно для него время и быть принят Владыкой. Ограничений для посетителей не существовало. Приходили к Святителю люди всякого возраста, пола и положения. Здесь были и глубокие уже согбенные летами старики, и совсем еще дети-школьники. Здесь были и мужчины и женщины. Ученые и простецы. У каждого из них были свои разнообразные нужды. Одни приходили по чисто церковным делам, другие со своими житейскими горестями, иные за духовными наставлением, а кто за материальной помощью. Приходили и такие, которые выдавали себя за людей, близких к Московской Патриархии, и, конечно, играли на нервах святителя, обещая ему посодействовать в переводе в другую епархию. К последним принадлежал некий авантюрист под кличкой Бриче-Фассе, приехавший из Москвы якобы из Патриархии. В последствии нам пришлось встретиться с ним в Москве, но уже не как с Бриче-Фассе, а как с Черкасовым. Оказывается, он являлся частым посетителем Московской Патриархии, где его знали как простого проходимца, узнававшего адреса приезжавших архиереев и обманывавшего их.

Посетителей было так много, что Владыка оставался без обеда или же обедал уже поздно вечером. Временами он уставал от бесконечных посетителей и стремился к уединению. Однажды он решил было ограничить часы и дни приема и велел написать табличку с указанием времени приема, но из этого ничего не получилось. Люди как будто бы не замечали этой таблицы и упорно просились к нему на прием. И Владыка принимал. Таково уж было его сердце: всех утешать, а себя не жалеть. «Лучше сгореть,— говорил он,— чем тлеть». Святитель и сгорал своею любовию к ближним.

ХОЖДЕНИЕ ПО ГОРОДУ

Одними приемами Владыка не ограничивался. Не ограничивался он и церковными службами. Молитву и проповедь он выносил за пределы своего архиерейского дома и церковной ограды. Был у него круг особых почитателей, которых он принимал в своем доме и к которым сам ходил на квартиры. А приглашали его довольно часто. То на годовщину усопшего родственника, то помянуть какого-либо старца, то отслужить молебен по тому или иному случаю, то освятить новый дом. Словом, причин к этому было много. Святитель не отказывал никому. Ходил он обычно пешком со своим келейником. А путь бывал немалый, два-три километра. Иногда Владыка огорчался

за обман, допускавшийся просителями ради того, чтобы не напугать святителя дальностью расстояния.

Помню как-то раз пришла одна женщина и просит Владыку посетить их дом и отслужить панихиду по какому-то старцу.

— А далеко ты живешь? — спросил он ее.

— Нет, совсем близко, вот за этими домами.

— Ну хорошо, сейчас пойдем.

Уложив в баульчик епитрахиль, малую монашескую мантию и кадило с ладаном и свечами, мы втроем тронулись в путь. Миновали кладбище, идем дальше.

— Да где же ваш дом-то? — забеспокоился Владыка.

— Да вот здесь, недалечко,— смеясь ответила спутница.

Подаяние милостыни

Прошли еще три больших квартала, а дома все нет и нет.

— Ну и недалечко! — укорял женщину святитель.— Если бы я знал, что так далеко, я бы не пошел. Зачем же ты обманываешь?

— Простите, святый Владыка, скоро придем. Вон в том квартале.— Женщина показала рукой на отдаленный квартал. Пришлось пройти еще несколько кварталов, прежде чем достигли желанного дома.

И таких «близких» домов Владыка посетил немало. Цель всех этих хождений по частным домам заключалась не в одних только панихидах и молебнах, но и в духовном утешении, которое святитель приносил людям. А утешение было большое. За трапезой Владыка расспросит, кто как живет, и расскажет что-либо интересное из духовной жизни. Если заметит неправости, исправит. Все это, как доброе семя, падало на ниву людскую и вносило умиротворение и приносило богатые плоды духа. Любил он народ, и ради любви к нему он не считался ни с расстоянием, ни с палящим солнцем, ни с зимней стужей, ни пыльною дорогой, ни грязью, ни дождем. Только бы успеть принести людям любовь и добро.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Наряду с общеепархиальными делами святитель занимался и литературной деятельностью. В его келии стояли ящички с многотысячными карточкам и еще не обработанного материала по церковной

истории, по агиологии, подвижникам благочестия и т. п. Они как бы манили его и звали к себе на помощь. И святитель откликнулся. В 1946 году он приступил к литературным трудам. Нашлись местные и приезжие люди, изъявившие свое согласие быть его техническими работниками в научных трудах. Работа закипела бурным потоком. Помощницы разбирали и систематизировали исторический материал, а Владыка вносил известные коррективы и в целом руководил работой. Основной упор был сделан на биографии русских архиереев периода с 1897 по 1947 годы. Вчерне эта работа была закончена к концу 1947 года и предоставлена в Московскую духовную академию проф.-прот. Савицкому и в Священный Синод. Труд был признан полезным как справочник. Тогда же проф.-прот. Савицкий высказал свое пожелание автору, чтобы он этот труд расширил и, наряду с краткими биографиями, поместил литературные труды того или иного архиерея и подал бы работу в академию в качестве научного труда. Это дало повод святителю углубить свою работу и подготавливать ее к академическому изданию. И пока собирался материал и обрабатывались разные периодические издания, Владыка в начале 1948 года выпустил свой труд в сокращении для нужд Московской Патриархии, а сам продолжил другие работы, как-то «Святая и боголюбивая Русь». «Небесная помощь людям» и др.

Святитель кипел желанием как можно больше сделать полезного для церковной науки. Он готовил материал для подробной биографии митрополита Московского ФИЛАРЕТА (Дроздова), для архиереологии, для верного месяцеслова и для многих агиологических работ. Тогда же им был частично подготовлен материал для каталога обновленческих архиереев. Но все это осталось незаконченным. Совершиться этому помешало его удаление от епархиальных дел.

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

В личной жизни святитель был аскетом-подвижником. Одевался он очень просто, и особенно когда находился в домашней обстановке. Черный шерстяной весь в заплатках подрясник почти не сходил с его плеч. Сколько раз домашние предлагали ему носить более приличное одеяние, но он так и не согласился. Заплатанный подрясник ему был дорог как память о монастырской жизни в Николо-Столпенской пустыни. Расшитых поясов он не любил, носил исключительно свой монашеский кожаный пояс. На голове у него всегда была надета скуфейка. Лишние подрясники и рясы святитель не держал в своем гардеробе. Он быстро находил им место: то диакону отдаст, то бедному священнику, а чаще всего, если подходили по росту, новорукополагаемым.

К пище Владыка совершенно был беспристрастен. Часто забывал о ней. Вкушал он очень мало. Готовят ему, бывало, повара, переживают, все хочется получше, да побольше. Подадут на стол, а Владыка ложечку хлебнет, кусочек вкусит — и в сторону. «Вот я и сыт»,— скажет.

А иногда он налагал на себя недельный пост. Тогда в эти дни святитель вкушал только хлеб и воду. То же самое происходило в среду и пятницу.

Щедрости его не было предела. Она совершалась и явно и тайно. Каждый раз, когда Владыка приходил в церковь, он оделял всех нищих без исключения рубликами. И рублики эти никогда не оскудевали. А в праздничные дни приглашал к себе на дом до 50 человек нищих и устраивал им обед. Домашние, конечно, ворчали иногда — хлопот много и расходов немало, но Владыка делал свое дело. Нуждающиеся приходили к нему запросто как в свой дом. Одни просили денег на билет, другие купить одежду или обувь. Святитель оделял и тех и других.

Вот пришла девочка лет 9—10 и просит: «Скажите Владыке, чтобы он меня увидел». У девочки болен брат — нужна электрическая лампочка. Владыка заворачивает лампочку в газету. Девочка просит еще газету, чтобы обернуть книгу. В заключение святитель выносит коробку с печением, откладывает половину печения «для себя», остальное отдает девочке с тем, чтобы она поименно раздала своим семейным. Половина его печения тоже попадает какому-то мальчику. На столе у Владыки кипа тетрадей и учебников для необеспеченных детей. Здесь вроде бы как в универмаге — приходят за всем. Владыка сам следил за вещами, какие выдавали просящим. Хорошо ли залиты галоши, тепла ли фуфайка и т. д.

А сколько было тайных милостыней! Их не перечесть. Очень многих он выручал из материальной беды. То даст на покупку дров, то дома, то лекарства и т. п. Бывали моменты, когда в домашней кладовой не оставалось ни куска хлеба, и тетя Феклуша жаловалась со слезами: «Владыка, что же мы будем делать? Кормить-то нечем?» А Владыка только улыбнется и скажет: «Святитель НИКОЛАЙ не оставит». И действительно не оставлял. Через несколько часов кто-нибудь приносил хлеб и все необходимое.

Бывали и такие случаи, когда люди приходили за помощью, а у Владыки не было в это время ничего. Тогда он назначал им время и говорил: «Приходите вот тогда-то и что пошлет вам святитель Николай, то и получите». К назначенному времени приходили просители. Владыка открывал почтовый ящик и находил в пакетах деньги и тут же отдавал их все пришедшим.

Святитель часто замечал, что едва он отдавал нуждающимся одной рукой, как другой тут же получал в равной или в большей мере.

Владыка широко открывал двери своего дома для странноприимства. Кто только в его доме не ночевал: и батюшки, и матушки, и люди интеллигентные и простые. Не обходилось почти ни одного дня, чтобы у Владыки кто-либо не остановился на ночлег. Гостеприимным был он хозяином.

Молитвенное правило святитель совершал неизменно и в основном по четкам. Одно время он установил совершать полунощницу в 11 часов вечера для всех домашних. Как хорошо было в эти минуты.

Спал Владыка мало. Ложился обычно не ранее 2-х часов ночи, а в шесть уже был на ногах. Днем изредка удавалось прилечь, чтобы дать немного отдыха своим ногам.

В церковь Владыка ходил всегда пешком. Транспортом же пользовался только для поездки в молитвенный дом. На машину ему как-то не везло. Купили ему однажды старую «эмку» — и то неудачно. Поехал он на ней в Михайловский молитвенный дом, все было хорошо, а оттуда после всенощной где-то застряли среди болота. Хорошо, что Владыка был в сапогах. По грязи на сухое место вышел. Пришел домой, зовет домашних: «Берите лопаты и веревки и бежите скорее на такую-то улицу машину вытаскивать!» Вытащили. «Эмку» продали, купили «Оппель-капитан», да он оказался таким дряхлым, что и выехать боялись за ворота. Продали и его. Так Владыка и ходил в Никольский храм пешком — в мороз и стужу, в солнцепек и в ненастье.

Владыка очень не любил прекословия. За это он строго наказывал виновных. Однажды его келейник по какому-то поводу стал противоречить святителю. Тот огорчился и решил наказать самым строжайшим образом. Владыка наложил на уста свои молчание и не стал разговаривать с ним и не принимать от него никаких услуг. Он делал все сам: сам одевался, сам раздевался, сам снимал сапоги, убирал за собою постель и т. д. Если келейник шел с ним в храм, то он повелевал ему идти только сзади и в полном молчании. Наказание свое Владыка снял только спустя несколько дней и когда келейник смиренно испросил у него прощения. До некоторой степени святитель был щепетильным. Любил, чтобы все делалось аккуратно и так, как он скажет. Страшно огорчался, когда не выполнялось первое его слово или просьба.

Как-то шли он и келейник вместе из храма, и Владыка, обратившись к нему, сказал: «Знаешь, что, отче? Иди в фотографию и возьми там снимки Покровского собора, они нам так нужны».

— Ну зачем сейчас? — возразил ему келейник.— Вот придем домой, переоденемся и тогда схожу.

— Не надо! — вдруг с гневом ответил святитель.— Я сам схожу. Глаза его искрились от гнева, а лицо побагровело. Он оттолкнул послушника в сторону, а сам быстрыми шагами направился в город. Келейник умолял его остановиться и предлагал ему свои услуги — пойти в фотографию, но Владыка остался непреклонным, не изменил своего решения. У него была железная воля.

Таков был святитель в личной жизни.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ПРЕБЫВАНИЯ НА ЧКАЛОВСКОЙ КАФЕДРЕ

В марте 1948 года святитель скромно отпраздновал свое трехлетнее пребывание на Чкаловской кафедре. Соборный причт вместе с церковным Советом и причт Михайловского молитвенного дома преподнесли ему теплый адрес, в котором отметили все церковные заслуги, сделанные им для епархии. В середине апреля он был вызван на сессию Синода в Москву. Здесь-то и случилось непоправимое, отрицательно повлиявшее на отношение к нему Святейшего.

После окончания сессии Патриарх спросил Владыку:

— Ваше Преосвященство, а Вы были у преподобного СЕРГИЯ в обители?

— Нет,— ответил святитель.

— О, тогда Вам обязательно следует побывать.

Владыка согласился. Был назначен день, когда он прибудет в Лавру — это была среда 6-й седмицы Великого Поста.

Но что же произошло?... Произошло печальное.

Едва только святитель уехал из Патриархии, как Д. А. Остапов в приподнятом настроении поднял трубку телефона и позвонил в Лавру о. наместнику:

— Вы знаете, о. наместник, кто сегодня к вам собирается приехать? — И, не дождавшись ответа, сказал: — Преосвященный Мануил. Устройте, пожалуйста, ему достойную встречу!

А Владыка в это время по каким-то соображениям раздумал ехать к преподобному и не поехал.

Возник конфликт.

Наместник Лавры, извещенный о приезде Владыки Д. А. Остаповым, вышел в назначенный час со всею братиею к св. Воротам обители и стал ждать приезда Преосвященного МАНУИЛА. Но проходило время, а его все не было и не было. Так они и не дождались его. Наместник огорчился и сообщил об этом в Патриархию. Святейший был страшно возмущен подобным поступком святителя. В поступке Преосвященного он увидел просто-напросто непростительное чудачество и изменил к нему свое доброе отношение.

Когда Владыка узнал всю эту историю, то с грустью сказал своему келейнику:

— Да, отче, я поступил опрометчиво. Но все уже совершилось и поправить дело уже невозможно.

С этого времени в разговорах с приезжавшими из Чкалова Святейший всегда, когда касались имени Владыки, как-то подчеркивал и говорил: «Ведь он у вас большой чудак». В глазах Патриарха так и остался святитель «большим чудаком».

В мае и июне Владыка совершил ряд поездок по епархии. Он побывал в Медногорске, где сооружался новый храм, в Кувандыке, в Бузулуке и в Сорочинске. В это же время святитель подготовил икону «СОБОР РОССИЙСКИХ СВЯТИТЕЛЕЙ» и отправил ее и ряд снимков в Москву к предстоящему Совещанию Предстоятелей Автокефальных Церквей по случаю 500-летия автокефалии Русской Церкви. Святейший Патриарх был очень благодарен за все это Владыке.

Церковная деятельность в епархии шла полным ходом. Но уже на горизонте появились вестники ненастья. Владыка их заметил. И, чувствуя приближение непогоды, уже в мае месяце начал составлять специальную молитву «Задержания», чтобы иметь возможность закончить ряд агиологических работ. Но тучи неумолимо сгущались над святителем.

По примеру прошлого года в Табынь после молебна отправилась небольшая группа паломников, но ей было строго запрещено делать какие-либо манифестации и идти не всем вместе, а по два, по три человека. Но паломники, вопреки наказу Владыки, смастерили из веток большой венок и вставили в него небольшого размера 12×18 см ТАБЫНСКУЮ икону Божией Матери и в такой вот торжественной обстановке понесли Ее в Табынь. В Октябрьском районе они были задержаны. Председатель Сельсовета позвонил уполномоченному по делам Православной Церкви. Последний возмутился и обвинил Владыку в нарушении закона. Он уже собирался позвонить в Москву в Совет. Но, к счастью, сломалась вертушка прямого провода, и он решил предупредить святителя о грозившей ему опасности.

Для урегулирования дела с паломниками был послан келейник. Вопрос с паломниками улажен, но надвинулась новая беда. К Владыке пришел некий молодой человек, сын полковника, и просил его научить вере. Святитель отказался, но дозволил ему изредка приходить в архиерейский дом и читать духовные книги. О похождениях сына узнал отец и, конечно, вознегодовал на Владыку и высказал ему угрозу.

Роковой день неумолимо приближался. Святитель так ясно чувствовал его, что торопился все сделать необходимое для нормальной жизни епархии и для своих близких.

Архиепископ Манушл (Оренбург, 1948 год).

5 августа он учредил Епархиальный Совет, а 7 августа благословил работу первого Епархиального Благочиннического съезда. 9 августа в день великомученика и целителя ПАНТЕЛЕЙМОНА Владыка неожиданно наградил набедренником своего келейника-иеромонаха ИОАННА.

И когда келейник спросил его, почему он так поступил, Владыка ответил: «Рано утром, когда я проводил тебя в церковь, я услышал внутри себя голос, говоривший мне: "Поторопись с наградой отцу Иоанну". Я быстро взял перо и бумагу и написал указ о твоем награждении. И я уверен, что успел это сделать до своего ареста. Поверь мне, что немного осталось мне пребывать на свободе. Мое сердце чувствует, что я скоро должен быть арестован. И я радуюсь, что я сумел до этого дня наградить тебя».

18 и 22 августа Владыка отправил на имя святейшего два письма, в которых как бы отчитался пред Патриархом за всю свою прожитую жизнь в Чкаловской епархии сообщил о начавшемся усилении в области антирелигиозной пропаганды. Характерно то, что свое письмо от 22 августа святитель закончил такими словами: «Простите за эти вырвавшиеся из истерзанного сердца немногие строчки и правдивые слова, дорогой Первосвятитель наш и отец Ходатай, и не обижайтесь на меня ради Самого Господа нашего Иисуса Христа: ведь Вы должны знать и все печальные и темные стороны церковной жизни нашей горячо любимой Родины и, в частности, и Чкаловской епархии.

Но могу Вас, Ваше Святейшество, заверить, что больше Вы от меня не получите письма с такого рода содержанием. А сейчас я отчитался пред Вами за весь срок своего пребывания в Чкалове, т. е. за три с половиной года. На будущее время постараюсь замкнуться в себе и все перетерпеть молча, как должное».

«Больше Вы от меня не получите...» — как справедливы были его слова. Действительно Патриарх больше уже от него ничего не получал.

4 сентября 1948 года Владыка лишен был свободы, а 16 апреля 1949 года осужден* на десятилетнее пребывание в Потемских лагерях, там, где недалеко подвизался великий подвижник Русской земли преподобный СЕРАФИМ Саровский.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ В ПОТЕМСКИХ ЛЕСАХ

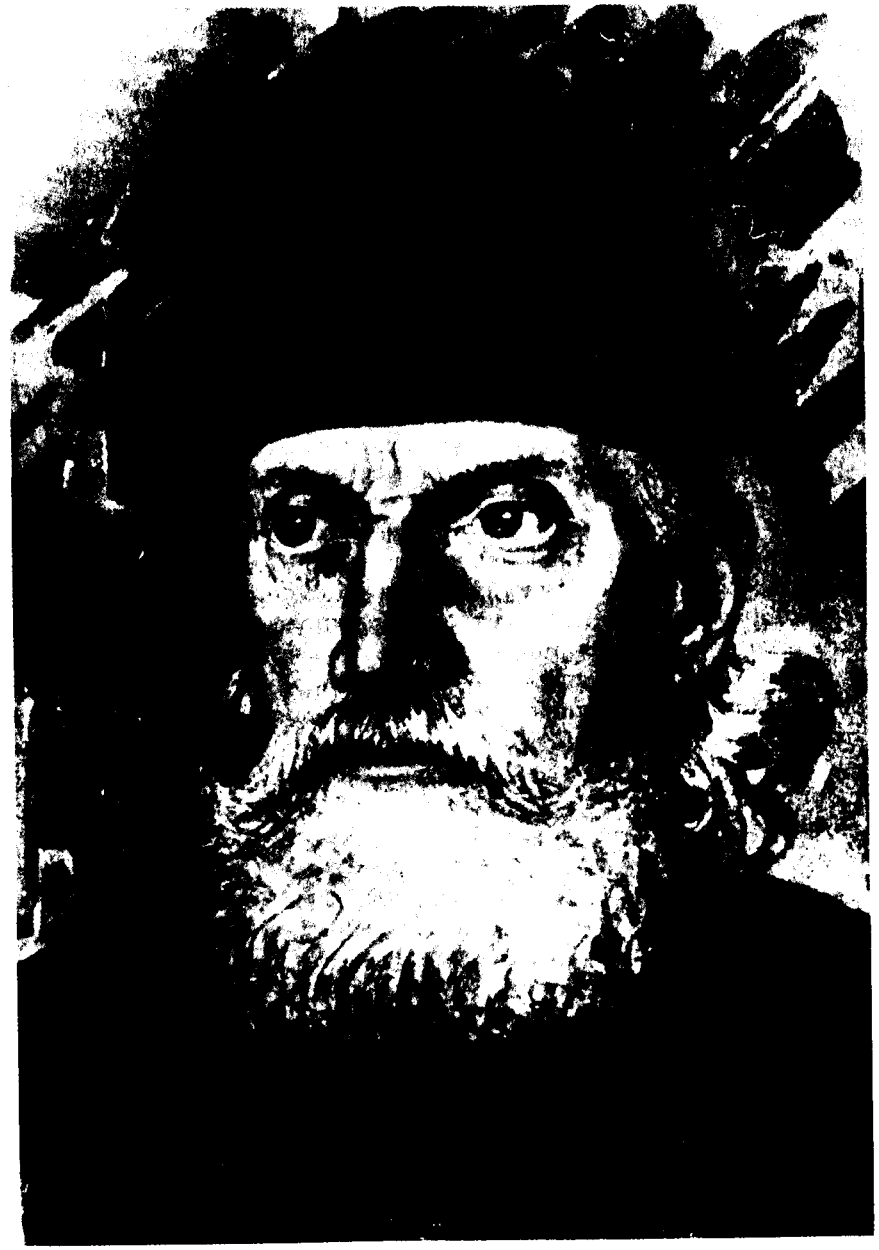
(1949—1955 гг.)

Летом 1949 года святитель поселился в местечке Явас, недалеко от города Потьмы Мордовской АССР. Здесь ему пришлось снять духовное платье и надеть светский костюм. Жил он уже не в отдельной келье, а в общем бараке со всеми заключенными. В нарах, где люди отдыхали в ночное время, кишели клопы, от которых не было спасения ни днем, ни ночью. Просыпаясь, заключенные давили их без конца, но и это им не помогало. Едва только они засыпали, как новые полки клопов яростно нападали на спящих и тянули своими хоботками рабочую кровь. Почти все заключенные изнывали от неугомонных паразитов. Один только архиепископ МАНУИЛ был свободен от их посягательств. Он, оказывается, после ряда беспокойных ночей, заключил с ними «союз о ненападении» друг на друга: «Вы,— сказал Владыка им,— не переступайте вот этой границы, а я не буду вас убивать, за нарушение — наказание». И клопы как будто бы услышали его голос и не посмели переступать той черты, которую указал им святитель.

— Вот это чудо! — заявил ему как-то раз его сосед, когда тот увидал покорных паразитов владычному слову.

Труд святителя был разнообразный. Вначале он обучался плесть рыболовные сети, а затем, как честный и аккуратный человек, был определен в каптерку принимать и выдавать заключенным посылки. Должность каптера была тем хороша, что она давала возможность святителю быть отчасти изолированным от буйного общества, а самое главное — заниматься благотворением. Посылки от своих

* Осужден был Владыка за завуалированную контрреволюцию. И здесь, конечно, была ложь сталинской эпохи. Судимость эта за недоказанностью преступлений была снята в 1958 году.



Архиепископ Мануил (Потьма, 1955 год).

духовных чад он получал ежемесячно, и все, что было самое лучшее и нужное, Владыка тайным образом отдавал нуждавшимся и больным. В некоторых случаях он даже выручал из беды работников санчасти, доставляя им необходимые медикаменты и нужные для тяжело больных продукты питания.

Неизменным его другом в каптерке был беспризорный кот «Васька», приходивший к нему рано утром не только за лакомством, но и поласкаться на его коленях и спеть ему свои печальные песни. Они как будто бы друг друга понимали в своей нелегкой доле и радовали друг друга взаимностью. И, когда котик погиб, святитель не мог удержаться от слез — так жалко было ему своего друга.

Весь крестный путь в Потемских лесах разделялся у Владыки на два периода: на период особого мужества и на период томления и покаяния. Первый период обнимает полных 6 лет, а второй — один год.

6 лет святитель не только сам нес крест мужественно, но и находил еще силы подкреплять других.

Когда он в апреле 1952 года получил письмо от своего келейника с извещением о болезнях своего сердца, Владыка не удержался написать: «Ты пишешь, что у тебя болит часто сердечко! Бедненький! Я стал просить у нашего Отца твою сердечную боль переложить по закону замены на меня, ибо я сильнее тебя и легче перенесу ее. И представь себе — 8 апреля начало болеть мое сердце, и я очень обрадовался этому. Напиши, как болит сердце — "щемит", стреляющими болями и т. д.»*.

Из Яваса святитель следил за жизнью своих близких людей и интересовался даже их житейскими делами. И давал советы, кому как поступать.

Господь видимо охранял крестоносца от неминуемой смерти.

На Пасху 1953 года Владыка рано утром разговелся яичком. Произошло отравление желудка. Внезапно он побледнел и едва держался на ногах. Все, что святитель скушал, вмиг вырвало на одеяло. Сосед-чех, очень любивший Владыку, заметив происходившее с ним неладное, попросил его лечь в постель, а сам, взяв испачканное одеяло, отправился в баню (он был банник) обмывать его. Оставшись один, Владыка почувствовал, что оставаться в таком состоянии было нельзя. Тогда он напряг все свои слабенькие силы и в одном нижнем белье отправился в медпункт. Сколько он прошел от своего барака, святитель сам не помнит, но только внезапно помутнело у него в глазах и он, теряя сознание, упал на землю. Была весна, и снег тонким слоем еще лежал на земле... Уткнувшись лицом в снег, Владыка лежал без сознания, и смерть неминуемо следовала за ним. В таком положении он находился почти 10—15 минут. В это

* Письмо к родным от 8—10 апреля 1952 г.

время тот же чех возвращался из бани к себе в барак. О чем он думал, неизвестно никому, но только его взор остановился на лежащем в снегу каком-то предмете. Он быстро подошел к этому предмету и ахнул: «Боже мой, да это же мой соседушка!» Глубокое сострадание охватило его сердце. Он нежно поднял своими могучими руками все еще находившегося без сознания святителя и быстрыми шагами направился в санчасть. Там была оказана медицинская помощь, и Владыка остался живым.

Почти 6 лет Владыка сохранял бодрость духа, среди гнетущего одиночества, вдали от своих духовных чад, при воспоминании о которых у него всегда щемило сердце.

Она поддерживалась у него двумя факторами: сознанием своей вины пред Богом и людьми и служением ближним.

«Не забывайте,— писал он родным,— что я страдал и страдаю сейчас за свои личные и церковные грехи, ошибки, за бывшие высказывания. В этих страданиях хотя немного искуплю свои вины пред Богом и (Сов. властью) и окружающими меня людьми... И вы немало страдаете за меня, но разница у нас та, что вы все вместе, делитесь своими переживаниями, а я все в своем собственном одиночестве, ибо нет людей, которые восприняли бы мои скорби и страдания душевные. Но эта замкнутость закаляет душу мою и делает ее стойкой. Плоть моя немощна, но дух бодр и воскрылия его влекут на служение ближним»...

Очень важно, что суровые удары судьбы он смягчал предварительной подготовкой к ним. И это, можно сказать, спасало его от моральной катастрофы.

«... какие удары судьбе моей ни последовали бы,— утешал он родных,— но я ко всем им подготовился и к тому прощальному, который может ожидать меня на завтрашний день моей жизни, и остается одно желание — молча, тихо, тихо удалиться по воле и зову моего Начальника тишины Сладчайшего Иисуса Христа в место, Ему одному ведомое, предназначенное именно мне по воле Его, как моего утешителя»**.

Бодрость духа, поддерживаемая богопреданностью, положительно сказалась как на режиме дня, так и на его телесном здоровье. Постоянное воздержание во всем и строгий режим дня соблюдались им неизменно. И здоровье его за первые шесть лет осталось почти нормальным. Кое-что изменилось в его внешнем облике, но в общем святитель оставался все таким же живым и подвижным, каким он был в Чкалове до своего заключения.

«Вы пишете,— отвечал он родным,— что здоровье мое слабенькое, что я, наверное, изменился за эти годы, что мне уже 70 лет. Но

* Письмо к родным от 9 ноября 1954 года.
** Там же.

что же сказать вам на все это? Читаю и пишу без очков, лекарства, которые получал в посылках, не принимал, и доктора удивляются, что хожу быстро, без палочки, что работаю весь день и что нутро мое все здоровое и в порядке, но всему этому я обязан постоянному воздержанию во всем и режиму... жизни. В теле я остался таким же худеньким и легким, каким был при вас. Остался у меня голос чистый, громкий и (когда нужно) властно грозный. Внешность моего лица, конечно, слегка изменилась, краска лица бледно-розовая без морщин и мешочков под глазами, на вас глядят пытливые суровые глаза, кудри на голове почти исчезли, но остались белые клочья, кудряки. Лицо худощавое, как при вас, держусь прямо без согбенности»*.

Самым трудным годом пребывания святителя в Явасе был, конечно, 1955-й. Словно тяжелые морские волны безжалостно обрушились на его ветхую ладью, и бедный крестоносец-пловец весь был в страхе за свое существование. Один удар следовал за другим, не давая ни минуты передохнуть святителю в неравной борьбе. Удары исходили от своих же присных. В 1954 году стало известно, что Президиум Верховного Совета СССР издал указ от 14 июля об условно-досрочном освобождении просидевших 2/3 своего срока и особенно престарелых. Владыка, в соответствии с указом, подлежал безоговорочной актировке, но и актировка могла затянуться на долгие годы, поэтому и было предпринято ряд попыток ускорить освобождение.

1 января 1955 года келейник святителя был на приеме у Святейшего. Последний просил келейника передать Преосвященному, чтобы он лично написал ему (Патриарху) прошение с просьбой о ходатайстве пред высшей инстанцией о скорейшем оформлении его дела, а он (Святейший) тогда похлопочет перед Карповым.

Святитель просьбу Патриарха выполнил: в начале января 1955 года он отослал ему специальное прошение. Но ближних своих Владыка сразу предупредил, что хлопоты «дедушки Алеши» по этой линии потерпят неудачу**. Ввиду этого он просил Патриарха, чтобы тот обратился к Генеральному Прокурору СССР только с одной просьбой: о пересмотре его (святителя) дела, как одиночного заключенного, и о смягчении его участи.

Хлопоты Святейшего действительно потерпели неудачу. На его заявление о скорейшем пересмотре дела Преосвященного МАНУИЛА в Совете последовал отказ, как не подлежащего его (Совета) ведению. Обращаться же к Генеральному Прокурору Святейший не стал, ответив, что этого он сделать не может, и посоветовал Преосвященному обратиться туда самому лично. В качестве утешения

* Там же.

** Письмо к родным от 17 января 1966 г.

Патриарх 3 февраля передал келейнику Владыки: «Пусть потерпит, ибо такова воля Божия».

Неудачные хлопоты через Святейшего в какой-то степени выбили святителя из морального равновесия и на долгий срок внесли в его душу тяжелые переживания. Снова с еще большей силой воскресли в его памяти холодные отношения к нему Патриарха и леденили его истомленное сердце. Наволакивался какой-то таинственный ужас при мысли о предстоящем будущем. Картины рисовались страшные, безотрадные.

«Будущее мое сокрыто,— писал святитель своему келейнику,— чаша страданий моих переполняется, и им не видно конца. А я знаю много такого в своих отношениях к дедушке А...(лексию), которое еще не скоро откроется тебе. А что он сейчас изменил свое отношение ко мне — ясно. Под давлением внешним он охладел ко мне. Андрюша Куйбышевский в начале поста был в Москве. Деда не видел, но в Елохове встретил Колчицкого и на его вопрос обо мне тот ответил так нетактично, что слов его я повторять не желаю... Я боюсь, что нас разлучат, с тобой мне не жить, как я об этом мечтал и писал в последних письмах. В те годы я жил надеждою на снисхождение и любовь ко мне дедушки Алексия. Теперь я понял, что тот "особый путь", который он мне готовил зимою 1953/54 гг., отошел от меня...

После неприличного и неуважительного отказа его в феврале в хлопотах, я как подумаю, что если мне когда-либо придется покинуть здешние места, то что ожидает меня на Чистом? Отказ в приеме, нежелание видеть меня, а в лучшем случае — холодный прием с предложением побыть на покое (пока подыщется подходящее место одному из старейших по хиротонии архиереев) и т. д. в том же духе. Конечно, уничижения я не перенесу, а что тогда? Уходить в оппозицию и т. д. А разве этого жаждет душа моя. Все это сознавать и знать, что и ты ничем не сможешь мне помочь в таких обстоятельствах тяжелых?... Мое настоящее положение хуже, чем было при писании ему трех писем* с мольбою о помиловании.— Но бросим писать об этом...

Бедная Феклуша, бедные дети мои, рыбки и прочие из Христова стада. Да увижу ли я вообще всех вас здесь на земле? Может быть, мне уже предопределен последний путь в разлуке с близкими? Все сокрыто от меня. А самое главное: я боюсь физически и психически этого отца А(лексия), обороняющегося в безнадежных схватках от нападающих (в рясах и с духовными мечами) и власть надо мной имущих. Я в своей беспомощности и не знаю, как быть далее. Если бы не помощь мне от РОДИМОЙ МАТУШКИ, то было бы еще тяжелее мне. Но об одном прошу тебя — не впадай в уныние от

* Он писал их в декабре 1948 года.

этого грустного письма... Смиримся перед попущением Божиим. Через слова и дела нашего общего Отца, безропотно постараемся переносить нашу разлуку и закаливать в себе силу сопротивления дьявольским козням»...

Святитель, как советовал ему Патриарх, в мае 1955 года подал заявление Генеральному Прокурору о пересмотре дела. Впрочем, и здесь было мало надежд на благой исход.

«Верю ли я в возможность своего освобождения? — писал он своему келейнику.— Не очень, но, в случае отказа, намерен подавать новое заявление в другое высшее учреждение. И не скрою от тебя — тогда я буду ждать своего вызова в Москву на переследствие. Все это сопряжено с запретом на посылки, передачи, свидания, переписку. Но и на этот путь я уже готовлю себя»* .

Дни ожидания были непередаваемо тяжки и изнурительны для души. Иногда шелест ропота доходил до тайников его сердца и тень уныния проскальзывала мимо него. Он боролся и старался гнать от себя страшную болезнь «Утро» (уныние+тоска+ропот+отчаяние)** .

Иногда у святителя возникал тяжелый помысл: ну настало ли время полного отхождения от своих близких, отхождения на молчание, т. е. на прекращение переписки и полной разобщенности. И снова возвращался к горькой мысли о Патриархе.

«На кого и на что мне рассчитывать? — излагал он свои скорби келейнику.— На Господа Бога моего и тебя, а дед нужен только как primus oficial, которому воздается честь по его сану. И все. Скорби мои о нем и о себе через него неизмеримы, тяжки и неповторимы. Сам Господь нас рассудит. Ведь сумел он выхлопотать Вениамина из Сибири и быстро поставить в Саратов. Я приготовил себя ко всем ударам судьбы моей горькой»*** .

Переживания душевные настолько были тяжелыми, что святитель допустил мысль о Богооставленности. Казалось, непроглядная тьма опустилась в его сердце и скрыла от его взора все светлое, радостное.

«Сейчас кроме страданий,— писал святитель,— у меня уже ничего не осталось, и по всему, что окружает меня здесь и в Москве, я осмеливаюсь произнести ужасные слова — об оставлении меня Господом. Это чувствуется во всех неудачах и разных препонах, попущением Божиим слагающихся вокруг меня. Был бы рад, если ошибаюсь,... но пойми... черная ночь душевных страданий, невидимых для нас, окружает меня, впереди — безотрадные дали. Никогда я не был меланхоликом и сейчас не желал бы носить такую кличку,

* Письмо к родным от 10 мая 1955 г.
** Там же.
*** Письмо к родным от 28 мая 1955 года.
**** Там же.

но пойми, вот уже столько времени ни один луч надежды на улучшение не проникал в мое истерзанное сердце. Иногда он пробегал мимо меня... и все»* .

Думы... Безотрадные думы... Они сменялись одни другими и, словно молот, били по сердцу крестоносца. Тяжело... Томительно... Где же луч отрады? Он скрылся за плотной стеной Божественного водительства.

В такой безотрадности проходили дни и ночи. Наступило 14-е число июня — канун пострига в монашество святителя. Владыка о многом думал и переживал. Чувство одиночества и отторженности от неба перемешивалось у него с радостными воспоминаниями о постриге. И вот он, Божественный луч!...

«Вдруг ночью,— рассказывал в своем письме к келейнику святитель,— (это было после 2-х часов) просыпаюсь от короткого, но запечатлевшегося во всех подробностях удивительного сна. Стою я в нижнем храме со сводами, похожими на подвальные т. н. нижние зимние московские храмы. В нем никого нет. У иконостаса горят лампады. Я знаю, что идет проскомидия. В алтаре светло, но совершенно тихо. Я стою у амвона справа: в левой руке моей черный посох, а правой — просфора без вынутого агнца. В храме полная тишина. Вдруг справа, словно дуновение благодатного и благоухающего ветра, слышу два трепетные и многозначительные слова:

— ПРЕЧИСТАЯ ГРЯДЕТ!

— Духовный восторг охватил меня. Не выпуская посоха и просфоры, опускаюсь на колени, видя как уже около меня стоит ВЕЛИКАЯ МАТЬ мира сего. РОДИМАЯ. И я от душевного восторга и страха за свое недостоинство произношу слова приветствия:

— ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

А сам нагибаюсь *наземь* и своим лицом прикасаюсь к Ее стопам, но не выпуская из рук посоха и просфоры. И жду, страдательно жду только три слова ответного Ея приветствия: «ВОИСТИНУ ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!» Она прошла неслышными шагами. И, к великой своей скорби, не слышу Ея гласа. И от этой скорби, из-за Ее молчания, я и проснулся в слезах и воздыханиях. И снова заснул, и тут вижу себя сидящим у стола при ярком электрическом свете, но с правой стороны у угла стола. Напротив меня справа сидит уже умерший, но близкий мне боголюбец великий Леонид и рядом с ним один знакомый мне молодой верующий человек, кому т. Дуня писала ответное письмо в Иркутскую область. Я рассказываю им виденный мной сон и жду от них его толкования и разъяснения. И, не получив от них ответа — я вновь проснулся. Было 4 часа 15 минут утра. В семь часов утра за литургией в убогой обители в 1911 году меня постригали в мантию. Вот и все, что я могу тебе рассказать. А

* Там же.

истолковывать не умею и боюсь и только чувствую, что молчание РОДИМОЙ означает призыв к мужеству в новых испытаниях, и страданиях, и скорбях. Ведь ПРЕЧИСТАЯ вся была одета в черном, конечно, как инокиня и первая ИГУМЕНИЯ. Не спорю, что ОНА пришла в день одеяния меня во все черное, монашеское, в день пострига моего. Но и за все это я бесконечно благодарю РОДИМУЮ»*.

Явление ПРЕЧИСТОЙ хотя и во сне, словно яркий луч солнца, озарило сердце страдальца и стало так легко, легко. А впереди готовился новый удар. В ночь на 17-е июля Владыка видит сон: все небо заволокло черными тучами. Пошел проливной дождь, а вслед за ним послышались могучие раскаты грома, засверкала молния — то была настоящая гроза. Удары молнии беспрерывно продолжались. Святитель в страхе проснулся. Утром его вызвали в канцелярию и объявили, что 1 июля состоялось обсуждение поданного им заявления и его отклонили. Оно даже не было допущено до отправления по назначению.

И вспомнил Владыка о явлении ему РОДИМОЙ, как Она подошла к нему в полном молчании без приветствия «воистину Христос воскресе», и все это отнес к только что случившемуся моменту**.

Нелегко было перенести новый удар судьбы, но святитель не упал духом и намерен был через некоторое время снова возобновить хлопоты. Все, что произошло с ним за истекшие месяцы 1955 года, он внутренне проанализировал и пришел к выводу, что над ним еще простерта десница Божия, твердая и отводящая от радостей и отдохновения душевного и покоя телесного. Факты говорили за то, что ему предстоит еще пробыть в разлуке целых три года.***

Тогда-то святитель и вступил на путь покаяния. Это был просмотр им всей своей жизни, всех ошибок и грехопадений; воскрешение в памяти всех милостей Божиих, явленных ему за прожитые годы, от самого детства до последнего дня. Взгляд в будущее и на деяния, которые необходимо творить в полном соответствии с волей Божией. Весь путь покаяния прошел он в течение пяти с половиной месяцев. Путь этот назывался «Преображением души». Он имел решающее значение в конечной его судьбе и спас святителя от душевных травм и вывел на свободу.

«Что поддерживало меня в минуты мрачной тоски,— писал Владыка в своих записях "Преображение души",— что предохраняло меня от уныния, тоски, ропота и отчаяния? Сознание своей духовной и физической ничтожности, своей греховности, а главное — сознание, что я еще не искупил своих грехов, что я не достоин никакой милости Твоей, Господи».

* Письмо к родным от 14 июля 1955 года.
** Там же.
*** Письмо к родным от 14 августа 1955 года.

Но и во время пути покаяния не избежал святитель ряда испытаний, едва не выбивших его из душевного равновесия. Они исходили от самых близких его сердцу лиц: от его духовного сына, допустившего ряд ослушаний, и от других. Страдания от всего этого были так велики, что он уподобил их «урагану», навалившемуся на его бедную душу. Они убили в нем всякую радость от возможной встречи и породили желание совершенно отойти от всего окружающего и от верных и неверных людей, и, в частности, от духовного сына*.

Но это были минуты душевных испытаний. Они быстро развеялись и свет радости снова коснулся его сердца.

День освобождения приближался. 20 ноября ему уже сказали, что их освобождение должно быть закончено к Новому году**.

4 декабря святитель еще не знал, когда наступит для него радостный день. А он уже близ, при дверях.

7 декабря 1955 года наконец наступил и его черед. Владыку вызвали и вручили ему справку об освобождении.

Сердце затрепетало, а глаза не верили всему написанному в справке. СВОБОДА! СВОБОДА!... Святитель оделся потеплее в свой бушлат, взвалил на плечи котомку с вещами и продуктами и зашагал на станцию Потьма, откуда поездом он добрался до города Куйбышева.

Из Куйбышева его самолетом доставили в Москву. 12 декабря он был уже на приеме у Святейшего. Патриарх принял его ласково и обещал назначить его на кафедру, и, очевидно, не на плохую, но и здесь произошли недоразумения. Святейший направил Владыку в Троице-Сергиеву Лавру с тем, чтобы он там временно побыл, пока не выяснится вакантная кафедра, а в праздник святителя НИКОЛАЯ попросил его принять с ним участие в богослужении. Святитель вместе с келейником выехал в Лавру и почему-то ожидал вторичного приглашения от Патриарха к службе. Но приглашения не последовало, и Владыка ни ко всенощной, ни к литургии не поехал. Святейший же его ожидал.

— Почему нет Преосвященного Мануила? — спрашивал он протопресвитера Колчицкого.

— Не могу сказать,— ответил протопресвитер.

Патриарх разгневался:

— Опять он начинает чудить!

21 декабря Святейший срочно вызвал Преосвященного из Лавры и с сердцем сказал.

— Воля Божия ехать Вам в Чебоксары, поедете?

Святитель беспрекословно повиновался воле Патриарха. И пока печатался указ о назначении, Первосвятитель не замедлил высказать Владыке нечто скорбное.

* Письмо к родным от 9 окт. 1955 г.
** Письмо к родным от 20 ноября 1955 г.

— Я имею сведения,— неожиданно заявил Святейший,— что Вы вновь играете в оппозицию.

Святитель был страшно поражен новым обвинением его со стороны Патриарха, и ему стало невыразимо горько. Это была неправда, клевета на него. Пред его взором быстро воскресли Потемские леса. Сколько он выслушивал там оскорблений от верующих за то, что он подчиняется «коммунистическому советскому Патриарху» и остается ему верен, а не ушел в оппозицию. А теперь вот из уст Первосвятителя слышит он обидное слово «оппозиционер».

Ничего не ответил на это Владыка, а только спросил, когда ему ехать в Чебоксары.

— Можете ехать хотя бы и сегодня,— резко ответил Святейший, торопя святителя из своего кабинета*.

Повинуясь воле Патриарха, Владыка смиренно принял указ, поблагодарил Святейшего за заботу о только что вернувшемся из ссылки архиерее и 23 декабря с миром отбыл к месту своего назначения.

АРХИПАСТЫРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ В ЧЕБОКСАРАХ

(1956—1960 гг.)

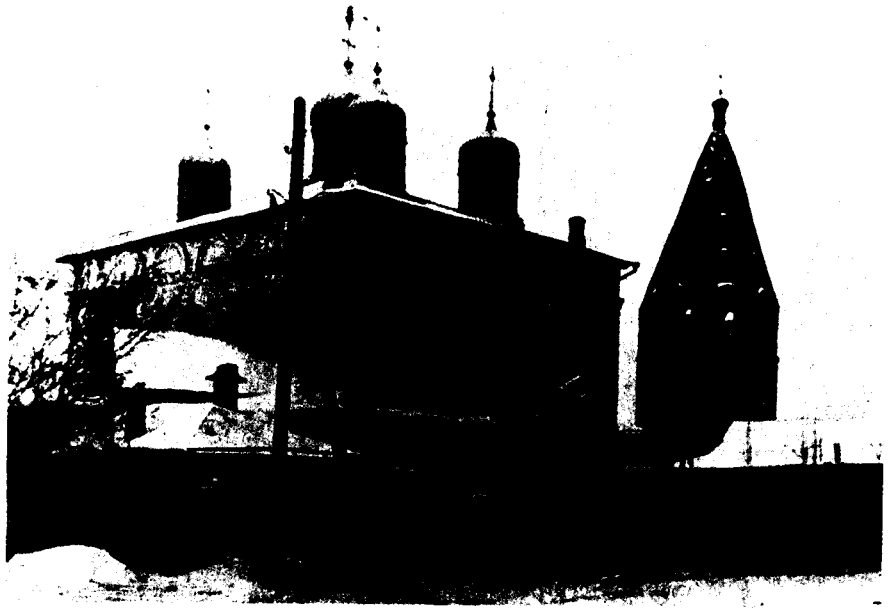
Чебоксары — столица Чувашии. Город расположен на правом берегу Волги. Население небольшое — 142 тысячи жителей.

Владыка МАНУИЛ прибыл сюда 24 декабря 1955 года в субботний день. На жительство он поместился в архиерейском доме по улице Водопроводной, 51 (впоследствие стал № 89). Дом был небольшой. Внизу 5 небольших комнат и кухня, а вверху — канцелярия. Для своей кельи святитель избрал маленькую комнату, в которой едва-едва помещались кровать вдоль стены и небольшой рабочий стол у окна.

Вечером состоялась встреча в Успенском кафедральном соборе. Зрелище было довольно плачевное. Соборное духовенство вышло на встречу почти при пустом храме. Из народа никто так и не понял и не желал понимать, кого же встречают. И это безразличие продолжалось в течение месяца. Но и после этого многие не узнавали архиерея и друг другу говорили: «Какой-то новый батюшка приехал». Словом, первая встреча с народом холодом отозвалась в сердце. Святитель сразу почувствовал, что Чебоксары для него — просто-напросто благородная ссылка. Однако во власть унынию Владыка себя не отдал. «Благородную ссылку» он решил использовать для завершения многих своих литургических и библиографиче-

* Страничка из дневника А. М. Чебоксары, ноябрь 1956 года, стр. 23—24.

Мануил, архиепископ Чебоксарский



Введенский кафедральный собор в Чебоксарах

ских работ. С первых же дней своего приезда в Чебоксары святитель приступил к составлению «Мертвенного последования над скончавшимся архиереем». В этом ему помогал его келейник иеромонах Иоанн, в то время прфессорский стипендиат Ленинградской духовной академии.

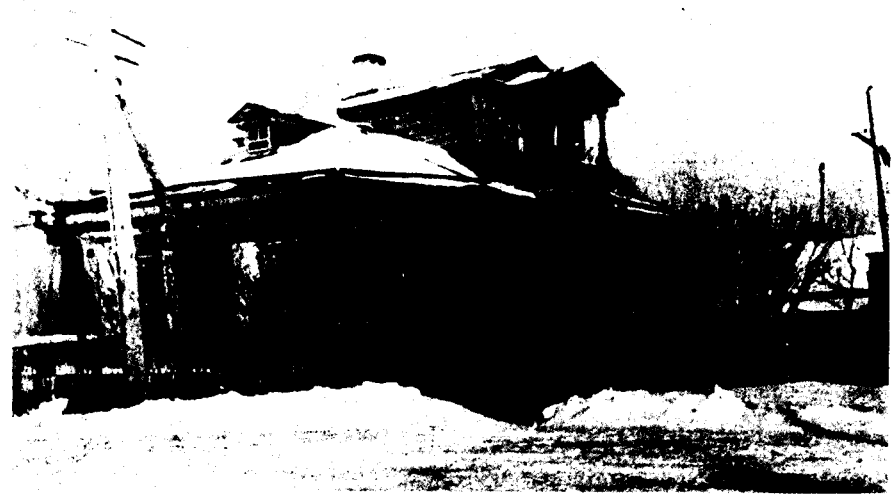
В январе 1956 года труд этот был закончен и в начале февраля передан Святейшему на рассмотрение.

Экземпляры «Мертвенного последования» были разосланы постоянным Членам Синода и ряду других архиереев на отзыв.

Отношение к новому «Чину» сложилось у иерархов самое разнообразное. Одни иерархи (члены Синода) оградили себя гробовым молчанием, другие (в меньшинстве) высказались отрицательно, а третьи одобрили. Говоря образно, «Мертвенное последование» с 1956 года вступило в область прохождения земных мытарств и закончило свое шествие только в конце 1963 года: с таким трудом оно пробивало себе дорогу в жизнь.

7 февраля Преосвященный МАНУИЛ был утвержден архиепископом Чебоксарским и Чувсшаким.

Пережитое в Потемских лесах и новая обстановка в Чебоксарах не замедлили отрицательно сказаться на здоровье святителя. В



Архиерейский дом в Чебоксарах

начале апреля 1956 года Владыка захворал воспалением почек. Болезнь настолько обострилась, что даже терялась всякая надежда на выздоровление, а сам святитель готовился уже к исходу. Когда произошел перелом в болезни и дело пошло на поправку, приходивший врач заявил, что здесь совершилось просто чудо. Целый месяц святитель пролежал в постели. Ни на Пасху, ни во всю Светлую седмицу он не служил. Был потерян самый тонус жизни. Аппетит совершенно исчез, и Владыка с каждым днем таял. Тогда решено было каким-либо образом хотя бы на время сменить обстановку. Святителю посоветовали выехать в Москву. Он согласился. 15 мая вечером на Радоницу Владыка вместе со своим келейником отбыл в столицу. И — удивительная вещь! — впервые после болезни Владыка ощутил голод и появился аппетит. Так благотворно повлияла на него перемена климата. 16 мая святитель побывал у Святейшего и был тепло им принят. Это подняло его дух и дало возможность с моральным удовлетворением трудиться в литературной области. В тот же день Владыка навестил митрополита Нестора, жившего на покое в Переделкино. Ему очень хотелось узнать мнение последнего о «Чине». Митрополит ничего утешительного не сказал. По-прежнему склонялся к иерейскому погребению, как вполне отвечающему моменту отпевания архиерея. В его речах сквозили косность и консерватизм. Странная вещь — митрополит Нестор не оказал

Архиепископ Мануил на одре болезни (весна 1956 года).

прибывшему святителю братского гостеприимства. Когда его позвали на обед, то он даже не нашел нужным хотя бы ради этикета предложить Владыке разделить с ним трапезу. Гость сидел с своим келейником в келии митрополита, пока тот обедал.

Поездка в Москву и встреча с Первоиерархом и другими людьми восстановили тонус жизни у святителя, и он радостным возвратился в Чебоксары, предварительно отслужив всенощную и литургию в Канаше в день праздника святителя НИКОЛАЯ.

Жизнь в Чувашской столице не очень баловала святителя. Материальные средства были скудны, а расходы многочисленны. Святитель едва-едва сводил концы с концами. Но скудость материальная не так тяготила его, как чувство разобщенности с чебоксарской паствой. При всем своем любвеобилии к людям, Владыка никак не мог привыкнуть к новой своей пастве, и однажды в январе 1957 года после всенощной он с грустью сказал народу:

— Не обижайтесь на меня, но вы для меня чужды. Я человек русский, а вы иной национальности. Мы не поймем друг друга. я не могу вас вместить в свое сердце.

Тоска по родному русскому народу, словно червь, точила его душу. Как ни старался святитель отгонять от себя грустные мысли, он они назойливо теребили его сердце. Мысли о переходе в другую епархию, как пчелы, донимали Владыку. И всякий мало-мальски слух о вакантных кафедрах уже настораживал внимание святителя: «Не переведут ли его туда». Но назначения проходили мимо него. А он переживал, но сам о переводе не просил. Все ожидал на то воли Божией. Весьма был огорчен тем, что Патриарх обманул его, когда в декабре 1955 года говорил ему, что Ярославскую кафедру он оставил для тогдашнего архиепископа Виктора (Святина), в то время как последний по возвращении на Родину был назначен не в Ярославль, а в Краснодар. Ярославскою же кафедрою оставлен был временно управлять епископ Угличский Исаия. Миновала его и Новосибирская епархия. Все эти «минования» Владыка отнес исключительно к тому факту, что он не имеет к себе доверия со стороны стоящих во главе церковного управления. Его обходят как «злостного рецидивиста», как «чудака», как всегда «беспокойного» человека.

За истекший 1956 год так много накопилось в его душе скорбного, что он нашел нужным о вех своих переживаниях поделиться с протопресвитером Н. Колчицким в письме к нему от 14-го ноября 1956 года.

Святитель заверял протопресвитера, а через него и Святейшего, что он ни на какое продвижение или возвышение и тем более на

Ленинградскую кафедру не претендует. Он жаждет только одного: «доверия к себе».

Позволим себе с небольшим сокращением поместить это письмо ниже.

«Дорогой о. Николай,— писал святитель.— Невольно мне за последние дни все чаще и чаще вспоминаются наши встречи, наше знакомство в Георгиевской церкви с. Коломенского накануне праздника в честь Державной иконы Богоматери в 1928 году, наши встречи в других храмах Москвы, одна встреча в Даниловском монастыре в марте того же 1928 года, куда Вы ездили »разряжать" сгущенную оппозицию т. н. Данилова уклона.

А затем мои встречи в домах с вашими восторженными почитателями по Елоховскому храму. А в 1938 году, когда Вы взяли на себя священную обязанность ухаживать за умиравшим нашим отцом и вождем Святейшим Патриархом Сергием во время его болезни воспаления легких. Сколько раз я порывался к нему. Но официально жил за закрытой для меня зоной, в 120 км от Москвы, по Октябрьской ж. д. на ст. Завидово. Я чувствовал угрызения своей совести, что не посетил больного старца. Но здесь были и другие причины, которые были связаны с необходимым и неизбежным свиданием со злым гением и вершителем моей горькой судьбы весною 1939 года, когда я поехал на поклон Канской вековой тайге — это был впоследствии убитый по дороге из Каунаса в Ригу митрополит Сергий Воскресенский (по кличке даниловцев — Митька). Тогда я еще часто встречался на ст. Клин при поездках в Москву и обратно с протоиереем С. Городвцевым, будущим митрополитом Варфоломеем, бывшим тогда настоятелем сельской церкви недалеко от ст. Завидово. И еще я виноват был в том тогда, что недооценивал личностей и роли в истории и судьбах нашей Церкви будущего — Святейшего Патриарха Сергия и Вашей.

Последующие годы показали необычайную устойчивость Вашего расположения к Первосвятителю и окончательно укрепили меня в «стойком состоянии» в (М. Ц. Ц.) Московском Церковном Центре, как называл тогда Святейший Патриарх Сергий всех архиереев, оставшихся верными Российской Православной Церкви в лице ея Первосвятителя и Священного при нем Синода.

Сейчас я радуюсь и своей позиции — я не отходил от церкви, но считаю себя виновным в один период моей жизни (примерно с 1923 по 1933 годы) в близости и частом молитвенном общении с некоторыми выходцами из Иосифлянского раскола и группы мечовцев. Дальше этого не шло, хотя митрополит Иосиф неоднократно предлагал мне возглавить иосифлянский раскол в Москве и РСФСР,

конечно до Урала, но я отказывал, как отказывал обновленцам в их предложении возглавить обновленческий раскол в Ленинграде. Невзирая на посулы белого клобука и со стороны иосифлян и обновленцев, я сохранил свой черный клобук незапятнанным и чистым. И как странно, чрез измучившие меня лагерные ссылки, церковною властью я все больше и больше был отдаляем от т. н. «Московского Церковного Центра», в последний раз будучи удаленным на теперешнее положение.

Дорогой отец Николай! Но знайте и поймите, что я во всех случаях высылки в лагеря был виновным только как «активный церковник». А согласно постановления ЦК партии от 10/XI-1954 г. о перегибах в религиозной политике я вообще должен был бы быть совершенно реабилитирован, и тем более после раскрытия бериевского подхода к арестам архиереев и церковников вообще. А я вынес впечатление из разговоров обо мне Святейшего с окружающими после последнего моего освобождения в декабре прошлого года, что ему с трудом удалось добиться утверждения моего на Чебоксарскую кафедру. Так ли это? Я располагал другими данными.

Но так как воля Божия была — быть мне назначенным в Чебоксары (слова Святейшего ко мне 21/XII-1955 года), то я сразу подчинился и поспешно выехал в Чебоксары. А сейчас я, в занятиях с книгами и картотекой и рукописями, как-то не замечаю разных отрицательных бытовых условий моей жизни и не принимаю все это и многое другое близко к сердцу своему. Между нами говоря, иногда проявление деспотизма и зажима меня со стороны «первоклассного иезуита» и «наблюдателя за мною» бывает тяжелым и невыносимым.

Простите меня за все высказанное без особого преувеличения... и вообще за все это письмо. Оно проникнуто одним желанием — обнажить свою молодую недряхлеющую душу в условиях ее окружения и разных попыток со стороны «искренних доброжелателей» как-либо попортить мое настроение, выбить из колеи налаженной жизни и... заставить поскорее уйти отсюда самому, чтобы создать вновь старое положение самодержавного властвования над трепетавшими еще недавно священнослужителями, выслушивавшими окрики, угрозы и т. п. прелести колониального жаргона, которыми обильно заграждались уста приходивших в Епархиальное управление в период заочного управления слабохарактерными и влюбленными в эту сатрапскую личность архиепископом Н,— и до сих пор чувствуется угар от этого.

Пишу Вам об этом так подробно потому, что кончается год моего пребывания здесь, и за этот небольшой хотя период уже можно подвести кое-какие итоги, сколачивать баланс всех проявлений и

интимных дружественных бесед, встреч, в теплой обстановке взаимного благодушия и «дружбы» голодного льва с невинной овечкой.

Простите за бесконечно длинное письмо. Но, учитывая, что в течение 28 лет нашего знакомства мы не переписывались, я позволил себе эту роскошь в конце текущего года, пользуясь Вашей последней теплой благодарственной телеграммой.

В прежние годы я часто задумывался о том, как это некоторые архиереи легко проникали в кулуары патриархии и делались у первосвятителей «своими людьми». И сейчас эта мысль так же иногда заостряет мое сознание — «почему я не мог быть *своим* человеком в самом лучшем смысле этого слова. Вот, например, митрополит Нестор по своем освобождении и приезде в Москву был окружен заботами, врачами и т. д., а когда я посетил Патриарха, он даже не спросил меня, как я себя чувствую, не нуждаюсь ли я в лечении, санаторном отдыхе и т. д.

Нечего греха таить, встреча Святейшего со мной была суровая. Но он был прав, так как имел дело с б. «государственным преступником», хотя и освобожденным, но в то же время «злостным рецидивистом» (только за мной стоят Соловки, Сиблаг, Краслаг и Темлаг). И так я жаждал ласки, участливого слова, но не получил,— значит заслужил этот прием...

Сейчас вся горечь от встречи и обиды забыта — все это уложилось на дне сердца моего. А почему об этом пишу я Вам. Ведь Вы всего изложенного в письме этом и не знали раньше. Я обнажаю перед Вами душу свою, чтобы больше ничего не иметь в себе против кого-либо. Например, за все время управлениями епархиями (Серпуховской и Чкаловской) я не пользовался положенными отпусками. Не ездил в дома отдыха, в санатории, на курорты...— не на что было. Я не мог себе позволить ни роскоши, ни излишеств в покупке церковно-архиерейских принадлежностей, в шитье верхней одежды, ибо стеснен был в средствах, и картина эта нисколько не изменилась в Чебоксарах, где я должен укладываться в назначенные сметные нормы. Но я и с этим смирился, ибо я всегда помню, что Господь есть хозяин кошелька моего. И так говорит Господь Бог твой: — «Я располагаю кошельком твоим, и Я хочу, чтобы ты прибегал ко Мне и был бы в зависимости от Меня» (см. «От Меня это было» схимонаха Никодима Афонского). И я уже испытал в себе радости от жизни в нужде и когда во Имя Божие приходилось отказывать в помощи ближним.

И вот все переживания, удары судьбы горькой, неоднократные многолетние разлуки с ближними, потеря имущества, святынь, книг и всего связанного с ними — все это закалило дух мой, и я сейчас ко всему стараюсь отнестись спокойно.

За любимой работой (1956 год).

В своем последнем письме к Святейшему от 10 ноября я мельком коснулся этих переживаний.

Простите еще раз меня за все здесь написанное — большая часть здесь изложенного Вам была неизвестна и впервые предлагается Вашему вниманию.

Месяцами я вожусь с картотекой архиереев. Она заключается в 18 основных ящиках и включает библиографический материал на более чем 2200 архиереев, не считая обновленческих 270 хиротоний. Я сжился с этой картотекой, вмещающей в себя не менее 20.000 вкладных карточек, я сжился с именами сотен архиереев (не знающему этого дела и безразличному непонятны и мои переживания), интимная и официальная жизнь архиереев открывается как живая книга их жизни. Но все они уже усопшие, все они молчат и поучают — не делай так, как мы поступали, а подражай праведникам-собратьям своим.

На здравствующих святителей (а их у меня всего около 120), включая находящихся на покое, проживающих в Западной Европе, (США и др. странах) имеется особая небольшая коробка, а переживания мои касаются, конечно, только усопших.

А они-то стоят как живые, когда ищешь в русских словарях, справочниках и энциклопедиях хотя бы какую-либо подтвердитель-

ную строчку, дату и т. д. Испытываешь чувство «исследовательского» волнения и словно ощущаешь около себя присутствие почившего святителя, разными иногда наводящими намеками в свою память, помогающего найти нужное в таких книгах, о которых в данный момент меньше всего думаешь. Бывало много таких случаев. И я сроднился с ними, этими тысячами в стройных рядах стоящими карточками и ящиками. Простите меня за эти высказывания.

Но это еще не все. Я стал наблюдать в себе попутно, изучая причины и обстановки жизни архиереев, их кончины и т. д., что я как бы поучаюсь у них и укрепляю в себе чувство меры и необходимой подготовки к неизбежно приближающейся смерти.

И душа жаждет покоя и такой внешней обстановки, которая могла бы создать сочетание гармонии внешней и внутренней при наступлении своей кончины. Были кончины у святителей ужасные, омерзительные, отталкивающие. И они меня повергали в священный трепет и ужас (например, архиепископа Рязанского Смарагда, архиепископа Владимира, бывшего Екатеринбургского и другие). Но наряду с этим я читал об умилительных и величавых кончинах святителей, и они удивляли и умиляли меня не только до слез, но — рыданий. Особое впечатление производила кончина Антония, архиепископа Воронежского, и Димитрия, архиепископа Казанского (Самбикина). Но были и странные кончины (например, с пером в руке за рабочим столом «на ходу» скончался епископ Порфирий (Успенский) и другие).

И я бесконечно радуюсь тому, что недаром Господь поставил меня на эту работу, чтобы очистить меня от всякия скверны и нечистоты, чтобы вытряхнуть из меня чувство зависти и недоброжелательства к некоторым здравствующим архиереям и смущающим меня -- и сделать меня сосудом, преисполненным мерности во всем внешнем и сочетанием ее с внутренней красотою, а ведь она дается не только достойным, но и смиренномудрым. На устах моих дорогие имена праведников-святителей, мною почитаемых и лично мне известных, и они воодушевляют меня на работы по этим каталогам, а главное — в «Симфонии архиереологии», которая вмещает в особой обширной картотеке ценнейший материал из жизни архиереев не только русских, но и с древнейших времен Церкви Христовой. Обработка и оформление этого материала намечена, если Господу Богу угодно будет продлить мне жизнь, в 1957 году, по окончании «Каталогов Русских Архиереев за 60 лет (1897—1957 г.)»

Вот теперь Вы, дорогой отец Николай, поймете и искренно поверите мне, что я неложно не ищу и не добиваюсь перемещения на лучшие кафедры, на более обеспеченные, чем эта, не страдаю

Кресный ход с иконой Божией Матери в с. Миренуи (1956 год, июль).

архиерейской болезнью приобретения драгоценностей, дорогих облачений и т. д. Все это *сейчас* мне уже чуждо и безразлично: мои мысли и желания парят выше всего этого и скромны и индивидуальны и несовременны нашему здравствующему епископату. Они скорее похожи на некое «юродство». Но я предпочитаю слыть чудаком, юродивым, человеком «не от мира сего», но не стремиться влиться в колонны святителей, идущих по линии наименьшего сопротивления и слывущих в молве народной — «и вот как он умеет жить».

И составляю я все эти «каталоги, списки, указатели и симфонии» потому, что знаю и по Слову Божию и по правилам Святой Церкви (см. из «Сокращенных правил» св. Василия Великого 62-е), что «всякий, кто какой бы то ни было дар Божий бережет только для собственного употребления, не делая другим блага, тот подлежит суду, как скрывший свой талант». И в этом сознании я черпаю свои силы духовные для завершения начатого. Доколе мы хотим и думаем быть чем-нибудь, дотоле Он, Господь, не начинает в нас Своего дела, ибо смирение и отвержение себя есть основание в нас храма Его. И к этому я стараюсь стремиться.

Владыка на прогулке (Чебоксары)

Пользуясь Вашим долготерпением, я позволю себе спуститься ненадолго в другую свою лабораторию. Здесь создавался «Чин отпевания архиерейского», так сурово встреченный тремя синодальными столпами (и «Китами», как ходячая молва в среде церковных людей их прозывает) первосвятителей Москвы, Киева и Ленинграда, ни словом не отозвавшихся на этот «Чин». Но я не обижаюсь на них и не падаю духом. Все эти месяцы тщательно и упорно собирал новые материалы в подтверждение моего предложения. Вы были бы удивлены некоторыми историческими справками в пользу этого «Чина». Мною в сентябре выпущена вторая редакция «Чина» с его вводной статьей на 150 страницах исследования. И по закончании Академического Каталога архиереев имею ввиду этими новыми материалами (как например, «Чины архиерейского и патриаршего отпевания в XVI—XVIII вв. и многое другое) дополнить вступительную статью к "Чину"».

Если Господь соизволит это дело довести до внесения его в Синод для рассмотрения, то я наметил этот доклад внести Святейшему Патриарху и в Синод во второй половине будущего года.

Работа эта будет носить следующее название: «Заупокойные архиерейские чины и последования Российской Православной Церкви в период XVI—XX вв.»

Составление «Чина архиерейского отпевания» (1956 год).

Печатание «Чина архиерейского отпевания» (1957 год).

Каждение св. престола в сельском храме.

Я думаю, что никто не стал бы возражать против такого заглавия, раз найденные исторические материалы — архиерейские и заупокойные церемониалы из практики Российской Православной Церкви вплоть до середины XX столетия — расширили эти рамки по сравнению со скромным изданием "Чина" в феврале сего года.

Простите, еще раз простите, и паки и паки простите!...

Небесные покровители книгохранилищ своих — Александр Иерусалимский (жил в IV веке, память его 12/XII), святитель Макарий, митрополит Московский (+1564 г.) и многие другие да помогут мне уразуметь волю Божию в книголюбии, книгомудрости, книготолковании.

И кто же еще, кроме небесного моего покровителя — «книголюбца» св. Димитрия Ростовского, является моим вдохновителем и помощником в моих работах? — Книги и связующая меня с ними великая Божия благодатная сила — внутренняя собранность, целеустремленность и способность вживаться в бывшую прошлую жизнь своих уже окружающих меня исследуемых святителей. Если можно так выразиться, я легко как бы «перевоплощаюсь» в эпоху, быт, окружение святителя, и все недостающее иногда в скудной биографии исследуемого интуитивно восполняю как бы наглядно воскрешающею действительностью. В светской нашей исследовательской и литературоведческой литературе это состояние называется фантазией.

Конечно, это бывает не часто, но интуиция моя постоянно и напряженно выводит меня при изысканиях из всех затруднительных, упорных поисков, изысканий, сличений текстов, в вопросах определения фамилий (при наличии двух сомнительных и т. д.), при расхождении даты рождения, хиротоний во епископа, кончины святителя и т. д.

В такие моменты духовного озарения я невольно познаю судьбы Церкви Российской в ее прошлом и на основании настоящего в будущем. А из биографий святительских делаю посильные выводы о тщете былых мечтаний, интриг, разных авантюристических поползновений целого ряда святителей, не оставивших по себе ни доброй памяти у потомства, ни благодарности церковной истории, как беспристрастного судии. А что сказать о временщиках и фаворитах святителях прошедших и настоящих времен? Что осталось нам от них, если не в наследие, то хотя бы в назидание? Горькие уроки и желание не идти по их пути и не добиваться «выдвижения» «хотя бы на час» в первые персоны. В то же время мне становятся ясными многие горькие биографии такого рода полета святителей. Если я не прав в своих горьких высказываниях, то могу оправдываться только советом — обратиться к горькой правде о Русской Церкви в книге архиепископа Никанора Бровковича «Минувшая жизнь», т. I. И в то же время все это является достоянием истории Русской Церкви.— И все эти знания и опыт жизни дают книги, выполняющие оскудевание нашего ума и утверждающие истину, правду Божию и укрепляющие наше любомудрие. Были архиереи, с великою любовию собиравшие свои книжные сокровища. Митрополит Стефан (Яворский) написал последнее «целование книгам» и плач о них. С редкой любовию собирал книги митрополит Киевский Петр Могила. Этот книголюбец влиял на св. Димитрия Ростовского своими писаньями и исключительным книголюбием. А я с юных лет возлюбил книги и собирал их много лет. И, еще будучи на гимназической скамье, ходил по книжным магазинам и букинистам и выбирал себе любезные сердцу моему книги. А в Ленинграде все книжные магазины мне были знакомы и, главным образом, на Литейном проспекте букинисты, у них я был даже свой человек. Вот откуда у меня образовались знания и запасы книжных данных, вот почему свое первое семестровое сочинение я писал, пользуясь 125 печатными источниками на семи языках, вот почему, будучи студентом II-го курса Духовной Академии, я был утвержден помощником библиотекаря Ленинградской Духовной Академии. И даже такие корифеи и знатоки богословской литературы, как профессор Н. Н. Глубоковский, не гнушался моими библиографическими справками по интересующим его разным вопросам. Хотя все это прошло, но знания богословской

литературы, при сравнительно неплохой моей памяти, все же остались и сейчас мне помогают в исторических изысканиях из всех областей церковной истории и богословия вообще, а тем более архиереологии. Из всех духовных книголюбцев всегда стоит пред моими очами образ величавый этого книжного адаманта, великого учителя Церкви, наилюбимейшего мною святого святителя Димитрия Ростовского. А сколько можно написать о книгах людям, наблюдающим их судьбу. О. Бальзак часто повторял латинскую поговорку: «У книг своя судьба». Академик Крачковский в своем сочинении «Над арабскими рукописями» пишет «об удивительных судьбах и находках книг» (с. 71, 88). Трогательна забота о книгах со стороны оберегающих их. Эта любовь к книге — редкий подвиг, но почетный.

О книгах пишу Вам потому так подробно, что слышал, что и Вы любите книги и являетесь владельцем ценной духовной библиотеки.

Так что из-за книг я потерпел немало огорчений и по пятницам вечером совершаю «плач о книгах», специально мною составленный, но, конечно, не молитвенный, а белыми стихами изложенный.

И как после этого плача раздумаешься о судьбе книг своих и чужих, то становится на душе легче, ибо осознаешь во всем промыслительную руку Божию.

Остается мне здесь осветить еще одну сторону в моих взаимоотношениях с высшей церковной властью.

Я не страдаю манией преследования, но в течение последних 20—25 лет мои «доброжелатели» старались и стараются изо всех сил поссорить меня со Святейшим Алексием. Это началось примерно с начала управления Ленинградской митрополией Святейшим Алексием, т. е. с 1932—1933 гг. По Ленинграду от моего имени и за моей подписью, конечно поддельною, ходили листовки, за содержание которых становится буквально стыдно и за их составителей и распространителей вдвойне стыдно. Годами внушали верующим и в разговорах и в письмах подметных, о враждебных отношениях моих с митрополитом Алексием Ленинградским.

Особенно остро отражалось это на отрицательном заочно отношении митрополита ко мне, ибо мы с ним вообще почти не видались, и часто более чем по 5 и более лет. И эти сплетни регулярно увеличивались после каждого моего возвращения из мест заключения. И до сего дня находятся досужие люди, которые распускают всякие небылицы про меня и взаимные несердечные отношения мои к Святейшему Патриарху Алексию.

Результатом этих сплетен было то, что когда я был у Святейшего на приеме 6 октября 1944 года, своими двухчасовыми обличениями (и про неправильное принятие обновленцев через публичное покаяние и многое другое) Святейший довел меня до истерики. А ведь я

только 4 октября был освобожден из Красноярских лагерей. Вы еще не забыли, когда я в слезах после этого разгрома пришел к Вам в кабинет, и Вы успокаивали меня. Тогда я был сослан Святейшим в Тамбов под наблюдение Преосвященного Луки и, вместо обещанной кафедры под Москвой, в феврале следующего 1945 года был снова сослан в Оренбург-Чкалов, в который и Царское правительство ссылало некогда Т. Шевченко, Ф. Достоевского и других общественных деятелей, не говоря уже о непокорных архиереях.

Пока Вы были за границей на курортном лечении в декабре 1955 года, мой прием у Святейшего 12 декабря 1955 года был более или менее ласковым, но все же невнимательным. Через 10-ть дней 21 декабря, при вторичном приеме, я перенес малую бурю, когда он с сердцем сказал мне, вызвав меня срочно из Лавры:

— Воля Божия ехать Вам в Чебоксары, поедете? Я ответил полным беспрекословным согласием. И пока Лидочка оформляла мне указ, Святейший высказал поразившую меня реплику:

— Я имею сведения, что Вы вновь играете в оппозицию.

Я был поражен этим новым обвинением, и мне стало невыразимо горько, ибо это была неправда, клевета на меня. Сколько оскорблений от верующих выслушивал я в последних темниковских лагерях за то, что подчиняюсь «коммунистическому советскому Патриарху», что я остался ему верен, а не ушел в оппозицию. И вдруг я снова «оппозиционер». Святейший меня так торопил выходом из кабинета, что на прощание сказал:

— Можете ехать хотя бы и сегодня.

На третий день после своего назначения я был в Чебоксарах, а через два дня моего отъезда в Чебоксары пришло разрешение от МВД на мою прописку в Лавре.

При ласковом свидании со мною 16 мая сего года Святейший спрашивал, почему я так поспешил уехать в Чебоксары. Я ему напомнил разговор 21 декабря.

Встреча моя с Патриархом 16 мая показала мне, что он как будто гнев на милость положил. А Вы еще заверили меня тогда же в том, что Святейший против меня ничего не имеет.

И это чувство примиренности его ко мне все эти месяцы утешает сердце мое и дает силы устойчиво работать над собой и во славу Божию над своими исследованиями.

Теперь Вы, прочитавши вкратце изложенную исповедь моих страданий и переживаний за последние десятки лет жизни моей, сможете поверить искренности моей, что я так далек от вожделений занять Ленинградскую митрополию, о чем убеждали Святейшего еще весною некоторые мои «доброжелатели» и даже один титулованный мой соузник, ссылаясь на какое-то мое письмо к кому-то,

как я далек от мысли съездить на курорт в Якутию. Уже всего, всего этого мне не нужно, как открыто глядящему в лицо приближающейся смерти. И не было нужно и тогда, когда сочинялись вокруг меня побасенки о моих планах на будущее продвижение вперед... Ведь я так далеко стою от всего этого.

Я, наконец, оканчиваю окончательно настоящее свое письмо. И прибавить к нему уже нечего, разве только одно: чтобы мои «доброжелатели» помнили, что я ни на какую кафедру не посягаю, тем более на Ленинградскую, никаких планов не имею на какие-либо продвижения вперед, а только *жажду доверия к себе*. Почему и прощения прошу у всех за причиненные им мною огорчения.

Простите чистосердечно за это письмо, за «Странички из дневника моего».

Все это я так подробно написал Вам потому, что еще не вижу и не чувствую на себе воли Божией в смысле моего перемещения.

Ноября 10—14 дня 1956 года.

Страница из дневника святителя, как нельзя ярче, показывает и ту обстановку, в которой трудился Владыка в Чебоксарах, и те переживания, которыми наполнена была его душа от разного рода «церберов» и исходившего из церковного центра недоверия.

Письмо святителя к протопресвитеру в какой-то мере способствовало потеплению взаимоотношений Святейшего к Чебоксарскому «узнику», но причислить его к «своим людям» центр церковный не согласился.

Весь 1956 года, кроме церковных служб, святитель трудился над составлением «Каталога обновленческих архиереев» и над «Каталогом Русских Православных архиереев периода с 1897 по 1957 гг.»

Первый он закончил в конце 1956 года и подал его просто на отзыв в Ленинградскую духовную академию. Второй же завершил в начале марта 1957 года. К этому времени Владыка с помощью композитора Качалова музыкально оформил отдельные песнопения нового «Чина» и записал их на магнитофон.

Все это: каталог в трех томах и магнитофонную запись «Чина» — святитель в первых числах марта сам лично вручил Святейшему.

Патриарх удивился громадному труду и, улыбаясь, спросил святителя:

— Все ли Русские архиереи включены в Каталог?

— По возможности все,— ответил Владыка,— но заграничные архиереи мне неуловимы, может быть, в их списках имеются пропуски.

Святитель подал письмо-заявление.

— Я буду хлопотать,— заявил Святейший,— чтобы вам дали магистра.

— Что Вы, Ваше Святейшество,— возразил Владыка,— о магистре заговорили. Ленинградская духовная академия до сего времени не рассмотрела мою работу о «Сербском Патриаршестве» и не соблаговолила ответить на мое заявление от 14 декабря 1956 года о том, считает ли Совет мою работу кандидатской (независимо от экзаменов и т. д.), заслуживает ли она названия «кандидатки». И что же — молчит.

Патриарх молча смотрел на святителя и затем сказал:

— Но надо хлопотать об этом.

— Но не мне же,— ответил Владыка.

На этом разговор о кандидатке оборвался.

Святитель осторожно затронул вопрос о «Чине».

— Знаете ли Вы, Ваше Святейшество,— обратился он к Патриарху,— что «Чин» мой разбирался на двух заседаниях 26 и 28 февраля 1957 года Богослужебно-Календарной Комиссией и в настоящее время передан на детальное рассмотрение одному из членов этой Комиссии?

Святейший удивленно посмотрел на Владыку и сказал:

—Нет, не знаю.

— Вот Вам, Ваше Святейшество, десять из 12 песнопений переложены на ноты, и я их в пяти тетрадях передаю Вам в дар.

Патриарх с благодарностью принял ноты и сказал:

— Но текст песнопений ведь еще не утвержден Комиссией?

— Это ничего не значит,— заявил святитель,— послушайте музыку и текст — и тогда ясно будет значение нового «Чина». И Владыка рассказал Святейшему, как он оформлял музыкальную обработку «Чина», и тут же вручил ему магнитофонную ленту с шестью песнопениями «Чина». Святейший принял ленту, записал фирму магнитофона (Эльфа) и внимательно просмотрел текст партитуры. Затем он ноты и ленту отложил на особое место.

— Какая чудная и потрясающая композиция музыки! — предупредил Святейшего Владыка.— Особенно «Кий плач, кое рыдание». Я заверяю Вас, что Вам понравится мелодия и глубоко и крепко взойдет в Ваше сердце.

— Посмотрим, попробуем,— ответил Патриарх.

— Я прошу Вас, Ваше Святейшество,— настаивал Владыка,— передайте, пожалуйста, ноты регенту патриаршего хора. Пусть он сделает оценку. А еще, Ваше Святейшество, открою Вам тайну, Я обладаю «Чином» погребения российских Патриархов.

Патриарх как-то заметно встрепенулся, привскочил и глаза его заблестели:

Архиепископ Манушл и иеромонах Иоанн (1958 год).

— Откуда достали Вы его,— спросил он святителя,— и кого отпевали по этому чину?

— Он совершался над патриархом Иосафом,— ответил Владыка,— и затем пояснил Святейшему, где он его нашел.

— Вам необходимо обследовать все архиерейские заупокойные чинопоследования в особой работе,— предложил Святейший.

— Я согласен с Вами. И скажу откровенно, я уже начал работать в этой области.

— И после всего этого и двух ваших Каталогов Вы еще не заслуживаете магистрата? — заявил неожиданно Патриарх.

— Да, не дадут не только магистрата, но и кандидата,— ответил Владыка .

Разговор на этом и закончился.

• Письмо к духовному сыну от 17 марта 1957 года.

Благожелательное расположение Патриарха к святителю внушило надежду на благой исход «Чина», и Владыка с еще большей энергией приступил к борьбе за продвижение своей заветной работы.

В существе своем все заверения Святейшего о новом «Чине» и магистерке остались пустым звуком. Как выяснилось впоследствии, что и сам Патриарх и протопресвитер Колчицкий оказались основными противниками нового «Чина» и своим авторитетом не давали ему никакого продвижения. Даже и тот благой шаг, который предприняла Богослужебная Комиссия, согласно положительному отзыву профессора Ленинградской духовной академии Н. Д. Успенского, был намеренно приостановлен ими и «Чин» был замурован на целых 6 лет. Напрасно святитель стучался в сердца иеромонахов, напрасно доказывал им о необходимости отпевать архиереев по особому чину. Все его старания разбились о холодный консерватизм стоящих во главе церковного управления. Пришлось смиряться с печальным фактом и еще много лет терпеливо ожидать потепления.

Осенью 1957 года святитель приступил к расширенной разработке «Каталога русских православных архиереев», т. н. академической редакции. Работа над «Каталогом» настолько увлекала Владыку, что он не знал отдыха ни днем ни ночью. Да и помощникам своим он не давал отдыха. Рано в 8 часов утра начиналась работа и оканчивалась не ранее 12 часов ночи, а иногда и в час. И так изо дня в день, кроме праздников, когда время посвящалось молитве в церкви.

Удивительно то, что святитель, погружаясь всецело в творческий труд, не оставлял своего основного делания: преображения души. Он постоянно бодрствовал над собою и всяким способом побуждал себя на доброделание.

С февраля 1958 года на его молитвенном аналое неизменно лежали молитвословия и напоминания под общим заглавием: «Ныне последнее тебе слово...», которые он ежедневно прочитывал в начале дня.

«1. некогда старец сказал мне,— так начинается правило,— дорожи каждой минутой для доброделания и спасения души твоей. Тоже сказал: торопись делать добро. И еще сказал перед своим отшествием: дела милосердия очищают душу и милосердие покрывает множество грехов.

2. Боже милосердый, да приложатся в сердце моем сии радостные советы и упования.

3. *Услышь,* Боже, вопль мой, внемли молитве моей. Взываю к Тебе в унынии сердца моего (Псалом 60, 2—3).

4. Посему дерзновенно простираю к Тебе, Господи, немощные мои руци.

5. А Ты приложи дни ко дням и продли лета моя (Пс. 60, 7) для искупления грехов моих; ибо сила словес Твоих сих непреложна.

6. *ДАЙ* мне посему познать цену времени, наипаче цену часа и цену минуты, оставшейся в жизни моей.

7. *НО КАК МАЛО ОСТАЛОСЬ МНЕ ЖИТЬ...* И никто из близких моих не верит, что я стою уже на пороге разлучения с жизнью, что я уже при конце ея...

8. *ВОССТАВИ* силы мои увядающия и да не впаду в ропот от сознания своей телесной хилости, убожества и ничтожества своего и не допусти меня до послабления себе.

9. *СОХРАНИ* меня, Господи, от крайнего изнеможения моей телесной храмины и духовной плоти.

10. *ОБНОВИ,* преобрази душу мою, да не ослабнет она в делании заповедей Твоих, но всели в душу мою решимость жить по-хорошему...

11. *НЕ ОСТАВИ* меня, всеми непонятого и многими уже оставленного и забытого.

12. *ДАЖДЬ* ми хотя бы недолгую радость, неведущему в жизни своей истинного радования.

13. *ВОЗДАЙ* милостию Твоею денно и нощно бдевшим над младенческим ложем моим.

14. *СПОДОБИ* родителей моих и сродников и самых близких моих лицезрети славу Твою.

15. *СМЯГЧИ* сердца всех жестоковыйных и окрест меня живущих.

16. *ОЧИСТИ,* Господи, сердца всех соблазнявших меня и ныне опочивших.

17. *ПРИМИРИ* душу мою со всеми противящимися мне и ненавидящими меня.

18. *ПРОСТИ,* Господи, и помяни всех созидавших благоденствие и благополучие свое на слезах моих.

19. *ПРОСТИ,* Господи, и помяни всех устилавших путь жизни моей тернием скорбей.

20. *ПРОСТИ,* Господи, и помяни всех досаждавших мне клеветою, завистью, злобою, злословием, ревностию и греховодным пустословием.

МОЛИТВА ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Прими меня, Господи Иисусе Христе, умершего душой и умом, и не отвергай лица Твоего от меня... Вонми гласу моления моего и спаси мя. Ты не хочешь смерти грешнаго... и я ныне *не отступлюсь от Тебя, пока не дашь мне спасение.* Положи посему, Господи, начало исправления моего.

Ты некогда восстановил во всех духовных и телесных силах святителя НИФОНТА КИПРСКОГО. Ныне сжалься надо мною, люте расслабленном, и хоть на малое время соверши наипаче восстановление моих телесных сил, отжени от меня пагубную сонливость и помози мне завершить незавершенное во славу имени Твоего. АМИНЬ.

Первый пункт молитвенного напоминания особенно усердно выполнялся святителем. Несмотря на свою материальную скудость, он все-таки находил возможность помогать нуждающимся. Нищим Владыка неизменно подавал по рублику после всякой церковной службы, а тем, кто приходил на дом и просил о помощи, выдавал по нужде просящего.

Бывали случаи, когда люди, пользуясь добротой святителя, обманывали его.

Помню, как однажды пришла женщина, горько заливаясь слезами:

— Святый Владыка,— плакала горемычная,— помогите мне в моем горе. Умер мой отец-священник, а он просил помянуть его обедом, а у меня нет ведь ничего. Вот крест остался от него, может купите его у меня.

— Ах, бедненькая,— пожалел святитель,— вот тебе за крест 150 рублей, а вот еще 100 рублей на обед.

— Спаси Вас Господь,— зарыдала женщина, беря деньги.— А крест я Вам привезу. Женщина ушла. Мы решили узнать, есть ли среди заштатных священников такой батюшка, о котором только что сообщила женщина. Оказалось, такого батюшки и не было.

Подобные обманы как-то насторожили Владыку, и он уже в некоторых случаях проявлял осторожность, посылая своих людей проверить действительность несчастья.

Как-то раз пришла женщина, плачет:

— Владыка, помогите, умерла мама, во гробе уже лежит, не на что могилку даже вырыть.

— Далеко ли вы живете? — спросил Владыка.

— Вот тут недалеко.

— Кра!* — позвал святитель Марию Сергеевну,— вот тебе деньги, поезжай с этой женщиной и помоги похоронить мать.

Та быстро собралась и вместе с плачущей вышла на улицу. И едва они дошли до автобусной остановки, как женщина заметалась и скрылась. Это была просто-напросто аферистка.

* Так называл святитель Марию Сергеевну из Красноярска в отличие от Марии из Козловки.

Святитель был слишком сердоболен к несчастным, и некоторые из них злоупотребляли этим качеством души и причиняли немалую скорбь как самому Владыке, так и его домочадцам. Печально было то, что святитель чрезмерно верил жалобным воплям несчастных, в то время как они просто-напросто притворялись и выдавали себя за больных. Была такая некая Наташа Каменская. Так это одно искушение. Придет бывало она к Владыке и плачет:

— Отче мой, к смерти готовлюсь, вся больная. Как хочется мне умереть у ваших ножек.

Владыка так и затрясется весь от жалости:

— Хорошо, хорошо, бедненькая. Все сделаем.

А сам жалеет ее. А она — первоклассная артистка. К Владыке приходила, едва передвигая ноги, а как только выходила на улицу, так бежала рысью. Домашние протестовали против ее прихода, тогда из уст святителя вырывались вздохи:

— Жестоковыйные вы! Безжалостные! Человек едва ходит, к смерти готовится, а вы ее гоните.

— Да она Вас переживет,— возражали домашние.

Владыка с этим не соглашался:

— Вы посмотрите на ее бледное лицо! Тень ведь одна!...— утверждал он.

Принципиальность в этой области настолько была железной, что из-за этого едва не произошел духовный разрыв между Владыкой и его келейником.

Мы должны отметить, что чем больше бдел святитель над своей душой, тем сильнее вооружался враг против него и подчас создавал такую невыносимую обстановку, что, казалось, нигде не было просвета, кругом одна только безотрадная мгла жизни. Это особенно чувствовалось в Великом Посту 1958 года, когда враг так сильно досаждал, что святитель, придя от обедни в крестопоклонную неделю, с горечью заявил:

— 35 лет встречал я эти дни, но такой крестопоклонной еще не видал. Вот так крестопоклонная!

Незаметно для самого себя в суждениях о церковной жизни и в отношениях к достоинству окружавших его людей Владыка допустил самопревозношение и человеческую слабость. Но Господь чудесно напомнил ему об этой опасности и призвал к покаянию.

В ночь под Благовещение Владыка видит необычайный сон... Впрочем, послушаем самого святителя.

«В этот великий праздник,— записал Владыка,— неожиданно видел под утро странный сон. Будто я нахожусь на Чистом переулке в помещении Московской Патриархии. На улице вечереет. В приемных залах абсолютная тишина. Впечатление от сна было такое, что моего прихода в Патриархию ждали и приготовились к нему. Отсутствие мебели в залах, присутствие незнакомого спутника моего и многое другое подтверждало это предположение. Я стою у порога распахнутых дверей первого зала и широко открытых дверях второго зала, Вся мебель этих двух зал отсутствовала, очевидно, была убрана. Рядом со мною с левой стороны стоит какой-то незнакомый мне человек. Мне надо идти вперед, но ноги словно отказываются двигаться, и я, обеспокоенный, опускаюсь на колени и начинаю ползти. Сопровождающий поддерживает меня.

По бокам, почти вплотную вдоль стен, в обоих залах стоят архиереи в клобуках и рясах с панагиями. Они молча лицезреют мое убожество и беспомощность от больных ног и даже позорное мое болезненное продвижение к конечной цели. Многие мне незнакомы даже по фотоснимкам. Внешность и лицо одного из них, стоявшего с правой стороны, мне ярко запомнилось. Он был высокого роста, более чем плотный, Черные невьющиеся волосы длинными космами спадали с головы. Панагия блестела на нем заметнее, чем у других. Она была в серебряной оправе. Ему можно было дать лет под пятьдесят. Челюсть его была приоткрыта и неприятно отталкивающе блестели его крупные стальные зубы, а подстриженная бородка свидетельствовала его «современность» и вся фигура обнаруживала в нем типичного святителя «одиннадцатого» часа Церкви нашей. Взгляд его был любопытственно подобострастный. Из нескольких десятков святителей он один обратил на себя мое внимание. И почему образ его так явственно запечатлелся во мне — сам не знаю. По обличью он скорее немного походил на митрополита НЕСТОРА Новосибирского или БОРИСА Херсонского. Он вызывал во мне инстинктивное отвращение, но все же он был для меня человеком новым. Спутник мой в левой руке держал желтое облачение и митру, а правой рукой поддерживал меня.

При входе во вторую залу меня охватило сильное желание встать и идти дальше на ногах самостоятельно, без провожатого, но не удалась эта попытка, и я снова, также беспомощно, стал двигаться вперед. Таким образом мои заверения спутнику о том, что я сам пойду без его помощи, потерпели неудачу.

Удрученный скорбными мыслями, я тихо подвигался вперед. Так незаметно подползал я к завершающей мой путь стене. Эта стена закрывала следующую комнату — столовую Патриарха, в которой обычно происходят заседания Священного Синода. Во сне эта топографическая несуразность не бросалась мне в глаза и не вызывала недоумения.

Вечерний мрак сгущался. Ни одного огонька лампадного я не заметил, отсутствовал также и электрический свет.

Остановился я у широкого возвышения на семи ступенях, венчающихся стеной. Налево от этого возвышения не было ничего, только большое окно пропускало свет вечерний. Я обернулся направо и в конце семиступенчатого возвышения увидал Святейшего Патриарха АЛЕКСИЯ, сидящего в кресле в полном желтом облачении без митры и читающего Библию. Восковой огарок слабо освещал надвигающуюся темноту. Последние продвижения моих ног были особенно мучительны и физически, и морально, так как я воочию убедился в своей полной беспомощности... и все это было на глазах Святейшего и поэтому мне было особенно тяжело и стыдно. В этот момент я встал на ноги и подошел к нему вплотную. Он взглянул на меня вопросительно и выжидающе. Тогда я обратился к нему со следующими словами (приблизительно по точности их смысла): — Верьте мне, Ваше Святейшество, я окончательно смирился перед Вами и в Вашем лице перед нашей Православной Церковью и раскаиваюсь искренно в своих бывших оппозиционных высказываниях о судьбах Церкви нашей. Я пришел к Вам, чтобы сказать, что я буду служить назначенный Вами акафист...

Далее я начал заверять его в искренности своих слов и просил прощения за все огорчения, которые причинил ему. Но Святейший прервал меня следующими словами:

«Иисус сын Сирахов так говорит в XVII главе Книги Премудрости: ...кающимся давал обращение и ободрял ослабевавших в терпении» (ст. 20). И далее продолжал стихи этой главы с 21 по 23: «Обратись ко Господу и оставь грехи; молись пред Ним и уменьши твои преткновения. Возвратись ко Всевышнему, и отвратись от неправды и сильно возненавидь мерзость».

И закончил стихом 27: «Как велико милосердие Господа и примирение с обращающимися к Нему».

И он замолчал и общее молчание и тишина окружающего замкнули и мои уста...

Проснувшись, я эти стихи 17 главы записал, запомнив частично отдельные слова текста, которые восполнялись по сличению с Библией...

Когда я проснулся, было раннее утро и тишина зарождавшегося дня окружала меня. Недоуменная радость охватила душу мою. Но это было в первое мгновение. Тут же я записал сон. Время показало шесть часов утра.

Как отнесся к этому сну святитель и как он и другие толковали его, об этом он сам написал следующее:

«Лично для себя я этот сон считал знаменательным потому, что сподобился его видеть в великий праздник Благовещения. Он возвещает мне устами Иисуса сына Сирахова, предупреждает о необходимости коренного исправления всех моих слабостей, попущений, ошибок, колебаний, которые так прикровенно отражены были во сне в моих больных и беспомощных ногах, ибо не мог я идти как человек, а полз аки червь ничтожный. Господь, устами Святейшего смирял меня, обличал почему-то ветхозаветным словом Божиим и напоминал мне об ожидающем меня конце...

Во время сна и после пробуждения своего я не чувствовал ни самомнения, ни какого-либо возвышающего меня чувства — все это скрывалось под искренним уничижением моим и обличением Святейшего устами Иисуса сына Сирахова.

И потом, совершенно непонятны мне слова мои Святейшему о том, что я буду служить назначенный акафист. Какой и кому? Но на этот вопрос я не получаю вообще никакого объяснения и ответа.

Заканчивая описание сна, невольно задаю себе основной вопрос — в чем же именно выражалась для меня благая весть, подобная Благовещению. Никакой близости своей к ПРЕЧИСТОЙ и Ее заботы обо мне все это время я не чувствовал, но это по своей крайней греховности, как я осознал потом.

Обеспокоенный необычным и странным сном, я поделился им с несколькими близкими мне по духу. И вот какими своими толкованиями они обменялись со мной. Один из сибирских моих знакомых архиереев пишет мне: «Читали, читали и единый вывод сделан: к схиме путь во сне свыше показан!... Так схиархиепископ Абашидзе (Антоний), к этому путь добрейший показал!... Но все сие может и не завтра быть — ведь у Бога день вчерашний и грядущий не земными мерами исчисляются...

— Сон странный...

— Сон не напрасный...

— Да будет воля Благословляющего сны...

То, что я продвигался на коленях и ползком и медленно, по-моему означает то, что достигну предначертанного не скоро, а должен пройти еще какой-то отрезок времени, приближающий меня постепенно к предназначенному в ходе событий моей жизни.

Чувство интеллектуального превосходства над людьми, главным образом за счет быстрого моего мышления, умения сделать соответствующие выводы при сильно развитой наблюдательности, было присуще мне многие десятки лет, оно не оставляет меня и сейчас, к глубокому моему огорчению, и преимущественно выражается в моем «высокоумии».

В связи с этим я допустил о себе полноценную характеристику, поддавался легко чувству обиды на людей, недостаточно ценивших меня и смотрящих на меня свысока. Особенно болезненно переживал третирование моего неудачного малого роста. Имел и чувство горькой обиды на Святейшего, не жаловавшего меня своим вниманием в силу вышеизложенных соображений. Обижался на высшие церковные круги и сферы, которые «делают церковную политику» за счет недалеких и простаков. Чувство протеста против таких наседаний всегда не оставляло меня.

А сейчас я вспомнил о святителе ТИХОНЕ Задонском, также боровшемся с собой во время нападения на него мыслей высокоумия.

Однажды, сидя на крыльце своей келии, чувствовал ТИХОН, что в душе его восстают помыслы высокоумия. В эту минуту подбежал к нему юродивый Каменев, проживающий иногда в Задонском монастыре, и, ударив ТИХОНА по щеке, сказал ему на ухо: «не высокоумь!» Поражен был ТИХОН прозорливостью убогого и в ту же минуту почувствовал, что дух высокоумия замер в душе его.

Юродивому за это врачество выдавал святитель по 3 копейки в день до самой кончины.

Одна раба Божия Е. пишет мне 9-го мая сего года следующее пространное истолкование моего сна устами почитаемого и мною и ею приснопамятного святителя ФИЛАРЕТА Московского (св. Ф. М.), неоднократно игравшего роль в жизни моей, близкого мне и сострадущего собрата, посему прошу читателя не смущаться формою изложения и толкования сего письма.

Насколько правильно и непогрешительно это истолкование сна, не берусь судить сейчас, но оно провиденциально и веет от него тем мистицизмом, который смиряет меня, в страхе пребывающего от ответственности своей перед Церковью и людьми.

«В своем письме Вы просили меня истолковать Ваш сон, виденный под великий праздник Благовещения. Конечно, сон этот будет истолкован не мною, но тем, кто считает Ваше положение трудным, кто молился о Вас св. Ф. М. и просил его помощи Вам.

Почему он о Вас молился, почему у него явилось желание помочь Вам, я не знаю, об этом надо спросить его.

Он считает, что Вам надо бы улучшить свои отношения с Патриархом Алексием, так как он первый навстречу Вам не пойдет, но ждет от Вас первого шага... Затрудняясь найти к этому пути, он обратился с просьбой к святителю Ф. М. дать Вам указания, как это сделать. Он ждал исполнения своей просьбы и теперь видит, что она исполнена и что сон, виденный Вами, дает исчерпывающие указания для Вашего примирения с ним.

Святитель Ф. М. находит, что оно необходимо, что его надо сделать как можно скорее, так как в противном случае Ваше положение будет и затруднительным и очень тяжелым.

Вы видели себя в помещении Патриархии около распахнутых дверей первого зала и т. д. Прием был оказан подчеркнуто официальный, по-видимому, Вам хотели этим дать почувствовать его холодность. Незнакомый человек, спутник, помогающий Вам идти по пути Вашего архиерейского служения — святитель Ф. М.

Дальше. Ваши больные ноги, беспомощность при продвижении вперед могут указывать на Ваши ссылки и те трудности, которые их сопровождали. Но значение их может быть двойное — и то, которое придали им Вы,— Ваши ошибки, колебания, слабость и прочее. Вы не видели ни одного лампадного огонька, ни электрического света,— никто не оказал Вам своей помощи на этом тяжелом и мучительном пути — ни духовная, ни светская власть.

Патриарх Алексий, Словами Иисуса сына Сирахова, перечислил Вам все Ваши прегрешения пред ним, давние и ветхие как Библия... Вот почему Вы не видели во сне столовую Патриарха — помещение Священного Синода, куда Вас некогда вызывал Патриарх Сергий, разбирая жалобу на Вас, поданную Патриархом Алексием.

Вкладывая в Ваши уста, перед Патриархом Алексием, слова о своем смирении, искреннем раскаянии за свои оппозиционные выступления, за все неприятности, обиды, огорчения, причиненные ему Вами, святитель Ф. дает Вам указание на то, что Вы должны попросить у него за все это прощение.

Далее, слова Иисуса сына Сирахова, произнесенные Патриархом Алексием, можно понимать двояко, что Вы должны сначала обратиться к Господу, раскаяться пред Ним и молиться, с одной стороны, о себе, об оставлении прежних грехов пред Патриархом Алексием, «уменьшении преткновений». Сначала надо быть чистым пред Богом: «Возвратись к Всевышнему», «отвратись от неправды». С другой стороны, Вы должны молиться о Патриархе Алексии, чтобы Господь смягчил его сердце и послал ему желание искреннего прощения всех Ваших грехов пред ним.

Относительно службы назначенного акафиста не стоит много думать. То, что назначает высокопоставленное лицо, Бог Сам отменяет и для Вас служить его совсем не обязательно.

«У Вас больные ноги...»

Вы спрашиваете, в чем же выражалась благая, радостная весть этого сна?

В указании св. Ф. М.— раскаяться пред Богом и пред Патриархом Алексием во всех своих грехах и в полном примирении с Богом и Патриархом. Это подтверждается последними заключительными

словами 27-го стиха, произнесенными Патриархом Алексием: «Как велико милосердие Господа и примирение с обращающимися к Нему»... Они подают надежду, светлую и радостную, как Благовещение, что Господь будет милосерд, услышит Ваше обращение к Нему и пошлет Вам примирение с Собой и с Патриархом.

Над Вами могут собраться грозные тучи, которые принесут Вам то, что может видеть только святитель Ф. М., а не мы... И, видя их, он хочет предупредить Вас, чтобы Вы скорее примирились по его указаниям, которые он Вам дал через этот сон».

Владыка! Все написанное здесь является не моим истолкованием, а истолкованием св. Ф., который просил передать его Вам.

Господь применил такой способ написания всего вышеизложенного, что ни одной моей мысли в этом письме не было допущено.

Последним письмом от 27 апреля рабы Божией О. Господь пока завершает толкование сего сна. Она кратко и назидательно высказывает свои чувства после прочтения описания этого сна.

Вот что она пишет:

«Получила Ваше письмо с описанием сна. Чудны дела Твои, Господи! Какая милость Божия, что Вы из уст Святейшего услышали слова Свящ. Писания. Одно это уже свидетельствует, что сон от Бога.

Дорогой Владыка, я плохой истолкователь снов и не смею брать на себя смелость все расшифровывать, но мне совершенно ясно, что в Ваших отношениях к Святейшему наступает новая эра, полная света и доверия.

Говорит ли сон о каком-то возвышении? — Не знаю и скорее думаю, что об этом ничего нет очевидного, но мне представляется, что оно будет независимо от сна, а в силу слагающихся обстоятельств. Вы проявили во сне много смирения и покаяния, а как это нужно всем, любящим Господа, всем верным рабам Его! Спаси Вас Господи!

27/IV-58 г.

Вот что она пишет мне по вторичном прочтении благовещенского сна:

«Многое хотелось бы сказать Вам по поводу толкования, но, увы, нет уже времени. Скажу только, что меня удивляет, почему раба Божия Е. так уверенно пишет, что этот незнакомец и есть митр. Филарет. Но ведь и Вы удивлены, что Святейший его не приветствовал, да и странно, что единственный митрополит, который был тогда, нес Ваше облачение и митру! Это не свойственно митрополиту! Почему не предположить, что это был Ваш духовный отец, который скорбел о какой-то Вашей травле...

Сомневаюсь, чтобы Святейший обращался с молитвой к митрополиту Филарету. Насколько мне пришлось слышать о Святейшем — он не таит в душе зла и скоро забывает о нем. И если в настоящее время он благосклонно к Вам относится, то это вполне искренно.

Есть еще погрешность в толковании, чисто хронологическая. Вы в Чистом уже не застали Патриарха Сергия. Патриарх Сергий скончался в мае, а Вы вернулись в Москву в октябре, при Местоблюстителе митрополите Алексии».

ОТПОВЕДЬ НА ПИСЬМО — ОТЗЫВ О. А. Д.

Уверенность рабы Божией К. в том, что сопровождающий меня был никто иной, как митрополит Филарет, объясняется тем, что митрополит Филарет в своей загробной жизни был неоднократно близок с А. М. и дважды исцелял его от болезни. Это с одной стороны. С другой стороны, О. Д. удивляется тому, что Святейший при его подходе к нему не приветствовал его, как великого митрополита. Мне кажется, что разъясняя все мелочи сна, мы сами должны убедиться в том, что некоторые мелочи кажутся как бы несообразными и не логичными и не соответствующими действительности.. Так оно и должно быть, потому что, приоткрывая завесу скрытого настоящего и будущего, человек руководствуется настоящим моментом и с точки зрения его и делает свои умозаключения. Например, О.Д. удивляется тому, что в этом вещем сне присутствовал один митрополит Ф. и то завуалированный в тогу «неведомого». Вы пишете, что митрополиту не соответственно нести облачение и митру архиерея. Точного толкования этого мы в данный момент дать не можем по той причине, что это еще не подлежит раскрытию. Это составляет до времени тайну, известную А. М. с июля 1917 года и покойному старцу затворнику Александро-Невской Лавры иеросхимонаху Серафиму (+ осенью 1919 года) и в напоминание о которой в данный момент вполне соответствует присутствие великого Филарета. Он еще в июле 1922 года напоминательно предрекал А. М. служение его в Р. П. Ц. в особых условиях и обстановке, не подлежащей сейчас оглашению и толкованию.

Никто из близких мне духовных людей не мог так скорбеть обо мне, как М. Ф.

В данном случае он был моим духовным отцом, потому и сопровождал меня к Святейшему на «расправу» и обличение из его уст.

О. Д. сомневается, чтобы Святейший обращался с молитвой к митрополиту Филарету. О какой, собственно, молитве хочет сказать О. Д., разве толкование сна допустило кому-то повод так писать о неведомой молитве.

Вы пишете, что Святейший не таит в душе зла и скоро забывает о нем.

Я лично нисколько не сомневаюсь в этом, потому, что он обличал меня мягко, сердечно, сочувственно...

Что касается хронологической неточности и погрешности в отношении Патриарха Сергия, то лично мне стало известно еще в мае месяце сего года, что он хлопотал об облегчении моей горькой участи еще в 1943—1944 годах.

Патриарх Сергий вызывал меня к себе, кажется, в 1932 году и разбирал жалобу на меня покойного митрополита Серафима (Чичагова) Ленинградского.

По давности лет толкователь сна перепутал имена жалобщика и ошибочно упомянул Патриарха Алексия в бытность его митрополитом Новгородским.

МОИ РАССУЖДЕНИЯ И ТОЛКОВАНИЯ О СНЕ

Хотя мы прочли здесь несколько толкований этого сна, но все же он во мне возбудил целый ряд вопросов, которых не касался я в описании сна и которые обошли молчанием сами толкователи..

Вопросы эти следующие:

1. Почему я заверял Святейшего после покаянных высказываний о том, что я обязательно за послушание отслужу акафист. очевидно, предшествовавший этому сну разговор об акафисте и именно кому имел место у него при моей предыдущей встрече, и, возможно, я ставил ему какие-либо возражения о ненужности служения акафиста, даже за его послушание. Все это необъяснимо.

2. Почему Святейший указал на главу XVII Премудрости Иисуса сына Сирахова, а не опирался на Новый Завет. Может быть, здесь заключается та мысль, что я недостаточно серьезно относился к обличениям новозаветным и из-за моего упорного настроения понадобилось опереться ему на обличительные стихи XVII главы Сираховой, усилившие мое покаянное настроение.

3. Почему вдоль залов стояли епископы и архиепископы, а отсутствовали митрополиты? Я шел своим путем, равный среди равных, и мой длительный путь, кончающийся ныне через три недели 35-летия моего епископства, показывает закономерность прожитого жития, и прохождение среди недвигающихся иерархов еще раз подтверждает, что им пришлось только лицезреть мое позорное шествие, но ни в чем не сочувствовать, в смысле даже участия в облегчении моего скорбного прохождения.

Митрополиты не принимают участия и внимания к низшему им по сану, даже ни один из них, хотя бы митрополит Николай, не стоял около Патриарха, когда я приближался к нему.

А архиереи даже ничем не помогли мне подниматься на семиступенчатое возвышение, что было мне особенно тяжело.

Непосредственность моего общения со Святейшим в данном случае свидетельствует, что ни митрополит Николай, как заместитель Патриарха, ни другие митрополиты ни в чем не должны были выражать своего внимания по сану низшему их собрату во Христе, поэтому их отсутствие в Патриархии было заранее обдумано и учтено.

4. вызывает некоторое недоумение то, что стена, отделяющая зал-гостиную от столовой, где обычно происходят заседания сессий Священного Синода, вдруг преградила мое шествие вперед и тем самым завершила мой дальнейший путь следования, и я естественно отклонился вправо, где на возвышении сидел в кресле Святейший. Закрытые двери в столовую Патриархии оказались недоступными мне. Это можно объяснить тем, что в данный момент не предстоит на сессиях Синода решение моей участи, а всецело я как бы перешел в юрисдикцию Первосвятителя, который сам должен мне вынести свой приговор...

Я должен поэтому бесповоротно и безоговорочно и бесконечно смиряться перед ним, как Верховным моим Начальником.

Попутно возникает вопрос об облегчениях. Неведомый мой спутник нес на левой руке своей мое желтое облачение с митрой, а Святейший сидел в кресле, облаченный в желтое облачение, но без митры. Словно он восседал в ожидании выхода на службу и был занят чтением Библии. Я же полз в подряснике (не помню, был ли я одет в рясу). И службы впереди не предвиделось, так как облачение нес неведомый.

Я полз без посоха и жезла (символ архиерейской власти) как бы обреченный, лишенный панагии и всех внешних привилегий архиерейства.

И все эти подробности остаются нерастолкованными и непонятными для меня.

Склонялся мой путь к концу, к т. н. закату жизни. Вечерняя мгла увеличивалась, в залах сгущался сумрак. Нигде ни огонька, кроме огарка восковой свечки на столике Святейшего.

5. Огарок освещал одинаково лицо Патриарха и мое. Он означал закат жизней наших и указывал нам на то, что мы на остатке жизни нашей должны постоянно руководствоваться чтением Слова Божия и готовиться к своему естественному отшествию.

ГОРЬКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Конец вершает все! Прошло 5 месяцев после виденного сна, и я обязан подытожить свои личные переживания, благожелательные

толкования, степень их осуществления на месте и в отношении Чистого переулка, главным образом Святейшего Патриарха Алексия.

Преклоняюсь перед подвигом сопутствующего мне незнакомца, которого один толкователь принимает за святителя Филарета Московского. Это дивное единение человека из загробного мира со мною, днесь живущим, потрясает душу мою. И сопутствие его до кресла Святейшего, также здравствующего, показывает, что Митрополит Филарет, память которого Святейший особенно чтит, был в это время так близок мне. Странно, что Святейший не приветствовал его, как святителя. Возможно, что Святейшему не был открыт облик великого Филарета, не был открыт и мне по непонятным нам мотивам.

И сейчас, когда наступает 5 месяцев после виденного сна, я должен свидетельствовать значимость этого сна для своей дальнейшей жизни, ибо словами Слова Божия, устами Иисуса сына Сирахова, Господь обличает меня за мои беззакония и указывает путь исправления. Сам Святейший обличал меня, вычитывая из XVII главы книги Премудрости Иисуса сына Сирахова самые сильные обличения, предупреждающие меня об ответственности за нарушения императивных предостережений, высказанных устами Святейшего. Причем он читал стишки с нарастающей интонацией и ударностью на некоторых словах стихов.

Скорбным считаю молчание моего спутника ко мне. Строго говоря, он молчал во все время моего следования. А я-то не знал, куда и к кому иду, шел вслепую, полагаясь на провожатого.

Я, конечно, понимал его настроение. Небожитель знал, что меня ждет обличение устами Первосвятителя Российской Церкви, обличение деликатное, потому что Святейший обличал меня не своими словами, а огненными словами Иисуса сына Сирахова, на которые я ни на иоту не имел права обижаться, т. к. эти слова были словами Божиими, бичующими меня за мои отступления, за охлаждение любви к Богу, за притупление духовной чуткости. Ему было горько и стыдно за своего духовного сына, который ничего не достиг в своей многолетней монашеской жизни. И горько мне было оттого, что я не был достоин таких милостей, такого внимания, которым окружил митрополит Филарет меня в период с 1918 по 1934 годы, когда он дважды исцелял меня от болезни и несколько раз являлся в сониях и предупреждал однажды в июле 1922 года в одиночке на Шпалерке в ДПЗ о моем грядущем служении Церкви Божией. Тогда была у него великая забота обо мне...

А в последний раз он являлся мне во сне в марте 1934 года в тюрьме с ликом печальным, прискорбным и совершенно молчали-

вым... Уже тогда сердце мое болело. А в апреле 1934 года являлся во сне в г. Мариинске Новосибирской области одной моей духовной дочери.

А теперь душу мою терзает безысходная тоска о недостойно прожитом времени. На склоне дней своих я подошел к пропасти, отделяющей меня от смерти... Не успею оправдаться добрыми делами, слезами, покаяния... Вот что терзает сердце мое!...

Трепетный ужас охватывает меня, стенящее уныние вливается в сердце мое и чувство стыда преисполняет сознание... О бедная, смятенная душа моя! Что спиши! Ведь конец твой приближается. И мне особенно становится тяжко, и я начинаю ненавидеть себя за содеянные в прошлом грехи мои, за свою слабохарактерность, за свою преступную податливость людям, за все то, что унижало мое монашество и оскверняло мои три ступени священства.

А святитель читает все эти мысли мои, и ему также становится тяжело... за меня, за человека, в котором он разочаровался; ему также становится стыдно и скорбно за меня, как за человека, который потерял в его глазах доверие и ни в чем не оправдал себя. Но все же он не бросил меня во время моего продвижения, а наоборот, даже поддерживал меня.

Господи, помяни душу приснопамятного святителя ФИЛАРЕТА Московского и его молитвами помоги мне дойти до конца дней своих в добром житии. Я чувствую всем сердцем моим, что Господь ждет «преображения» души моей, безвозвратного ко греху и бесповоротного к восхождению от силы в силу, и благодатного завершения живота моего. И хочется мне всем сердцем своим воскликнуть:

Господи! Я начинаю только теперь любить Тебя тою любовью, которая навсегда должна соединить меня с Тобою. Я слышу зов Твой! Я откликаюсь на него! Прими меня таким, каким я сейчас есть, но сделай меня чистым и оправданным, чтобы мне не разлучаться с Тобой уже никогда и нигде... АМИНЬ.

3/IX-1958 года.
Чебоксары.

Сон благовещенский произвел большое впечатление на святителя и возбудил в его сердце глубокое покаяние, но это совершилось не сразу, а спустя 5 месяцев после сна, когда отдельные лица высказали свои толкования на него. До этого же и вскоре же после сна Владыка явно допустил человеческую слабость. Это произошло в Великий Пяток днем.

Святитель прибыл в собор на вынос св. ПЛАЩАНИЦЫ. И надо же случиться беде — завхоз не выдал своевременно в свечной ящик мелких свечей. Доложили Владыке. Тот вызвал настоятеля и сделал ему выговор за нераспорядительность. Настоятель оправдывался. И

когда вошли в алтарь и началась уже служба, отец настоятель, беседуя с Владыкой о свечах, вдруг заявил:

— Владыко святый, ну стоит ли Вам расстраиваться из-за пустяков. Все наладим.

— Ах так! — вспылил святитель.— Одевайте меня! Не могу больше... Машину сюда, машину. Келейник и духовенство попытались было убедить его остаться на вынос ПЛАЩАНИЦЫ, но ничего не достигли. Он быстро оделся, взял посох и через малый храм вышел во двор, сел в машину и уехал домой. На сердце осталась какая-то тяжесть. Пред очами был величайший пример смирения ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ, а в действиях святителя — человеческая слабость, так далекая от смирения Христова. Когда келейник возвратился от вечерни домой и напомнил Владыке об уничижении Христовом, святитель осознал свой грех и заявил:

— Да, я слишком погорячился, я виноват, прости меня.

Летом 1958 года Владыка морально был утешен рядом событий. 24-го мая 1958 года постановлением Президиума Верховногоо Совета Союза ССР с него были сняты две последние судимости, о чем ему было объявлено 17 июня. Радость по этому случаю настолько была велика, что святитель 18 июня, т. е. буквально на следующий же день, отправил письмо на имя Святейшего, в котором известил его о снятии судимости. На что Патриарх своей резолюцией от 23 июня ответил ему: «Я очень рад и сердечно приветствую».

К этому же времени была закончена обработка «Каталога» и началась его перепечатка в 6 книгах.

11 июля святитель получил отзыв доцента Ленинградской духовной академии А. Ф. Шишкина на свой «Каталог русских архиереев-обновленцев». Отзыв положительный.

«...Труд архиепископа МАНУИЛА,— писал доцент,— ценный труд полезный для истории Русской Православной Церкви. Он свидетельствует о глубокой ревности Высокопреосвященного автора о Св. ПРАВОСЛАВИИ. И нам остается только пожелать ему дальнейших успехов в его литературных трудах во благо Святой нашей Матери-Церкви».

Впрочем, святитель ожидал не одного отзыва, но и упоминания о том, что его работа заслуживает кандидатки. И поскольку Совет Академии не нашел нужным об этом засвидетельствовать, Владыка удовлетворился одним отзывом.

Святитель глубоко переживал молчание митрополита Николая (Ярушевича) и протопресвитера Н. Колчицкого в день своего Ангела 30-го июня. Последние почему-то не поздравили его с днем тезоименитства*. Все это напомнило лето 1948 года. А ночью под 7-е

* Письмо к духовному сыну от 5 июля 1958 года.

июля он неожиданно проснулся от набата соборного колокола. Он даже попросил Марию Сергеевну выйти во двор и проверить, что там случилось. Но на улице царила тишина, никого звона. И снова беспокойство за набат — что он мог означать в его жизни? А тут еще сообщение из Петропавловска от знакомых о предполагаемом назначении в Алма-Ату. Последнее еще больше расстроило святителя*. Пришлось усилить молитву. С 22-го июня Владыка ежедневно литургисал. 19-го июля уже днем в 3 часа 30 минут (он отдыхал) снова повторился набат. Просто искушение. Владыка написал выговор Борису, писавшему из Петропавловска, за недоговоренность**.

Святитель душевно устал. Его тяготило многолюдство в архиерейском доме. Тогда он стал на несколько дней в неделю уединяться в доме прот. Бориса Зороастрова. Это был своего рода подвиг молчания и подвиг воздержания.

Благовещенский сон, приведший его к покаянию, расположил святителя еще и к написанию особой памятки под названием «Трезвися, душе!»

По объему своему она небольшая, но характерна своим содержанием. Ее мы здесь и помещаем полностью.

«НАЧАЛО...

Положив начало, должно и преуспевать в дальнейшем, стремясь к цели начинания и ни во что вменяя все труды, пока не достигнута цель сия.

Сборн. аскет. писан. стр. 160, п. 1.

ДВОЕДУШИЕ.

Животолюбец говорит: хочу спастися,— и не говорит того, чем спастись можно.

Вот ему ответ: всегда ты только желаешь и намереваешься! Доколе же будешь двоедушен и неустроен в путях своих?

Теперь можешь, но, верно, не совсем хочешь. Смотри, не застала бы тебя внезапно смерть в такой нерешимости, и тогда восхощешь, но уже не возможешь.

Сборн. аскет. писан. стр. 147, п. 57.

МОЛЧАНИЕ.

Молчание — добровольное воздержание в словах и действиях при общении с людьми.

Молчит не тот, кто молчит, а кто не болтлив.

(Авва Пансофий).

Будь внимателен к устам твоим.

(Кн. Иис. Сир. 1, 19).

* Письмо к духовному сыну от 8 июля 1958 года.
** Письмо к духовному сыну от 22 июля 1958 года.

Ежедневным заупокойным поминовением мольчальников возгревай и укрепляй в себе это стремление к постепенному замыканию уст и сердца.

БЕЗМОЛВИЕ.

Прежде всего приобрети навык к безмолвию: безмолвие родит подвижничество, подвижничество родит плач, плач родит страх, страх — смирение, смирение — благодушие, благодушие — любовь, а любовь соделывает душу здравою и бесстрастною.

Сборн. аскет. писан., стр. 80, п. 10.

ЗАМЫКАНИЕ В СЕБЯ.

Старайся чаще замыкаться в себя.

Замыкание уст пользительно и влечет за собою замыкание сердца.

Добивайся этих спасительных замыканий для беседы с Богом, особенно перед отходом ко сну.

Замыкание в себя дает возможность познать свое сокровенное и тайное (disciplina arcana).

Старайся ежедневно, хотя бы ненадолго, сосредоточиться в Иисусовой молитве и для сего уединяться.

ДОРОЖИ!

Дорожи возможностью ежедневно уединяться и создавать себе мертвый час;

ДОРОЖИ своею близостью к покойникам и ежедневно вспоминай их, особенно же молчальников;

ДОРОЖИ собранностью духа, таящейся в тебе и посещающей тебя в минуты духовного просветления и озарения.

Будем же жить здесь, как в гостинице, помня, что должно всячески изыти из нея.

Сборн. аскет. писан., стр. 44, п. 61.

ПОМНИ, что в час, в который не чаешь, должно тебе умереть и дать отчет во всем, содеяном тобою.

Сборн. аскет. писан., стр. 144, п. 17.

Напиши памятование сие в сердце твоем, то есть памятование о смерти и суде,— оно введет тебя в живот вечный.

Сбор. аскет. писан., стр. 144, п. 18.

ПОМНИ, что придется тебе за все отвечать (по акафисту о Страшном Суде).

ПОМНИ чаще о своем внешнем и внутреннем ничтожестве — и это будет тебе оградой во время искушений.

ЧАЩЕ НАПОМИНАЙ СЕБЕ, что... лучше захотеть страдать с народом Божиим, нежели иметь временные греховные наслаждения.

(Квр. XI, 25).

Когда душа изнемогает от болезней и скорбей,— *помни,* что Господь дает утомленному силу, а изнемогающему дарует крепость (Исх. 40, 29), и посему воззови ко Господу — и Он услышит тя (Ис. 37, 17).

Как возгревать дух и как его сохранить в таком настроении:

Бодрствуй, молись и трезвися и дела добрые содевай — и будет тебе благо.

(Икос 1-й №...).

ВОСПРЯНИ душа моя!

Не допускай в себе расслабления.

«...Прежде мужеством преисполненная, душе моя, ныне унынием и тоскою ослабшая, воспались воспоминанием прежней ревности и острым орудием возбуди себя от расслабления»

(Из «Покаянного канона епископа» А. М.).

Это и есть «возгревание души».

И остается одна забота — как ее сохранить.

ПОМЫШЛЕНИЕ О СМЕРТИ.

Первый предел мудрости — помышление о смерти, ибо помнящий непрестанно о смерти никогда не захочет грешить.

Сборн. аскет. писан., стр. 154, п. 2.

4 сентября 1958 года.

Внимание святителя было, как видим, сосредоточено на преуспеянии в дальнейшем, на пробуждении решимости делать, на молчании и на памяти о Суде и смерти.

И следует сказать, что Владыка все эти напоминания, если не полностью, то во всяком случае большую часть выполнял в последующие дни своей жизни.

К концу 1958 года была закончена перепечатка «Каталога», и вместе с «Хронологией архиерейских хиротоний» и «Топографией архиерейских кафедр» Каталог был представлен в Московскую духовную академию на соискание ученой степени кандидата богословия. А в феврале 1959 года святитель вручил Патриарху «Каталог» в шести книгах и «Альбом русских архиереев».

Непрестанный труд и разные непредвиденные скорбные обстоятельства подточили здоровье Владыки. Стали повторяться сердечные приступы, и к концу Великого Поста 1959 года святитель слег в постель. Но вскоре поправился. Еще не пришло время его отшествия. Одной из его духовных чад было открыто, что исход его наступит на 85-м году жизни.

Осенью 1959 года он был встревожен освобождением Куйбышевской кафедры ввиду кончины Епископа Митрофана. Появилась какая-то надежда на перемещение. О его назначении в Куйбышев

хлопотали сами куйбышевцы, да и сам святитель в письме к протопресвитеру Н. Колчицкому выразил свое желание переменить Чебоксарский климат на Куйбышевский.

Хлопоты куйбышевцев и желание Владыки завершились успехом: 22 марта 1960 года святитель был назначен архиепископом Куйбышевским и Сызранским, а 26 февраля в том же году, почти за месяц до назначения, он был удостоен ученой степени кандидата богословия.

31 марта Владыка простился с Чебоксарской паствой и местным поездом отбыл в Москву, где возглавил хиротонию архимандрита Николая во еп. Чебоксарского, а 3 апреля выехал в г. Куйбышев.

АРХИПАСТЫРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ В КУЙБЫШЕВЕ

(1960—1965 гг.)

5 апреля 1960 года. Этот день памятный для куйбышевцев. С раннего утра храм Покровский был заполнен прихожанами. Люди готовились к встрече нового Владыки. Святитель прямо с вокзала направился в собор. И едва только он вышел из машины и взошел на паперть храма, как в толпе заговорили: «Какой старенький!» «А какой маленький и худенький-то!» «Слава Богу, что у нас есть теперь архиерей!»

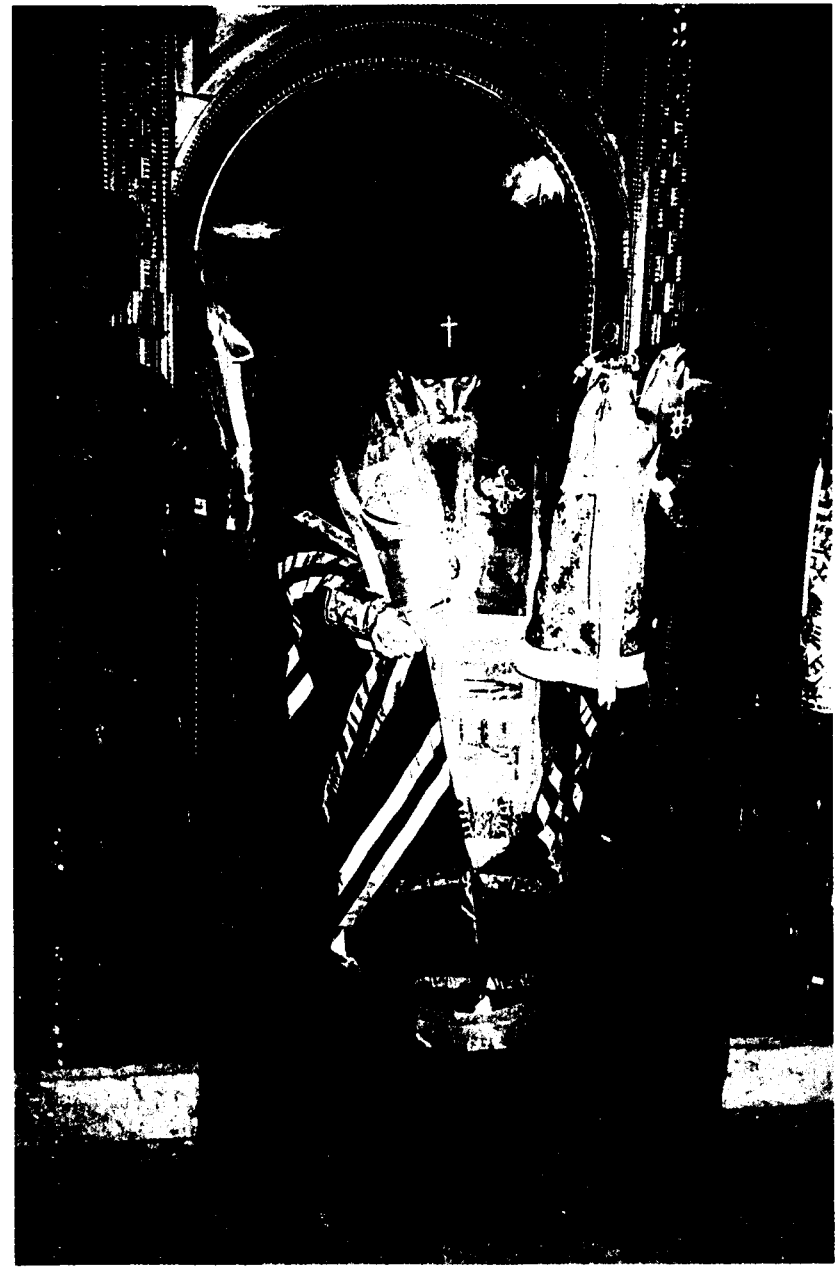
Люди встречали Владыку с зажженными свечами. Встречали тепло, радушно. И святитель это почувствовал сразу. На тепло он ответил теплотою:

— Не смотрите на меня, что я маленький и старенький,— заявил он народу,— во мне есть еще сила прославлять Господа! И от ревности своей он стукнул посохом о пол амвона, желая этим выразить свою духовную силу.

Так началось архипастырское служение святителя в городе Куйбышеве.

Поселился он в прекрасном архиерейском доме, что на Ульяновской, 51. Комнаты большие, светлые. К нему на жительство приехали т. Феклуша, Иван Федорович Макаренко и Мария Сергеевна Дриженко. А осенью прибыл и его келейник, освободившийся от обязанностей помощника инспектора и преподавателя Саратовской духовной семинарии. Началась новая и последняя страница его жизни, наполненная и радостями, и скорбями.

Жизнь в Куйбышеве преимущественно была посвящена епархиальной жизни и духовному руководству пасомых. Каждый праздник и воскресный день святитель служил в храме и проповедовал слово



Выход на кафедру (2 апреля 1960 года).

За литургией, слева направо: Епископ Дмитровский Пимен, архиепископ Ташкентский Ермоген, архиепископ Мануил и епископ Михаил (3 апреля 1960 года)7

Божие. А со вторника до пятницы включительно официально принимал посетителей в канцелярии. Впрочем, прием продолжался во все дни недели с утра до позднего вечера, но только не в канцелярии, а в архиерейском доме. Шли к нему разные люди и с самыми разнообразными нуждами. Среди посетителей были люди пожилые и молодые и даже дети. У каждого свои потребности. Кто приходил просто за духовным советом, а кто за материальной помощью, а некоторые для исцеления своих телесных недугов. Его ведь считали не только духовным отцом, но и целителем, и прозорливым. Приемы недужных, и особенно порченых, доставляли святителю немалую трудность, приводившую его телесный организм в полное расслабление. Бывали случаи, когда Владыка после таких приемов приезжал домой как разбитый. Тогда он ложился в постель и давал своему организму небольшой отдых.

В заботе о людях он совершенно забывал и не жалел себя. Домашний прием настолько был перегружен, что святитель буквально не знал ни минуты покоя. Едва только он садился за трапезу, как в парадной раздавался звонок, и Владыка сам выходил открывать дверь и тут же начинал прием, оставляя на столе почти нетронутой

трапезу. А люди все приходили и приходили. Прием кончался не ранее 11 часов вечера. За все время своего пребывания в Куйбышеве святитель очень редко вкушал пищу в назначенное время. Большею частью обед и ужин объединялись в вечернее время.

Немалой нагрузкой для его слабого организма являлось праздничное богослужение после литургии. Благословение народа продолжалось не менее полутора часов, а иногда и двух. Если служба в воскресение и праздник начиналась в 9 часов 30 минут, то вместе с благословением оканчивалась только во 2-м часу дня. Более 4-х часов на ногах и в духоте. Не мудрено, если Владыка жаловался на ноги и сердце. Ему советовали отложить благословение народа после обедни, а ограничить его 30 минутами. Но он не мог этого сделать, ибо видел, что люди ждут его благословения, и не хотел их огорчать.

Призри с небесе, Боже... (3 апреля 1960 года).

Рукоположение во иеромонаха иеродиакона Алексия (3 апреля 1960 года).

Покровский собор (г. Куйбышев, весна 1970)

Мануил, архиепископ Куйбышевский и Сызранский (1961 год).

ничиться только благословением за всенощной, но где там до советов. Святитель был старой закалки и не желал изменять своей давнишней традиции.

Полного душевного покоя в Куйбышеве Владыка не имел. Жизнь как-то складывалась, что ежедневно приходилось быть на страже и в ожидании каких-либо непредвиденных «новостей», от которых невольно содрогалось сердце. А «новости», словно тени, неотступно сопутствовали святителю и волновали его. Особенно много было таковых в Ульяновске, и с ними Владыка встретился в первый же год своего пребывания на Куйбышевской кафедре. Обстановка церковная там так накалилась, что трудно было ее остудить. Во многом обвиняли святителя. Пришлось ехать в Ульяновск в среду на второй седмице Великого Поста 1961 года и налаживать церковное дело. Успех был, конечно, малый из-за произвола местных властей. Дело не наладилось и в последующие годы. Много неприятностей приносил тамошний настоятель священник М. Мамакин, без конца тормозивший благим начинаниям святителя.

Поездка в Ульяновск сразу сказалась на здоровье Владыки. Едва только он возвратился в Куй-

Архиерейский дом в Куйбышеве

бышев, как на следующий же день почувствовал упадок сил. Целый день он лежал в постели и никого не принимал.

Кроме Уляновска, немало хлопот и трудов доставляла святителю и Сызрань. Прежде всего сама дорога была для него утомительна, особенно в зимнее и осеннее время. Почти ни одна поездка в Сызрань не обошлась без приключений. Как только возвращался Владыка домой, так от физического и душевного переутомления от дороги и тамошних волнений обязательно испытывал сердечную слабость и ложился на несколько дней в постель.

Таковы были трудности в поездках по приходам. Они дополнялись другими событиями и заметно влияли на духовно-телесный организм святителя.

С весны 1961 года для Куйбышевского Владыки начались, можно сказать, сплошные переживания и волнения.

В конце марта святитель гостил в Москве и 23 марта был на приеме у Святейшего. Последний принял его радушно, но огорчил его тем, что открыто заявил, что он (Святейший) сам лично расположил всех присутствовавших на сессии Синода иерархов против «Чина».

Не удержался от злословия и Д. А. Остапов в беседе с секретарем Владыки. Он так поносил святителя, что просто «уши вянули».

— Замучил Преосвященный Святейшего своим «Чином»,— злословил Остапов.— Сам составил чин отпевания, а сам живет. Ну какая разница, каким чином отпоют епископа: священническим или монашеским! Врачи запрещают Святейшему более четырех часов работать в сутки, а они, видите ли, с «чинами» носятся. Тут вот еще какой-то иеромонах Никита с Пасхалией без конца суется. Оба, наверное, ненормальными стали: один с «Чином», а другой с Пасхалией. В гроб загонят Святейшего. А затем, спохватившись, видимо, позвал к себе в кабинет секретаря и уже более ласково заговорил: «Конечно, мы уважаем Владыку, но нельзя же так мучить подолгу Святейшего. Смотри — зашел и целый час мучает Патриарха».

То, что высказал Патриарх о «Чине» и злословие Даниила Андреевича глубоко огорчило святителя. Он был полон внутренних переживаний. Впрочем, унынию от неудач не предавался. Преданность воле Божией укрепляла его дух. Он глубоко верил в конечное торжество правых начинаний.

Время шло. Владыка, как старейший из Русских иерархов, ожидал какого-либо внимания к себе со стороны высшей церковной власти. И когда 12 июля 1961 года была получена из Москвы телеграмма, которой приглашался святитель в Троице-Сергиеву Лавру к празднику преподобного СЕРГИЯ, он как-то весь задрожал от внутреннего волнения. А рано утром 13 июля Владыка рассказывал своему келейнику удивительный сон:

Как будто бы он находится в Москве. Владыка Пимен (Извеков) сообщает ему, что дела устроились хорошо без всякого вмешательства внешних и что он (святитель) назначается ректором Московской духовной академии и постоянным Членом Священного Синода с возведением в сан митрополита.

Все это, конечно, были думы, навеянные полученной из Москвы телеграммой.

Участие в Соборе Архиерейском ничего утешительного не принесло Владыке. Впечатление от этого Собора осталось тяжелым. Молча он слушал выступления иерархов на этом Соборе, молча и подписал его постановление, убеждая себя в том, что все уже было решено до Собора.

В день преподобного СЕРГИЯ, когда большинство архиереев находилось в покоях Святейшего, в приемных комнатах, неожиданно послышался голос Д. А. Остапова:

— Не бойтесь стоящих, а бойтесь сидящих!

— Как это понять? — обратились к нему Преосвященные.

— Не засиживайтесь подолгу у Святейшего,— пояснил Даниил Андреевич,— ему доктора запретили много беседовать и не более 4-х часов работать.

Реплика явно относилась к Владыке.

— Позвольте мне слово и внести некоторую поправку к сказанному,— обращаясь к Остапову, заявил святитель.— Бойтесь не сидящих, а стоящих! И он пояснил, как он был принят Святейшим и как он трижды поднимался со стула, чтобы уйти, но трижды Патриарх удерживал его.

— Бойтесь стоящих,— заключил свою речь Владыка.— Бойтесь тех, кто не закончив свою мысль, встает и продолжает вести беседу, а затем, пройдя до дверей, останавливается и досказывает надосказанное, затем проходит в общий зал и там продолжает развивать новую мысль и, не закончив ее, продолжает раскрытие за обедом и, отъезжая домой, все еще болтает языком. Вот этих бойтесь! Вы оберегаете покой Святейшего,— с горечью сказал святитель,— а кто же будет оберегать наш покой?

Вопрос был по существу. Все поняли, что Даниил Андреевич слишком далеко заходит и в своих заботах о Святейшем забывает уважение к почтенным иерархам Русской Церкви.

Душа святителя была очень восприимчива к таинственным вещаниям, сообщаемым ему во сне. Но он был крайне осторожен к ним, и особенно когда дело касалось его возвышения. Большею частию вещии сны Владыка пересказывал своему келейнику и с ним же советовался о их значении.

Однажды рано утром (а это было 5-го августа 1961 года) чем-то озабоченный вошел он к келейнику и начал рассказывать:

«Странное дело! Что бы это могло значить? Неожиданно в три часа ночи во сне я получаю телеграмму из Москвы, которая гласила: "Немедленно прибыть в Москву. Митрополит Питирим». Волнение охватило мою душу, и я до сих пор не могу придти в себя. Не диавольское ли сие вещание? И, помолчав немного, задумчиво произнес: «Ин-нда-а, ну что же, да будет воля Божия. Сессии, очевидно, еще не было. Подождем». Они разговорились о таинственных снах митрополита Московского ФИЛАРЕТА.

— Конечно,— ответил келейник,— к вещательным снам необходимо подходить осторожно. Воспринимая вещание, говори — да будет во всем воля Божия.

— А я так и воспринял,— ответил святитель.— Когда я проснулся, я сразу же отметил на записочке: «да будет воля Божия».

По всей вероятности это было просто-напросто искушение, направленное к тому, чтобы возбудить в святителе чувство самолюбия и тем самым вовлечь его в грехи превозношения. Подобные искушения приходили не только через вещие сны, но и через людей. В конце сентября 1961 года Владыка получил странное письмо. Автор

Святой уголок в келье Владыки

письма заверял святителя, что митрополит Крутицкий Питирим (Свиридов) ушел на покой и что он (Владыка) в связи с этим намечается якобы в Москву с возведением в сан митрополита. Эту же версию подтвердили и некоторые лица, приходившие в этот вечер к святителю. Владыка заметно заволновался. Как верить всему сказанному? Хотелось бы верить, но горький жизненный опыт научил осторожности. Уж очень много было обманов и от своих и от внешних. Святитель настроил себя и к возвышению (меньше всего), и к уничижению, полагаясь всецело на волю Божию. И это было правильно. То, что сообщалось в письме, было сущей выдумкой. Митрополит Питирим продолжал управлять Московской епархией и не думал ни о каком уходе на покой. Вот какие бывали искушения.

Но не успело миновать одно искушение, как явилось новое. В самом конце октября в том же году святителя потревожил Райфинотдел г. Чебоксар. Владыке ни с того, ни с сего неожиданно прислали платежное извещение на сумму 32400 рублей (старой валюты) за якобы полученные им какие-то деньги из Алатырской церкви. Пришлось нанимать специального адвоката, чтобы доказать работникам Райфинотдела, что подобной суммы он никогда не получал и присланный налог не подлежит оплате. Налог был снят, но сколько потрачено нервов из-за ненужной волокиты. Все это отрицательно сказывалось на здоровье Святителя и выбивало его из обычного душевного равновесия.

Приближался юбилей Владыки: 50-летие его служения Церкви в священном сане (11/24 декабря 1961 года). Очень хотелось, чтобы этот юбилей был чем-либо отмечен высшей церковной властью. Начались хлопоты. В Москву были посланы секретарь и ключарь собора игумен ИОАНН напомнить церковному начальству о предстоящем юбилее святителя. Хлопоты двух приближенных Владыки полностью не увенчались успехом. Им ясно было сказано, что награду (возведение в сан митрополита) святителю дадут, но только не сейчас, а немного позже, т. е. в день Ангела Святейшего 25 февраля 1962 года. Патриарх почему-то подумал, что сана митрополита добивается сам Преосвященный, и по этой причине отложил награду на будущий год. Так по крайней мере сообщил игумену ИОАННУ митрополит Крутицкий Питирим по окончании литургии в Елоховском соборе 19 декабря в день памяти святителя НИКОЛАЯ.

В то время, пока шли хлопоты в Москве, святитель много волновался и переживал и, конечно, испытывал горечь внутри своего сердца от тех сообщений, которые передавали ему из Москвы. О

Митрополит Мануил (1962 год).

чем он думал в эти скорбные дни, останется тайной, но только незадолго до своего юбилея он, находясь вечером в своей келии, неожиданно увидел, как открылась в его келию дверь и пред ним с косою на плечах явилась страшная смерть. Святитель весь затрепетал, к смерти он был еще не готов. Но и смерть не имела еще повеления от Бога разлучить душу иерарха от бренного тела. Посмотрев на святителя, она быстро исчезла.

Юбилей отпраздновали торжественно. Святителю в этот день сослужило множество духовенства, прибывшего из разных приходов епархии. После молебна были зачитаны приветственные адреса.

Когда ему преподнесли от прихожан Ульяновской епархии икону СПАСИТЕЛЯ в терновом венце, он, принимая ее, сказал: «В этом образе предуказана вся моя жизнь: страдания и скорби сопутствовали мне на моем пути, и они еще так многочисленны впереди». Сказано было так трогательно и искренно, что духовенство и народ едва удержались от слез. Воистину жизнь святителя — сплошные страдания.

Владыку поздравили два митрополита: Борис и Питирим. Тепло отозвалась также сестра Святейшего. Но от Патриарха ни единого слова приветствия.

Саном митрополита Владыка был награжден 25 февраля 1962 года.

Интересно, что каждый по-разному воспринимал весть о повышении святителя. Одни радовались, а другие плакали от боязни, как бы не перевели Владыку после его возвышения. Жалко ведь потерять такого архипастыря. Сам святитель был доволен вниманием Москвы, но в то же время он видел уже близкий конец жизненного пути, и 3-го марта, после встречи, поблагодарил верующих за теплые пожелания и сказал: «Все-таки впереди виднеется могила. Молитесь, чтобы достойно нести мне до гроба Христово иго»...

С 8-го августа 1962 года у ворот Покровского собора печальная картина: дружинники-активисты по распоряжению местной власти

преградили путь в Божий храм подросткам и детям. Это был перегиб хрущевской политики, внесший в жизнь верующих родителей горести и слезы. На защиту христианских прав выступил святитель. Он срочно написал доклад Святейшему и подробно описал ему всю картину, происходившую около храмов в Куйбышевской епархии.

Патриарх участливо отозвался на глас святителя. Дело было направлено в высшие государственные инстанции, откуда последовало разъяснение местным властям о недопустимости подобных фактов с детьми и подростками. 28-го августа в день Успения Божией Матери кордон на детей около храмов был снят.

Ко дню престольного праздника Неопалимовского храма (17-го сентября) святитель решил посетить г. Ульяновск и там совершить богослужение. В путешествие отправился пароходом. А дни уже стояли холодные, и поездка закончилась неудачно. Владыка простудился. Воспалились легкие. Домой возвратился совершенно разбитым. 18-го сентября 1962 года он слег в постель. Болезнь все более обострялась. Келейник исповедовал его и совершил над ним таинство Елеосвящения. Почти целый месяц Владыка болел. И снова посещали его таинственные сновидения. Однажды видел он, как Патриарх под действием архиереев подписал акт своего отречения от патриаршего престола. А вот и другой сон, виденный им под Воздвижение. Как будто бы святитель находится в большой комнате Патриархии. В кресле одетый в черную бархатную рясу сидел Патриарх. Кроме него никого не было. Кругом пустота. Святейший подозвал Владыку и сказал ему: «Приходи ко мне в четверг к 8-ми часам вечера, ты мне так нужен». Какая тайна заключалась в этих снах, ответить трудно, но одно остается непреложным, что последний сон говорит о восстановлении теплых отношений святителя к Первоиерарху и последнего к первому.

Болезнь и разные скорбные обстоятельства порождали мысли об уходе на покой, но они отгонялись желанием еще хотя бы немного послужить Церкви Христовой и завершить кое-какие исторические работы.

Наступил 1963 год. В жизни святителя он был подобен морю то тихому, то бурному. И это особенно было заметно в его (Владыки) взаимоотношениях с Патриархом.

Побывав в самом начале марта в Ленинграде по делу поданной в духовную академию диссертации игумена ИОАННА, Владыка 9-го марта посетил Святейшего. Прием настолько был теплым, что душа святителя просто ликовала от радости. Патриарх взял под свою защиту пререкаемую академической корпорацией диссертацию, а в вопросе о «Чине» проявил особую благосклонность. Он взял заявление святителя и сказал:

— Сейчас же дам распоряжение секретарю, чтобы он в первую же сессию включил вопрос о «Чине». Даю обещание, что он ("Чин") получит мое утверждение.

На вопрос Владыки о недозволении со стороны местной власти совершать таинства над детьми Патриарх прямо заявил, что не надо идти ни на какие уступки. Беседа протекала в радушной обстановке. Сам Святейший был в веселом настроении. Да, подул теплый ветер, и сердце святителя согрелось его теплыми струями.

Нечто волнующее произошло и 11-го марта.

По ряду возникших вопросов Владыка побывал в Совете по делам религий. И то, что он услышал и увидел там, глубоко потревожило его сердце, когда он вошел в кабинет В. А. Куроедова, там, кроме председателя, никого не было. Его пригласили сесть. Был подан чай.

— Вы, В. В., не выпьете ли стаканчик чаю? — предложил председатель.

— Особенного желания нет,— ответил Владыка.

— Ну а я без чая не могу,— радушно произнес Куроедов.

Завязалась беседа. Председатель поинтересовался научными трудами святителя и одобрил их. В свою очередь Владыка рассказал о трудах своего келейника и его диссертации и, конечно, не упустил случая упомянуть о «Чине». Куроедов слушал внимательно. Одобрив труды игумена, он откровенно заявил:

— О «Чине» я что-то не слышал. Чем же от отличается от основного чина?

— Ничем,— ответил святитель,— добавлено всего-навсего несколько стихир — и только.

— Насколько же он длиннее обычного? — поинтересовался Куроедов.

— Если будет чинно выполняться,— последовал ответ Владыки,— то не более чем на 10—12 минут.

— Ну это ничего,— улыбнулся Председатель,— я ведь в это дело не вмешиваюсь. Отпевайте сами себя каким хотите чином, только бы не удлиняли службу.

— Я хочу,— неожиданно перевел разговор на другую тему Владимир Алексеевич,— назначить Вас в заграничную поездку. Как вы переносите поездки самолетом?

— Трудновато,— ответил святитель.— Сердце пошаливает.

— Да,— задумчиво протянул Куроедов,— придется пожалеть Вас, старичка. И затем, помолчав немного, добавил:

— Ну ладно, что-нибудь придумаем для Вас. А ну-ка, Виктор Викторович, пройдитесь по комнате, осталась ли у Вас офицерская выправка.

Владыка повиновался. Он встал и быстрыми шагами прошелся по комнате.

— Да, Вы выглядите совсем бодрым.

Беседа продолжалась. Затронули вопрос о детях и проповедях. Председатель возмутился ненужным вмешательством местной власти в дела церковные.

— Это дискредитация правительства! — заявил он и посоветовал Владыке не бояться.

Более часа длилась беседа. Расстались радушно. В этот же день святитель побывал у Патриарха. После разговора о диссертации игумена ИОАННА Святейший неожиданно заговорил о Москве и Ленинграде.

— Значит Вы были у Владыки Пимена? — спросил Патриарх святителя.— И какое сложилось у Вас о нем мнение?

— Хорошее,— ответил Владыка.

— Как Вы смотрите,— продолжал свой разговор Святейший,— если Пимена я переведу в Москву, подходящий ли он будет кандидат?

— Кандидатура хорошая и подходящая,— ответил святитель.

— Ну, а Вас в Ленинград, согласны ли Вы с этим? — всматриваясь в глаза Преосвященного, заявил Патриарх.

— Этого я не могу думать и ожидать,— смиренно ответил Владыка.

На этом разговор прервался.

Откровенная беседа Святейшего как-то насторожила святителя, и ему хотелось верить и не верить сказанному о Ленинграде. Преобладало все-таки сомнение. Но его приближенные постарались убедить Владыку в искренности сказанного Патриархом, и святитель поверил. К этому расположили еще и некоторые местные события. Одним словом, Владыка оказался во власти несбыточных обещаний и заверений. Картины рисовались в ярких красках... Святитель в северной столице, там, где некогда имя его гремело во всех уголках славного города. Келейника своего он возводит в сан епископа и назначает его ректором Академии и своим викарием...

Владыка по-серьезному готовился к перемещению в Ленинград.

Может быть, это и свершилось, если бы не одно печальное обстоятельство...

Однажды* келейник, придя со службы домой, зашел по обычаю в келью святителя. Он лежал в кровати. На лице отображался какой-то испуг.

— Что случилось?— спросил Владыку келейник.

* Это было 18 июня 1963 года.

— Получил убийственное распоряжение из Москвы,— ответил святитель.

— Что за распоряжение? Где оно? — испуганно ища бумагу, спросил келейник.

На столе лежал конверт и письмо. Это и было то, что так сильно встревожило Владыку. В письме говорилось, что на предстоящем торжестве 18 июля будет зачитана сначала похвала Святейшему, а затем обращение к последнему о том, чтобы Патриарх удалил из патриарших покоев «Гришку Распутина» № 2 — Д. А. Остапова. Авторы письма просили Владыку поддержать их. Письмо было датировано 14 июнем с. г. Подпись анонимная — «Группа архиереев»,

Келейник успокоил святителя, сказав, что страшного и убийственного здесь ничего нет, поскольку его никто не обязует ни отвечать, ни участвовать в намеченной группировке. Но решили это письмо в копии отправить Святейшему для уведомления.

— Я выполнил свой долг пред Патриархом,— заявил Владыка, отсылая письмо,— и обижаться на меня он не должен.

Подобным действием святитель хотел выразить свою признательность Первоиерарху и заявить о своей ему преданности, но получилось нечто непоправимое, что отрицательно сказалось на дальнейшей судьбе Преосвященного.

На торжества по случаю 50-летия служения Святейшего в епископском сане Владыку не пригласили, хотя обещали пригласить. Святитель все это переносил болезненно.

— Что могло произойти? — говорил он.— Почему последовал отказ?

Митрополит Одесский Борис объяснил это просто. Когда игумен ИОАНН спросил его: «Что могло случиться, что Владыку не пригласили на торжества?» — он ответил:

— Ничего не случилось! Патриарх относится к нему очень хорошо, а если он не пригласил его, то лишь потому только, что был очень большой наплыв гостей из-за границы и трудно было всех размещать... С Патриархом я беседовал о вашем Владыке. Он расспрашивал, интересовался службой. Я ответил, что я присутствовал за службой митрополита и дай Бог каждому из нас так служить, как он служит в свои годы. Говорил ему и о «Чине». Патриарх обещал работу эту утвердить, но только после праздников, когда все гости разъедутся. А о том, что Патриарх не пригласил Владыку на свой юбилей, успокой его.

Так утверждал митрополит Борис. И это в какой-то степени сглаживало сердечную боль святителя, но полностью не уничтожало.

«Пусть будет так, как говорит Преосвященный Одесский,— рассуждал святитель,— но почему не ответил ему Патриарх на его посланное в Одессу письмо с копией послания "группы архиереев"? Значит здесь что-то не то и идет в совершенное противоречие с высказанным митрополитом Борисом».

И Владыка не ошибся в своих рассуждениях. Таинственная завеса приоткрылась, и стало все ясно. Но не будем мучить читателя. Пусть он сам убедится в действительности.

12-го ноября 1963 года Владыка посетил Патриарха. В самом начале беседа протекала в мирной обстановке. Говорили о разных поездках за границу и, в частности, о предстоящей поездке Святейшего в Англию. Но когда коснулись вопроса о злополучной анонимке, то все перевернулось вверх дном.

— Меня волнует один вопрос,— обратился святитель к Патриарху.

— Какой же? — заинтересовался Святейший.

— Помните, весной я получил анонимное письмо от неизвестной группы архиереев, копию которого я переслал на Ваше имя? До сего времени я не имею от Вас ответа, а мне очень бы хотелось иметь Ваше мнение об этом.

И едва только святитель закончил свой вопрос, как лицо Святейшего изменилось, глаза засверкали каким-то недоброжелательством и даже гневом:

— Напрасно Вы это сделали,— вспылил Патриарх.— Когда я получил Ваше письмо, я не стал его даже читать, а швырнул его Даниилу Андреевичу на расследование. Я даже склонен был думать, что анонимку составили Вы, и потому заявил Даниилу Андреевичу, что здоров ли, т. е., нормальный ли Преосвященный Мануил? Может быть, у него мозги разжижились? А некоторые архиереи прямо заявили мне, что они требуют суда над митрополитом Мануилом, как посягнувшим на патриаршее достоинство.

Святитель буквально опешил от сказанного Святейшим и в трепете мог только заявить, что он не причастен к этому делу, что он своим поступком хотел предупредить его (Патриарха) от опасности, а вышло все наоборот.

— Ну как же не Вы? — настаивал Святейший.— Ну-ка повторите содержание Вашей анонимки!

Святитель повторил.

— Ну вот видите? — продолжал Патриарх.— 7 ноября был я на приеме в Кремле и, когда кончился обед, то Н. С. Хрущев, увидев меня, подошел ко мне, крепко пожал мне руку и спросил: «Сколько Вам лет?»

— Восемьдесят шесть,— ответил я. «Поздравляю». И затем, пожимая руку Даниила Андреевича, сказал ему: «Берегите своего старца».

— Многие поздравили меня с 86-летием. И он достал пачку писем и положил ее перед глазами Владыки. Все было направлено к тому, чтобы показать святителю, что напрасно мол чернит он его и Даниила Андреевича в анонимке. Владыка молчал. Он считал, что возражение ни к чему не приведет. И он решил перейти в разговоре на другую тему.

— Ваше Святейшество,— обратился святитель к Патриарху,— у меня есть еще одно дело, хотя после всего сказанного Вами я даже боюсь говорить Вам о нем. Это вопрос о моем келейнике, игумене Иоанне. Его я выдвигаю как одного из кандидатов во епископы.

— Да Вы что, в здравом ли уме, предлагать во епископы такого человека? Да знаете ли кто он? Да это же авантюрист, карьерист, он Вас обманывает, а Вы его во епископы выдвигаете! Сколько ему лет?

— Тридцать семь.

— Пусть ему будет и 60, но епископом он не будет.

— Ваше Святейшество,— в недоумении обратился к нему святитель,— да о ком Вы говорите? Не спутали ли Вы моего келейника с кем-либо другим?

— Об игумене Иоанне Снычеве,— ответил Патриарх.

— Ну как это может быть? — продолжал Владыка.— Человек живет при мне, неутомимо трудится, первым закончил академию, был преподавателем семинарий, написал несколько работ — и вдруг в авантюристы попал. И сейчас он приступил к новой работе о приснопамятном ФИЛАРЕТЕ, выписал более 500 библиографий. Весь труд займет не менее дух лет.

Святейший как-то смягчился, и дальнейший разговор протекал уже мирно. Сорок минут продолжалась беседа. С внутренней горечью вышел святитель от Патриарха.

— Полный провал! — встретив келейника, произнес Владыка.

Провал был действительно полный, и не в том, что он не смог продвинуть своего келейника во епископы, а что во взаимоотношениях с Первосвятителем снова образовалась трещина. Теперь стало ясно, почему он не был приглашен на юбилейные торжества и почему мимо него миновала Ленинградская кафедра. Владыка был глубоко оскорблен в самых лучших своих чувствах. Казалось, оборвалось все святое к Святейшему, и наступил зловещий холод. Сразу вспомнилось все прошлое, когда святитель не один раз получал унижение от Патриарха. Ах, как горько и больно было на сердце

Владыки. Но исправить непоправимое было уже невозможно. Оставалось только одно — терпеть все это ради Христова имени и без конца смиряться. Даниил Андреевич Остапов попытался было через секретаря Владыки успокоить его тем, что Патриарх-де не за то обвинял его, что якобы он написал анонимку, а за то, что снял с нее копию и переслал Святейшему. Пересылать не надо было бы, а просто порвать и тем самым окончить дело. Но этим так и не успокоил Владыку. Единственно, что утешало святителя в ответах Остапова, это его утверждение о том, что подлинных авторов анонимного письма они вскрыли и что вины его в этом деле нет никакой.

— Грех будет на Патриархе,— сказал святитель,— если он так помыслил о невинном. Я же смиряюсь. Господь видит, что я хотел сделать Святейшему только добро.

13-го декабря 1963 года, как обещал Патриарх, был утвержден «Чин архиерейского погребения» к частному употреблению по желанию епископов. Наконец-то осуществилась многолетняя мечта святителя и его труд в этой области получил право на существование в церковном обиходе Русской Церкви.

Владыка заметно слабел. Сердце все чаще и чаще давало о себе знать, да и ноги были уже не те, не было твердости. Почти ежедневно овладевало им какое-то непонятное беспокойство. Временами появлялась раздражительность. Особенно сильно был он взволнован рассказом одной женщины о виденном ею сне. Как будто бы при встрече Владыки в притворе храма явилась его мать и взяла от него дорожный посох.

— Теперь мне уже не служить,— заявил святитель,— мама зовет меня в иной мир.

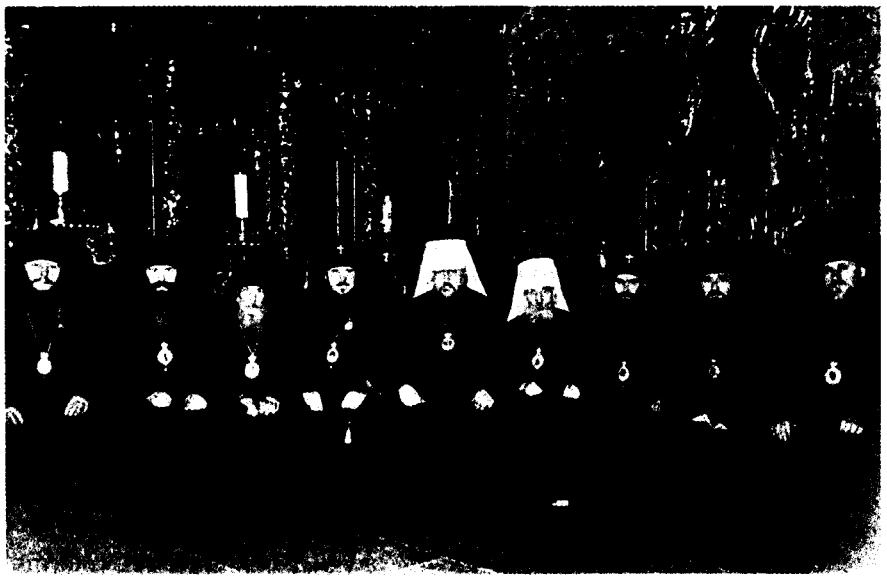
Его старались разуверить в этом, но ничто не помогало. Он никого не желал слушать. Весь он как бы погрузился сам в себя и почти ничего не стал кушать. А уста его едва шептали:

— Я должен скоро умереть, я готовлюсь к смерти.

По ночам Владыка стал часто просыпаться от каких-то таинственных шорохов и стуков. А временами вскрикивал и даже кричал от кошмарных снов. Нервы окончательно расшатались. Вечером 27-го февраля святитель заболел старческим склерозом. Он почти никого не узнавал. Так продолжалось около двух недель. Наконец, как бы проснувшись, святитель спросил: «Что случилось со мной? Да и где я нахожусь?»

Ему объяснили, что с ним ничего не случилось и что он находится на Ульяновской, 51, в архиерейском доме. Дело пошло на поправку. Но оно так медленно продвигалось, что Владыка смог принять

Хиротония во епископа архим. Иоанна (12 декабря 1965 года).



Архиереи, принимавшие участие в Хиротонии (12 декабря 1965 года).

участие в богослужении только в день своего Ангела 30-го июня 1964 года.

Иоанн, епископ Сызранский

В связи с болезнью остро был поставлен вопрос об уходе на покой. Но где проживать? Вопрос этот был очень сложный. Говорили о монастырях, но они святителя нисколько не удовлетворяли. Он чувствовал себя больным и по этой причине ему необходим был постоянный медицинский надзор, о чем не могло быть и речи в монастырских условиях жизни. Оставался единственный и во всех отношениях удовлетворяющий выход: достигнуть назначения своего келейника епископом и переехать к нему на постоянное жительство. Последнее и было осуществлено в жизни. 23-го ноября 1965 года святитель по состоянию своего здоровья подал прошение Патриарху об уходе на покой с ходатайством о назначении на Куйбышевскую епархию своего келейника, архимандрита Иоанна. Святейший и Синод просьбу митрополита удовлетворили. 25 ноября 1965 года святитель был уволен на покой с правом проживания в городе Куйбышеве и совершения богослужения в кафедральном соборе, а вместо него с титулом епископа Сызранского был назначен его келейник.

14-го декабря после хиротонии во епископа архимандрита Иоанна, в которой Владыка принял участие, он был награжден Святейшим Патриархом правом ношения двух панагий во внимание к более 40-летнему служению его Церкви Христовой в епископском стане.

Заметно теперь улучшилось отношение к нему Патриарха.

— Только мы вдвоем с МАНУИЛОМ остались из старых архиереев,— заявил Святейший, прощаясь с гостями на Филаретовском вечере в Московской духовной академии.

Сказано было искренно, тепло. Позабыто все прошлое, горестное; осталось только настоящее и грядущее.

Митрополит Манушл (на покое) 14 декабря 1965 года.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ СВЯТИТЕЛЯ. ЕГО КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНИЕ

(1965—1968 гг.)

В первые годы пребывания на покое святитель часто служил вместе со своим воспитанником и духовным сыном епископом ИОАННОМ. Жил он тоже вместе с ним в архиерейском доме и принимал своих духовных чад, давая им спасительные советы. Основной свой досуг он посвятил разработке магистерки на тему «РУССКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ИЕРАРХИ ПЕРИОДА 1893—1965 гг.». К концу 1966 года святитель закончил свой труд и в начале 1967 года подал его в совет Московской духовной академии на соискание ученой степени магистра богословия. Совет академии принял работу маститого иерарха и назначил двух официальных рецензентов профессоров: И. Н. Шабатина и В. И. Талызина и одного неофициального, архиепископа Минского Антония. К сожалению, рецензенты так тянули время с отзывами, что за полтора года не смогли полностью рассмотреть труд митрополита, и святитель так и не дожил до искомой степени.

По совету врачей Владыка в 1967 году переехал на жительство в небольшой особняк, что на Рабочей улице, 61. Там был садик и

Домик на Рабочей ул., где проживал Владыка на покое.

Литургия "Иже херувимы..." (30 июня 1967 года). День Ангела.

В ожидании молебна. День Ангела (30 июня 1967 года).

открытая веранда, что давало возможность в весеннее и летнее время пользоваться свежим, чистым воздухом.

Общение с духовной паствой у него не прекращалось. К нему, как и прежде, шли люди с духовными и телесными нуждами, и он, насколько позволяли ему силы, никого не отвергал. Служил он теперь очень редко. Трудно было стоять на ногах, да и сердце не выдерживало духоты. Голос его совершенно ослаб. Он говорил так тихо, что близ стоящие его лица едва могли улавливать его слова. Так проходили дни за днями, старец-митрополит слабел с каждым днем. Приходивший ежедневно к нему его духовный сын с ужасом смотрел на своего увядающего

Митрополит Мануил и епископ Иоанн в доме протоиерея М. Тресюка

старца. Ясно вспомнился ему сон, виденный одной рабой Божией в Чебоксарах. Было сказано, что святитель окончит свой земной путь на 85-м году своей жизни. И этот год неумолимо приближался. В 1968 году Владыка настолько ослаб телом, что самостоятельно не мог встать со стула или пройтись без посторонней помощи.

— Маршал*, смелее, смелее шагайте,— шутя подбадривали его помогавшие ему идти.

Улыбнется святитель, но ничего не скажет. Рад бы шагать так, как шагал двадцать лет назад, когда келейник едва поспевал за ним, да ноги-то не передвигались.

В день своего Ангела Владыка побывал в храме и принял Святые Христовы ТАЙНЫ. И удивительная вещь! Когда епископ ИОАНН читал входные молитвы, он неожиданно услышал внутри себя какой-

* Владыка любил говорить: «Я ведь теперь маршал».

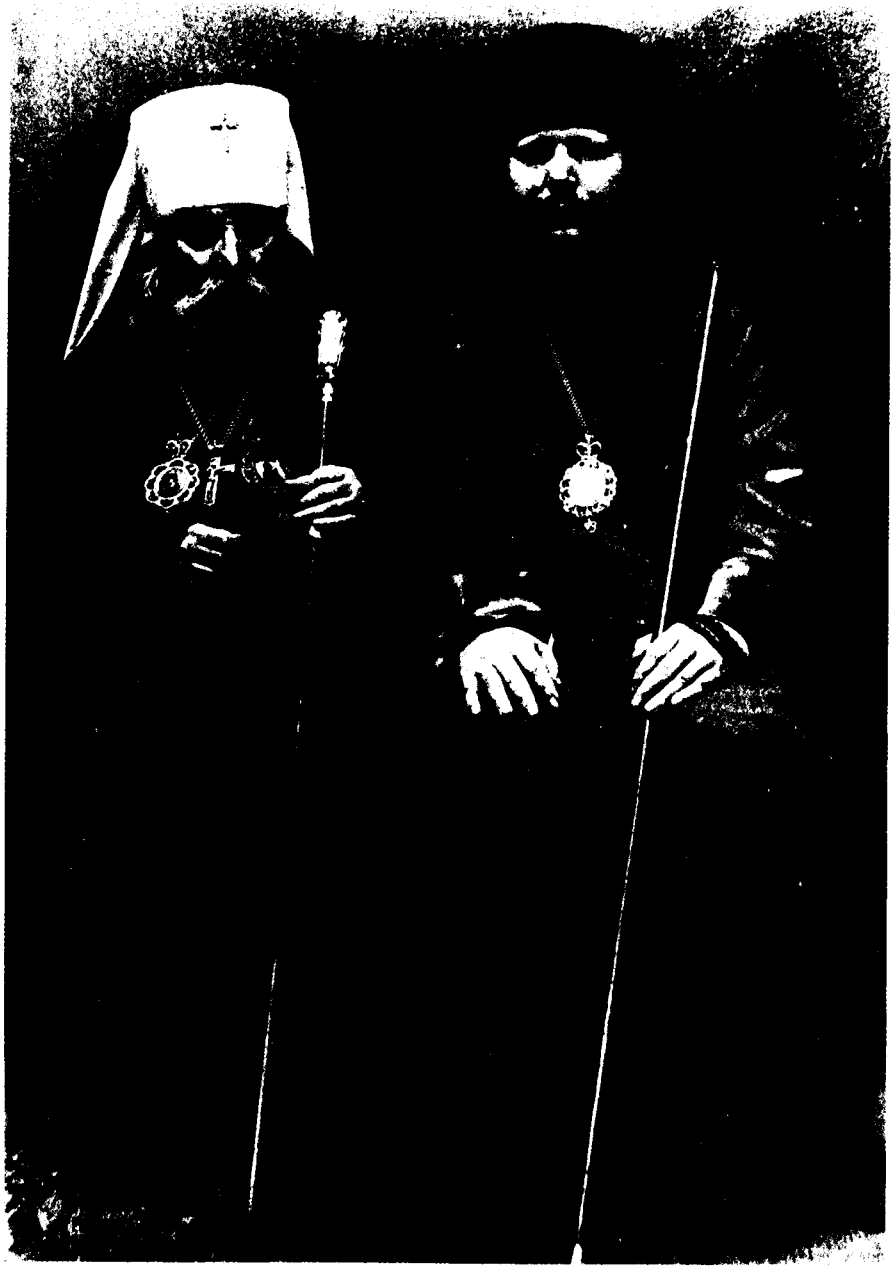
Святой уголок в домике на Рабочей улице.

Серьезный разговор (лето 1967 года).

В глубоком раздумье... (Весна 1967 года).

Думы двух иерархов (весна 1967 года).

Отец и сын (весна 1968 года).



Митрополит Манушл и епископ Иоанн (июнь 1968 года)

Благословение народа с паперти храма (30 июня 1968 года)

то таинственный голос, говоривший, что святитель празднует последние свои именины. Словно огнем опалило его сердце, и он едва удержался от слез. И то, что он услышал, хотел открыть маститому имениннику в своей приветственной речи, но убоялся.

В ответном слове Владыка поведал народу, что он молчит потому, что готовится к смерти, и просил молиться о нем непрестанно.

После своих именин святитель наложил на себя подвиг молчания. Посетителей он уже почти не принимал. К нему приходили только специально назначенные лица, чтобы чем-либо помочь ему и присмотреть за ним. Целыми днями сидел он в кресле на веранде и, закрыв глаза, о чем-то размышлял. Однажды ему показалось, что кто-то пришел к нему в сутанах и красных шапочках и вручили ему указ об отстранении его от святительства. Это были вестники иного мира, возвестившие ему о скором его отшествии. Святитель усилен-

Митрополит Мануил и епископ Иоанн среди духовенства и мирян в день Ангела (30 июня 1968 года).

Угасающий старец (11 августа 1968 года).

На смертном одре (12 августа 1968 года)

но стал готовиться к исходу. Он уже почти ничего не вкушал и не говорил.

9-го августа к нему пришел его духовный сын и спросил его:

— Владыко, почему Вы не хотите ни с кем разговаривать? Он ответил: «Я готовлюсь к смерти».

В этот же день у него произошло двустороннее воспаление легких и святитель потерял сознание. Три дня лежал в постели, три дня боролись за его жизнь врачи, но так и не могли ничего сделать. 12-го августа 1968 года, в 6 часов вечера, маститый иерарх Русской Церкви мирно скончался в присутствии епископа ИОАННА, читавшего в это время канон на исход души.

Чин отпевания (15 августа 1968 года)

Тело его тотчас перевезли в архиерейский дом и облачили во все архиерейские одежды. Почивший лежал на столе, а священнослужители всю ночь читали св. ЕВАНГЕЛИЕ.

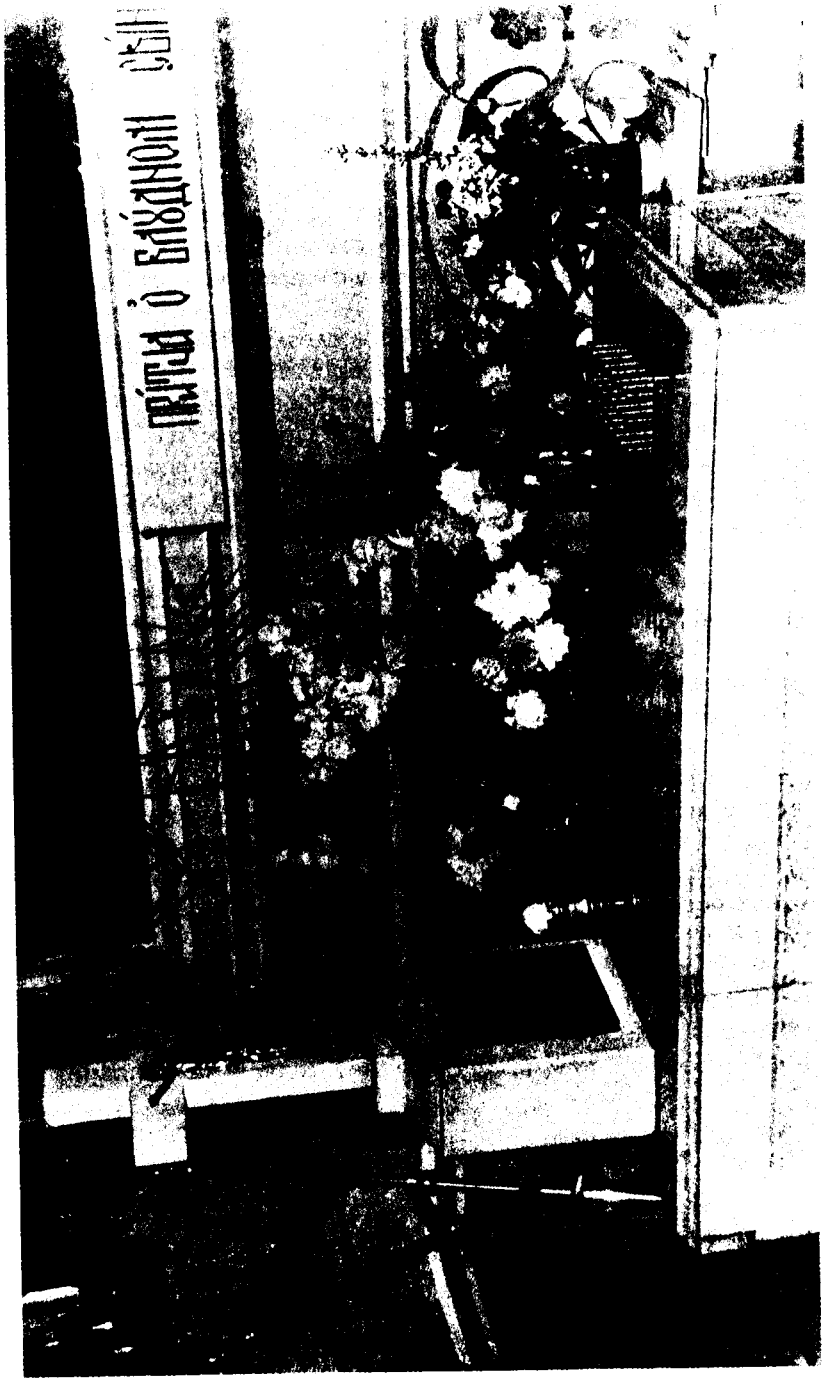
13-го августа гроб с усопшим митрополитом перенесли на руках в Покровский кафедральный собор.

Узнав о кончине иерарха, Святейший Патриарх АЛЕКСИЙ телеграфировал управляющему Куйбышевской епархией:

«С душевной скорбию воспринята весть о кончине Преосвященного МАНУИЛА. Выражаю искреннее сердечное соболезнование пастырям, пасомым и всем, знавшим и почитавшим почившего как архипастыря, отдавшего полвека на усердное служение Церкви Божией; да упокоит Господь в селении праведных душу верного раба Своего, о чем наши общие усердные молитвы».

В место вечного покоя

Обнесение гроба вокруг храма



Могилка святителя в притворе Покровского храма

Скорбь о кончине святителя разделили также члены Священного Синода и ряд других иерархов.

Отпевание митрополита было назначено на 14-е августа, но в связи с тем, что Святейший Патриарх командировал митрополита Крутицкого ПИМЕНА возглавлять погребение, отпевание было перенесено на 15-е число.

Очень болезненно восприняла весть о кончине архипастыря Куйбышевская паства. Не хотелось верить, что его уже не стало, и только гроб, стоявший в храме три дня, свидетельствовал о действительной его кончине.

Воплей не было, но тихие, скорбные слезы, обильно падали на руки святителя, когда подходили с ним прощаться.

Из разных городов приезжали люди, чтобы проводить в последний путь любимого ими отца и учителя веры. Приехали из Оренбурга, Москвы, Чебоксар и из других городов знавшие почившего.

14-го августа вечером епископом ИОАННОМ в сослужении многочисленного сонма духовенства была отслужена заупокойная всенощная, а 15-го августа после литургии, которую свершили Епископ НИКОЛАЙ Чебоксарский и Епископ ИОАНН, совершено было отпевание митрополита. Чин погребения возглавил митрополит Крутицкий ПИМЕН. Храм и весь двор церковный были заполнены молящимися. Более двух часов длилось отпевание. Когда гроб с усопшим стали обносить вокруг храма, со всех сторон посыпались живые цветы. Весь путь был в цветах.

Гряди, святителю к вечному покою! В земном пути ты шел тернистою дорогою, пройди же хоть теперь по цветам. Их уготовала тебе народная любовь, которую ты заслужил своим неусыпным и твердым стоянием *за ИСТИНУ ХРИСТОВУ*, своим благочестием и своим трудолюбием. Иди, и не забудь молиться о чадах твоих пред престолом *ВЕЧНОЙ ПРАВДЫ*.

Тело усопшего святителя было погребено в притворе с правой стороны Покровского собора.

Под Покровом БОЖИЕЙ МАТЕРИ начал он свой жизненный путь, под Покровом Ее он и окончил и возлег на вечный покой.

Содержание

Предисловие 3
Детство, отрочество и школьные годы (1884—1903) 4
Жизнь в университете и богоискательство (1903—1910) 12
Жизнь в Николо-Столпенской пустыне (1910—1912) 25
Киргизская Миссия (1912—1916) 31
Петроградская духовная академия (1916—1918) 46
Муромский монастырь (1918—1919) 53
Борьба с обновленческим расколом (1923—1924) 71
Кончина матери 83
Соловки (1924—1928) 84
Жизнь в Даниловом монастыре и борьба с иосифлянским расколом в Ленинграде (23 февраля —5 мая 1928 года) 97
Служение в Серпухове (1928—1930) 119
Приезд Епископа Мануила 120
Борьба с иосифлянским расколом 123
Миротворчество и скорби 125
Ревность к службам Господним 128
Архиерейские службы 128
Епископ Мануил, клир и паства 142
Епископ Мануил в домашней жизни 148
Сила молитвы 151
Благодатный дар предведения 153
Особенные случаи, отмеченные духовными детьми владыки Мануила, и сны 154
Эпитетология епископа Мануила 155
Уход на покой 156
ДЕнь отъезда 4/ii-1930 года 162
Служение в Кадашах (1930—1933) 163
Оппозиция 169
Лишение и утешениЕ 170
Знаменательные сны о митр. Серафиме (Чичагове) и отношение еп. Мануила к последнему и митр. Алексию (Симанскому) 174
Последние дни пребывания епископа Мануила в Кадашах 178
Годы ссылок и скитаний (1933—1944) 180
Жизнь в Тамбове (1944—1945) 186
Служение в Чкаловской епархии (1945—1948) 189
Келейник 191
Томление. Епархиальный дом и секретарь 194
Епархиальная жизнь. Разъезды по епархии 197
Духовенство 203
Богослужение 207

Приемы 209
Хождение по городу 210
Литературная деятельность 211
Личная жизнь 212
Последние дни пребывания на Чкаловской кафедре 215
Крестный путь в Потемских лесах (1949—1955) 218
Архипастырское служение в Чебоксарах (1956–1960) 228
Архипастырское служение в Куйбышеве (1960—1965) 268
Последние годы жизни святителя.
его кончина и погребение (1965—1968) 289

Подписано в печать 08.02.93 г. Формат 60×90$^{1}/_{16}$.
Тираж 20 000. Заказ № 9106.

Joint-stock company «Danza».
ГПП «Типография имени Ивана Федорова».